

РУСИСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ЛИНГВОДИДАКТИКА**

6

РУСИСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ЛИНГВОДИДАКТИКА**

6

**pod redakcją
KAZIMIERZA PRUSA
MARIИ KOSSAKOWSKIEJ-MARAS
ANNY RUDYK**

**WYDAWNICTWO
UNIwersYTETU RZESZOWSKIEGO
RZESZÓW 2021**

Recenzowali

prof. dr hab. EWA KOMOROWSKA

prof. dr hab. HALINA MAZUREK

dr hab. KRYSZYNA JANASZEK, prof. US

dr hab. JANUSZ HENZEL, prof. UP w Krakowie

Opracowanie techniczne

EWA KUC

Łamanie

TOMASZ TWARDOWSKI, EWA KUC

Projekt okładki

WOJCIECH PĄCZEK

© Copyright by

Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego

Rzeszów 2021

ISBN 978-83-7996-933-3

DOI:10.15584/978-83-7996-933-3

1865

WYDAWNICTWO UNIWERSYTETU RZESZOWSKIEGO

35-959 Rzeszów, ul. prof. S. Pigoń 6, tel. 17 872 13 69, tel./fax 17 872 14 26

e-mail: wydaw@univ.rzeszow.pl; <http://wydawnictwo.univ.rzeszow.pl>

wydanie I; format B5; ark. wyd. 18,50; ark. druk. 21; zlec. red. 14/2021

Druk i oprawa: Drukarnia Uniwersytetu Rzeszowskiego

СОДЕРЖАНИЕ

I. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей ВАСИЛЬЕВ , <i>Международный сборник научных трудов по филологии «Русистика и компаративистика»: итоги и перспективы развития</i>	9
Евгения КРАВЧЕНКОВА , <i>Монстрации и флешмобы как способ бытования русской литературы в современном молодежном сознании</i>	17
Кадиша НУРГАЛИ , <i>Значение заглавия как одного из важнейших рамочных компонентов в современном рассказе</i>	29
Казимеж ПРУС , <i>Оппозиция «Север – Юг» в поэзии Федора Глинки</i>	35
Мария СИБИРНАЯ , <i>Гендерные роли персонажей в драматических сказках Анны Богачевой, Ирины Васьевской, Анны Яблонской</i>	44
Екатерина СТРЕЛЬНИКОВА , <i>Обретение мировой целостности в поэме Владимира Маяковского „Война и мир”</i>	60
Софья ЧАЩИНА , <i>Социально-экономические аспекты жизни дворянства второй половины XIX века (сопоставительный анализ художественных текстов: „Вишневый сад” Антона Чехова и „Кукла” Болеслава Пруса)</i>	73

II. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Марина АВДОНИНА, Наталья ЖАБО , <i>Калька как продукт билингвизма и ее переосмысление</i>	89
Ольга АНЦИФЕРОВА , <i>Фитонимы в травнике В.М. Флоринского: лингвокультурологический аспект</i>	100
Людмила КАСЬЯНОВА , <i>Хрономаркированная лексика в русском языке начала XXI века</i>	109
Татьяна КРАСНОВА , <i>Семантические процессы в языке русского политического дискурса (соотношение лингвистического и ментального)</i>	116
Ольга ЛЕКАРЕВА , <i>Языковая игра с опорой на фантастическое допущение в тексте фэнтези (на примере произведений Ольги Громыко)</i>	132
Елена МИХАЙЛЕНКО-ЗОТО , <i>Рече-поведенческие тактики непреднамеренной и преднамеренной паронимии в русском лингвокультурном пространстве</i>	140
Илона МЫТЫК , <i>Юмор в польских переводах фильмов Владимира Меньшова</i>	151
Ольга ОЛЕХНОВИЧ , <i>Композиционно-содержательная структура и речевая организация документа «докторская сказка» (на примере документов аптекарского приказа XVII в.)</i>	161

Татьяна СИРОТКИНА , <i>Этнонимика как актуальное направление современной русистики</i>	172
Евгений СТЕПАНОВ , <i>Факторы формирования и функционирования системы городской топонимии (на примере города Одессы)</i>	181
Светлана СТЕПАНОВА , <i>Социально-статусные описания персонажей в художественном произведении</i>	194
Зоя ЧАПИГА , <i>Адвербиальные показатели интенсивности эмоций в русском и польском языках</i>	205
Елена ЧАЩИНА , <i>Из истории наименований мест торговли в древнерусском языке</i>	216
Шаосюн ЧЕНЬ , <i>Природа и человек в творческой лаборатории писателя</i>	225

III. ЛИНГВОДИДАКТИКА

Эмма АРХАНГЕЛЬСКАЯ, Розанна КУРПНИЕЦЕ , <i>О бедном школьнике кто замолвит слово?</i>	237
Мария ВИТОРОВИЧ , <i>Причастия и деепричастия в аспекте преподавания РКИ</i>	247
Юлия ГОВОРУХИНА, Фаниля МОНГИНА , <i>Формирование коммуникативных компетенций в практике преподавания РКИ: планирование и реальность</i>	253
Эва ДЗВЕЖИНЬСКА , <i>Трудности обучения диалогической речи и возможности их преодоления</i>	268
Сандугаш КАЛДЫКОЗОВА , <i>Формирование грамотного письма на уроках русского языка в казахской школе</i>	279
Мария КОССАКОВСКА-МАРАС , <i>Использование платформы „Cloudschool” на занятиях по РКИ для организации учебного процесса во время дистанционного обучения</i>	283
Евгения МОЙСА, Светлана МОЙСА , <i>Новая речеведческая дисциплина для обучения иностранных аспирантов-филологов русскому языку</i>	296
Галина ОРЛОВА , <i>Особенности формирования межкультурной коммуникации у китайских студентов-художников</i>	304
Галина ПРИСОВСКАЯ, Елена ИВАНОВА , <i>Использование google-сервисов при обучении учащихся начального этапа русскому языку как иностранному</i>	311
Ольга ХРАСТИНОВА , <i>Лексическая интерференция в процессе обучения русскому языку (на примере словацкого языка)</i>	319
Ирина ШЕРСТОБИТОВА , <i>Концепт как императив (философия) формирования глобальных компетенций</i>	328

I

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Московский городской педагогический университет, Россия
e-mail: okdomovenok@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6985-5002

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПО ФИЛОЛОГИИ «РУСИСТИКА И КОМПАРАТИВИСТИКА»: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: русистика, сравнительное литературоведение, лингвистическая компаративистика

Выбранное для международного сборника научных статей по филологии научное направление – «Русистика и компаративистика» – одновременно и традиционное, и новаторское. Русистика, как известно, «совокупность наук о русской культуре, языке, литературе и фольклоре»¹. Согласно *Лингвистическому энциклопедическому словарю*, «в узком смысле слова русистика – наука о русском языке в его истории и современном состоянии»².

Этот термин более актуален для зарубежных ученых, специализирующихся на изучении филологических аспектов культуры России. Не случайно специалисты в этой области именуются русистами (более широко – слависты). Русистика за рубежом имеет свою богатую историю и направления развития в зависимости от научной традиции, культуры, потребностей страны. Так, «в Польше преобладает интерес к русской разговорной речи, к русско-польским языковым связям, взаимовлиянию культур, к истории русской литературы и театра, лексикографическим проблемам. Первая кафедра русистики была организована во Вроцлаве в 1947 Лешком Оссовским, затем появились кафедры русистики в Кракове, Варшаве, Лодзи»³.

¹ С.И. Ожегов, *Словарь русского языка*, Москва 1990, с. 687.

² Ф.П. Филин, *Русистика*, [в:] *Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В.Н. Ярцева, Москва 1990, с. 425.

³ В.В. Колесов, *Русистика за рубежом*, [в:] *Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В.Н. Ярцева, Москва 1990, с. 428.

В самой России в применении к отечественным специалистам по русскому языку и литературе по понятным причинам этот термин используется относительно редко. Преобладают акценты на специализации: фольклористика, литературоведение, языкознание, педагогическое образование с профилем «Русский язык и литература» и т.д. Московский городской педагогический университет, как и некоторые другие вузы, обучают студентов по программе «Отечественная филология», что в целом близко понятию русистика, и, в частности, предполагает повышенный уровень теоретической подготовки студентов.

Понятие русистика может являться и является объединяющим для зарубежных ученых, как это происходит в Жешувском университете с имеющей уже большую историю соответствующей конференцией. Для издания в России эта тематика будет слишком широкой, так как потенциально включает все направления по изучению русского языка, фольклора и литературы. Российский университет дружбы народов издает журнал с таким названием – «Русистика», закономерно специализирующийся прежде всего не на теоретических проблемах, а на вопросах преподавания русского языка как родного, неродного, в иноязычной среде.

В этой связи акцент на компаративистике приобретает особый смысл. *Словарь иностранных слов* содержит следующий актуальный в данном контексте термин:

Компаративизм [*< лат. comparativus сравнительный*] – сравнительно-исторический метод в литературоведении (установление сходства, путей миграции и исторического развития образов, сюжетов в произведениях литературы и фольклора разных народов), в языкознании (установление соответствий между родственными языками с целью восстановления более древнего их состояния) и других науках⁴.

В современном контексте под компаративистикой обычно понимают соответствующий раздел языкознания, сравнительно-историческое языкознание – «область языкознания, объектом которой являются родственные, т.е. генетически связанные, языки»⁵, хотя такое сужение термина и не правомерно. Компаративистика – это еще и раздел литературоведения, в теоретическом и практическом планах активно разрабатывавшийся в России и в СССР в XIX–XX вв. (труды Александра Веселовского, Павла Сакулина, Виктора Жирмунского, Николая Конрада, Михаила Алексева и др.).

В 2020 г. вышло 2-е издание содержащего очень важный теоретический материал учебника для студентов вузов Юрия Минералова *Сравнительное литературоведение*. Его автор писал:

⁴ *Словарь иностранных слов*, Москва 1989, с. 247.

⁵ В.Н. Топоров, *Сравнительно-историческое языкознание*, [в:] *Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В.Н. Ярцева, Москва 1990, с. 486.

Раздел литературоведения, описываемый в учебнике, называют “сравнительным литературоведением”, “исторической поэтикой” и “компаративистикой”. Литературоведческая компаративистика – одно из ведущих направлений в современной филологии. В учебнике рассматриваются контактные связи и типологические схождения в литературе, понятия литературного мотива, внутренней формы, стиля, проблемы поэтики сюжетов, композиции, художественного синтеза и т.п.⁶.

Ю. Минералов выступил против неоправданного сужения значения термина «сравнительное литературоведение» как только исследований, сопоставляющих различные литературы:

В 1990-е годы в российской науке резко возрос интерес к сравнительному литературоведению. Данный факт преломился в практике вузовского преподавания: для студентов была даже введена соответствующая специализация. Однако при этом в некоторых случаях “сравнительное литературоведение” и его объект были истолкованы узко – как сравнительное изучение *литератур*.

Сравнение различных национальных литератур было тем самым резко отделено от всех иных основных ситуаций, когда было необходимо литературоведческое сравнение – прежде всего, от сравнения произведений одного писателя с произведениями другого писателя в рамках *одной* национальной литературы. Так в некоторых вузах и стали поступать на практике (ограничивая предмет темами наподобие “античность и современные европейские литературы”, “русская литература и литературы Запада”, “художественный перевод с языка на язык” и т.п.).

Но были даже сделаны попытки “теоретически обосновывать” проведение такой механической границы⁸ (курсив авт. – *С.В.*).

Обрисованный круг научных проблем разрабатывается в статьях международного ежегодного сборника научных трудов по филологии «Русистика и компаративистика», который издается с 2006 г. По 2018 г. он выходил как совместный проект двух университетов – Московского городского педагогического университета (Москва, Россия) и Литовского эдукологического университета (Вильнюс, Литва). Был накоплен большой опыт сотрудничества ученых-филологов – лингвистов и литературоведов – из России, Литвы, Бело-

⁶ Ю.И. Минералов, *Сравнительное литературоведение (компаративистика)*, Москва 2020, с. 2.

⁷ Все это важные темы, но абсолютизировать и просто преувеличивать в компаративистике внимание к межнациональным литературным связям вряд ли верно. Темы “Пушкин и Баратынский”, “Пушкин и Лермонтов”, “Проза Пушкина и проза Тургенева” и т.п. не менее важны для российского литературоведения, чем темы наподобие “Пушкин и Байрон”. Принципиальной разницы между ними и темами, посвященными “иноязычным” связям пушкинского творчества, в методологическом плане не усматривается; границы тут можно рисовать лишь сугубо искусственные. Более того, сравнительное изучение “внутрироссийских” литературных фактов в настоящее время в ряде отношений представляется особо актуальным (прим. авт. – *С.В.*).

⁸ Ю.И. Минералов, *Сравнительное литературоведение (компаративистика)*, Москва 2020, с. 7.

руссии, Болгарии, Латвии, Польши, Венгрии, Австрии, Германии, Японии. У истоков «Русистики и компаративистики» стояли организаторы и ответственные редакторы издания – Мария Ло скутникова (главный редактор в 2006–2017 гг., Москва) и Дан ута Сабромене (Вильнюс). Сборник попеременно издавался то в Москве, то в Вильнюсе. Подготовлено к печати и опубликовано порядка 200 статей по широкой научной филологической проблематике – различным аспектам русистики, сравнительному литературоведению, лингвистической компаративистике.

Новый импульс к своему развитию «Русистикой и компаративистикой» получен в 2018 г., когда в связи с постановкой новых задач по модернизации проекта и его более интенсивному вхождению в мировое научное пространство была реорганизована редакционная коллегия, главным редактором которой стал Сергей Васильев. В ее состав вошли известные ученые: Татьяна Автухович (Гродно), Валерий Демьянков (Москва), Владимир Карасик (Москва), Владимир Коровин (Москва), Валерий Тюпа (Москва), Мицунори Сагаэ (Токио) и другие.

Сборник получил Международный стандартный номер сериального издания – ISSN (International Standart Serial Number), был запущен специальный сайт, на котором представлены метаданные публикаций прошлых лет и полнотекстовые версии сборников (URL: <https://rik.mgpru.ru/>), другая необходимая информация. Ряд статей, отражающих историю издания и научное творчество его постоянных авторов, переведен на английский язык; эти тексты и метаданные статей размещены на сайте, имеющем англоязычную версию (<https://rik.mgpru.ru/en/>).

Сохраняются и расширяются международные связи издания. Официальными международными партнерами Московского городского педагогического университета по «Русистике и компаративистике» стали Вроцлавский университет (Польша) и Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь).

Решение многих организационных вопросов было бы невозможно без координирующих усилий члена редакционного совета «Русистики и компаративистики», директора Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета Виктора Кириллова (Москва). Основную нагрузку по подбору, организации рецензирования, редактирования, подготовки к печати статей несут заместители главного редактора: Елена Колышева (Москва, МГПУ), Мария Захарова (Москва, МГПУ), Ольга Сулейманова (Москва, МГПУ), Светлана Власова (Университет Vytautas Magnus, Вильнюс, Литва).

При сохранении наработанных более чем за десятилетие традиций в изданиях недавнего времени есть новые черты. Так, для удобства обо-

зрения всего материала и улучшения ориентации в нем как специалистов, так и начинающих исследователей было принято решение о большей дробности и конкретности рубрикации. Два основополагающих раздела – «Литературоведение» и «Языкознание» – представлены с учетом существующих внутри этих составляющих филологического знания исследовательских направлений. «Литературоведение» (и как наука, и как рубрика) не может обойтись без «Теории литературы»; несомненно, важна роль «Традиций литературной классики»; одним из ведущих в современной науке является направление, представленное в рубрике «Взаимодействие искусств в литературе»; популярным у зарубежных и отечественных коллег является «Мотивный и психологический анализ произведения».

Раздел «Языкознание» представлен ключевыми для тематики издания рубриками «Лингвистическая компаративистика» и «Переводоведение»; по понятным причинам базовой является рубрика «История языка»; целые отрасли современного лингвистического знания обусловили направления, представленные в рубриках «Когнитивная лингвистика» и «Лингвистические аспекты теории коммуникации»; важный и информативный материал содержит «Научная хроника».

Материалы издания проходят строгий отбор – двойное слепое рецензирование. Работа с ними на всех этапах регулируется Положением об этике. Решение о публикации принимается редакционной коллегией. Сроки рассмотрения статьи – до 4 месяцев. Материалы можно присылать по электронной почте: rik@mgpu.ru.

В декабре 2020 г. вышел в свет очередной, XIV, выпуск «Русистики и компаративистики». Он подготовлен совместно с нашими партнерами из Белоруссии, Литвы, Польши, Венгрии и выпущен в Москве. Его авторами стали ученые из Москвы, Гродно, Дебрецена, Вильнюса. В книге нашли отражение как исследовательские направления, актуальные в течение многих десятилетий, а то и более, например, «Миф и литература», «Традиции литературной классики», «Национальное языковое сознание», «Лингвистическая компаративистика», «Лингвистический анализ художественного текста», так и относительно (по научным меркам) недавние, как «Психолингвистика», «Когнитивные исследования», «Дискурсивные исследования».

Авторы издания откликнулись на недавние крупные литературные юбилеи: 200-летие Ивана Тургенева (2018, статья С. Васильева) и 220-летие Александра Пушкина (2019, статьи Сергея Калашникова, Анны Молнар). Остросовременному материалу посвящены работы Журата Ганиева, проанализировавшего приемы риторического мастерства Святейшего Патриарха Кирилла, и Зои Прошиной, поразмышлявшей о таком неоднозначном явлении современной культуры, как политкорректность, в приме-

нении к научному дискурсу. Важнейшим вопросам национального характера языкового мышления посвящены статьи Ланы Зурабовой и Елены Борисовой, Юлии Сдобновой и Александры Манухиной. О литовской национальной специфике мифа и его литературной трансформации своими наблюдениями поделилась Лорета Мачянскайте.

Материалы полезного для филологов различных специализаций *Словаря языка русской поэзии XX века* убедительно включила в контекст своего исследования Анна Гик. Индивидуально-авторский аспект творчества писателя, один из ключевых для научной интерпретации произведения, раскрыла в своей публикации Татьяна Сивова. Коммуникативный аспект языка стал предметом исследования Игоря Шаронова. Психолингвистический ракурс на примере анализа иронического контекста высветила М. Захарова. Результаты своих исследований в области когнитивной лингвистики предложили Евгений Чаплин и О. Сулейманова, Ирина Тивьяева.

В профессиональном сообществе «Русистика и компаративистика» вызывает стабильный интерес и положительные отклики. Среди рецензентов издания – Григорий Крейдлин, Юрий Дворяшин, другие известные ученые.

По итогам выхода ежегодных сборников опубликовано 5 благожелательных рецензий. Так, член-корреспондент АН СССР и РАН Петр Николаев подчеркнул особую актуальность издания в современных социокультурных условиях, когда не только были сняты прежние идеологические барьеры, что нередко (хотя и не всегда объективно) ассоциируется со свободой, и свободой научного мышления в частности, но и резко усилились процессы дезинтеграции, энтропии, распада. В этих условиях (добавим также искусственное создание новых идеологических барьеров, насаждение разрушительных стереотипов, включая сферы культуры и науки) систематическая международная работа по объединению на продуктивной, созидательной основе научной гуманитарной мысли становится особенно значимой:

В последние десятилетия XX и в начале XXI в. произошло много изменений в российском обществе, в мироощущении людей, а также в литературе и науке о литературе. В числе этих изменений – отказ от монологизма, стремление к диалогизму как форме мышления, что сопровождается тенденцией к децентрализации, разобщенности, дезинтеграции, распаду не только геополитического, но и духовного пространства. В этих условиях появление книги, которая создана усилиями двух коллективов – литературоведческой и лингвистической кафедр Московского педагогического университета и факультета славистики Вильнюсского педагогического университета, – чрезвычайно актуально и значимо⁹.

⁹ П.А. Николаев, *Русистика и компаративистика*, М.: МГПУ 2006 [Рецензия], «Вестник Московского университета», Серия 9: Филология, 2007, № 4, с. 166.

Сходную мысль выразила в своей рецензии Анна Гродецкая:

”Русистика и компаративистика” служит целям профессионального диалога ученых, абсолютно необходимого на фоне общих процессов культурной дезинтеграции, которые становятся объектом не просто научного анализа, но и профессиональной обеспокоенности¹⁰.

Фундаментальный, интегративный и созидающий общее культурное пространство характер работ по сравнительному литературоведению «Русистики и компаративистики» в своей рецензии отметила Ирина Киселева:

Представленные в сборнике компаративистские исследования по проблемам русистики, англистики, русско-западноевропейских связей носят по преимуществу фундаментальный характер и способствуют установлению продуктивного и творческого взаимодействия между Россией и государствами Западной Европы¹¹.

Книги серии успешно применяются в образовательном процессе, при обучении студентов, магистрантов, аспирантов. Расширяются международные контакты «Русистики и компаративистики». Поданы заявки на включение издания в Scopus и WoS.

ЛИТЕРАТУРА

- Гродецкая А.Г., [Рецензия], «Научные доклады высшей школы: Филологические науки», 2016, № 1.
- Киселева И.А., Рецензия на сборник научных статей «Русистика и компаративистика» (Вып. 5), «Вестник Московского государственного областного университета». Серия: Русская филология, 2012, № 1.
- Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В.Н. Ярцева, Москва 1990.
- Минералов Ю.И., *Сравнительное литературоведение (компаративистика)*, Москва 2020.
- Михайлова М.В., Толкачева Е.В., [Рецензия], «Вестник Московского университета», Серия 9: Филология, 2013, № 1.
- Николаев П.А., *Русистика и компаративистика. М.: МГПУ, 2006* [Рецензия], «Вестник Московского университета», Серия 9: Филология, 2007, № 4.
- Ожегов С.И., *Словарь русского языка*, Москва 1990.
- «Русистика и компаративистика», вып. 1–14, Москва 2006–2020.
- Словарь иностранных слов*, Москва 1989.
- Трофимова Т.Б., Рецензия на сборник статей «Русистика и компаративистика», «Вестник Московского городского педагогического университета». Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование, 2018, № 1.

¹⁰ А.Г. Гродецкая, [Рецензия], «Научные доклады высшей школы: Филологические науки», 2016, № 1, с. 87.

¹¹ И.А. Киселева, Рецензия на сборник научных статей «Русистика и компаративистика» (Вып. 5), «Вестник Московского государственного областного университета». Серия: Русская филология, 2012, № 1, с. 113.

**INTERNATIONAL COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS IN PHILOLOGY
«RUSSIAN PHILOLOGY AND COMPARATIVE STUDIES»:
RESULTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS**

Summary

International annual collection of scientific works on Philology «Russian Philology and Comparative Studies» has been published since 2006. Until 2018 it was published as a joint project of two universities – the Moscow City University (Moscow, Russia) and the Lithuanian University of education (Vilnius, Lithuania). A lot of experience was accumulated in cooperation between philologists, linguists and literary critics from Russia, Lithuania, Belarus, Bulgaria, Latvia, Poland, Hungary, Austria, Germany, and Japan. The collection was published alternately in Moscow and Vilnius. About 200 articles have been prepared for publication and published on a wide range of scientific philological issues – various aspects of Russian studies, comparative literature, and linguistic comparative studies. A new impetus to the development of «Russian Philology and Comparative Studies» was received in 2018.

Keywords: Russian studies, comparative literature studies, linguistic comparative studies

Евгения КРАВЧЕНКОВА

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Россия
eakr@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7589-6524

МОНСТРАЦИИ И ФЛЕШМОБЫ КАК СПОСОБ БЫТОВАНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ МОЛОДЕЖНОМ СОЗНАНИИ

Ключевые слова: активистское искусство, флешмоб, монстрация, Бабель, Достоевский

Флешмоб

В 2016 году в Москве в рамках Московской международной книжной выставки-ярмарки состоялся круглый стол *Искусство литературной дипломатии. Российская литература на пути к зарубежному читателю*. Известные переводчики, литературные деятели, издатели, писатели, чиновники, бизнесмены, среди которых были Ю. Боос, О. Новиков, Е. Водолазкин, А. Варламов, Е. Шубина, подробно обсудили проблему продвижения русской литературы за рубежом и трудности, с которыми сталкиваются общественные, предпринимательские или государственные инициативы на этом пути. Владимир Григорьев, заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, без обиняков определил основную трудность «литературной дипломатии»:

С одной стороны, тема русского перевода и технологий продвижения российских книг за рубежом находится в сфере внимания и интересов участников. С другой стороны, в большинстве своем российский книжный рынок не обладает необходимыми компетенциями для освоения зарубежного книжного рынка. Мы научились приобретать права на перевод, но совсем не умеем продвигать свои книги за рубеж¹.

Правильная констатация проблемы, как известно, уже первый шаг к ее решению. Общественные инициативы, связанные с чтением русской лите-

¹ *Круглый стол по проблемам экспорта российской литературы расставил точки над «i»*, [online] <https://eksmo.ru/news/3153658/> [30.10.2020].

ратуры, время от времени реализуются в разных странах, вызывают интерес публики и СМИ, но в подавляющем большинстве случаев не имеют никакого влияния на тиражи русской классики или книг современных авторов. Поиск новых форм взаимодействия с читателем необходим в быстро меняющемся мире и позволяет не потерять связи между произведением бумажным, написанным десятилетия или столетия назад, и восприятием современного человека, в котором все большую роль играют визуализация и действие (движение). Именно эти виды восприятия задействованы в таком способе чтения как литературный флешмоб.

Флешмоб – заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей появляется в общественном месте, выполняет заранее оговорённые действия (сценарий) и затем расходится.

Одним из примеров удачного флешмоба можно считать акцию (хеппинг), которая была организована 12 июля 2017 года в Одессе (Украина) и называлась *Одесса читает. Одессу читают*. Сотни людей встали в линию от Литературного музея до памятника Исааку Бабелю и одновременно вслух читали отрывки из произведений своих любимых одесских писателей. Широко известны имена русских авторов, которые с теплотой и благодарностью вспоминали город «у самого синего моря»: Александр Пушкин, Николай Гоголь, Александр Куприн, Константин Паустовский, Михаил Жванецкий. Памятники писателям-землякам украшают Сад скульптур Литературного музея.

Свыше 500 участников флешмоба выбрали книги разных писателей и на разных языках, а в объектив фотографа попали еще советское издание *Евгения Онегина* (рис. 1) и томик Анны Ахматовой (рис. 2)².

Рис. 1

² C. Eden, *The cult of Babel: Odessa's literary flashmobs attract book-loving tourists*, [online] <https://www.theguardian.com/cities/2017/aug/01/odessa-book-lovers-babel-tourists-literary>, [30.10.2020].

Рис. 2

Рис. 3

«Цепь читателей» приводит зрителей флешмоба к необычному памятнику Бабелю, в котором скульптор Григорий Франгулян изобразил сидящего на лесенке писателя с тетрадь в руках (рис. 3)³, а недалеко от него по брусчатке мостовой катится колесо (рис. 4)⁴. Интерпретация художественного элемента памятника разнится: кто-то справедливо опознает в нем колесо тачанки – вспомним бабелевскую *Конармию*; другие видят «колесо истории», которое переехало судьбы многих писателей в эпохи разлома в 1917 (революция) и 1937 (репрессии) годах, в том числе и Бабеля (расстрелян в 1940 году в Бутырской тюрьме). Третьи называют этот элемент «колесом судьбы», и такая трактовка близка любому человеку, встречающемуся с трудностями и сложностями жизни.

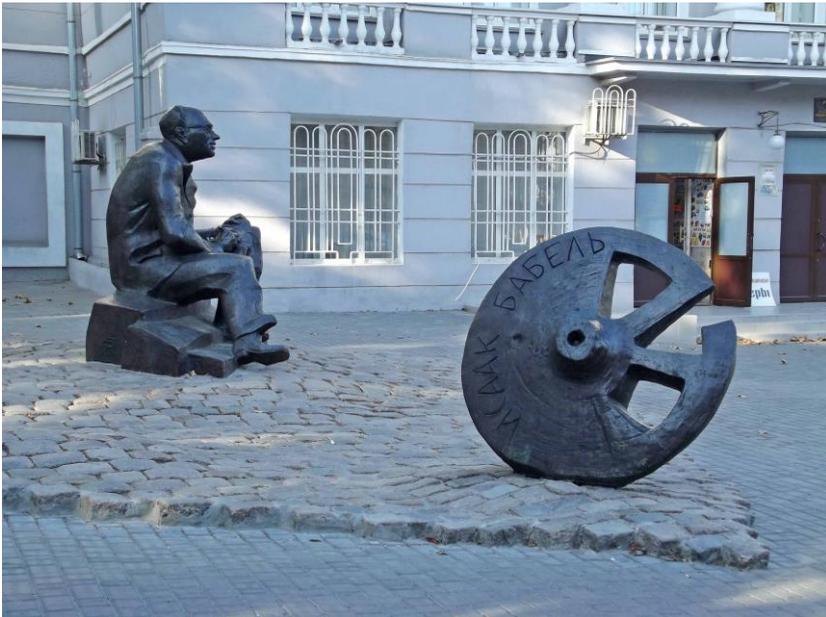

Рис. 4

Участники флешмоба читали на украинском, русском, молдавском, армянском, японском, английском, немецком, китайском, французском, грузинском, эстонском, латышском, литовском и греческом языках. Многоязыкая портовая Одесса дала приют всем литературным народам. Тот факт, что флешмоб был проведен в Одессе уже после политических тре-

³ *Что написал Бабель*, [online] <https://optistore.ru/chto-napisal-babel-isaak-babel-biografiya-semya-tvorcheskaya-deyatelnost/> [30.10.2020].

⁴ *Исаак Бабель*, [online] <https://olenenyok.livejournal.com/6189014.html> [30.10.2020].

ний, связанных с принадлежностью Крыма, еще раз наглядно и однозначно демонстрирует глубокую связь русской и мировой литературы с украинским городом.

Монстрация

Жанр монстрации изобрел новосибирский художник и деятель активистского искусства Артем Лоскутов (род. 1986) и впервые провел ее в Первой 2004 года в родном городе. Монстрация состоит в массовом шествии участников, которые несут абсурдные лозунги. Монстрации в Новосибирске, Омске, Тюмени и других городах большей частью наполнены несуразными, как будто бессмысленными плакатами и лозунгами. Например, «Совет свой себе посоветуй»⁵, «Мы уже среди вас», «Жизнь – абсурд»⁶. Монстрация подчеркивает свою аполитичность и безобидность, используя разговорные фразы и общепотребительные штампы. И одновременно в огромном массиве привычных, и поэтому затёртых до бессмыслицы фраз проявляется боль людей от нерешенных общественных проблем. Как в поэзии конкретистов из группы «Лианозово» - например, в стихотворениях Игоря Холина – намеренная избыточность бытовых деталей и неприглядных мелочей жизни в советских рабочих бараках 1950 – 1970-х годов настраивает читателя на обобщения, нелестные для советской действительности:

Заборы. Помойки. Афиши. Рекламы.
Сараи — могилы различного хлама.
Синеет небес голубых глубина.
Квартиры. В квартирах уют, тишина.
Зеркальные шкапы. Комоды. Диваны.
В обоях клопы. На столах тараканы.
Висят абажуры. Тускнеют плафоны.
Лежат на постелях ленивые жены.
Мужчины на службе. На кухнях старухи.
И вертятся всюду назойливо мухи⁷.

В 2018 году Артем Лоскутов предложил для шествия в Новосибирске главный лозунг монстрации – «Севернее Кореи»⁸. Нельзя не отметить находчивость художника-акциониста: Россия, и Новосибирск в частности, действительно находятся севернее Корейского полуострова, и одновременно намёк на

⁵ *Совет свой себе посоветуй*, [online] https://twitter.com/Rita_Chalova/status/1256060213116968960/photo/4, [30.10.2020].

⁶ *Монстрация - 2018*, [online] <https://varlamov.ru/2903699.html>, [30.10.2020].

⁷ И. Холин, *Жители барака*, Москва 1989, с. 19.

⁸ *Монстрация - 2018*, [online] <https://varlamov.ru/2903699.html>, [30.10.2020].

политическую систему в РФ, которая по типу отношений государство – общество ближе к КНДР, чем к Республике Корея, тоже легко прочитывается.

Факты литературной жизни, аллюзии к произведениям, цитаты включаются в лозунги монстрации часто и отражают бытование книжной культуры в современном сознании. Особо обращает на себя внимание то, что жанр антиутопии и художественные тексты, написанные в его рамках, актуализируются на каждой из монстраций. Имя Джорджа Оруэлла и его роман *1984* мелькают на плакатах, отражая ощущение несвободы и катастрофичности жизни в современном мире. Вот участник несет плакат с афоризмом и романа-антиутопии, где «брат» по фонетическому созвучию заменен на «бред»: «Большой бред следит за тобой»⁹. Другой монстрант утверждает: «Оруэлл бы нами гордился»¹⁰. Оптимистично звучит лозунг «Мы выживем в этой антиутопии» в монстрации–2020, которая проходила онлайн из-за повсеместного карантина по коронавирусу¹¹.

Одновременно с этим, литературный кругозор участников позволяет использовать цитаты из художественных произведений, далекие от политики. Лозунг «Захаар» подчеркивает такое качество характера участника, как лень¹². Желание обзавестись своим слугой Захаром, который верно служил Обломову в романе Ивана Гончарова, и плаксиво-протяжно звать его по малейшему поводу возникает из-за нежелания что-либо делать. Самоирония присуща всем участникам монстраций вне зависимости от характера, возраста или политической позиции.

Пушкин как важная мифологема русского национального самосознания присутствует в лозунге «О, сколько нам закрытий чудных готовит...»¹³. В 2018 году был силен протест против блокировки интернет-ресурсов и мессенджеров в России, и участник играет с заглавной цитатой из хрестоматийного стихотворения, заменив «открытий» на антоним. В другом случае монстрант вместе с плакатом «Александр Сергеевич с нами!» (пародия на советский лозунг «Ленин с нами») несет небольшой бюст Пушкина¹⁴.

⁹ *Митингую, не выходя из дома*, <https://hit.media/2020/05/04/mitinguyu-ne-vyhodya-iz-doma/> [30.10.2020].

¹⁰ «Хочу в отпуск» и «Нам хана». *Разглядываем самые смешные и актуальные лозунги «Монстрации» за всю историю*, [online] <https://ngs.ru/text/gorod/2020/05/01/69234970/> [30.10.2020].

¹¹ *Мы выживем в этой антиутопии*, [online] <https://rusevik.ru/data/news/5eac1cb26be54.jpg>, [30.10.2020].

¹² *Монстрация - 2018*, [online] <https://varlamov.ru/2903699.html>, [30.10.2020].

¹³ *Нам хана: 16 лучших фотографий «Монстрации-2019»*, [online] <https://ngs.ru/text/entertainment/2019/05/01/66075346/> [30.10.2020].

¹⁴ А.М. Надежкин, *Средства языковой выразительности в лозунгах фестиваля «Монстрация»*, «Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского». Серия Филология. Искусствознание, 2014/2(3), с. 271.

Поэзия не остается в стороне от монстрации. Песенная рок-поэзия Виктора Цоя в лозунге 2020 года, размещенном на витрине закрытого из-за коронакризиса кафе, теперь звучит как «дотребовались ваши сердца»¹⁵. Строка взята из песни *Мы ждем перемен*: «Перемен требуют наши сердца...». Или в 2017 году иронично в отношении зависимости России от доходов звучит сытрока малоизвестного широкой публике поэта Ильи Эренбурга: «В кафе пустынным плакал газ...»¹⁶. «Достать чернил и плакат», - так звучит призыв к участникам московской монстрации 2019 года, отсылая зрителей к стихотворению Бориса Пастернака *Февраль. Достать чернил и плакать*...¹⁷. Квинтэссенцией любви к русской литературе среди участников монстраций стал плакат «Русская литература лучше, чем sex. Russian literature is better than секс»¹⁸.

Писатели зарубежной литературы, которые обзорно изучаются в российских школах также оказываются героями литературных лозунгов: «Одна комедия божественнее другой», - утверждают девушки на монстрации 2018 года, держа черно-белый плакат с лозунгом и хрестоматийным профилем Данте в лавровом венке работы Сандро Боттичелли¹⁹. Или Шекспир с цитатой «Ад пуст. Все бесы здесь» из *Бури* вдруг мелькнет в руках участницы²⁰.

Формат монстрации иногда позволяет писателям создавать оригинальные произведения, а не только использовать цитаты и аллюзии. Например, в 2020 году Алексей Понедельченко из Новосибирска выставил в онлайн монстрации художественный текст, который он создал в жанре инфографики (рис. 5)²¹.

Здесь на экране компьютера разными цветами выделены ключевые слова интернет-текстов, в которые был погружен каждый человек во время карантина. Проблемы наваливаются на обывателя как снежный ком. Политика, экономика, отношения с близкими – все разваливается, превращается в хаос, и человек больше не в силах сопротивляться потоку безнадежных, не имеющих решения проблем.

¹⁵ *Онлайн с Монстрации-2020: «У России два врага — печенеги и половцы»*, [online] <https://tayga.info/154567>, [30.10.2020].

¹⁶ *Монстрация – лучшая уличная акция в России! Слава Сибири!*, [online] <https://varlamov.ru/2354877.html>, [30.10.2020].

¹⁷ *Монстрация в 1 мая 2019 в Москве. Лозунги*, <https://chechundra.ru/tag/yitdiybr/page/3/> [30.10.2020].

¹⁸ *Монстрация - 2018*, [online] <https://varlamov.ru/2903699.html>, [30.10.2020].

¹⁹ *Одна комедия божественнее другой*, [online] <http://www.amur.kp.ru/share/i/4/1689363/wx1080.jpg>, [30.10.2020].

²⁰ *"Севернее Кореи": в российских городах прошла "Монстрация"*, [online] <https://www.bbc.com/russian/features-43961958> [30.10.2020].

²¹ А. Понедельченко, *Я слишком устал для этого кина*, [online] <https://twitter.com/Neforमतws/status/1255945734995787779>, [30.10.2020].

Рис. 5

Рис. 6

Особо стоит остановиться на еще одной монстрации, которая уже напрямую связана с художественным творчеством. «Литературная монстрация» проводится с 2010 года в Санкт-Петербурге в рамках празднования Дня Достоевского в первую субботу июля. Организаторы праздника в Петербурге заимствовали идею монстрации и наполнили ее «достоевщиной». Участники флешмоба несут транспаранты с цитатами писателя (рис. 6)²² или признаются в любви и уважении к классику (рис. 7)²³.

Рис. 7

Актеры театральной постановки по мотивам произведений Достоевского, сыгранного только что на площади, из года в год несут один и тот же лозунг, который «читается» с нескольких ракурсов (рис. 8)²⁴. С одной стороны, зритель флешмоба должен знать сюжет *Братьев Карамазовых*, в финале которого изображен арест Дмитрия, с другой – абсурдность лозунга состоит в том, что литературный герой изначально несвободен, так как его поступки, мысли, душа зависят от воли автора произведения, от желания писателя изобразить именно такого героя для решения художественной задачи. С третьей – сегодня в России этот лозунг имеет и поли-

²² К. Калинина, *Писатели-великаны и литературная монстрация: чем запомнится День Достоевского*, <https://life.ru/p/427417> [30.10.2020].

²³ М. Калмыкова, *Достоевский-style*, <https://ok-inform.ru/obshchestvo/obrazovanie/3490-dostoevskij-style.html>, [30.10.2020].

²⁴ М. Калмыкова *Достоевский-style*, <https://ok-inform.ru/obshchestvo/obrazovanie/3490-dostoevskij-style.html>, [30.10.2020].

тический подтекст, а значит, может прочитываться неискушенным в произведениях Достоевского зрителем как призыв освободить несправедливо задержанных.

Рис. 8

Особо отметим, что флешмобы всегда привлекают внимание СМИ. Газета «Гардиан» посвятила статью *Одесса читает. Одессу читают*²⁵. Интернет-журнал «Life.ru» размещает материал о «Литературной монстрации»²⁶. В обоих источниках журналисты особо отмечают туристическую привлекательность такого рода интерактивных событий, в первую очередь для иностранных туристов.

Литературные флешмобы и монстрации ориентированы на то, чтобы привлечь внимание к чтению, к судьбам писателей, оживить память об их произведениях. Потенциал туристического бизнеса в Одессе или Петербурге велик, и уличные мероприятия, связанные с литературой, могут усилить позиционирование русской литературы в мире, помочь русской классике и современным авторам найти или расширить читательскую аудито-

²⁵ C. Eden, *The cult of Babel: Odessa's literary flashmobs attract book-loving tourists*, [online] <https://www.theguardian.com/cities/2017/aug/01/odessa-book-lovers-babel-tourists-literary>, [30.10.2020].

²⁶ К. Калинина, *Писатели-великаны и литературная монстрация: чем запомнится День Достоевского*, <https://life.ru/p/427417> [30.10.2020].

рию. Нетривиальный способ продвижения чтения через флешмоб или монстрацию, который тесно связан с культурой площади, балагана, карнавала, дает еще одну возможность достучаться до переменчивого сердца современного читателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Исаак Бабель, [online] <https://olenenyok.livejournal.com/6189014.html> [30.10.2020].
- Калинина К., *Писатели-великаны и литературная монстрация: чем запомнится День Достоевского*, <https://life.ru/p/427417> [30.10.2020].
- Калмыкова М. *Достоевский-style*, <https://ok-inform.ru/obshchestvo/obrazovanie/3490-dostoevskij-style.html>, [30.10.2020].
- Круглый стол по проблемам экспорта российской литературы расставил точки над «i»*, [online] <https://eksmo.ru/news/3153658/> [30.10.2020].
- Митингуя, не выходя из дома*, <https://hit.media/2020/05/04/mitinguyu-ne-vyhodya-iz-doma/> [30.10.2020].
- Монстрация - 2018*, [online] <https://varlamov.ru/2903699.html>, [30.10.2020].
- Монстрация – лучшая уличная акция в России! Слава Сибири!*, [online] <https://varlamov.ru/2354877.html>, [30.10.2020].
- Монстрация в 1 мая 2019 в Москве. Лозунги*, <https://chechundra.ru/tag/lyitdyibr/page/3/> [30.10.2020].
- Мы выживем в этой антиутопии*, [online] https://rusevik.ru/data/news/5eac1cb26be_54.jpg, [30.10.2020].
- Надежкин А.М., *Средства языковой выразительности в лозунгах фестиваля «Монстрация»*, “Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского”. Серия Филология. Искусствознание, 2014/2(3).
- Нам хана: 16 лучших фотографий «Монстрации-2019»*, [online] <https://ngs.ru/text/entertainment/2019/05/01/66075346/> [30.10.2020].
- Одна комедия божественнее другой*, [online] <http://www.amur.kp.ru/share/i/4/1689363/wx1080.jpg>, [30.10.2020].
- Онлайн с Монстрации-2020: «У России два врага — печенеги и половцы»*, [online] <https://tauga.info/154567>, [30.10.2020].
- Понедельченко А., *Я слишком устал для этого кина*, [online] <https://twitter.com/Neformatws/status/1255945734995787779>, [30.10.2020].
- “Севернее Кореи”: в российских городах прошла “Монстрация”*, [online] <https://www.bbc.com/russian/features-43961958> [30.10.2020].
- Совет свой себе посоветуй*, [online] https://twitter.com/Rita_Chalova/status/1256060213116968960/photo/4, [30.10.2020].
- Холин И., *Жители барака*, Москва 1989.
- «Хочу в отпуск» и «Нам хана». Разглядываем самые смешные и актуальные лозунги «Монстрации» за всю историю*, [online] <https://ngs.ru/text/gorod/2020/05/01/69234970/> [30.10.2020].
- Что написал Бабель*, [online] <https://optistore.ru/chto-napisal-babel-isaak-babel-biografiya-semya-tvorcheska-ya-deyatelnost/> [30.10.2020].
- Eden C., *The cult of Babel: Odessa's literary flashmobs attract book-loving tourists*, [online] <https://www.theguardian.com/cities/2017/aug/01/odessa-book-lovers-babel-tourists-literary>, [30.10.2020].

**MONSTRATIONS AND FLASH MOBS
AS A WAY OF EXISTENCE OF RUSSIAN LITERATURE
IN THE MODERN YOUTH CONSCIOUSNESS**

Summary

The article considers literary flash mobs and monstrations of recent years – *Odessa reads*, *Odessa is read* (2017), monstrations in Siberia (2018-2020) and Dostoevsky's Day (2010 till now). The importance of using the tools and techniques of activist art in drawing the reader's attention to books by Russian classics and modern authors is emphasized.

Keywords: activist art, flash mob, monstration, Babel', Dostoevsky.

Кадиша НУРГАЛИ

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан
ORCID: 0000-0002-8178-2782

ЗНАЧЕНИЕ ЗАГЛАВИЯ КАК ОДНОГО ИЗ ВАЖНЕЙШИХ РАМОЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ В СОВРЕМЕННОМ РАССКАЗЕ

Ключевые слова: семантика заглавия, рамка, Сергей Довлатов, рассказ

В современном литературоведении начало и конец текста (или его частей) принято обозначать термином *рама*, или *рамка*. *Начало текста* (выделенное графически) может включать в себя следующие компоненты: *имя (псевдоним)* автора, *заглавие*, *подзаголовок*, *посвящение*, *эпиграф(ы)*, *предисловие (вступление, введение*, в некоторых случаях – *пролог*). Основной текст может быть снабжен авторскими *примечаниями*, печатающимися либо на нижнем поле страницы, либо после основного текста. *Конец текста* (помимо обязательных последней стихотворной строки или прозаического абзаца основного текста) может включать *авторское послесловие*, *оглавление*, а так же *примечания* (о которых говорилось выше). Рама придает произведению характер завершенности, усиливает его *внутреннее единство*.

Разнообразие заглавий, вероятно, не уступит разнообразию самих произведений. Но подобно тому, как последние все же классифицируются (в тематическом, жанровом и прочих отношениях), заглавия тоже можно группировать, выделяя типы, образующие устойчивую традицию в истории литературы. В основу классификации, предложенной А.В. Ламзиной, положено соотношение заглавия с традиционно вычленяемыми компонентами произведения: *тематическим составом* и *проблематикой*, *сюжетом*, *системой персонажей*, *деталью*, *временем* и *местом действия (описания)*. Во всех этих типах заглавий могут встречаться конструкции с усложненной семантикой: *заглавия символические*, *метафорические*, *аллюзийные*, *поговорочные*, *цитатные* и т.д.¹.

¹ А.В. Ламзина, *Заглавие*, [в:] *Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины*: учебное пособие, Л.В. Чернец (ред.), Москва 2000, с. 63-71.

В названиях чужих книг и статей Сергея Довлатова смущало то же, что в людях – претенциозность, манерность, фальшь.

О поэте Богатыреве говорится так:

«Видел я книгу его стихов. То ли „Гипотенуза добра“, то ли „Биссектриса сердца”»².

Или, скажем, такой пассаж:

«– Тебя Цехановский разыскивает. Хочет долг вернуть.

– Что это с ним?

– Деньги получил за книгу.

– „Караван уходит в небо”?

– Почему – караван? Книга называется „Продолжение следует”.

– Это одно и то же»³.

Над заглавиями, где присутствует элемент движения в необъятные просторы, он иронизирует чаще всего: «Дым поднимается к небу», «Чайки летят к горизонту», «Счастье трудных дорог»⁴. В них угадывается романтический настрой молодежной прозы, герой которой стремится вырваться из замкнутого мира на волю.

Любопытно при этом то, что в заглавия собственных рассказов и книг Довлатов очень часто выносит идею движения как таковую: «Дорога в новую квартиру», «По прямой», «В гору», «Марш одиноких», «Иностранка», «Иностранец», «Чемодан». Но в отличие от караванов и чаек, удаляющихся в заоблачную даль, мир довлатовского заголовка, как правило, представляет собой ограниченное пространство.

Пространство заглавий «Иностранка» и «Чемодан» замкнуто и конечно. В «Иностранке» показан особый мир, где существует своя структура и этика. Его населяют люди определенной категории – русские эмигранты в Америке. Это «маленькое» пространство отгорожено от «большого» – всего остального мира, разомкнутого и бесконечного.

Противопоставление двух видов пространств – частый прием в литературе, одна и та же оппозиция может интерпретироваться по-разному, в зависимости от выбранной точки зрения. Структуралисты утверждают, что замкнутое пространство может осмысляться как родной дом/город/страна, которые герой покидает, отправляясь во внешний мир, полный опасностей и искушений. Но может приобретать и негативную окраску, если герой переносится из большого свободного мира в маленький и враждебный, где он ощущает себя чужим.

В книгах Довлатова оценка того, что происходит в замкнутом пространстве, где оказывается его герой, ведется по двойной шкале, согласно

² С. Довлатов, *Собрание прозы в 3-х томах*, Санкт-Петербург 1995, с. 304.

³ С. Довлатов, *Собрание прозы в 3-х томах*, Санкт-Петербург 1995, с. 199.

⁴ С. Довлатов, *Собрание прозы в 3-х томах*, Санкт-Петербург 1995, с. 357.

двум возможным ракурсам. Точка зрения свободного внешнего мира, имя которой «здравый смысл», вводится через слова других персонажей.

Жизнь русских эмигрантов в *«Иностранке»* описана с большой долей иронии, но это не «чужая жизнь». Не случайно конец произведения содержит признание в любви: «Я – автор, вы – мои герои. И живых я не любил бы вас так сильно».

В чувстве солидарности повествователя с персонажами «маленького» мира нет ни умиления, ни патетики. Нет и полного растворения. По мере того как ощущение вовлеченности в их жизнь достигает некоего предела, рассказчик как бы совершает попытку вырваться из замкнутого круга. Почти в каждой довлатовой книге возникает такой момент. Вряд ли это нужно расценивать как дань риторике или сентиментальности. Это растерянность бытийного плана, соблазн возвращения в «большой» мир прошлого. Динамика чередования разных точек зрения на взаимоотношения двух пространств создает иллюзию того, что автор отказывается от окончательного вывода в пределах своего повествования, ибо он не уточняет, какой мир является системой, а какой – антисистемой. Оба антисистема. И в этом трагическая неразрешимость. Поэтому возвращения не происходит. А если и происходит, то мнимое: «Мне стало противно, и я ушел. Вернее остался».

И между тем существует фиксированный центр, где закрепляется точка зрения автора. Этим центром у Довлатова становится слово на обложке книги. У Довлатова названия одновременно и денотативны, и коннотативны. Они звучат нейтрально для того, кто открывает его книгу впервые. Но после ее прочтения название переосмысливается, становится как бы предикатом к повествованию.

Заглавие *«Иностранка»* (которое принадлежит помимо всего цикла еще и отдельному рассказу в его составе), в принципе, отражает точку зрения замкнутой сферы: иностранец – человек, попавший из внешнего мира во внутренний. Здесь опять-таки происходит смысловой сдвиг. Героиня повести – иностранка не по отношению к тем, кто живет в России, и не в глазах американцев. Маруся Татарович с ее русоязычно-татарским именем – иностранка среди наших эмигрантов, живущих в Америке.

Движение, пересечение порогов и границ – лейтмотив прозы Довлатова и всей его жизни. По краям ее эвакуация и эмиграция – два замкнутых мира. Нью-Йорк оказался идеальным в том смысле, что сам город напомнил средство передвижения:

«Здесь нет ощущения места. Есть чувство корабля, набитого миллионами пассажиров. Этот город столь разнообразен, что понимаешь – здесь есть угол и для тебя. Думаю, что Нью-Йорк – мой последний, решающий, окончательный город. Отсюда можно бежать только на Луну».

Довлатов задумывался о том, что покинет Нью-Йорк, это явствует из эпилога к американскому изданию его последнего сборника «Чемодан». Название этого сборника – эмблема всех довлатовских странствий.

Чемодан – это основной атрибут путешествия. Чемодан у Довлатова один из главных героев, это способ закрепить все в одном месте. Вспомним сундук Коробочки, сундучок шмелевского Горкина, шкатулочку Чичикова. А. Белый называет ее «женой» Чичикова – женская ипостась образа /ср. шинель Башмачкина – «любовница на одну ночь»/. Точно Плюшкин, Чичиков собирает всякую дрянь в шкатулочку: афишу, сорванную со столба, использованный билет. Как известно, вещи могут очень много рассказать о хозяине. Доминико Ньоли – знаменитый итальянский живописец и графист, исповедовавший стиль позднего экспрессионизма, всю свою жизнь занимался рисованием вещей. В 1968 году в книге «Система вещей» Жак Бадрийар пишет: «...в определенный момент вещи, помимо своего практического использования, становятся еще и чем-то иным, глубинно соотношенным с субъектом».

Довлатовский «чемодан» – это история героя, переданная через историю его вещей. Символ свободы – одинокий путешествующий человек. Но путешествующий налегке. Чемодан у Довлатова – это не только атрибут путешествия, но и выразитель эмоционального отношения к миру. Чемодан – символ предательства и изгнания. Не случайно взгляд бросающей героя Любимой сравнивается с чемоданом:

«Наступила пауза еще более тягостная. Для меня. Она-то была полна спокойствия. Взгляд холодный и твердый, как угол чемодана»⁵.

Автор действует на уровне переосмысления: вещь-человек /гоголевская традиция/, вещь-символ /символизм/, человек-символ /традиция постмодернизма/, то есть объединяет в своем прозаическом опыте опыт других эпох.

Но если в традиции постмодернизма путешествие выступает как способ изучения мироздания и души героя, то у Довлатова путешествие – ненужный и тягостный процесс. Получив от автора свободу передвижения, герой мечтает о статике.

Широко известна еще одна довлатовская метафора: литература – чемодан. В «Чемодане» этот образ реализуется, используется до конца. Чемодан жалких шмоток, который писатель увозит с собой за границу, оказывается, набит драгоценностями. Вся жизнь уложена, упакована в этот чемодан. Писатель увозит с собой свою Россию. Нелепый, почти шутовской, маскарадный гардероб: «финские креповые носки», «номенклатурные полуботинки», «приличный двубортный костюм», «зимняя шапка», «шофёрские перчатки» (человек одет, экипирован как надо с ног до головы) – превращается в сборник прекрасных рассказов, в одно из самых удивительных произведений

⁵ С. Довлатов, *Собрание сочинений в 4 томах*, т.1, Санкт-Петербург 2005, с. 232.

с родиной. Мало у кого встречается такое сочетание буффонады и щемящей жалости, печали. Вспомним финальную сцену рассказа *«Шофёрские перчатки»*. Рассказ этот рискует оказаться классикой. Напомним его сюжет. Режиссёр Юрий Шлиппенбах собирается снять фильм о Петре Первом, оказывается в Ленинграде. В роли царя Петра Шлиппенбах снимает Довлатова. Довлатов, обряженный в костюм Петра, подходит к пивному ларьку. И тут в смешной рассказ врывается печальная, странная лиричность:

«Сколько же, думаю, таких ларьков по всей России? Сколько людей ежедневно умирает и рождается заново? Приближаясь к толпе, я испытывал страх. Ради чего я на всё это согласился? Что скажу этим людям – измученным, хмурым, полубезумным? Кому нужен весь этот глупый маскарад?»

А после – вновь бурлеск, который никакой не бурлеск – обычная нормальная жизнь:

«Я присоединился к хвосту очереди. Двое или трое мужчин посмотрели на меня без всякого любопытства. Остальные меня просто не заметили... Стою. Тихонько двигаюсь к прилавку. Слышу – железнодорожник кому-то объясняет: „Я стою за лысым. Царь за мной. А ты уж будешь за царём”».

Мир настолько нелеп, что появление царя Петра в очереди за пивом никого не удивляет. Ну, царь и царь, что тут такого? Вот если без очереди лезет; да ещё с кинокамерой...

«Кто-то начал роптать. Оборванец пояснил недовольным: „Царь стоял, я видел. А этот лидер с фонарём – его дружок. Так что всё законно”».

В этом рассказе, кроме спокойного абсурда жизни, есть ещё один, чуть насмешливый, чуть ироничный план... Ну а где ещё быть царю Петру, революционеру на троне, бомбардиру, плотнику, зубодёру как не среди плебея, простонародья, как не среди подонков?

«Передо мной стоял человек... в железнодорожной гимнастёрке. Левее – оборванец в парусиновых тапках с развязанными шнурками».

Компания как раз для Петра Великого. Особого «антагонизма» у «народных масс» царь Пётр не вызвал, зато человек с кинокамерой внушал народу раздражение и беспокойство... Недовольство росло. Голоса делались всё более агрессивными:

«Ходят тут всякие сатирики... – „Сфотографируют тебя, а потом – на доску...”»⁶.

Юрий Шлиппенбах потерпел поражение, зато царь Пётр одержал очередную победу: оказался соприроден очереди алкашей у пивного ларька, воистину «народен».

⁶ С. Довлатов, *Чемодан*, [online] <http://www.lib.ru/DOWLATOW/chemodan.txt>, [28.10.2020].

«Шлиппебах говорил: „Ну и публика! Вот так народ! Я даже испугался. Это было что-то вроде... – „Полтавской битвы”, – закончил я».

Рассказ, начавшийся с Пушкинской цитаты:

«Шлиппебах носил в хозяйственной сумке однотомник Пушкина. «Полтава» была заложена конфетной обёрткой. „Читайте”, – нервно говорил Шлиппенбах. И, не дожидаясь реакции, лающим голосом выкрикивал: „Пальбой отбитые дружины, / Мешаясь, катятся во прах. / Уходит сквозь теснины. / Сдаётся пылкий Шлиппенбах...”» –

и должен был кончиться чем-то вроде «Полтавской битвы»⁷.

В заглавия рассказов, входящих в цикл «*Чемодан*», вынесена сюжетная деталь, которая оказывается важной для завязки, развития или развязки действия.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что у Сергея Довлатова можно встретить все типы заглавий, выделенные А.В. Ламзиной.

Итак, заглавие является одним из важнейших рамочных компонентов для эпических и драматических произведений. Заглавие – это первый знак текста, дающий читателю целый комплекс представлений о книге. Именно оно более всего формирует у читателя предпонимание текста, становится первым шагом к его интерпретации⁸, иногда шагом не в ту сторону.

ЛИТЕРАТУРА

Довлатов С. *Собрание прозы в 3-х томах*, Санкт-Петербург 1995.

Довлатов С. *Собрание сочинений в 4 томах*, т.1, Санкт-Петербург 2005.

Довлатов С. *Чемодан*, [online] <http://www.lib.ru/DOWLATOW/chemodan.txt>, [online] [28.10.2020].

Ламзина А.В. *Заглавие*, [в:] *Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины*: учебное пособие, Л.В. Чернец (ред.), Москва 2000, с. 63-71.

MEANING OF TITLE AS A ONE OF THE MOST IMPORTANT FRAME COMPONENTS OF MODERN STORIES

Summary

The article discusses the semantic possibilities of such a framework component of text as a title. The article is based on the texts of Sergei Dovlatov. On their example, the figurativeness of the titles of stories, the mechanisms of reflection of spatial characteristics in them are studied. It is especially shown how the worldview of the writer, his point of view is manifested through the title, the space of the author's artistic universe is determined.

Keywords: semantics of title, frame, Sergey Dovlatov, story

⁷ С. Довлатов, *Чемодан*, [online] <http://www.lib.ru/DOWLATOW/chemodan.txt>, [28.10.2020].

⁸ А.В. Ламзина, *Заглавие*, [в:] *Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины*: учебное пособие, Л.В. Чернец (ред.), Москва 2000, с. 63-71.

Казимеж ПРУС

Жешувский университет, Польша
ORCID: 0000-0002-2644-5089

ОППОЗИЦИЯ «СЕВЕР – ЮГ» В ПОЭЗИИ ФЕДОРА ГЛИНКИ

Ключевые слова: оппозиция, Юг, Север, Глинка, Карелия, Олония

В русской романтической поэзии видной оппозицией было противопоставление Севера и Юга. Названная оппозиция принадлежит к конструктивным элементам литературного произведения, она организует лирическую ситуацию, влияет на переживания лирического «я», с этой оппозицией связаны¹. У многих поэтов Юг отождествлялся с Италией², хотя некоторые к этому географическому региону присоединяли тоже Рейн (Федор Тютчев³), Кавказ и Крым (Александр Пушкин⁴). Юг описывался в общих образах, его вид приобретал черты штампа, создаваемого атрибутами богатой природы, разнородных вод (потоки, холодные источники, фонтаны), экзотических растений (виноград, кипарис, тополи, лавр, оливковые и ли-

¹ J. Pelc, *Motyw literacki*, „Pamiętnik Literacki” 1952; J. Sławiński, *Motyw*, В: *Literatura polska. Przewodnik encyklopedyczny*, t.1, Warszawa 1984.

² К. Wróblewski, *Północ i Południe w rosyjskiej liryce pierwszej połowy XIX wieku*, В: *Wschód – Zachód. Słowianie i Niemcy. Kultura. Język. Dydaktyka*, pod redakcją Władimira Lejczyka, Słupsk 1998, с. 104-110. Евгений Боратынский писал: «раскошно-вегетативная жизнь Италии – Италии, которую за все ее заслуги должно бы на карте означить особой частью света, ибо она в самом деле ни Африка, ни Азия, ни Европа» (*Летопись жизни и творчества Е.А.Боратынского*. Составитель А.М. Песков, Москва 1998, с. 408). Италия для него представлялась «земным Элизием» (Т.В. Цивьян, *Образ Италии в последнем стихотворении Боратынского*, В кн.: *Семиотические путешествия*, СПб. 2000, с. 29-39). Речь идет о стихотворении *Пироскаф*.

³ См.: Л. Хапко, *Поэтическая оппозиция «Север – Юг» в творчестве Ф.И. Тютчева*, «Вестник Брянского государственного университета» 2013, № 2, с. 355-357, В: <https://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskaya-oppozitsiya-sever-yug-v-tvorchestve-f-i-tyutcheva> (14.12.2020); К. Prus, *Ojcowizna w poezji i listach Fiodora Tyutczewa*, В: *Ziemia w literaturach i myśli filozoficznej Słowian*, pod redakcją Wandy Laszczak i Darii Ambroziak, Opole 2008, с. 175-176.

⁴ В. Есипов, *Божественный глагол. Пушкин, Блок, Ахматова*, [https://books.google.pl/books?id=ADQqDwAAQBAJ&pg=PT227&lpg=PT227&dq=%D0%BC%D0%BE%\(20.12.2020\)](https://books.google.pl/books?id=ADQqDwAAQBAJ&pg=PT227&lpg=PT227&dq=%D0%BC%D0%BE%(20.12.2020)).

монные деревья), синего неба, руин и типичных для этой полосы часовен, копулов зданий. Юг со своим идеальным пейзажем, теплом и ароматом цветов, для людей Севера был страной искусства, высоких вдохновений, волшебной, таинственной и полной жизни. Это место избранное и счастливое, его покой и радость напоминают Аркадию.

Такое отношение к Югу констатируем тоже в поэзии Федора Глинки (1786-1880), поэта, эпика и драматурга. С 1826 по 1830 год поэт был узником Петропавловской тюрьмы, а позже ссыльным в Олонецкой губернии. И только тогда⁵ в его стихах появляется образ Юга. О нем говорит таинственный странник в поэме *Дева Карельских лесов* (1828), произведении о жизни и быте северного крестьянина, связанных с историческим материалом и описательными элементами природы, о встрече беглеца из дворянства с туземной девушкой в Олонии. Странник вспоминает Юг с штамповыми в романтизме атрибутами; видим в образе «лазурь морей», «роскошь полей», «страну счастливую винограда», «отчизну роз и соловья»⁶. Этот типичный антураж Италии выполняет шесть строк поэмы.

О Юге вспоминает также монах-отшельник в поэме *Карелия* (1830). Это повесть о трагической любви грека к турчанке Лейле, о отшельнике, который покинул Грецию, через Италию и Германию пришел в Карелию, где ведет беседы с заонежской заточницей Марфой Романовой. Мать будущего царя, Михаила, сосланная Борисом Годуновым в Толвуйский погост, слушает рассказы отшельника о быте карелов, их фольклоре и обычаях. Странник помнит Италию, как страну славных людей, искусства, развалин и чудес, прошумевшей громкой истории. Миновению времени противостоит только красота природы:

Лишь неизменна красота
Твоей пленительной природы!
Синеет ясно высота
Над бесконечным ветроградом:
И лавр и, в зелени густой,
Лимон дружится золотой
С янтарным, спелым виноградом... (с. 361).

Ее образ очень условный, с типичными штамповыми атрибутами южного пейзажа, который подвергается – свойственной поэтике романтизма – персонификации сил природы⁷. С Югом, заодно отшельник как и рассказчик, связывают тоже Германию, землю на Рейне. Это счастливая страна, с легким влиянием климата гор, с замками, с хрустальной рекой в рамках разноцветных

⁵ До 1826 г. в поэзии Глинки не было чистой, пейзажной лирики. См.: В.Г. Базанов, Ф.Н. Глинка, В: *Избранные произведения*, Ленинград 1957, с. 39-40.

⁶ Ф.Н. Глинка, *Дева Карельских лесов*, В: *Избранные произведения*, Ленинград 1957, с. 319. Остальные цитаты из текста по этому изданию. В скобках указана страница.

⁷ В. Кожин, *Книга о русской лирической поэзии XIX в.*, Москва 1978, с. 146.

полей. Там благополучие и гостеприимство жителей, довольных трудом и жизнью. Иерофаническая зона вызывает восхищение отшельника, там также он переживает свою визию идеального, потустороннего мира. Счастливая жизнь в мифической зоне Рейна, все-таки, его не удовлетворяет, он уходит.

Земля на Рейне изображается поэтом и в стихотворении *Рейн и Москва* (1841). Атрибутом географического пространства Рейна «воздух душистотиховейный», «грозд янтарно-золотой», «тихи небеса» этого «сада Германии» (с. 433). В стихотворении Юг не только географическое понятие, но эмоциональное и культурософское (социокультурный контекст, гуманистический идеал, мифопоэтика), которому поэт противопоставляет Москву. Старая столица России – это город «стохрамый», «стопалатный», «старинный». Центр русскости, колыбель царей, государственности и является причиной патриотических чувств лирического «я». Предпочтение автора на стороне Москвы, близкой его сердцу, представленной в торжественной картине, манящей и притягивающей. Москва – символ России, которую поэт уважает и любит, хотя она расположена на Севере (об этом лирическое «я» не упоминает). Важна здесь эмоциональная позиция автора. Он тоскует по родной земле, ее оценивает положительно. Святое для русского место заставляет поэта нарушить устойчивую в романтизме оппозицию «Юг – Север», идеализировать северную землю, наделить ее позитивными эмоциями, поставить под сомнение условную схему восхвалять блаженство Юга. Географическая бинарность, полюсность на линии Север – Юг у Глинки переходит здесь в культурно-мировоззренческий синтез, дающий взаимообогащение противоположным точкам Европы. Сопоставление Рейна и Москвы становится для поэта поводом выразить официальную любовь к своей стране и патриотические чувства.

Южному антуражу обычно противопоставлен у Глинки пейзаж Севера. Первый образ Севера появляется в стихотворении *Сравнение* (1826) и носит черты реальной картины природы Олонии. Край кажется лирическому «я» грустным:

Увы, тут небо без лазури!
Сии бесцветные луга
Вовек не слышат пчел жужжаний,
Ни соловьиных вздыханий;
И тут, чрез мшистые брега,
Как горлик ястребом гонимый,
Летит весна, как будто мимо,
Без ясных, теплых вечеров... (с. 251)

Образ природы лишен позитивных эмоций, получился каталог несовершенств весенней природы Олонецкого края; в плане синтаксиса это подчеркивают предложения с предлогом «без». Здешняя природа вызывает отторжение и не манит, не стимулирует тоже к творчеству.

Атмосферу замирания жизни на Севере изображает поэт в стихотворении *Вздох* (1826). Берега Онеги пустынные, лишённые движения, безлюдные. Скуку лирического «я» вызывают торчащие на горизонте, напоминающие призраки, скалы. Эпитет «пустынный» дважды определяет реалии местности и берега. Также стихотворения *Звуки* (1827-1828) и *Летний северный вечер* (1827-1829) имеют постоянные определения места «В глухой, безлюдной стороне» (с. 269), затянутого серой мглой. В стихотворении *Весна* (1826) наблюдаем весеннюю природу в её разгаре, через зрительные и вкусовые ощущения лирического «я». Шестикратная анафора «и» подчеркивает процесс бурных перемен в натуре. Этому служит также образ оживленной природы, подчиненной конечному излиянию о душевных переменах – в форме композиционного параллелизма:

Так сердце с жизнью неземною
Вдыхает неба благодать (с. 241).

Реальный образ весны возник в воображении узника, который даже в тишине воздуха замечает проявления Божьей благодати⁸. Концовка стихотворения является важнейшим его элементом, указывающим на оппозицию, в плане тематическом и композиционном.

Память поэта переносит его в степь широкую (*Степь*, 1827-29), полную жизни, растительности (арбузы, дыни) и свободы, на урожайную ниву (*Нива*, 1827-29) – одетую в бисер, жемчуг и алмаз. Эти образы красоты величавой природы говорят о том, что поэт не доценивает обаяния местной, Олонецкой природы. Ее детали указывают на монотонность северного пейзажа: «на тусклом помосте полей», «печальный бурелом», «окрестность дикая», «томпаковое небо», «кровавая заря» (с. 273). Изгнанник погружен в грусти, Север не внушает позитивных эмоций, ибо «страна сия пустая», «безлюдная сторона» (с. 280) – эти эпитеты часто повторяются. Карелия – это край озер, непроходимых болот, множества торчащих скал, валунов, на которых можно полюбоваться, и бесконечных лесов. Дикая красота Севера поражает рассказчика в поэме *Дева...* Уже в эпическом *Введении* узнаем, что земля Олонецкая дикая, малолюдная, с девственной природой, неурожайной почвой, но богата рудами, минералами, лесными пустырями. Уже первая строфа поэмы приносит основные детали природы:

Безлюдный, хладный
Залег, как в гроб, в обломки гор
Сей край с своими валунами;
Он весь колючими стенами
И цепью обнесен озер. (с. 298)

⁸ О божественности природы у романтиков, о ее роли посредника между человеком и Богом интересно пишет Алина Ковальчикова. См.: *Czym był romantyzm?*, Warszawa 1990, с. 71-73.

Описываемый край труднодоступный, прорезанный многими озерами, блещущими тускло и уныло, молчаливо и таинственно. Это страна лесов, диких пустырей, бездорожья, немногих жителей глуши. Непроходимый лес – с крупными каменными глыбами - скрывал много тайн и опасностей, оставаясь неразгаданным и чуждым для человека⁹. Цитированный образ, благодаря сравнению и ассоциации с тюремной проволокой, напоминает лагерную зону. Здесь только зима украшивает природу, придает ей завораживающее обаяние, жаль только что мертвое, окутанное смертью, как в этих строках с полисиндетоном:

В них замечает полосами
Зима пушистый свой атлас,
И соснам на вершинах сельги,
Дает и радужный топаз,
И жемчуг для монист, и серьги,
С подвесом чистых хрусталей.
Все блещет в чаше сих аллей.
Но все мертво! (с. 305)

Снова эпитет «пустынный» определяет край, бездонное небо, реку, мрак, жителей, зеркало озера, страну изгнания, гущи и связывается с глушью, неприступностью, холодным и диким местом, где идет ожесточенная борьба за выживание. В поэме *Карелия* опять этот эпитет определяет слова: глушь, эхо, берег, озера, лесную гущу, притом немую и глухую. Слово «пустынный» и близкие ему по значению слова «пустыня», «пустырь» имеют огромную частотность употребления – 20 раз, а слово «дикий» появляется в тексте 6 раз. Наводящая грусть земля с нагими полями, лирическому «я» кажется красивой:

В Кареле рано над лесами
Сребро и бисеры блестят,
И с желтым золотом, полосами,
Оттенки алые горят,
И тихо озера лежат
На рудяных своих постелях.
Уж сосны золотятся днем,
И с красногрудым снегирем
Клесты кричат на острых елях...
Но пусто все на сих берегах,
И грустно в пасмурном затворе!.. (с. 358)

⁹ Исследователь-культуровед отмечает, что «в нем прятались и разбойники, он угрожал людям и домашним животным нападениями хищных зверей — медведей и волков. Освоение лесных участков для хлебопашества являлось чрезвычайно трудным и длилось долго. Лес привлекал и отвергал людей — его считали источником жизни и местом смерти». (И.В. Кондаков, *Культура России, учебное пособие*, Москва 2007, с. 45).

Об дикости, глуши и мертвоте Карелии, о экзотике необыкновенных мест, с разнообразными пейзажами – типичными элементами мира романтиков¹⁰ – часто говорит отшельник, которому особенно нравится осень и весна:

Но живописна ваша осень,
Страны Карелии пустой;
С своей палитры дивной кистью,
Неизъяснимой пестротой
Она златит, малюет листья:
Янтарь, и яхонт, и рубин
Горят на сих небесных купях,
И кудри алые рябин
Висят на мраморных уступах. (с. 366)

В интенсивном описании оживленной осени поэт пользуется целой гаммой пышных красок, вводит зрительные, цветовые образы, их меньше в картине ранней весны. Поэт следит процесс пробуждения природы: отмечает еще в мае лед на озере, но уже появляются ключи лебедей, насекомые, жаворонок и малиновки, цветет черемуха. Наблюдательность поэта позволила ему пластически и верно изобразить энергию и богатство возрождающейся к жизни весенней природы.

Олония противопоставляется Дальнему Северу. Это зона вечной мерзлоты, где верхняя часть земной коры, температура которой долгое время не поднимается выше 0 °С. В зоне многолетней мерзлоты грунтовые воды находятся в виде льда, его завалы наблюдает рассказчик, среди торчащих скал, «где все безлесный камень // Громады льдистые в огне: // Из ребр их брызжет звонкий пламень...» (с. 328)¹¹. Этот район называет «краем изгнания», «краем печальным» (с. 328). Здесь нет людей, земля не дает плодов, «одни лишь поросты и мхи // узорят дикие картины» (с. 328). Край холода, неподвижности и смерти поэт связал с многолетней мерзлотой, географическим районом. Это также зона эмоционального отрицания, отторжения и жалости.

На фоне Дальнего Севера Олонецкая земля становится для ссыльного зоной переходной, посредственной между мертвым Севером и радостным, ярким, манящим Югом. Он сердцем рвется к Югу, который ассоциируется тогда с Россией, родиной. Эмоциональность заменяет географические ориентиры:

¹⁰ К. Lis, *Bohater romantyczny i przestrzeń*, в кн.: *Świat przedstawiony w dziełach pisarzy wschodniej słowiańszczyzny*, pod red. W. Wilczyńskiego, Zielona Góra 1994, с. 46.

¹¹ В этом фрагменте можно, следуя за Михаилом Эпштейном („*Природа, мир, тайник вселенной...*”). *Система пейзажных образов в русской поэзии*, в кн: <http://www.nvz.kuzbass.net/dworecki/other/e/enter.htm>, 28.12.2020) увидеть стремление романтика к другому, потустороннему миру.

Увижу скоро я – родное:
Там вишня весело цветет!
Пленительны там в рощах песни,
Там долго соловей поет...
Наш дым... мой дом – он мне ровесник!
Мое Никольское село,
Увижу все... В душе светло! (с. 338)

Эмоциональный подход к родным местам (его знаком - умолчания, повторы и восклицания) побуждает рассказчика утверждать похвальную молитву за царя. Эти места в его памяти «живей живут», там тепло и соловей поет. Россия приобретает свойства блаженной страны, притягивающей душу повествователя. Освобождение политическое ссыльного, его возвращение на родину сразу ощущается в стихотворениях, созданных на свободе. Даже в заглавии стихотворения *Ранняя весна на родине* (1830) поэт подчеркивает чувство гордости и счастья свидетеля начала новой жизни природы. Это величавая природа родного Днепра, с типичными для России деталями. Появляются ольхи и песни соловья, первые цветы лугов, почки деревьев и кустарников, озимые и ласточки, ключи прилетающих птиц и остатки снега. Великолепный образ весны, богат многими элементами природы Смоленщины, является свидетельством восхищения поэта родной красотой.

Также в пейзажном стихотворении *Осень и сельское житье* (1830) поэт изображает обаятельную осень в деревне. Образ изумляет богатством и величием природы, гатовящейся к переходу к зиме. Лирическое «я» наблюдает воздух задернутый дымкой, повисшие листья лип, замирание жизни в водах, отливающие коричневым листья деревьев, усиление порывов ветра, понижение активности пернатых, нагие поля и пустые огороды. Замиранию жизни природы поэт противопоставляет активность крестьянина и его хозяйственных работ. По-другому, чем в стихотворении *Черты осени* (1826), где был приведен каталог предметов и черт переходного времени года, напоминающий классицистические описания, в анализированном тексте реально, отчетливо изображены элементы природы, динамические в ней перемены. Это предмет обожания и гордости поэта, к русской природе он подходит как любовник, с умилением, очень эмоционально.

Подводя итоги: Север для Глинки это Россия без политического контекста, без давления свободы и деспотизма. Она не имеет признаков рокового образа, как у Тютчева. Лишена мрака, холода и мертвоты, суровости природы и безлюдности страны. Эти черты Глинка придал Олонии, экспонируя ее суровую красоту, сделав ее переходной зоной к мертвой земле

Дальнего Севера. Олонецкий край для поэта-изгнанника не мог быть блаженным уголком, приветливым эмоционально. Всегда тосковал там по родине, утраченным и идеализированным местам своей молодости. Поэт нарушил романтическую оппозицию «Север – Юг»; из Севера выделил Дальний Север, как полосу смерти, Олонию и Карелию, как полосу дикой красоты. Россия же имеет много черт Юга - в плане эмоциональном, в плане географическом и культурософском – она становится синонимом Севера. Если другие русские романтики из Юга выделяли край на Рейне или Крым, Глинка из Севера выделил Дальний Север и Олонию с Карелией. Оппозиция «Север – Юг» создается у него также разными изобразительно-выразительными средствами - лексическими (антонимы), синтаксическими (параллелизмы, полисиндетоны), композиционными (композиционный параллелизм).

ЛИТЕРАТУРА

- Kowalczykowska A., *Czym był romantyzm?*, Warszawa 1990.
- Lis K., *Bohater romantyczny i przestrzeń*, B: *Świat przedstawiony w dziełach pisarzy wschodniej słowiańszczyzny*, pod red. W. Wilczyńskiego, Zielona Góra 1994.
- Pelc J., *Motyw literacki*, „Pamiętnik Literacki” 1952.
- Prus K., *Ojcowizna w poezji i listach Fiodora Tiutczewa*, B: *Ziemia w literaturach i myśli filozoficznej Słowian*, pod redakcją Wandy Laszczak i Darii Ambroziak, Opole 2008.
- Sławiński J., *Motyw*, B: *Literatura polska. Przewodnik encyklopedyczny*, t.1, Warszawa 1984.
- Wróblewski K., *Północ i Południe w rosyjskiej liryce pierwszej połowy XIX wieku*, B: *Wschód – Zachód. Słowianie i Niemcy. Kultura. Język. Dydaktyka*, pod redakcją Władimira Lejczyka, Słupsk 1998.
- Базанов В.Г., Ф.Н. Глинка, В: *Избранные произведения*, Ленинград 1957.
- Глинка Ф.Н., *Избранные произведения*, Ленинград 1957.
- Есипов В., *Божественный глагол. Пушкин, Блок, Ахматова*, <https://books.google.pl/books?id=ADQqDwAAQBAJ&pg=PT227&lpg=PT227&dq=%D0%BC%D0%BE%20.12.2020>.
- Кожин В., *Книга о русской лирической поэзии XIX в.*, Москва 1978.
- Кондаков И.В., *Культура России, учебное пособие*, Москва 2007.
- Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского*. Составитель А.М. Песков, Москва 1998.
- Хапко Л., *Поэтическая оппозиция «Север – Юг» в творчестве Ф.И. Тютчева*, «Вестник Брянского государственного университета» 2013, № 2.
- Цивьян Т.В., *Образ Италии в последнем стихотворении Боратынского*, В: *Семиотические путешествия*, СПб. 2000.
- Эпштейн М., „Природа, мир, тайник вселенной...”. Система пейзажных образов в русской поэзии, В: <http://www.nvz.kuzbass.net/dworecki/other/e/enter.htm>, (28.12.2020).
- <https://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskaya-oppozitsiya-sever-yug-v-tvorchestve-f-i-tyutcheva> (14.12.2020).

**THE "NORTH-SOUTH" OPPOSITION
IN FYODOR GLINKA'S POETRY****Summary**

One of the oppositions of Romantic literature was the North-South opposition, which also appears, in a slightly modernized form, in the poems written by Fyodor Glinka. In the North, the poet distinguished between the Olonetsky District and Karelia - a transitional zone of beautiful, wild nature, and the Far North - a zone of death. He tried to connect Russia with the South, in the emotional dimension, but geographically and culturally it belongs to the North.

Keywords: opposition, South, North, Glinka, Karelia, the Olonetsky District

Мария СИБИРНАЯ

Жешувский университет, Польша
maria.sibirnaya@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4746-0736

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ДРАМАТИЧЕСКИХ СКАЗКАХ АННЫ БОГАЧЕВОЙ, ИРИНЫ ВАСЬКОВСКОЙ, АННЫ ЯБЛОНСКОЙ

Ключевые слова: драматические сказки, гендерная роль, гендерный стереотип, феминистские исследования

Впервые гендерная проблематика стала предметом научного анализа во многом благодаря феминистическому движению XIX-XX вв¹. Феминистские дебаты в 70-х годах прошлого века в США и Европе стали также причиной для развития исследований, направленных на изучение гендерного аспекта сказок.

Представители культурологической, социологической, а также различных дисциплин филологической науки, начали анализировать гендерные типы персонажей, присутствующие в традиционных сказках, а также отрицательное, по их мнению, влияние сказок на возникающее в обществе неравенство, связанное с формированием социальной роли женщины. Феминистские исследования, сфокусированные на том, как в сказках воссоздаются культурные различия между полами, привели, в результате, к предположению, что именно консервативный взгляд на патриархальные традиции сказки сформировал сегодняшнюю идеологию и социальную структуру, обрекая женщин на подчиненное - по отношению к мужчинам - место в культурной иерархии². Вместе с тем, некоторые традиционные интерпретирующие школы, стремясь извлечь и подчеркнуть универсаль-

¹ Е.А. Мухортова, *Истоки гендерных исследований*, [в:] *Теория и практика гендерных исследований в мировой науке*, Сборник материалов международной научно-практической конференции, Пенза 2010, с. 6.

² W. Kostecka, *Bań postmodernistyczna: przeobrażenia gatunku. Intertekstualne gry z tradycją literacką*, Warszawa 2014, с. 79.

ное значение сказок, полностью игнорируют проблему социально-исторических контекстов, избегая, тем самым, анализа того, в какой степени жанр сказки сформирован патриархальными гендерными представлениями. На современном этапе исследований считается, что гендерная составляющая является одной из главных в контенте классических сказок, так как отражает социально-ролевое деление и уклад жизни, глубоко укоренившиеся в восприятии общества с архаическим мировоззрением, корни которого уходят в традиционную культуру³.

Важно обратить внимание на смысловое различие понятий *пол* и *гендер*. *Пол* является биологическим термином, обозначающим анатомические и физиологические различия между людьми, на основании которых, они относят себя к мужчинам или женщинам. *Гендер* (гендерный тип) означает совокупность социальных и культурных норм, придерживаться которых предписано человеку обществом в зависимости от его биологической половой принадлежности. Данная точка зрения принадлежит теории социального конструктивизма⁴, в частности, теоретические работы Симоны Бовуар и Мишель Фуко стали основой для изучения социальной природы процессов конструирования гендерных ролей⁵. Сауле Жаббаева предполагает, что гендер формируется как номинация социальной и общественной роли мужской и женской моделей, в частности, определяется роль семейная, политическая, экономическая, культурная, образовательная и др.⁶ Ольга Полева, придерживаясь подобного мнения, предлагает отказаться от чисто биологической характеристики пола при помощи понятия гендер⁷. Елена Сапогова применяет к гендеру, так называемое, понятие *концептосфера*⁸, при этом очевид-

³ См.: С.А. Коновалова, *Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте русской народной волшебной сказки.*, Автореф. дис. к. ф. н., Москва 2005, с. 22.

⁴ Электронный источник: [online] <https://ru.wikipedia.org/wiki> [28.09.2020].

⁵ *Гендерная роль / Gender role* (англ.) – совокупность социальных норм, определяющих, какие виды поведения человека в зависимости от его половой принадлежности считаются допустимыми, подходящими или желательными в данном обществе и в данную эпоху, см. об этом: *Словарь FEMINISTEERIUM*, источник: [online] <https://feministeerium.ee/ru/slovanedeli-gendernaya-rol> [25.09.2020]; *Словарь гендерных терминов*, составитель З.В. Шевченко, Черкасы 2016, источник: [online] <http://a-z-gender.net/gendernaya-rol.html> [25.09.2020].

⁶ С.С. Жаббаева, *Гендерная стереотипизация сказочных образов*, „Вестник Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова” 2016, электронный источник: [online] http://ksu.edu.kz/images/news/slider/2016/portfilio3/gendernaya_stereotizaciya_skazochnyh_obrazov.pdf [25.10.2019]

⁷ О.И. Полева, *Формирование гендерных представлений у старших дошкольников на основе народных сказок*, „Альтернат-2015”, электронный источник: [online] <https://conf.grsu.by/alternant2015/index-42.htm> [25.10.2019]

⁸ Термин «концептосфера» ввел в научный оборот Дмитрий Лихачев. Концепт выступает в ней как смысловое образование, определяющее совокупность понятий и предметов

но, что концепты «мужчина» и «женщина» становятся главными элементами гендерной концептосферы. Анализируя гендерные различия и концепты мужской субкультуры, исследовательница приходит к выводу, что «мужские сообщества и мужские ценности оказывают определяющее влияние на развитие всего социума, в том числе на женское поведение и установки»⁹.

Исследования гендерных различий между мужчинами и женщинами с конца XIX века вплоть до 1970-х годов XX века были направлены на обоснование традиционных гендерных ролей, в том числе – в классических сказках. Однако, на рубеже XX-XXI веков в контексте социокультурных перемен и постмодернистских тенденций наступает смена гендерной парадигмы. Происходящие перемены в общественном сознании, связанные с затиранием различий между истинно женским и истинно мужским поведением, приводят к появлению в литературе феминистских сказок, в которых меняется содержание гендерных ролей персонажей. В основном, это реинтерпретации классической сказочной литературы¹⁰. Задачей новых сказочных произведений является представление мира без предубеждений и неравенства, в женских же образах проявляется самодостаточность, активность и способность принимать собственные решения. Героиням феминистских сказок не свойственны возмездие и расправа, сила применяется ими исключительно при самообороне и в противодействие насилию, они воспитываются без желания к соперничеству¹¹. Тем самым, используя постмодернистские стратегии и новые гендерные представления, «авторы „возвращают” сказку дискриминированной социальной группе: женщинам»¹².

Сравнивая современные сказки с классическими, многие ученые прослеживают эволюцию образов героев и, особенно, женских гендерных

одного и того же рода, см.: Д.С. Лихачев, *Концептосфера русского языка*, [в:] *Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. Ин-т народов России*, под общ. ред. В.П. Нерознака, Москва 1997, с. 280–287.

⁹ Е.Е. Сапогова, *Опыт психологической интерпретации мужской концептосферы*, „Известия ТулГУ” 2005. Серия «Психология». Вып. 5, ч. I. Под ред. Е.Е. Сапоговой, с. 178.

¹⁰ См., например, Л. Лейн, Э. Хоун, *Золушка и стеклянный потолок: и другие феминистские сказки*, рус. перевод А. Капелян, Москва 2020. В своих историях феминистки Лора Лейн и Эллен Хоун переписали знакомые классические сказки, изменив образ и гендерную роль героинь, предложив им судьбу, которая была бы невозможна в патриархальном мире.

¹¹ J. Zipes, *Don't Bet on the Prince: Contemporary Feminist Fairy Tales in North America and England*, Gower, New York 1986, с. 36.

¹² W. Kostecka, *Baśniowe herstory. Postmodernistyczne strategie reinterpretacyjne Angeli Carter, Tanith Lee i Emmy Donoghue*, „Creatio Fantastica” 2016/ 2 (53), с. 26.

ролей. В современных сказках, вследствие разрыва между романтическими иллюзиями и реальностью, принимая факт того, что не все мужчины – принцы, и нужно всего добиваться самостоятельно, женщины пытаются найти справедливость и обрести культурное status quo, прибегая к феминистским принципам¹³. Маргарита Болонева, анализируя гендер в дискурсе классических и современных сказок, оценивает его значение в исторической эволюции сказки. Сравнивая способ представления женских персонажей (Золушка, Спящая красавица, Рапунцель, Белоснежка), в большинстве популярнейших западных сказок, она использует схему Генадия Слышкина, в которой гендерная концептосфера включает реляционную составляющую (семейно-родственные отношения, позиция в обществе) и психофизиологические параметры (внешность, характер, возраст)¹⁴. Обычно, героини изображаются в виде молодых девушек, положительных и пассивных принцесс, красота которых совершенна и гармонична. Кроме внешности, образ главной героини дополняет гендерная роль, предполагающая наличие определенных умений, которых общество ждет от девушки. Исследовательница приходит к выводу, что в западных сказках женские персонажи обладают пассивной гендерной ролью и противопоставляются активным героям мужского пола, функция которых заключается в спасении принцессы и получении в награду за рыцарский подвиг ее руки¹⁵. Болонева также констатирует, так называемую, «слепоту гендера» во времена, когда было записано большинство этих сказок, чему способствовал доминирующий тогда в обществе, культуре и литературе консервативный патриархальный канон. В результате возникал парадокс женственности в истории западной науки и искусства: женщина выставлялась как предмет или объект, но, в то же время, она была незаметной и не способной представляться как субъект¹⁶.

Гендерное распределение ролей в русских народных сказках и в, основанных на них, литературных сказках в большинстве случаев напоминает западную модель. Проанализировав сюжеты многих русских народных сказок. Полева приходит к выводу, что в гендерно-формирующем отношении все сказки можно условно разделить на три группы:

¹³ М.Л. Болонева, *Концепты Woman и Man в дискурсе сказки*, „ Вестник ИГЛУ” 2014, с. 47-48.

¹⁴ Г.Г Слышкин, *Гендерная концептосфера современного русского анекдота*, [в:] *Гендер как интрига познания*. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации, Москва 2002, с. 67-75.

¹⁵ М.Л. Болонева, *Концепты...* с. 42.

¹⁶ М.Л. Болонева, *Концепты ...*, там же.

- «мужские», отражающие мужские стратегии поведения, где главный герой – мужской персонаж;
- «женские», отражающие женские стратегии поведения, где главная героиня – персонаж женского пола;
- «смешанные», в которых есть два главных героя обоих полов, и повествуется о взаимоотношениях, взаимовлиянии мужественности и женственности, а также их гармонизации¹⁷.

Елена Здравомыслова, Екатерина Герасимова и Наталья Троян рассматривают проблему гендерных стереотипов, которые зафиксированы и тиражируются в детской дошкольной литературе, читаемой в России¹⁸. Дискурсивный анализ позволил им выделить в русских сказках две версии традиционного гендерного стереотипа: *базовый патриархатный* и, так называемый, *русский традиционный*, который условно можно назвать *матриархатным*, так как он представляет в образе главной героини «идеалы женской смелости и независимости, активное участие во всех аспектах социальной и сверхъестественной жизни»¹⁹. Исследователи проанализировали более 300 текстов и пришли к выводу, что в сказка признаки и структурные компоненты гендерных стереотипов воспроизводятся через:

- физические, психологические и личностные черты, предписанные мужчинам и женщинам;
- роли, сформулированные как знания, навыки, умения, характерные для мужчин и женщин как в общественной, так и в частной сфере;
- особенности воспитания мальчиков и девочек;
- социальную позицию мужских и женских персонажей в отношении власти и управления²⁰.

Исследователи также приходят к выводу, что в классической сказочной литературе воспроизводится гендерная культура традиционного общества. В качестве базового гендерного стереотипа выступает тогда патриархатный стереотип, который предполагает в качестве положительных образов сильного доминирующего мужчину и слабую, зависимую, пассивную женщину, воплощается в гендерных конфигурациях, соответствующих сказочным канонам героини-жертвы и героя-богатыря. Матриархатная гендерная конфигурация, выступающая только в русских народных сказ-

¹⁷ О.И. Полева, *Формирование...*, там же.

¹⁸ Е. Здравомыслова, Е. Герасимова, Н. Троян, *Гендерные стереотипы в дошкольной детской литературе: Русские сказки*, „Альманах женского клуба «Преображение»”1998/6, источник: [online] <http://www.owl.ru/library/001t.html> [29.09.2020].

¹⁹ J. Hubbs, *Mother Russia. The Feminine Myth in Russian Culture*. Bloomington and Indianapolis 1988, p. 147.

²⁰ Е. Здравомыслова, Е. Герасимова, Н. Троян, *Гендерные...*, там же.

ках, является «отклонением» от базового патриархатного стереотипа. При этом, гендерная роль главной героини «матриархатного» канона отличается активностью. Помимо обязательной для героини красоты, она обладает решительным характером и умом, «разделяет» с мужчиной сферу общественной деятельности вне дома. Действия ее и героический образ оцениваются положительно, в отличие от отрицательных женских персонажей в «патриархатных» сказках, где отчетливо прослеживается осуждение их женского доминирования²¹, т.е. моральная оценка гендерной роли, которая дается персонажу, становится определяющей.

Анализируя гендерные модели образов в процессе эволюции русской волшебной сказки, Ольга Лопухова приходит к выводу, что в древних текстах сказок женские образы занимают более активные и значимые позиции, которые в более поздних текстах сводятся до минимума, активность же полностью переходит к мужским образам. Вероятной причиной такой трансформации, по мнению исследовательницы, стала смена экономических и идеологических систем в обществе, повлиявшая на гендерные роли и постепенно приведшая к созданию новых сюжетов сказок, в большей степени отражающих актуальные для этого времени представления и проблемы²².

В настоящее время все чаще создаются, так называемые, постмодернистские сказки, которые пронизаны интертекстуальными включениями и представляют собой ироничную интерпретацию и классической сказки, и современной действительности²³. По мнению Кристины Баччилеги, в постмодернистской сказке происходит деконструкция канонической сказки, традиционный мир которой представляет патриархальную социальную структуру, предполагающую определенные взаимоотношения между людьми, их модели поведения, моральные ценности и культурные гендерные паттерны²⁴. В сказках постмодерна, в том числе – сказках драматического рода, авторы, зачастую, ставят под сомнение традиционный контент, конструируют новый, меняя при этом значение сказок, которые становятся объектом новых гендерных конфигураций.

В данной статье предпринята попытка проанализировать гендерные роли персонажей в пьесах-сказках российских драматургов Анны Яблонской, Ирины Васьковской и Анны Богачевой в зависимости от степени

²¹ Е. Здравомыслова, Е. Герасимова, Н. Троян, *Гендерные...*, там же.

²² О.Г. Лопухова, *Трансформация гендерных образов в текстах русских волшебных сказок*, „Вестник ТГГПУ” 2009/16, с. 136-141.

²³ W. Kostecka, *Baśń postmodernistyczna...*, с. 80.

²⁴ С. Bacchilega, *Postmodern Fairy Tales. Gender and Narrative Strategies*, Philadelphia 1997, с. 22-23.

традиционности сюжета, связанного с фольклорной, литературной традицией или современной действительностью, иронически отраженной в сказочном действии. Выяснить, как образы сказочных героев, их гендерные роли, переданные в семантических характеристиках и действиях, воплощают гендерные стереотипы; определить как практика взаимодействия мужского и женского в сказочной действительности поддерживается и воспроизводится в структурах сознания детского зрителя, помогая ему в становлении гендерной идентичности.

Прослеживая различные тенденции в трактовке гендерных ролей мужских и женских персонажей, сравнивая их с традиционными стереотипами и с современными гендерными представлениями, пьесы-сказки драматургов можно отнести к трем группам/категориям.

Первую группу составляют пьесы, в которых традиционные гендерные роли персонажей соответствуют схеме русской народной сказки, отображающей патриархальную картину мира. К этой группе можно отнести драмы-сказки Богачевой *Зачарованное царство* и *Волибное кольцо*, в которых сюжет фольклористически стилизован и отличается традиционно пассивными женскими образами, контрастирующими с активными мужскими.

В драме-сказке *Зачарованное царство* реализуется мотив изгнания героем вражеской силы, в данном случае – сна и дремы, из царства и получения в награду руки царевны. В своей пьесе Богачева выстраивает взаимоотношения героев, определяет их гендерные роли согласно схеме русских волшебных сказок более позднего периода (по определению Лопуховой²⁵). В частности, мужским персонажам присуща активная гендерная роль в спасении царевны и всего царства, при этом используется прием мужской дружбы главного героя Андрея с его помощником Григорием. С образом Андрея контрастирует пассивностью женский образ Царевны Софьи, гендерная роль которой сконцентрирована на ожидании жениха. Этой героине не свойственны ни поступки, ни самостоятельные решения. Основной характеристикой Царевны является ее красота, а главным жизненным устремлением – замужество. Пассивность образа передается также в том, что Царевна просыпается последней после изгнания из царства дремы и сна.

В другой сказочной пьесе Богачевой *Волибное кольцо* главный герой, благодаря доброму сердцу, обретает помощников и волшебное кольцо, что позволяет ему выбрать невесту из царской семьи – Царевну Ульянку. Согласно патриархальному обычаю сватовство происходит без активного участия девушки. В отличие от Царевны Софьи, Царевна Ульянка не является положительным персонажем, это пример «женской неверности». В пьесе она представлена коварной, желающей уничтожить героя. Тем не

²⁵ О.Г. Лопухова, *Трансформация...*, там же.

менее, личностные особенности Царевны Ульянки, ее внутренние побуждения в сказке Богачевой не обозначаются, женский образ дан схематично, как в классической русской сказке. Мужской герой с помощью волшебства избавляется от «плохой» жены и находит «хорошую». Хотя один женский образ сменяется другим, его гендерная роль по-прежнему пассивна. Семантика положительного женского образа раскрывается только за счет противопоставления этого персонажа отрицательной героине. Гендерная модель женских образов не трансформируется в процессе развития сюжета. Активным в драме-сказке Богачевой, как и в русской волшебной сказке, остается мужской образ. Тем самым, гендерные роли персонажей представлены в пьесах-сказках Богачевой традиционно, согласно патриархатному стереотипу, преобладающему в русских народных сказках.

Драма-сказка Яблонской *Русский лес* квалифицировалась автором среди других своих сказочных пьес как «сказка для взрослых». Сюжет сказки развивается на фоне ситуации, когда не всегда уловима грань между реальной действительностью и вымышленной. Сказочное начало проявляется в чудесном появлении гигантского яйца, а потом птенца Птерозавра, о котором заботятся обитатели леса, с этим событием, в основном, и связаны коллизии в фабуле сказки. Персонажная схема включает людей и животных. Гендерные модели персонажей в пьесе выявляют стереотипы отношений в российской семье и обществе, поэтому соответствуют патриархатному стереотипу. Например, гендерная роль персонажа Фермерши пассивна, однако, в характере героини присутствуют реалистические черты предприимчивости, во многом свойственные современной русской женщине. Зная, что муж не выносит ее слез, Фермерша манипулирует этим, добивается исполнения любого желания, т.е. можно сказать с иронией, что именно роль женщины с ее умением сыграть на зависимости и пассивности «слабого пола» часто доминирует в современной семье:

ФЕРМЕРША (начинает плакать) Ты мне всю жизнь перепога-а-а-анил! Всю жизнь с ним промуча-а-ала-ась! Счастья не ви-идела-а-а-а! Все подруги мои – в городе, в офисах, среди людей, а я в земле ковыряя-я-яюсь, как крепостна-а-а-ая!(...) Я жизни нормальной хотела! Я в театр ходить хотела, платье вечернее надевать! В кино, в ресторан! А здесь - куда я хожу? в огород хожу в босоножках стоптанных! (...)Что за жизнь у меня?! Что за жизнь у меня такая?!! Уеду! К маме уеду! Сегодня же! Первой же электричкой! Сам живи в своем огороде!

ФЕРМЕР. Хватит! Куплю я тебе свинью! (...)

ФЕРМЕРША. Правда, купишь?

ФЕРМЕР (мрачно) Сказал же – куплю!

ФЕРМЕРША (обнимает фермера) Коленка, я так тебя люблю! Ты у меня самый лучший!²⁶

²⁶ А. Яблонская, *Русский лес*, сказка, источник: [online] <http://www.theatre-library.ru/authors/ya/yablonskaya> [20.01.2020].

Патриархатность гендерной роли угадывается также через гипертрофированную любовь героини к карликовой свинке Пончо, которая ей «как дочь». Тем самым еще раз подчеркивается ирония гендерного образа, включающего трансформацию традиционных стереотипов сознания, отражающих, в данном случае, взгляды на семейные ценности.

Некоторые особенности русского сознания, связанные с гендерными стереотипами, наблюдаются также в характерах и сказочных образах животных, представленных в драме-сказке Яблонской. Гендерные роли персонажей Хряка и Пончо, таким образом, соответствуют традиционным взглядам на взаимоотношения в российском обществе, когда в ситуации, связанной с чувствами, ожидается типично мужское и типично женское поведение героев. Поэтому персонажу Хряка свойственны все качества мужчины – физическая сила, застенчивость, неумение говорить о своих чувствах. В то время как Пончо — подчеркнуто женственна, романтична, она мечтает о любви и жизни на природе.

ПОНЧО. Если б вы знали, какие чванливые и скучные эти элитные свиньи! Я ни за что бы не водилась с ними, если бы не хозяин питомника, в котором я родилась... Он был помешан на всех этих чемпионатах и конкурсах! Как будто в свинье главное – это количество медалей! В свинье главное – душа! (...) Если б вы знали, как я мечтала о спокойной, тихой жизни на природе, в лесу...²⁷

В реплике «в свинье главное – душа» выступает аллегорично гипертрофированное представление о «настоящих душевных русских женщинах», для которых очень важно «женское счастье». В сказочной пьесе влюбленная свинка, борясь за свое счастье, совершает побег из дома, который является своего рода пленом, чтобы соединиться с возлюбленным. Это активное действие не нарушает гендерный стереотип, только подчеркивает параллель с классической сказкой, в которой героиня (матриархатного типа) способна на поступок. Важным в драме-сказке является мотив «спасения» Пончо Хряком, который старается показать свое чувство. Активная гендерная роль этого мужского персонажа направлена на то, чтобы подчеркнуть, что женский персонаж выступает в традиционной гендерной роли «слабого пола». Тем самым, иронично показывая предубеждения, драматург пытается обратить внимание на то, что в сознании большинства современных российских людей продолжает преобладать гендерный стереотип патриархального общества.

Вторую группу, условно обозначенную как смешанную по характеру гендерных ролей, составляют пьесы, в которых традиционные гендерные стереотипы противопоставлены персонажам, отличающимся большей независимостью и нарушающим своим поведением патриархальную традицию.

²⁷ А. Яблонская, *Русский лес...*, там же.

В драме-сказке Васьковской *Царевич Заморышек*, в фольклорной стилистике которой действуют законы классической сказки с патриархальным канонном, можно заметить как традиционной схеме противопоставлен активный образ главной героини Тамары. Героям-мужчинам (Черт, Братец, Заморышек/Гордей) в драме-сказке присуще стереотипно мужское поведение и цели, которые сосредоточены на достижении власти. Старший брат занимает трон по праву старшенства, безгранично пользуется своей царской властью. Младший старается найти возможность, чтобы реализовать свои мечты и стать правителем. Черт манипулирует героями, чтобы использовать свое влияние для достижения реальной власти в государстве. В представлении мужских сказочных персонажей, их активных гендерных ролей наблюдается следование канону русской сказки, хотя Васьковская все-таки несколько отступает от привычных сказочных схем. В классической сказке красота героя свидетельствует о его превосходстве, иногда происходит внешняя метаморфоза героя в награду за его подвиги. В драме-сказке *Царевич Заморышек* главный герой не совершает героические поступки. Неприметный, но добрый Заморышек превращается в красавца Гордея, становится бездушным царем (за превращение он отдает душу Черту). Положительный образ, тем самым, трансформируется в отрицательный, однако гендерная роль главного героя не изменяется: это по-прежнему активный мужской стереотип. Образ Матери героев также соответствует патриархальной гендерной модели. Героиня как бы непосредственно отрешена от всего происходящего в действии пьесы. Этот пассивный женский образ вписывается в стереотип, представляющий женщину, прежде всего, как мать, для которой семья и дети значат больше, чем весь «мужской» мир, что подтверждается ее поведением и высказываниями.

Мать (*братцу*). Тише, лисонька, горлышко надорвёшь (*Заморышку*) Заморышек, иди ты отсюда, Христа ради. <...>

Мать. Ты у матушки радость, ты утешение (*треплет Братца по щеке*) И лицом пригож, и сердцем твёрд – настоящий царь. А тот, видно, всю жизнь так и будет птичек лепить: ничего-то ему больше не надобно. Ты у меня отрада, ты у меня золотце (*примеряет Братцу рубашку*)²⁸.

Исключением в персонажной схеме пьесы, как было сказано выше, является образ главной героини Тамары. Она представляет активное женское начало в пьесе: становится спасителем Заморышка, возвращая ему душу и помогая освободиться от нечистой силы. Ее гендерная роль свидетельствует о активной позиции по отношению к себе, миру и окружающим, противопоставляется пассивной роли Матери. Героиню характеризует не-

²⁸ И. Васьковская, *Царевич Заморышек*, сказка, источник: [online] https://theatre-library.ru/authors/v/vaskovskaya_irina [12.09.2020].

зависимый подход к жизни, в частности, несогласие с насильно навязанным ей браком.

Заморышек. Пойдешь за меня замуж.

Тамара. Нет.

Заморышек. А я прикажу.

Тамара. А я девушка вольная – что мне твои приказы.²⁹

Тем самым, в пьесе Васьковской *Царевич Заморышек* гендерной схеме русской сказки, в которой доминируют представления патриархального общества, противопоставлен активный женский образ, гендерная роль которого отражает современные феменистские представления.

К этой же группе пьес можно отнести драму-сказку Яблонской *Дюймовочка и мотылек*. В оригинальной сказке Андерсена, по мотивам которой написана пьеса, Дюймовочке присуща пассивная гендерная роль, подчеркнутая хрупкой наружностью и физической слабостью. Героиня Андерсена не предпринимает активных действий, избегает различных превратностей судьбы только благодаря счастливим обстоятельствам. В пьесе Яблонской, образ Дюймовочки также характеризуют красота и незащищенность. Однако, только на первый взгляд может показаться, что гендерная роль персонажа соответствует стереотипу «слабого пола». Маленькая героиня Яблонской многократно активно сопротивляется патриархальным правилам сказочного общества. Она сознательно не соглашается на брак без любви, несмотря на материальную выгоду или высокое положение в обществе. Все это способствует тому, что образ героини приобретает черты активного женского образа. Тем самым, ее измененная гендерная роль противопоставляется гендерным моделям остальных персонажей пьесы, которые соответствуют схеме классической сказки. Жаба-сын, Жук, Крот добиваются руки главной героини, т.е. мужским персонажам свойственна активная гендерная роль, в то время как гендерная роль Мыши (аллегорический образ русской женщины) пассивна. Она, не задумываясь, следует правилам, присутствующим в окружающем ее обществе, поэтому ее роль сводится к правильным и «добрым советам».

К последней группе относятся пьесы-сказки, в которых наблюдается критика традиционных гендерных стереотипов, появляются женские образы, в характерах и поведении которых можно заметить феминистические проявления, соответствующие современным гендерным представлениям. Примером такой пьесы может быть драма-сказка Богачевой *Волшебник изумрудного города* – инсценировка сказки Александра Волкова, в основе которой, в свою очередь, лежит сюжет американской литературной сказки

²⁹ И. Васьковская, *Царевич...*, там же.

Лаймена Фрэнка Баума *Удивительный волшебник из страны Оз* (Luman Frank Baum, *Wizard of Oz*).

Нужно заметить, что персонаж Дороти в сказке Баума принадлежит к героиням «нового времени», связанного с феменистскими идеями, бунтующими против традиционного гендерного разделения ролей. Подобный гендерный образ женщины восходит к прототипическому образу мужчины, т. к. она обладает качествами характерными для мужчин (смелость, решительность, отвага) наравне с присущими ей женскими чертами³⁰. Волков в своей сказочной повести, изменяя имя (Элли), возраст и некоторые другие черты героини, оставляет ее решительный характер, отвагу, способность не только принимать решения, но и отвечать за их последствия. Повесть Волкова появилась в 1936 году, когда в советской, а особенно детской литературе отсутствовали гендерные практики. Хотя официальная пропаганда подчеркивала роль женщины в советском обществе, на деле доминирующая роль отводилась мужчинам. Тем не менее, детская литература была призвана воспитывать в детях активную жизненную позицию; пропагандировать равноправие в поведении, образовании, выборе профессии мальчиков и девочек, т.е. в социальном аспекте провозглашалось равенство полов, преодолевающее патриархатные стереотипы. Авторская сказка Волкова полностью соответствует этим требованиям, на протяжении многих лет она была более известна в России, чем сказка Баума.

В пьесе-сказке Богачевой повторяется не только сюжет сказки Волкова, но и его персонажная схема. Главная героиня Элли, как и ее прототипы, также обладает такими качествами, как способность принимать самостоятельные решения, отважно противостоять превратностям судьбы. Активная гендерная роль Элли проявляется и в том, что она, следуя своим принципам, является лидером и наставницей своих новообретенных друзей: Страшила, Дровосека и Льва. Главной особенностью гендерных ролей этих мужских персонажей является присутствие в их характерах и действиях стереотипно предполагаемой женской черты – неуверенности в себе. Преодолеть эту негативную (для мужчин) черту им помогает Элли, показывая своим поведением пример для подражания. Помогая ей преодолеть трудности по дороге в Изумрудный город, Страшила, Дровосек и Лев смогли поверить в себя, проявить настоящие мужские качества, оценить дружбу. Тем самым, содержание как мужских гендерных ролей, так и женской роли главной героини, включает и типично мужские качества и типично женские, что характерно для комбинированного гендерного стереотипа, представленного в советской литературе³¹. Кроме этого, образы героев в пьесе Богачевой несут большой воспитательный заряд для

³⁰ М.Л. Болонева, *Концепты...*, с. 47-48.

³¹ Е. Здравомыслова, Е. Герасимова, Н. Троян, *Гендерные...*, там же.

детской публики, так как позволяют ребенку соотносить себя с персонажами, выходящими за рамки патриархатного гендерного стереотипа, характерного для классических сказок.

В двух версиях пьесы Васьковской *Сказка* представлен женский образ, гендерная роль которого также не связана с патриархальной традицией классической сказки, а подчеркивает современные феменистские требования. Героиней «нового времени» предстает Принцесса, дочь Кашея. Предлагая видение главной героини с современной позиции и подчеркивая достоверность образа внешними признаками (одежда, молодежный сленг современной девушки), автор не настраивает детского зрителя против образа «принцессы», который стереотипно должен ассоциироваться с хорошими манерами, воспитанностью и культурным поведением. Тем не менее Принцесса показана бунтаркой, она активно противится меркантильному браку для денег. Ее гендерная роль не свойственна сказочной принцессе, а старания отца перевоспитать ее можно расценивать как попытку навязать ей традиционную женскую пассивную модель поведения. В пьесе-сказке появляется юноша-герой, активная гендерная роль которого связана с идеей добра, а его поступки и принципы должны уберечь Принцессу от зла. Однако, заложенное в сюжете перевоспитание главной героини не меняет ее активной гендерной роли, напротив, она помогает измениться Кашею, образ которого трансформируется из злодея в любящего отца.

В драме-сказке Васьковской *Как спасти папу, похищенного сказочным драконом*, героями становятся дети, мальчики и девочки, которые активно участвуют в спасении своих отцов. Поведение детей не зависит от пола, нет разделения по гендерному признаку, т.е. можно говорить о том, что в пьесе Васьковской наблюдается «эгалитарный гендерный стереотип, свойственный современным сказкам»³².

Образы взрослых персонажей символичны: матери, для которых важен стереотип «добродетельной женщины» и отцы, «очень занятые работой». Мужские образы критически представлены через гендерную роль отцов, непринципиальных к воспитанию своих детей и развлекающихся в офисе под видом работы. Гендерные модели женских образов показаны как пародия (стереотип западных домохозяек 50-х годов XX в.), критикующая роль женщины как «типичной домохозяйки», заботящейся о благосостоянии своих детей, но мало интересующейся их духовной жизнью. Важно заметить, что в пьесе прослеживается критический взгляд на традиционные гендерные стереотипы, что позволяет подчеркнуть современную концепцию, провозглашающую эгалитарные принципы и равные права мужчин и женщин в воспитании детей, в разделении обязанностей в семье не зависимо от половой принадлежности.

³² Е. Здравомыслова, Е. Герасимова, Н. Троян, *Гендерные...*, там же.

Подводя итоги, можно сказать, что в проанализированных драмах-сказках Анны Богачевой, Ирины Васьковской и Анны Яблонской находят место как образные модели персонажей, гендерные роли которых свойственны патриархатному стереотипу, характерному для классических русских сказок, так и образы, гендерные роли которых изменились под влиянием феменистских представлений.

Патриархатный стереотип используется авторами, с одной стороны, по-видимому, для того, чтобы вызвать ассоциации с русскими волшебными сказками, посредством которых дети усваивают примеры для подражания и приобретают установки на поведение, определяемые обществом как соответствующие их полу. Драматурги, подчеркивая связь со сказочной традицией, воспроизводят в персонажах физические, психологические и личностные черты типично характерные для мужчин и женщин, предлагают героям традиционные гендерные роли, тем самым, подводят детского реципиента к усвоению и развитию навыков, необходимых для эффективного выполнения ролей, предписанных мужчинам и женщинам³³. С другой стороны, по нашему мнению, авторы сознательно используют в своих драматических сказках традиционные гендерные модели как необходимость, способную показать всю иронию того, как в сознании и ментальности большинства современных российских людей продолжает преобладать гендерный стереотип патриархального общества.

В то же время, в пьесах-сказках Богачевой, Васьковской и Яблонской через позицию мужских и, особенно, женских персонажей, трансформацию их гендерных ролей, воспроизводится новая гендерная культура современного общества, отражающая и феменистские настроения и эгалитарную ролеполовую систему, что способствует формированию нового мышления и нового гендерного сознания у детей и подростков.

ЛИТЕРАТУРА

- Болонева М.Л., *Концепты Woman и Man в дискурсе сказки*, „Вестник ИГЛУ” 2014, №1(26).
Васьковская И., *Царевич Заморышек*, сказка, источник: [online] https://theatre-library.ru/authors/v/vaskovskaya_irina [12.09.2020].
Жабаева С.С., *Гендерная стереотипизация сказочных образов*, „Вестник Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова” 2016, источник: [online] http://ksu.edu.kz/images/news/slider/2016/portfilio3/gendermaya_stereotizaciya_skazochnyh_obrazov.pdf [25.10.2019].

³³ J. Spence, *Gender Identity and Its Implications for the Concepts of Masculinity and Femininity*, „Nebraska Symposium on Motivation” 1984/32, p. 68.

- Здравомыслова Е., Герасимова Е., Троян Н., *Гендерные стереотипы в дошкольной детской литературе: Русские сказки*, „Альманах женского клуба «Преображение»”1998/6, источник: [online] <http://www.owl.ru/library/001t.html> [29.09.2020].
- Коновалова С.А., *Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте русской народной волшебной сказки*, Москва 2005.
- Лейн Л., Хоун Э., *Золушка и стеклянный потолок: и другие феминистские сказки*, рус. перевод А. Капелян, Москва 2020.
- Лихачев Д.С., *Концептосфера русского языка*, [в:] *Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. Ин-т народов России*, под общ. ред. Нерознака В. П., Москва 1997.
- Лопухова О.Г., *Трансформация гендерных образов в текстах русских волшебных сказок*, „Вестник ТГГПУ 2009/16.
- Мухортова Е.А., *Истоки гендерных исследований [в:] Теория и практика гендерных исследований в мировой науке, Сборник материалов международной научно-практической конференции*, Пенза 2010.
- Полева О.И., *Формирование гендерных представлений у старших дошкольников на основе народных сказок*, „Альтернант-2015”, источник: [online] <https://conf.grsu.by/alternant2015/index-42.htm> [25.10.2019].
- Сапогова Е.Е., *Опыт психологической интерпретации мужской концептосферы*, „Известия ТулГУ” 2005. Серия «Психология». Вып. 5/1, под ред. Е.Е. Сапоговой.
- Словарь FEMINISTEERIUM*, источник: [online] <https://feministeerium.ee/ru/slova-nedeli-gendernaya-rol> [25.09.2020].
- Словарь гендерных терминов*, сост. З.В. Шевченко, Черкасы 2016, источник: [online] <http://a-z-gender.net/gendernaya-rol.html> [25.09.2020].
- Слышкин Г.Г., *Гендерная концептосфера современного русского анекдота*, „Гендер как интрига познания (гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации)” 2002.
- Яблонская А., *Русский лес*, сказка, источник: [online] <http://www.theatre-library.ru/authors/ya/yablonskaya> [20.01.2020].
- Bacchilega C., *Postmodern Fairy Tales. Gender and Narrative Strategies*, Philadelphia 1997.
- Hubbs J., *Mother Russia. The Feminine Myth in Russian Culture*, Bloomington and Indianapolis 1988.
- Kostecka W., *Baśń postmodernistyczna: przeobrażenia gatunku. Intertekstualne gry z tradycją literacką*, Warszawa 2014.
- Kostecka W., *Baśniowe herstory. Postmodernistyczne strategie reinterpretacyjne Angeli Carter, Tanith Lee i Emmy Donoghue*, „Creatio Fantastica” 2016/2(53).
- Spence J., *Gender Identity and Its Implications for the Concepts of Masculinity and Femininity*, „Nebraska Symposium on Motivation”1984/32.
- Zipes J., *Don't Bet on the Prince: Contemporary Feminist Fairy Tales in North America and England*, Gower, New York 1986.
- Электронный источник: [online] <https://ru.wikipedia.org/wiki> [28.09.2020].

GENDER ROLES OF CHARACTERS IN DRAMATIC FAIRY TALES

BY ANNA BOGACHEVA, IRINA VASKOVSKAYA, ANNA YABLONSKAYA

Summary

Classic fairy tales have always been intended to educate children and support their understanding of the world. In the Russian context, fairy tales are still one of the main sources of information on gender roles for children. The very strict definitions of femininity and masculinity in

fairy tales form equally strict gender stereotypes in the children's minds and determine their relationship with the world and society on a personal level. This article attempts to analyze the gender roles of characters in fairy-tale plays by Russian playwrights Anna Yablonskaya, Irina Vaslovskaya, and Anna Bogacheva, and to find out which gender role stereotype group they belong to. Furthermore, the goal of the article is to discern to what extent the translation of motives, images, symbols, and codes forms consciousness and contributes to both the socialization and the development of gender identity in children and adolescents.

Keywords: dramatic tales, gender role, gender stereotype, feminist studies

Екатерина СТРЕЛЬНИКОВА

Воронежский государственный университет, Россия
svstrelnikov@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-7260-6883

ОБРЕТЕНИЕ МИРОВОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ В ПОЭМЕ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО *ВОЙНА И МИР*¹

Ключевые слова: Маяковский, неомифологизм, мифопоэтика, дионисийство, аполлонизм

Пожалуй, нельзя отрицать, что лирический герой каждого поэта – особенное, исключительное существо, в мыслях которого – и связь времен, и срез эпохи, и собственное мироощущение, будь оно возвышенно-трагическим или подчеркнуто циничным. Литературоведение исполнено самых разнообразных исследований и рассуждений на темы уникальности каждого героя каждого автора – и, тем не менее, мало кто остается равнодушным, говоря о лирическом герое Владимира Маяковского. Что скрывается за подобным вниманием к его (героя) персоне? Тот ли факт, что жизненный путь автора не был лишен взлетов и падений, часто противоречивых и неоднозначных? То ли, что неослабевающая мощь авторского голоса воспевала сначала собственную индивидуальность, а после – видимую соотнесенность с общественным сознанием? Или же то удивление, с которым читатель и исследователь сопоставляет, к примеру, поэмы *Облако в штанах* (1915) и *Хорошо!* (1927) – сопоставляет и зачастую не может проследить причины феноменальной перемены в настроении, тональности, авторской позиции.

Перед нами не стоит цель в рамках данной статьи подробно проанализировать весь путь творческой эволюции Маяковского. Однако проследим представляющуюся нам однозначной логичность развития авторской мысли. Картина мира, красочно и многогранно отображенная Маяковским на страницах собственных произведений, может казаться до странности непоследовательной – где на страницах послеоктябрьской лирики тот романтически-обособленный бунтарь, который в тексте 1913 года «одинок, как

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90016.

последний глаз у идущего к слепым человека»²? И где в поэме *III Интернационал* (1920) то поражающее воображение многообразие эмоций, отчаянных и громких, как, к примеру, во *Флейте-позвоночнике* (1915)?

Но творческая эволюция эта (революция?) оправдана и логична – и в этом наше искреннее убеждение, основанное на максимально всестороннем анализе произведений автора с точки зрения их неомифологической структуры и неразрывности единого лирического сюжета.

Ранние произведения Маяковского – пример мифотворчества в литературе. В рамках литературоведения термины, связанные с мифом, мифологией и мифотворчеством, зазвучали с появлением в 1802-1805 гг. труда Фридриха Шеллинга *Философия искусства*³. Шеллинг утверждал, что мифотворчество в искусстве принимает вид индивидуальной творческой мифологии. Роман Якобсон определяет индивидуальную мифологию как единство постоянных элементов, выраженных ситуативно и лексически и накладывающихся на произведения автора «печать поэтической личности»⁴.

Актуальность мифопоэтической концепции в изучении творчества Маяковского подчеркивается рядом исследователей. Павел Климов⁵ обосновывает связь поэтики Маяковского с архаическим мышлением. Константин Петросов⁶ неоднократно называет художественное время ранних произведений Маяковского мифопоэтическим, а Денис Шалков⁷ утверждает, что Маяковский в своих текстах воссоздает персональную христологию и космогонию, которые связаны с преломленной традицией библейской и фольклорно-мифологической семиосферы.

Исследования мифопоэтики в рамках отечественного литературоведения значительны и не единичны (Борис Успенский, Владимир Топоров, Сергей Аверинцев, Татьяна Цивьян и др.) – в т.ч. и в области литературы модернизма (особенно символизма и акмеизма). Однако Юрий Лотман, Зара Минц и Елеазар Мелетинский⁸, анализируя связь модернистской литературы начала XX века с категорией мифа, отмечают, что, скорее,

² В.В. Маяковский, *Полное собрание сочинений: в 13 т.*, Москва 1955–1961, т.1, с. 49.

³ См.: Ф. Шеллинг, *Философия искусства*, Москва 1966.

⁴ Р.О. Якобсон, *Статуя в поэтической мифологии Пушкина*, [в:] *Работы по поэтике*, под ред. М.Л. Гаспарова, Москва 1987, с. 145.

⁵ См.: П.А. Климов, *Мировоззренческие предпосылки поэтики В.В.Маяковского: автореф. дис. канд. филол. наук*, Москва 2006.

⁶ К.Г. Петросов, *Земля и небо в поэме Маяковского «Человек»*, „Вопросы литературы” 1987/8, с. 121–145.

⁷ См.: Д.Ю. Шалков, *Библейские мотивы и образы в творчестве В.В.Маяковского 1912–1918 годов: дис. канд. филол. наук*, Ростов-на-Дону 2008.

⁸ Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, Е.М. Мелетинский, *Литература и мифы*, [в:] *Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т.*, под ред. С.А. Токарева, Москва 1988, т.2, с. 58–65.

уместно говорить не о мифологизации литературы, а о ее неомифологизации. Исследователи утверждают на примере творчества Рихарда Вагнера и Фридриха Ницше возможность неомифологических структур становиться языком художественных текстов на рубеже XIX-XX вв., а после формулируют основные особенности неомифологизма, характерные для модернистских произведений. Миф может не являться единственной линией повествования; он сложно соотносится либо с другими мифами, либо с темами истории и современности. Отсюда – вариации на мифологические темы и сюжеты и создание авторами собственных мифов (в т.ч. индивидуальной авторской мифологии. – Е.С.), а также использование мифа в качестве языка-интерпретатора истории и современности» (и включение его, таким образом, в новую социальную мифологию. – Е.С.).

Несмотря на то, что упомянутые нами особенности неомифологизма были сформулированы и доказаны Лотманом, Минц и Мелетинским преимущественно на примере произведений символистов, обозначенные особенности свойственны и ранним произведениям футуриста-Маяковского. Отсюда – наша уверенность в применимости неомифологического метода к анализу произведений автора. Обозначим же особенности неомифологического конструкта, воссозданного Маяковским в той или иной степени во всех ранних текстах, ставшего их истоком и основой. Неомифологический подход обеспечит нам возможность рассмотрения подавляющего большинства произведений автора как единого поэтического высказывания с одним и тем же последовательно развивающимся лирическим героем и сквозным лирическим сюжетом.

Окружающий лирического героя ранних произведений Маяковского мир – это тотальный хаос и дисгармония, жестокость и косность. Мир (природа (*За женщиной*), вещи (*Скрипка и немножко нервно*), городское пространство (*Несколько слов о моей жене*), сама Земля (*От усталости*)) страдает от натиска безобразного человечества. Только оставленный людьми на ночь город живет полноценной, одушевленной (одухотворенной) и свободной жизнью, исполненной любовью (*Порт, Военно-морская любовь*). Вдохновение, спокойствие, защищенность чувствует и лирический герой – он органичен с окружающим его ночным пространством; звёзды над его головой – торжество надежды и собственной, неповторимой веры в мир (*Послушайте!*). Ночное пространство сродни небесному миру – в том его понимании, которого означает гармонию и одухотворенность; дневное – пространство пошлости, низости и порока, не случайно названное самим автором «адищем»⁹.

⁹ В.В. Маяковский, *Полное собрание сочинений: в 13 т.*, Москва 1955–1961, т.1, с. 55.

Но с наступлением утра «безобразные» люди выходят на улицы городов, и мир теряет ночное спокойствие. Вот и не остается рано или поздно востоку (природе, мирозданию) ничего, кроме как «напасть», «убить» – сделать все возможное для собственной защиты. Функцию «палача» для «безобразной» толпы выполняет Солнце – проезжающий по небу на своей колеснице Аполлон (*За женщиной*) сливается с образом жестокого Наполеона, который вырезает «ночь из окровавленных карнизов»¹⁰. «Утренняя» граница между пространством звезд, луны, сумерек и солнца, лучей, света несет разрушение и смерть.

Началу аполлоническому всегда противопоставлено начало дионисийское; тексты Маяковского – не исключение, и фигуре Диониса в них отведено намного большее внимание, нежели его антиподу. Противоборство Диониса и Аполлона на страницах ранних произведений Маяковского нашло свое отражение в вечной борьбе ночи и утра. Аполлон (бог Солнца, Феб) связан с образом неба и мотивом восхождения на небо, отсюда – его гармоничность и воссоединяющая сила. Дионис (которому Овидий в *Метаморфозах* приписывает эпитет «ночной») – бог растерзанный и страдающий, который нисходит к людям и в жертву приносит «свою божественную полноту и цельность»¹¹.

Дионисийское начало невозможно без аполлонического, которое его определенным образом стабилизирует и сохраняет его сущность за порогом смерти для нового возрождения. Аполлоническое есть условие вечности дионисийского начала, вечного возрождения и нисхождения от богатоца на землю¹², а Дионис, бог смерти и распада, «есть вместе и бог возрождения»¹³. Таким образом, аполлоническое и дионисийское не представляют собой оппозицию; скорее речь идет о диалектике двух начал.

И не только окружающий мир, но и сам лирический герой – отражение дионисийского начала во всей его неоднозначности и дисгармонии. Дионисийство лирического героя сопровождается потерей собственной целостности, мотивом безумия, сумасшествия, преследования, а также сюжетом двойного рождения, земного и небесного (Богоматерь на Земле и Бог-Отец в небе). Отдельная «дионисийская» черта лирического героя Маяковского – его двойственная сущность «жестокого, одичалого демона и благого, кроткого властителя»¹⁴. Судьба бога-Аполлона – вселенское посланничество с целью достижения людьми совершенства и гармонии. Судьба

¹⁰ В.В. Маяковский, *Полное собрание сочинений: в 13 т.*, Москва 1955–1961, т.1, с. 73.

¹¹ Вяч.И. Иванов, *Дионис и прадионисийство*, Санкт-Петербург 1994, с. 166.

¹² Там же, с. 167.

¹³ Там же, с. 169.

¹⁴ Ф. Ницше, *Рождение трагедии из духа музыки*, Москва 2012, с. 174.

героя-Диониса – «вечно обновляющаяся страстная смерть и божественное восстание из гроба»¹⁵.

Одновременно с этим лирический герой – не только языческое божество, но и проповедник высшей христианской мудрости, носитель высокодуховного нравственного начала. Еще Вячеслав Иванов в труде *Дионис и прадионисийство*¹⁶ утверждал, что суть аполлонического и дионисийского образов в древнегреческой мифологии отчасти могла послужить прообразом для становления основных фигур новозаветного христианства. Опираясь отчасти на эту точку зрения, мы рассматриваем лирического героя одновременно и как христианского Мессию. Посланный на Землю богом-отцом и покинутый им, лирический герой тщетно провозглашает заповеди всеобщей любви, принимает страстную смерть и возрождается снова.

От произведения к произведению, от текста к тексту лирический герой Маяковского пытается «достучаться» до глухого мира – не только до общества, которое в силу собственного невежества не может откликнуться душой на слова Мессии, но и до отца, и до неба, и до самой Вселенной. Его никто не слышит, на его страдания никто не обращает внимания. Безобразному «человечеству» чужд Человек; оно, состоящее из тех, у кого «хоть бы метка была в уголочке вышита»¹⁷, не способно принять и воспринять высшую правду, которая ему уготована. Толпа терзает и убивает чуждого ей лирического героя. Отец не принимает его и безучастен к его судьбе. Поэтому после очередной мученической смерти лирический герой, чувствуя ответственность перед собой и планетой снова и снова возвращается в мир безобразных людей, чтобы пытаться достичь гармонии и проповедовать духовную красоту и, наконец, стать Спасителем.

Таким образом, сквозной сюжет ранних произведений Маяковского – вечное путешествие (внешнее и внутреннее) между двумя пространствами, из которых складывается мир, – пространством небесным и земным, горным и дольным. Пророк, Мессия, раздробленный Дионис, Человек – лирический герой стремится достичь аполлонической гармонии, но терпит неудачу; как и раздраемый противоречиями мир, он не может обрести счастье и целостность, но, в то же время, земные страдания и муки, посланные герою небесным отцом, способствуют рождению Поэта (Творца), способного объединять миры земной и небесный.

Этот развивающийся и одновременно повторяющийся в каждом тексте лирический сюжет претерпевает постепенную эволюцию (равно как и ми-

¹⁵ Вяч.И. Иванов, *Дионис и прадионисийство*, Санкт-Петербург 1994, с. 57.

¹⁶ См.: Вяч.И. Иванов, *Дионис и прадионисийство*, Санкт-Петербург 1994.

¹⁷ В.В. Маяковский, *Полное собрание сочинений: в 13 т.*, Москва 1955–1961, т.1, с. 113. Остальные цитаты по этому изданию, страницы в скобках.

роошущение лирического героя). Основные и самые важные изменения относительно полно и осознанно становятся вербализованными в тексте поэмы *Война и мир* (1916, с. 209-242). Название поэмы *Война и мир* созвучно с названием известнейшего романа-эпопеи Льва Толстого, но отнюдь не является тождественным; так, произведение Толстого в дореформенной орфографии называется *Война и миръ*, в то время как произведение Маяковского носит название *Война и мiръ* (понятие «мiръ» обозначает планету, окружающий мир, общество). Название закономерно, поскольку поэма освещает особенности существующего миропорядка, демонстрирует место человека в окружающем мире, а также показывает причины его страданий, разобщенности его сознания, катастрофы отсутствующей в мире гармонии.

Общество в ранних произведениях Маяковского часто представлено большим и зараженным («каторжане города-лепрозория», с. 184). В строках поэмы *Война и мир* «диагноз» обреченному человечеству поставлен еще более конкретно. Более того: «зараженная земля / сама умрет» (с. 218), если кардинальным образом не провести ее лечение. Так, Первая мировая война, начавшаяся в 1914 году, – это кровопускание, которое земля устраивает человечеству, чтобы не умереть от его безобразности и косности. Потому реминисценция, заключающаяся в названии поэмы, из-за игры слов лишь частична; более того, война у Маяковского – закономерный итог проблем и болезней «мiра», потому и изображается поэтом как неотчуждаемое следствие. «Мiръ» не излечится сам; как мы уже отмечали выше, «мiръ», в который пришел лирический герой (Мессия, Спаситель, Творец), состоящий из аршинов «безлицого, розоватого теста» (с. 113), не готов воспринять призывы к состраданию и милосердию. Последний на земле носитель «любви к живому» (с. 211), как и в раннем цикле *Я*, лирический герой «одинок, как последний глаз / у идущего к слепым человека!» (с. 49) он «один / глашатай грядущих правд» (с. 212).

Поэтому в поэме война при всем ее кровавом ужасе, повлиявшем на антимилитаристский пафос более ранних произведений Маяковского, начинает осмысляться лирическим героем как единственно возможное очищение для погрязшего в безобразности и пошлости мира. И здесь, и в ряде других произведений война – катализатор превращения человека настоящего в человека будущего; это «новый закал» (с. 70), который приобретет тот, у кого ранее душа была «поэтами рыта» (с. 71) (не такими поэтами, как сам лирический герой, но поэтами, которых лирический герой в *Облаке в итанах* охарактеризует как «размокших в плаче и всхлипе» (с. 182). Война – «мировая кузня» (с. 71), откуда выйдут новые, приспособленные к жизни люди, спартанцы, сильные телом и духом, у которых

«душа канатом». Иных – не приспособленных к жизни в новом мире – заберет смерть. Они выполнили свою функцию «моста к людям будущего», согласно убеждению героя Фридриха Ницше (*Так говорил Заратустра*¹⁸), и лирический герой не жалеет о потере их жизней.

В начале поэмы в избытке встречаются нам уже традиционные для раннего творчества Маяковского метафоры: мир в поэме, ночи которого проходят «в чернь облачась, чредой монашьей» (с. 223) разгорается в костре наступающего утра. Огонь и жара превращают города и села в трупы, утро и солнце убивает ночь и звезды («звезд глаза повывлезли из орбит», с. 221). Ночь уже не может бороться с наступающим утром; она позволяет, чтобы «на нее / раскаленную тушу вскарабкал / новый голодный день» (с. 217), а звезды оказываются зажатыми в крыши человеческого мира, как в своеобразной тюрьме. Контрастом по отношению к обществу, лишённому красоты внешней вследствие отсутствия красоты духовной («ывывалился живот», «пот сиял», «лысины слиплись» (с. 214 и проч.), выступает страдающая от агонии земля («гниет земля», с. 216), испуганные звезды («Горсточка звезд, / ори!», с. 217) и вечер («Шарахайся испуганно, вечеринок!»).

Религия демонстрируется автором как отмежевавшийся от страданий человеческих институт («поднебесья соборов <...> обнеслись перилами», с. 220) ассоциирующийся не с достижением вечной жизни, а, скорее, с вечной смертью. Соборы метафорически сравниваются Маяковским со скелетами, а образ равнодушного Бога даже сопряжен с образом дьявола, который «над всем этим <...> зарево зевот дымит» (с. 225). Бог малодушен настолько, что даже покидает небеса, лишь бы лирический герой не пришел вновь к нему после мученической смерти (сюжет визита к Богу частотен для ранних произведений Маяковского – *Владимир Маяковский, Облако в штанах, Послушайте!, Человек* и проч.). Бог не «умер», но не находится на положенном ему месте, а за описанием его бегства следует описание пришедшего Апокалипсиса и ужасающей картины гниющих в вагоне трупов, у которых «на сорок человек – / четыре ноги» (с. 228).

Итак, перед нами война, перед нами мир. Дисгармония, хаос, смерть, страдания, отсутствие любви и взаимопонимания поглотили все окружающее пространство; эти характеристики окружающего пространства уже хорошо нам знакомы по иным текстам автора. Мир раздроблен. Он разобщен и болен, его разрывают на части маленькие безобразные люди, каждый из которых гонится за собственной выгодой. Люди (и даже Бог) слепы и не видят агонии, в которой бьется Земля.

¹⁸ См.: Ф. Ницше, *Так говорил Заратустра*, Москва 2014.

Трагедия лирического героя – Мессии, которого некому слушать, – также хорошо нам знакома. Он готов вновь принять мученическую смерть – но прекратит ли это череду его страданий и вечного дионисийства? Как помочь миру, заставить его себя воспринять и услышать? И в чем же коренное отличие образной системы поэмы от других произведений автора? В чем упомянутый нами переломный для раннего творчества Маяковского характер поэмы? Почему *Война и мир* – первый шаг лирического героя к тому мироощущению, которое знакомо нам по послеоктябрьским произведениям Маяковского?

Лирический сюжет поэмы носит вневременной характер и принадлежит разным пространствам: из пространства Первой мировой войны с описанием ее начала, причин, развития и апокалиптического конца мы вслед за лирическим героем перемещаемся в пространство аудитории, в которой лирический герой читает свое произведение. Пространство расширяется до бесконечности; время утрачивает свою линейность и становится проводником в иные исторические пласты. Лирический герой оказывается «на лобном месте», а толпа слушателей превращается в ту самую толпу фариисеев, которая уже осудила на смерть Иисуса Христа.

Лирический герой хочет искупить грех братоубийственной войны, которую затеяло человечество, и снять с людей клеймо убийц, разорвав тем самым цепь непрекращающейся жестокости. Клеймо убийцы лирический герой ставит на самом себе, разбивает «в поклонах колени» (с. 232) и готов «лоб разбивать в покаянии» (с. 233). Приходивший в мир людей снова и снова сквозь «веков веки» (с. 230). Мессия, как мы уже знаем из лирических сюжетов более ранних произведений, неизбежно терпел свое поражение. Он страдает от собственной несостоятельности, от ненужности собственного учения, от невежества и безобразности окружающих людей. И тот факт, что герой-Мессия не сумел донести собственное учение до толпы, страшным образом отразился на судьбе самого человечества. Война, ужасы которой так подробно описывает лирический герой в предыдущих главах поэмы, есть детище не только самого общества, но и многочисленных предшествующих неудач лирического героя.

Проходивший по векам лирический герой был на земле и во времена язычества, и в Античность, и в кровавое Средневековье. Воплощения лирического героя-Диониса многогранны и многочисленны: он и языческий жрец, и Нерон, и почти Христос. Всегда и везде «глухость» толпы к его проповедям влекла страшные испытания для человечества: жертвоприношения, пожары, пытки инквизиции. Винит себя лирический герой за всю кровопролитную историю человечества именно сегодня, во время очередного пришествия, выпавшего на время страшной Первой мировой войны. Трижды, как заклинание или молитву, герой повторяет собственную фа-

милию и подчеркнуто добровольно приносит себя в жертву («пусть с плахи не соберу разодранные части я», с. 233).

Кто виноват в том, что Мессия ни разу не нашел ни единого «настоящего» человека среди безобразных людей? Согласно ранней поэме *Облако в штанах*, виноваты сами люди, жестокие, лишенные чувства сострадания, не умеющие любить. В поэме *Война и мир* лирический герой переосмысливает роль Мессии и берет вину на себя: он виновен в том, что не сумел достучаться до очерстневших сердец, и потому именно он несет ответственность за все ужасы, которые произошли с человечеством, которое не приняло его учения.

В этом переосмыслении – принципиальное изменение позиции лирического героя по отношению к миру. Мессия – не пассивная жертва обстоятельств, вынужденная вечно зависеть от них; у такого Мессии не получится стать Спасителем. Лирический герой понимает, что он – некто, обладающий такой силой, что должен признать ее в себе – а вместе с тем – и собственную ответственность за «вверенный» ему мир. Снимая ответственность за «глухость» и «бездуховность» с мира и человечества, лирический герой очищает окружающее его пространство и тем самым дает ему возможность, наконец, услышать проповедуемые уже несколько тысячелетий заповеди добра и любви. Достижение человечеством гармоничного аполлонического состояния возможно лишь после исключительно добровольной жертвы лирического героя, который сам по себе, как и окружающий мир, был во власти начала дионисийского, расчлененного, трагического. Принеся искупительную жертву, лирический герой надеется на скорейшее наступление светлого будущего. Реминисценция евангельской истории воскресения Лазаря находит свое выражение в образе Земли и населяющего ее человечества.

И добровольная жертва лирического героя становится оправдана! «Очищенный» кровью лирического героя мир услышал его и изменился. Растерзанные войной люди в буквальном смысле обретают вновь свою целостность, трагедия растерзанности и расчлененности оканчивается новым обретением индивидуации. На смену Дионису приходит Аполлон во всей его гармонии и целостности: не случайно такое большое звучание получает образ солнца в пятой главе поэмы. Солнце теперь означает счастье, целостность, гармонию; оно греет новых людей, оно стало таким огромным, что «у капельной девочки / на ногте мизинца / солнца больше, / чем раньше на всем земном шаре» (с. 237).

Нигде ранее в произведениях Маяковского мы не увидим образ Солнца, связанный не с разрушением, а с гармонией; мир, достигнувший мировой целостности, спокоен и счастлив, равно как и лирический герой, кото-

рый наконец-то обрел внутреннее единство. *Война и мир* – первый поэтический опыт, в рамках которого автор вместе со своим лирическим героем обнаружил путь к достижению гармонии, счастья и целостности. Отсюда – светлый и положительный образ Солнца в ряде последующих (в т.ч. послеоктябрьских) произведений поэта: «Священнослужителя мира, отпустителя всех грехов, – солнца ладонь на голове моей» (*Человек*, с. 245); «И скоро, / дружбы не тая, / бью по плечу его я. / А солнце тоже: / «Ты да я, / нас, товарищ, двое!» (*Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче*, т. 2, с. 21-22).

Теперь каждый человек приобщен к мировой гармонии настолько, что становится ее жрецом, священником. Теперь мир существует во имя Человека (а Человеком стал каждый): Маяковский рисует грандиозную картину мирового единения, мировой целостности, сплоченности всех народов и наций, что ярко контрастирует с первыми главами поэмы.

Поразительно, но лирический герой вновь приходит на землю – однако уже не проповедовать, а взглянуть на плоды своей искупительной жертвы. Лирический герой оказывается неузнан, как и во время всех предшествующих пришествий, однако не тяготится этим фактом и забвением, которое история придала его искупительной жертве. Он и есть целый мир, и был им, когда стоял на лобном месте; он есть каждый отдельный Человек и все вместе одновременно, потому закономерно, что он не может быть осознан толпой как отдельная личность.

Лирический герой, наконец, обретает духовную гармонию, которую искал в течение тысяч жизней. Гармонию обретает герой и в любви: вспомним лирические сюжеты поэм *Облако в штанах* и *Флейта-позвоночник*, которые завершались неизменной любовной трагедией. Теперь возлюбленная лирического героя, которая тоже обрела в возрожденном мире новую жизнь, отвечает лирическому герою своей любовью и дополняет тем самым гармонию бытия. Облик возлюбленной сияет, подобно окружающему миру; теперь она не творение дьявола, «накрашенная, рыжая» (с. 203), глаза которой «ямами двух могил / вырылись в лице» (с. 206); теперь ее волосы золотые, а глаза цветут, как «два луга» (с. 239). Теперь возлюбленная лирического героя, как и окружающий мир, несет не смерть, а жизнь.

В новом мире, похожем на райское пространство, человек имеет право быть ребенком: «Я кувыркаюсь в них, / веселый ребенок». Напротив, в предыдущих произведениях Маяковский устами своего лирического героя призывал людей к как можно более быстрому взрослению; знаменитое «я люблю смотреть, как умирают дети» (*Несколько слов обо мне самом*, с. 48) говорит читателю именно об этом. В чем причина такого призыва?

В том, что, чем быстрее люди обрастут «пытливой сединой волхвов» (с. 190), тем скорее наступит время настоящего человека. Скорее взросление человека, тем самым, становится для Маяковского и его лирического героя дорогой к человеку будущего.

А теперь, когда то самое светлое, гармоничное, аполлоническое будущее уже наступило, нет необходимости торопить время, как в предшествующих произведениях. Стремительность и неуловимость времени в прошлом меняется на неторопливое и равномерное течение в настоящем. Теперь, в счастье, свободе, гармонии есть возможность последовать завету Христа и действительно быть как дети. В ребенка образно превращается и сам лирический герой, счастливый в обретении долгожданной гармонии, любви и понимания. И все же неразрывно будущее глазами лирического героя связано с категорией «новых» людей: «порох Маринетти» (с. 240), который, как утверждает лирической герой, свойствен каждому молодому человеку будущего, обеспечивается и поддерживается «футуристическим» мировоззрением людей, живущих, как и он сам, не ради собственного настоящего, а ради будущего.

«Веселие, / смех, / звон» характеризуют счастливое пространство будущего, в котором оказался после стольких мытарств лирический герой. Буря сменилась спокойствием, а «вчера бушевавшие, / моря, / мурлыча, / легли у ног». Мировая гармония пронизывает все уровни нового мира: от природного мира («звери франтовато завили руно») до жизни правителей государств («цари-задиры / гуляют под присмотром нянь», с. 241) от применения военной техники (пушки «мирно щиплют траву») до отношений между героями Ветхого и Нового Заветов («видели / с Каином / играющего в шашки Христа», с. 241). Новое идеальное пространство характеризуется устами лирического героя словом «любовь», максимально созвучным с целью духовных исканий героя.

Переход героя и мира к аполлонической целостности еще не произошел окончательно: Маяковским лишь обрисован и намечен способ достижения этой гармонии. В последней строфе поэмы время возвращает нас назад, к середине четвертой части поэмы, где герой-Мессия на лобном месте провозглашает себя убийцей, и пространство вновь «темнеет» и трансформируется из аполлонического в дионисийское. Лирический герой просит людей принять его искупительную жертву, которую готовится совершить; он призывает толпу слушателей-палачей поверить в то, что его мученическая смерть является гарантом прихода «свободного» (с. 242) человека. Лирический герой Маяковского нашёл путь; остается дело за человечеством, которое после очищения кровью Мессии должно воспринять принесённым им заповеди.

Таким образом, процесс обретения мировой целостности остается не завершенным до конца: он лишь начался, но до всемирной гармонии будущего еще следует пройти немалый путь. Лирический герой видит перспективу своего жизненного пути в стремлении к переходу от дионисийской дисгармонии к аполлонической целостности; пока этого идеала не достигнет весь мир, его миссия на Земле не может считаться завершенной.

Тот факт, что вечная жизнь лирического героя, которую он видит перед собой, больше не сводится к череде тщетных смертей и возрождений, – важная кульминационная точка дооктябрьских текстов Маяковского. Не отворачиваясь от перипетий судьбы и не отрицая их, лирический герой теперь видит способ трансформации мироздания и предощущает возможность обретения на Земле нового отца и дома. От трагедии с говорящим названием *Владимир Маяковский*, трагедии существа непонятого и одинокого, лирический герой приходит к самоопределению в поэме *Человек* и четко обозначает место своей будущей жизни именно на Земле, постепенно соотнося себя с обществом.

Новым этапом жизни лирического героя и творчества Маяковского станет эпоха непосредственно после Октябрьской революции, когда устремления героя и общества сольются в едином порыве, когда гармоничное будущее будет казаться реальным и близким, когда сияющее на небе солнце будет созвучно все крепнущей и крепнущей целостности лирического героя, когда обретенный отец не будет «глух» к своему сыну. И изменившийся пафос произведений – от *Облака в штанах* к поэме *Хорошо!* – уже не будет удивлять так сильно.

Что ждет лирического героя и самого автора после, в полной ли мере достигнут они поставленной перед собой цели, окончательно ли превратятся из Дионисов в Аполлонов – вопрос, требующий отдельных рассуждений. Но уже тот факт, что цель поставлена, а путь для ее достижения, наконец, четко выверен и обозначен, делает поэму *Война и мир*, которую исследователи обычно не считают программным произведением Маяковского, важнейшей и даже революционной вехой творческой эволюции автора.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов Вяч.И., *Дионис и прадионисийство*, Санкт-Петербург 1994.
Климов П.А., *Мировоззренческие предпосылки поэтики В.В.Маяковского: автореф. дис. канд. филол. наук*, Москва 2006.
Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М., *Литература и мифы*, [в:] *Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т.*, под ред. С.А. Токарева, Москва 1988, т. 2.
Маяковский В.В., *Полное собрание сочинений: В 13 т.*, Москва 1955–1961, т.1.

- Маяковский В.В., *Собрание сочинений: в 8 т.*, Москва 1968, т. 2.
Ницше Ф., *Рождение трагедии из духа музыки*, Москва 2012.
Ницше Ф., *Так говорил Заратустра*, Москва 2014.
Петросов К.Г., *Земля и небо в поэме Маяковского «Человек»*, „Вопросы литературы” 1987/8.
Шалков Д.Ю., *Библейские мотивы и образы в творчестве В.В.Маяковского 1912–1918 годов: дис. канд. филол. наук*, Ростов-на-Дону 2008.
Шеллинг Ф., *Философия искусства*, Москва 1966.
Якобсон Р.О., *Статя в поэтической мифологии Пушкина*, [в:] *Работы по поэтике*, под ред. М.Л. Гаспарова, Москва 1987.

THE ATTAINMENT OF THE WORLD'S WHOLENESS IN THE POEM *WAR AND PEACE* BY VLADIMIR MAYAKOVSKY

Summary

This article is devoted to the issue of the neomythological construct in the early poem *War and Peace* by Vladimir Mayakovsky. The myth-making is one of the main methods in Mayakovsky's art. And the origins of the method lie in the special aspects of ancient myths of Dionysus and Apollo and also in the Christianity, and in the Friedrich Nietzsche's philosophy.

It is determined that the poem *War and Peace* is the turning point in the single lyrical plot of Mayakovsky's texts. That is the first time when the persona arrives at the harmonious world perception and when the whole world is ready to perceive him. This fact influences on the self-determination of persona and on his point of view on the Man and the Humanity. So in conclusion it is stated that this transformation defines the pathos of further poems and that the lyrical voice of the Mayakovsky's persona radically but unsurprising changed.

Keywords: Mayakovsky, neomythologism, mythopoetics, Dionysus, Apollo.

Софья ЧАЩИНА

Познаньский университет им. Адама Мицкевича, Польша
sofcha@st.amu.edu.pl

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ ДВОРЯНСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ: *ВИШНЕВЫЙ САД* АНТОНА ЧЕХОВА И *КУКЛА* БОЛЕСЛАВА ПРУСА)

Ключевые слова: Чехов, Прус, дворянство, социально-экономические процессы

Произведения писателей конца XIX – начала XX века примечательны тем, что погружают читателя в текст не только в художественном смысле, но позволяют увидеть экономическую и социальную реальность эпохи. Переломный момент, который произошел в это время, в значительной мере повлиял на дворянские семьи, что нашло свое отражение в романе Болеслава Пруса *Кукла* и в пьесе Антона Чехова *Вишневый сад*. Героини этих произведений – Любовь Раневская и Изабелла Ленцкая – очень похожи, обе представительницы дворянского, состоятельного рода, очень красивы, а их молодость проходит счастливо. Перед ними открывается перспектива блестящей жизни, которая, однако, в корне меняется жизненными обстоятельствами. В научной литературе обе героини подвергаются иногда очень жесткой критике, кажутся смешными, а их поступки – нелепыми. Григорий Бялый пишет о высшем сословии: «Владельцы вишневого сада нерешительны, не приспособлены к жизни, непрактичны и пассивны...»¹.

Анатолий Луначарский выразил по поводу героини пьесы *Вишневый сад* следующую мысль: Раневская «вся милая, легкомысленнейшая *игрушка* (курсив наш – С.Ч.), которую больно обижает жизнь»². Слова Луначарского, содержащие в себе признак безволия представительницы дворянства, можно применить и в отношении Изабеллы Ленцкой и сопоставить

¹ Г.А. Бялый, *Чехов и русский реализм*, Ленинград 1981, с. 95.

² А.В. Луначарский, «*Вишневый сад*» Чехова, [online] <http://lunacharsky.newgod.ru/lib/ss-tom-3/-visnevyy-sad-cehova/> [02.11.2020].

с названием романа Пруса – *Кукла*. В нашей работе мы остановимся на некоторых схожих и примечательных с социально-экономической точки зрения событиях произведений Пруса и Чехова, попытаемся показать факторы, обусловившие трагический финал дворянских родов. Обратим также внимание на образы некоторых героев, которые смогли стать ожившей картиной представителей общественных слоёв того времени.

Обычно сложно сравнивать произведения разных жанров. Роман и пьеса далеки друг от друга. Однако в случае с *Куклой* имеются некоторые основания говорить о том, что это произведение близко к пьесе, поскольку, как пишет в своей книге

Дорота Самборска-Кукуч, роман Пруса основан на греческой трагедии или, можно сказать, очень близок к ней. На это указывает ряд признаков: построение характера и судьбы главного героя, его душевные скитания, слепота по отношению к обстоятельствам, наличие комментатора событий в лице Жецкого наподобие хора, который не мог вмешаться и повлиять на события, но мог комментировать происходящее и давать советы, а также сама композиция романа³. Автор приводит немаловажный комментарий режиссера Зыгмунта Лещнодорского, ставившего *Куклу* на сцене театра, который прямо указывает на драматическую основу произведения:

Диалог у Пруса очень драматичен, язык и стиль крайне индивидуальны. После отсеечения повествовательного материала, после концентрированного драматического диалога – находятся прекрасные партии, как будто написанные Прусом именно для сцены⁴ (переведено мной – С.Ч.).

По мнению Самборской-Кукуч, «Костюм трагедии – как перспектива и модель реальности – должен был придать произведению глубокий и подтвержденный смысл...»⁵ (переведено мной – С.Ч.). И действительно, роман *Кукла* видится как грандиозное, монументальное произведение, продуманное до мелочей, открывающее человеку правду жизни и избличающее пороки общества. Как писал сам Прус,

Все мы смотрим на мир, однако мало в нём видим; только учёные и художники из хаоса вещей и происшествий берут единичные подробности, показывают их людям и таким образом проливают свет на окружающий нас мрак⁶ (переведено мной – С.Ч.).

Кажется, что никогда не наступит момент, когда всё будет понято и разгадано в этом произведении, а анализ доведен до конца. Пьеса Чехова также видится загадочной, вбирающей в себя множество смыслов, раскры-

³ D. Samborska-Kukuć, „*Lalka*” Bolesława Prusa – pamięć tragedii greckiej. Z problemów intertekstualności, Łódź 2011.

⁴ Там же, с. 109.

⁵ Там же, с. 20.

⁶ Цит. по: T. Budrewicz, „*Lalka*”. Konteksty stylu, Kraków 1990, с. 74.

вающей характеры персонажей в индивидуализированных диалогах. Произведение выходит за рамки своего жанра, настолько оно полно содержания, смысла в малочисленных фразах и жестах, открывающих многообразную жизнь людей.

В произведении была показана жизнь всего общества: от самых низших слоёв - студентов, рабочих - до имущих и привилегированных его представителей. Авторы обратили особое внимание на последние из перечисленных: дворян и купцов, которые играли первостепенную роль в общественной и экономической жизни того времени. В анализируемых литературных текстах повествование в значительной мере отражает происходящие изменения: упадок дворянства и триумф купцов, финансовых воротил.

Экономическая ситуация дворян предстает перед нами в очень плачевном виде: доход их уменьшается, долги растут, увеличиваясь из года в год. Такое положение несколько не удивляет их самих, о чем прямо говорит в романе *Кукла* панна Флорентина в разговоре с Изабеллой Ленцкой, касающемся перспективы замужества панны с Казеком Старским: «И по-прежнему в долгах... Но это не беда. У кого нынче нет долгов!»⁷. Кузен панны, промотавший в своих путешествиях все деньги, приезжает на родину с надеждой получить наследство от состоятельной бабки, но в итоге вынужден уехать ни с чем: «Старский?.. Махнул за границу, и не столько из-за афронтов, которые начали сыпаться на него, сколько из-за кредиторов. Голубчик мой, это виртуоз!.. Ведь у него долгов тысяч сто!..»

Слово «виртуоз», которое использует Юлиан Охоцкий, здесь несомненно уместно, поскольку для всех оставалось загадкой, каким образом можно сохранять высокий стандарт жизни и осуществлять траты, не имея при этом постоянного дохода и находясь под пристальным вниманием кредиторов. Таковыми же качествами обладает в пьесе *Вишневый сад* помещик Симеонов-Пищик. Обратим внимание на сцену, в которой Гаев, узнав о приходе Пищика, спешит удалиться и произносит фразу: «За деньгами небось? Слуга покорный, ухожу от греха... (*Уходит.*)»⁸. Эта комедийная ситуация, обыгранная за считанные секунды, показывает, насколько финансовый вопрос стал *idée fixe* и одно только появление задолжавшего всем помещика ассоциируется у присутствующих с принуждением дать взаймы.

Важным предзнаменованием упадка и разорения дворян является то, что та унедвижимость, владельцами которой они некогда были, оказывается в залоге и выставляется на торги за неуплату долгов. В пьесе Чехова

⁷ Б. Прус, *Кукла* [online] https://librebook.me/kukla_2 [02.11.2020]. Остальные цитаты по этому источнику.

⁸ А.П. Чехов, *Дядя Ваня, Три сестры, Вишневый сад*, Вологда 1973, с. 171. Остальные цитаты по этому изданию, в скобках обозначена страница.

дочь Раневской Аня таким образом высказывается о жизни матери в Париже: «Дачу свою около Ментоны она уже продала, у нее ничего не осталось, ничего. У меня тоже не осталось ни копейки, едва доехали» (с. 129). Также из разговора Вари и Ани мы узнаем о неизбежном финале, а именно о продаже единственного имения Раневской: «Аня. Ну что, как? Заплатили проценты? Варя. Где там. В августе будут продавать имение...». Следует обратить внимание на фразу «будут продавать», поскольку не Раневские выставляют имение на торги. В романе Пруса мы имеем дело с идентичной ситуацией. В разговоре с дочерью Томаш Ленцкий сетует на недостаточную, по его мнению, сумму, которую он получил после продажи доходного дома: «...подожди я с продажей, то получил бы не девяносто, а сто двадцать тысяч...»⁹. Последующий за этим ответ панны Ленцкой говорит о том, что на свою экономическую ситуацию дворяне уже не могли повлиять: «Да ведь мы не могли ждать, раз дом пустили с молотка». Следует отметить, что покупателями недвижимости в обоих случаях являются друзья семьи, более того, потенциальные женихи молодых дворянок. Вокульский покупает доходный дом Ленцких, который продается с торгов. «— Ведь это вы, сударь, купили наш дом? — И, прищуриль глаза, пристально посмотрела на него. — Да, я купил». Купец действительно «вьет паутину» вокруг девушки, без ведома ее семьи решает все дела: скупает серебро, долги и доходный дом — единственное, что остается у Ленцких. Вспомним при этом, что скупка долгов означала очень неприятную, опасную ситуацию для должника, с которого новый кредитор мог потребовать единовременную выплату всей суммы долга. Похожую ситуацию мы наблюдаем в *Вишневом саде*. Лопухин покупает имение Раневских на торгах, о чем та узнает уже *post factum*: «Любовь Андреевна. Продан вишневый сад? Лопухин. Продан. Любовь Андреевна. Кто купил? Лопухин. Я купил»¹⁰.

Такое положение вещей заставляет дворянское сословие искать пути выхода из трудного материального положения. Самым доступным средством, по мнению историков, являлись займы: «Где еще могли занимать дворяне? Везде, где эти деньги были в наличии: в полковых кассах — то есть у государства, в крестьянских хозяйствах — своих вотчинах, у купцов»¹¹.

Но это средство ещё более ухудшало положение. Симеонов-Пищик смог расплатиться с долгами только после того, как англичане заинтересовались арендой его земли и заплатили определенную сумму, а Казик Стар-

⁹ Б. Прус, *Кукла* [online] https://librebook.me/kukla_2 [02.11.2020].

¹⁰ А.П. Чехов, *Дядя Ваня...*, с. 163-164.

¹¹ Е.С. Корчмина, *Расшифровка. Почему дворяне всегда были в долгах*, [online] <https://arzamas.academy/materials/1016> [02.11.2020].

ский не получил вождеденных денег и вынужден был бежать от назойливых кредиторов.

Некоторые дворяне видят выход в участии в купеческих сделках и махинациях. В романе *Кукла* пан Ленцкий рассказывает дочери об источниках дохода ее женихов:

Видишь ли: барон ведет общие дела с какими-то ростовщиками, а состояние предводителя выросло главным образом благодаря удачным пожарам, ну и... отчасти торговле скотом во время севастопольской кампании...

– Так вот каковы мои женихи! — прошптала панна Изабелла.

– Это ничего не значит, Белла! У них есть деньги и большой кредит, а это главное, — успокаивал ее пан Томаш¹².

И сам дворянин решает доверить купцу свои капиталы: сумму, полученную им после продажи доходного дома, он отдаёт купцу Вокульскому: «У нас осталось тридцать тысяч, и на них мы получим десять тысяч процентов... Славный человек этот Вокульский! Я еще не видывал подобного благородства».

Отметим, что от настоящих дел они очень далеки:

От продажи дома останется мне тысяч сорок, нет — пятьдесят, а то и все шестьдесят... Нет, нет, не будем увлекаться — пусть пятьдесят, ну, даже только сорок тысяч рублей... Я отдам их Вокульскому, он будет мне выплачивать тысяч восемь в год, а остальное (если дела наши в его руках пойдут, как я надеюсь), остальные проценты я велю ему пустить в оборот... За пять-шесть лет капитал удвоится, а за десять может и учетвериться... В торговых операциях капитал растет, как на дрожжах... Да что я говорю! Вокульский, если он в самом деле гениальный коммерсант, наверняка наживает сто на сто. А раз так, посмотрю я ему прямо в глаза и скажу без обиняков: „Вот что, любезный: другим можешь давать пятнадцать или двадцать процентов, но я в этом толк знаю“. Он увидит, с кем имеет дело, и, конечно, сразу обмякнет, да, пожалуй, такие даст проценты, какие мне и не снились...

В разговоре с Вокульским, несмотря на то, что купец не может дать больше, граф уверен, что его обманывают:

– Гарантирую двадцать, а если дела пойдут хорошо, то и больше, — ответил Вокульский, а про себя добавил, что никому другому он не мог бы дать свыше пятнадцати.

«Вот плут!.. — подумал пан Томаш. — Сам, наверное, получает процентов сто, а мне дает двадцать!..» Однако вслух сказал:

– Хорошо, пан Станислав, согласен на двадцать процентов, если только вы сможете мне выплатить деньги вперед.

Как мы видим из этой сцены, представления аристократии о делах очень комичны.

О странных манёврах Вокульского, предложившего графу Ленцкому слишком большие проценты, панна Изабелла узнает от еврея Давида Шпи-

¹² Б. Прус, *Кукла* [online] https://librebook.me/kukla_2 [02.11.2020].

гельмана, который пришёл получить долг. Кредитор поясняет, что проценты слишком высоки и получить их невозможно:

– Вам известно, что мой отец получил тридцать тысяч рублей... Кроме того (она сама не знала, зачем это говорит), мы будем получать десять тысяч в год... Сами понимаете, что ваша незначительная сумма не может пропасть...

– Откуда десять? — спросил еврей и развязно поглядел на нее.

– Как это — откуда? — с возмущением повторила она. — Проценты с нашего капитала.

– С тридцати тысяч? — недоверчиво усмехнулся еврей, решив, что его хотят провести.

– Да.

– Очень извиняюсь, графиня, — иронически возразил Шпигельман, — я уже давно делаю комбинации с деньгами, но о таком проценте никогда не слышал. На свои тридцать тысяч граф может получить тысячи три, да и то под очень ненадежную закладную. Впрочем, мне что! Мое дело — получить деньги. А то завтра придут другие, и опять они окажутся лучше Давида Шпигельмана, а если остальное граф отдаст под проценты, мне придется еще год дожидаться...

Более того, из высказывания ростовщика мы узнаем, что пан Томаш совсем не разбирается в делах и не располагает таким капиталом, который позволил бы жить на должном уровне: совершать поездки за границу, принимать высокопоставленных особ в своем доме и обеспечить достойное, по дворянским меркам, будущее. Такие высокие проценты дает им именно Вокульский и отнюдь не из тех средств, которые получает от торгового предприятия. Он поддерживает семью, охраняет ее благополучие лишь по причине особых чувств к панне Ленцкой.

Купеческие сделки как способ выхода из критического экономического положения не приемлет ни Изабелла Ленцкая, ни Раневская: «из салонов Квиринала – в галантерейную лавку... Это даже не падение, а позор!», «Дачи и дачники – это так пошло, простите»¹³. Новая экономическая модель подразумевает не только отказ от феодальных принципов чести, достоинства, долга, но и от традиций, которые в пьесе Чехова связаны с вишневым садом – символом преемственности, исторической памяти. Чтобы получить доход, Лопахину нужно вырубить вишневый сад. Раневская не желает принимать в этом участие и отказывается вступать в деловые отношения с купцом. Обратим внимание, что в словах Ани продажа сада приравнивается к его уничтожению: «Вишневый сад продан, *его уже нет*» (курсив наш – С.Ч., с. 165). Лопахин вслед за этим произносит печальную, ставящую точку фразу: «Вот и кончилась жизнь в этом доме...» (с. 172). Сама продажа сада, то, что он оказывается в купеческих руках, обрекает его на гибель: «Приходите все смотреть, как Ермолай Лопахин хватит топором по вишневому саду, как упадут на землю деревья!» (с. 164). В романе Пруса последнее, что мы узнаем о судьбе Вокульского, это

¹³ А. П. Чехов, *Дядя Ваня...*, с. 145.

то, что он взрывает руины заславского замка: «...он якобы разузнал, что Вокульский купил у одного пьяницы шахтера два динамитных заряда...»¹⁴. Руины замка можно интерпретировать как символ памяти: именно по этим руинам гуляла Заславская вместе с возлюбленным - дядей Вокульского, с которым позднее будущий купец посещал эти места. Здесь же Вокульский признавался в любви к панне Изабелле¹⁵.

Раневская не приемлет предложения Лопехина вырубить сад с целью постройки дач, которое спасет их и принесет, по словам купца, «золотые горы». Изабелла Ленцкая тоже получает, казалось бы, выгодное во всех смыслах предложение выйти замуж за успешного капиталиста. Выдача дворянами своих дочерей замуж за состоятельных дельцов являлась в то время одним из способов выхода аристократии из удручающего экономического положения:

Что касается дам, то они либо тоже хотели оказать кому-то протекцию, либо имели дочерей на выданье, причем и не думали скрывать, что не прочь отбить Вокульского у панны Изабеллы и даже, если возраст допускал, готовы самолично его осчастливить¹⁶.

Панна Ленцкая, однако, считает это торговой сделкой, продажей самой себя: «Он хочет меня купить? Хорошо, пусть попробует. Он убедится, что я дорого стою». По причине несостоявшегося брака семья подверглась окончательному разорению, а панна Ленцкая отправилась в монастырь: «...вчера утром он вернулся из Петербурга, а днем провожал свою кузину, Изабеллу Ленцкую, которая уехала за границу. – Представьте себе, – закончил Охоцкий, – она идет в монастырь». Хотя Томаш Ленцкий в противовес суждениям дочери надеется на ее брак с Вокульским, как и Раневская с Варей надеются на то, что Лопехин сделает девушке предложение: «А тут, Варя, мы тебя совсем просватали, поздравляю»¹⁷, однако в планы купцов не всегда входит женитьба на представительницах обедневшего дворянства. Новые источники дохода принесли и новое отношение сословий друг к другу. Купцы видели в помещиках лишь выгоду, которую они смогут получить после приобретения их недвижимости. Лопехин, хоть и не напрямую, но даёт понять, что на Варю он не женится: «Охмелия, иди в монастырь...»; «Охмелия, о нимфа, помяни меня в своих молитвах!». Он как бы невзначай произносит эти фразы из трагедии Шекспира, но эти слова становятся очень весомыми, когда мы обратим внимание на участь панны Ленцкой. Можно то же сказать и о судьбе Вари, ведь она стала эко-

¹⁴ Б. Прус, *Кукла* [online] https://librebook.me/kukla_2 [02.11.2020].

¹⁵ D. Samborska-Kukuć, „*Lalka*” Bolesława Prusa – *pamięć tragedii greckiej. Z problemów intertekstualności*, Łódź 2011, с. 79.

¹⁶ Б. Прус, *Кукла* [online] https://librebook.me/kukla_2 [02.11.2020].

¹⁷ А. П. Чехов, *Дядя Ваня...*, с. 151.

номкой: «Лопехин. Вы куда же теперь, Варвара Михайловна? Варя. Я? К Рагулиным... Договорилась с ним смотреть за хозяйством... В экономки что ли» (с. 172). А служить у кого-то в доме и есть в некоторой степени затворничество. Купеческие связи с дворянством конца XIX и начала XX века имеют свой очень короткий период, который не затрагивает будущего.

Из вышеприведенного следует, что купцы часто использовали положение дворян для укрепления своей экономической силы. Отметим также, что капитал, которым распоряжались купцы, зачастую приобретался путем нечестных махинаций. Примером может послужить обсуждение торговых воротил посетителями трактира:

...А вот миллионы, нажитые на военных поставках, от них, сударь мой, издали пахнет уголовщиной.

- Говорят, он не воровал, — вполголоса проговорил третий собеседник.
- В таком случае, у него миллионов нет, — рявкнул бас...¹⁸

Это обстоятельство аристократы не могли не принимать во внимание. Кроме того, купеческие капиталы накапливались за счет дворянства, а именно путем выдачи им денежных ссуд. «Так вот я, говорю, заработал сорок тысяч и, значит, предлагаю тебе займы, потому что могу»¹⁹. Причём давали они деньги под проценты с полной уверенностью, что человек не отдаст долг. «Ничего у вас не выйдет. И не заплатите вы процентов, будьте покойны» (с. 148) – говорит Лопехин Гаеву, который пытается найти какие-нибудь средства для спасения имения. Неожиданностью явилось для Лопехина то обстоятельство, что Пищик, получив средства, вернул часть долга: «(в недоумении пожмает плечами). Точно во сне... Ты где же взял?» (с. 171). И не звучит ли его «Ме-е-е...» (с. 129) в сцене, в которой Варя и Аня обсуждают продажу имения, как та же уверенность в том, что имение достанется ему?

Исследователи ставят акцент на том, что нежелание панны Ленцкой выйти замуж за состоятельного купца было следствием только личных, ни на чем не основанных суждений. Однако одной из главных причин полного неприятия аристократкой Вокульского в качестве будущего мужа было полное разрушение его как личности. Пример Вокульского показывает нам, что люди, вступающие в торговые отношения, теряют всякую волю к жизни и гибнут. Его внутренние терзания, обычно объясняемые несчастной любовью, как нам кажется, имеют под собой и другое, более весомое обоснование. «Разве ты не видишь, что я развалина, и самого худшего вида – развалина духовная...»²⁰, – говорит купец. Мы вынуждены обратить взор

¹⁸ Б. Прус, *Кукла* [online] https://librebook.me/kukla_2 [02.11.2020].

¹⁹ А. П. Чехов, *Дядя Ваня...*, с. 167.

²⁰ Б. Прус, *Кукла* [online] https://librebook.me/kukla_2 [02.11.2020].

на прошлое Вокульского, на принятое им некогда решение жениться на купчихе:

– ...и я когда-то продался, только не ради богатства, а из крайней нужды.

– И что же?

– Прежде всего, жена не обольщалась насчет моей невинности, а я не клялся ей в любви. Мужем я был прескверным, но раз уж продался, то считал своим долгом быть добросовестнейшим приказчиком и преданнейшим слугой. Я ходил с нею в костелы, концерты и театры, развлекал ее гостей и фактически утроил доходы с ее магазина.

– И у вас не было любовниц?

– Нет, сударыня. Я так горько переживал свое рабство, что просто не смел смотреть на других женщин. Итак, согласитесь, что я имею право строго осудить баронессу, которая, продаваясь, знала, что у нее покупают... не рабочую силу.

– Какая гадость! – прошептала Вонсовская, глядя в землю.

– Да, сударыня. *Торговать живым товаром чрезвычайно гадко, а еще гаже торговать самим собой* (курсив наш – С.Ч.).

Герой говорит о «продаже себя» «из крайней нужды», но в такой же ситуации оказывается и Ленцкая, которая могла бы стать женой состоятельного человека. Именитая дворянка Заславская рисует радужную картину купеческого дома, в который перенесется светская жизнь:

И поверь мне, он не станет заискивать перед светским обществом, оно само к нему явится, и первая придет твоя тетка, если ей что-нибудь понадобится. Я лучше тебя знаю наш свет, дитя мое, и помяни мое слово — он очень скоро окажется в прихожей Вокульского.

Однако панна Изабелла выбирает другой путь, несмотря на нужду и полное разорение. В дальнейшем на моральный и нравственный облик купца оказали влияние его образ жизни после вхождения в купеческие круги, общение с Сузиным, поездка в Париж:

И опять, позанявшись несколько часов делами Сузина, он шатался по Парижу. Блуждал по незнакомым улицам, тонул в многолюдной толпе, погружался в кажущийся хаос вещей и событий и на дне его обнаруживал порядок и закон. А разнообразия ради пил коньяк, играл в карты и в рулетку или предавался разврату (курсив наш – С.Ч.).

Позднее сам Вокульский будет упрекать себя в избрании неверного пути: «”Я уже не погибаю, я просто гнию”, — говорил он себе». Улучшение состояния Вокульского совпадает не только с его «исцелением» от любовных грёз, но и после того, как он решает продать магазин и оставить торговое предприятие:

По дороге домой Вокульский все время раздумывал о происшедшей в нем перемене. Он словно выкарабкался на свет из бездны, где царили мрак и безумие. Кровь быстрее струилась в его жилах, он глубже дышал, мысли текли с необычайной свободой, он ощущал во всем теле какую-то бодрость, а в сердце невыразимый покой.

В разговоре с пани Вонсовской Вокульский прямо говорит о произошедшей с ним перемене:

Разве вы не видите, как я счастлив? Я обрел самого себя, я снова принадлежу себе... Поверьте мне, это чудо, которого я совершенно не понимаю; я могу сравнить себя сейчас только с человеком, который очнулся от летаргического сна, уже лежа в гробу;

— Клянусь, вот уже два месяца я не чувствовал себя так свободно... Боже мой... пожалуй, даже два года! Мне кажется, все это время мой мозг омрачало какое-то страшное наваждение, а сию минуту оно рассеялось... Только теперь я почувствовал, что спасен, и спасен благодаря вам.

Таким образом купеческое дело получает негативную оценку и приводит к ситуации, в которой человек более не принадлежит себе.

Бытует мнение, что такой трагический финал дворяне подготовили себе сами. При этом часто исследователи задаются вопросом: почему аристократия, в частности Раневская, не стала участвовать в каком-нибудь капиталистическом предприятии? Ответ на этот вопрос можно найти в рассматриваемых нами произведениях. Лопухин высказывается по этому поводу: «Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как мало честных, порядочных людей»²¹. В романе *Кукла* Пруса тонкости ведения дел после продажи магазина Шлангбауму становятся известны и Игнацию Жецкому, которые для самого приказчика являются вопиющими:

Товары были красивы на вид и даже несколько снизились в цене, но одновременно еще более в качестве; приказчики грубили покупателям и позволяли себе мелкие злоупотребления, которые не ускользнули от внимания Жецкого. Наконец, два новых инкассатора растражили более ста рублей... Когда пан Игнаций указал на это Шлангбауму, то услышал следующий ответ: — Помилуйте, покупателям нравятся не доброкачественные товары, а дешевые!.. А что до растрат, так они случаются везде. Да и где найти честных людей?²²

В вихре купеческих сделок, особого способа ведения дел, погибают люди, которые долгие годы верой и правдой служили своим хозяевам, всегда усердно выполняя свою работу. Старый приказчик Игнаций Жецкий очень болен, его самочувствие резко ухудшается, когда он узнает о том, что новый владелец магазина бросает на него гнусные подозрения, а затем оставляет приказчика, чтобы тот втайне проследил за Жецким, когда он будет обновлять витрину. Негодование и сильное потрясение становятся решающим фактором в его скорой смерти:

— Видите ли, пан Жецкий... с вами приходит переставлять вещи этот... Казимеж... Так вот пан Шлангбаум велел мне последить, чтобы он чего-нибудь не стащил... Ну, а мне стало немножко нехорошо, и пришлось... Извините, пожалуйста.

— Ах вы сукины дети! — взревел он в страшнейшем негодовании.

— Так вы меня считаете вором?.. За то, что я бесплатно работаю на вас?... ;

Ах, прохвосты! — думал Жецкий, ворочаясь с боку на бок. — Так вы меня считаете вором?.. Ну, погодите же!..

²¹ А.П. Чехов, *Дядя Ваня...*, с.149.

²² Б. Прус, *Кукла* [online] https://librebook.me/kukla_2 [02.11.2020].

В пьесе Чехова старый слуга Фирс, оставленный без какой-либо помощи, приговорен. Мы видим это в финальной сцене *Вишневого сада*, когда действующие лица покинули дом: «Слышно, как на ключ запирают все двери, как потом отъезжают экипажи. Становится тихо. Слышаться шаги. Из двери, что направо, показывается Фирс. Он болен»²³. Скорее всего, оставленный Фирс – больной, пожилой человек – погибнет в этом доме, и Лопахин, приехав весной в имение, найдёт здесь мертвое тело старого слуги. Как известно, все двери закрывал именно Лопахин: «Все здесь? Никого там нет? (Запирает боковую дверь налево.) Здесь вещи сложены, надо запереть. Идем!» (с. 174). Фирс же, напомним, показывается из дверей направо. Для купца более важными оказываются вещи, которые он стремится сберечь, чем человеческая жизнь.

Отражение негативных черт жизни мы находим не только в характерах и поступках героев. Авторы подчёркивают трагичность и нелепость всего окружающего мира. Зыгмунт Швейковски указывал на одиночество и отчуждение героев романа Пруса, а также боль, которую они ощущают из-за принципов жизни²⁴. Жецкий пишет в своём дневнике о сковывающей мир темноте: «... над человечеством сгущается некий духовный мрак, подобный ночи. Днём все было красивым, радостным и хорошим; ночью все становится грязным и опасным»²⁵. Александр Ревякин следующим образом характеризует действующих в пьесе *Вишневый сад* лиц: «В пьесе нет ни одного персонажа, довольного своим существованием, окружающей его действительностью. Здесь все люди разобщены, разъединены. Их жизнь в той или иной мере изломана, несчастна»; «всей совокупностью образов пьесы Чехов убеждает своих читателей, что нелепа вся тогдашняя жизнь...»²⁶. Успешный купец Лопахин жалуется на свою жизнь: «Надо прямо говорить, жизнь у нас дурацкая»²⁷. Даже когда он получает вожделенное имение, говорит следующее: «О, скорее бы все это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь» (с. 164-165). Почему купца Лопахина посещают такие печальные мысли? Обратим внимание на название романа *Кукла*, которое свидетельствует, в частности, о потере людьми субъектности, возможности самостоятельного принятия решений. «[Вокульский] Размышлял о том, что теперь, проведя около двух месяцев взаперти в своем кабинете, он перестал быть человеком и уподо-

²³ А.П. Чехов, *Дядя Ваня...*, с. 175.

²⁴ D. Samborska-Kukuć, „Lalka” Bolesława Prusa – pamięć tragedii greckiej. *Z problemów intertekstualności*, Łódź 2011, с. 102.

²⁵ Б. Прус, *Кукла* [online] https://librebook.me/kukla_2 [02.11.2020].

²⁶ А.И. Ревякин, *Идейный смысл и художественные особенности пьесы «Вишневый сад» А.П. Чехова*, [в:] *Творчество А. П. Чехова. Сборник статей. Пособие для учителя*, Москва 1956, с. 15.

²⁷ А.П. Чехов, *Дядя Ваня...*, с. 146.

бился до известной степени устрице, которая, сидя на одном месте, потребляет без разбора все, что подсунет ей случай»²⁸.

Ставя в вину дворянам безынициативность, неспособность решать возникающие проблемы, мы одновременно забываем об экономических законах, социальных изменениях. Железная дорога, ставшая в период перелома веков символом прогресса, капиталистического способа производства, нашла вовсе не второстепенную роль в анализируемых художественных произведениях. Пьеса Чехова *Вишневый сад* начинается с фразы Лопухина «Пришел поезд, слава Богу»²⁹. О постройке железной дороги высказывается Гаев: «Вот железную дорогу построили, и стало удобно» (с. 144), Симеонов-Пищик получает деньги именно по причине прокладки железной дороги по его участку земли. Поезд привозит Раневскую в родные места, в дом, в котором ей еще позволено находиться, и тот же поезд увозит уже другую Раневскую – не имеющую никакого права быть в родительском доме и которую Лопухин поторапливает удалиться. Переломное событие в отношениях Вокульского и панны Изабеллы произойдет именно в поезде. Примечательны в этом контексте размышления, видения Вокульского, на которого езда в поезде наводит ужас:

...он убедился, что существует нечто худшее, чем измена, чем разочарование и унижение...Что же?.. Да езда по железной дороге. Как содрогается вагон... как он мчится!.. Содрогание поезда передается его ногам, легким, сердцу, мозгу; в нем самом все дрожит, каждая косточка, каждый нерв...А поезд все мчится по бескрайнему полю, под исполинским сводом небес!.. И ему придется ехать еще бог весть как долго... может быть, пять, а может, и десять минут!..³⁰

Надвигающийся поезд должен был оборвать жизнь героя, которая не соответствовала его стремлениям. Колёса поезда или, если выразиться на современный манер, денежного механизма, «перемололи» все то, что было близко этим людям, разрушили последние надежды и мечты, лишили цели и смысла жизни, обрекли на неизбежную гибель. Размышления Вокульского указывают именно на это: «Тут не поможет инициатива отдельной личности, ибо все соединилось, чтобы, опутав ее по рукам и ногам, обесилить в пустой и бессмысленной борьбе».

Величие произведений *Кукла* и *Вишневый сад* состоит именно в том, что авторы этих литературных шедевров смогли показать не просто единичные человеческие судьбы, но и то, каким образом влияют на жизнь людей определяющие – экономические и исторические – законы развития

²⁸ Б. Прус, *Кукла* [online] https://librebook.me/kukla_2 [02.11.2020].

²⁹ А. П. Чехов, *Дядя Ваня...*, с. 125.

³⁰ Б. Прус, *Кукла* [online] https://librebook.me/kukla_2 [02.11.2020].

общества. Благодаря такому широкому, целостному подходу тексты никогда не утратят своей актуальности, а станут ориентиром для читателей в выборе пути дальнейшего развития всего общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Бялый Г.А., *Чехов и русский реализм*, Ленинград 1981.
- Корчмина Е.С., *Расшифровка. Почему дворяне всегда были в долгах*, [online] <https://arzamas.academy/materials/1016> [02.11.2020].
- Луначарский А.В., «*Вишневым садом*» Чехова, [online] <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-3/-visnevuj-sad-cehova/> [02.11.2020].
- Прус Б., *Кукла* [online] https://librebook.me/kukla_2 [02.11.2020].
- Ревякин А.И., *Идейный смысл и художественные особенности пьесы «Вишневым садом» А.П. Чехова*, [в:] *Творчество А. П. Чехова. Сборник статей*, Москва 1956.
- Чехов А.П., *Дядя Ваня, Три сестры, Вишневым садом*, Вологда 1973.
- Budrewicz T., „*Lalka*”. *Konteksty stylu*, Kraków 1990.
- Samborska-Kukuć D., „*Lalka*” *Bolesława Prusa – pamięć tragedii greckiej. Z problemów intertekstualności*, Łódź 2011.

SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF THE LIFE OF THE NOBILITY IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY (COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CHERRY ORCHARD BY ANTON CHEKHOV AND THE DOLL BY BOLESŁAW PRUS)

Summary

The article provides a comparative analysis of Russian and Polish literary works, which reflect the socio-economic situation of the nobility in the second half of the 19th century. Many issues related to the interpretation of literary works should be considered taking into account the economic realities of that time. This approach seems undoubtedly appropriate when analysing such works of classical literature as *The Cherry Orchard* by Anton Chekhov and *The Doll* by Bolesław Prus. The characters of the works - the nobles - are losing their economic power. They use the help of both merchants and financiers. Previously considered marginalized groups are now completely replacing the former upper classes, since they have failed to find a place in the new economic reality. The article provides an analysis of the pictorial and expressive means through which the authors of the works point to economic mechanisms independent of the characters that subordinate their decisions.

Keywords: Chekhov, Prus, nobility, socio-economic processes

II

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Марина АВДОНИНА

Московский государственный лингвистический университет, Россия
ORCID: 0000-0003-3819-8254

Наталья ЖАБО

Российский университет дружбы народов, Россия
ORCID: 0000-0003-2958-5738

КАЛЬКА КАК ПРОДУКТ БИЛИНГВИЗМА И ЕЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

Ключевые слова: русский язык, калька, цветообозначения, фразеология, разговорный стиль, семантические изменения

1. Введение

Семантический анализ фразеологической кальки-неологизма и в художественной литературе, и в текстах СМИ, и в неформальном общении основывается на интерпретации такого словосочетания в различных контекстах (см. К. Кербрат-Орекьони [Kerbrat-Orecchioni¹], Ф. Растье²). Специфика калькирования XXI века проявляется в том, что они отражают новую ситуацию в мире, когда вербальные средства коммуникации подкрепляются средствами непосредственного воздействия на органы чувств, когда образ нового интерпретируется не только благодаря, но иногда и вопреки его вербальному выражению и, попадая в тексты разговорного стиля, может претерпевать семантические изменения. Вхождение в новый язык – это сложный путь ассимиляции, поиска соответствующей формы. Возможен и механизм ресемантизации при формировании новых значений общеупотребимых слов, что, по М. Бреалю³, универсально для всех языков.

¹ С. Kerbrat-Orecchioni, *La Connotation*, Lyon 1977.

² Ф. Растье, *Интерпретирующая семантика*, Нижний Новгород 2001.

³ М. Breal, *Essai de sémantique*, Paris 2001.

Цель исследования: провести анализ новой фразеологической кальки цветообозначения, развития ее форм и ее переосмысления.

Задачи исследования:

- 1) выявить билигвальную основу фразеологической кальки и историю ее появления;
- 2) выявить исторические, философские, и культурные аспекты английского фразеологизма;
- 3) провести семантический анализ найденных форм и прагматики их употребления аспекты данного акта словотворчества и интертекстуальные связи изучаемой единицы.

Материалом послужило сравнение *голубые как яйца дрозда*.

В исследовании использованы методы лингвокультурологического анализа, семантического анализа, грамматического анализа и полипарадигмальный⁴ метод лингвистических исследований.

2. Результаты исследования

2.1. История кальки *голубые как яйца дрозда*

История появления в русском языке фразеологической кальки *голубые как яйца дрозда* состоит из трех этапов и отражает путь вторжения в русскую языковую картину мира⁵ калькированного элемента, наполненного неизвестным для русских, но известным создателю-билингву содержанием.

Сравнение с семантикой *голубые как яйца дрозда* можно обнаружить, хотя и редко, в переводах с английского, например:

«Виконта поразило солнечное сияние ее волос, **голубизна глаз, сравнимая лишь с нежнейшей голубиной яич дрозда**»⁶;

«Да, да, я запомню, – сказала Полли. – **Яркий, как яйцо дрозда, – здоров, тусклый, как кобальт, – болен**»⁷.

В данном случае Нора Галь предпочла опущение цветообозначения в тексте оригинала, потому что смысл достраивается благодаря оттенку синего «кобальт» второй части фразы.

⁴ С.И. Терехова, *Об особенностях применения полипарадигмального подхода в переводческом анализе текста* [в:] *Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Сборник научных трудов к юбилею профессора Г. Г. Молчановой*, Москва 2015, с. 412-416.

⁵ О.А. Корнилов, *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*, Москва 2003.

⁶ Б. Картленд, *Солнечный свет*, Москва; Назрань 1997, <https://knizhnik.org/barbarakartlend/solnechnyj-svet/1>.

⁷ Р. Брэдбери, *И все-таки наш...* перевод с англ. Нора Галь, <https://knigism.online/secondreader/253438?page=3>.

Сема «невинность, детскость» легко передается при переводе: «Сегодня на ней голубой костюм, но голубой не как обычное яйцо дрозда, а как яйцо дрозда, которое ты находишь в лесу и переживаешь, что никто из него не вылупится, потому что птенец уже мертвый. А потом птенец все-таки вылупляется, и ты переживаешь, что делать дальше»⁸.

Оговоримся, что здесь и далее в цитируемых примерах мы сохраняем написание и пунктуацию автора, в частности в самом анализируемом сравнительном обороте.

В 1982 г. для сборника переводов поэзии американского поэта Уильяма Джея Смита (William Jay Smith, 1918–2015) работали поэты-переводчики А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Б. Заходер, В. Британишский, А. Кушнер, О. Чухонцев, А. Сергеев, Б. Хлебников, П. Вегин, В. Краснопольский, Ю. Задорнов, Ю. Мориц, Н. и Е. Рейн и др.

Позднее А.А. Вознесенский признался, что дружа с У.Дж. Смитом многие годы, создал самостоятельное произведение, а не перевел стихотворение, то есть мы имеем дело с псевдо-переводом и, соответственно, с калькой с английского на основе билингвизма русского поэта:

«Я тебя разлюблю и забуду, /когда в пятницу будет среда, /**когда вырастут розы повсюду, / голубые, как яйца дрозда.** /Когда мышь прокричит кукареку; / Когда дом постоит на трубе; /Когда съест колбаса человека /и когда я женюсь на тебе»⁹.

Это стихотворение привлекло внимание рок-музыкантов группы «Мегаполис», которые в 2012 г. в передаче «Попутчики» вспоминают об этом так: «О. Нестеров: Клуб „Поэзия”, которая тоже организация вся из себя, мягко говоря, неформальная. Я впервые увидел поэтов, которые читали стихи. Я увидел на сцене Пригова, Рубинштейна и разных других. То есть я попал вообще в иную среду и как-то стал выпитывать, благодаря нашему знакомству. Плюс еще Бараш стал мне приносить помимо своих стихов массу серьезной литературы – Бродского, в ксероксах; Юрия Кузнецова и даже злополучные „Яйца Дрозда” Андрея Андреевича Вознесенского...»¹⁰.

Песню «Новое московское сиртаки» сразу начали называть «яйцами дрозда»¹¹.

⁸ Ч. Паланик, *Кольбельная*, перевод Т. Ю.Покидаевой, Москва 2015, с. 106.

⁹ А.А. Вознесенский, *Никогда* [в:] *Что за поезд придетью Избр. стихотворения / Уильям Джей Смит*, послесл. Ю. Здоровова, Москва 1982, с. 145.

¹⁰ *Эхо Москвы, Попутчики*, <https://echo.msk.ru/programs/poputchiki/873373-echo/>.

¹¹ О. Нестеров, *Как в последний раз*, <https://kiozk.ru/article/karavan-istorij/oleg-nesterov-kak-v-poslednij-raz>.

2.2. Семантический анализ фразеологизма *robin's egg blue*

Выражение *robin's egg blue* хорошо известно и частотно в английском языке, мы обнаружили и его варианты: *(with eyes) as blue as robin's eggs; robin egg blue*.

Это выражение может употребляться самостоятельно для обозначения цвета, то есть часть семантики слова *яйцо*, «маленький округлый предмет», утрачивается в значительной мере.

В английском языке это сочетание является вечно модным и изысканным цветом товаров: посуды, одежды, украшений. В США таким цветом выкрашиваются потолки наружных веранд и входа, особенно на юге. Синонимом является выражение *Persian turquoise*, вполне совпадающее с русским «бирюзовый» и «цвета морской волны».

Невинность в английском тексте может подчеркиваться сочетанием с именем олененка Бемби, например: «It had two **bambi-eyes of robin's egg blue**»¹².

Однако главное семантическое наполнение, неизвестное в русской культуре – семы «небесный, сакральный» (яички на пасху – символ Воскресения Христа) и «красота».

В Англии и США культивируется традиция искать яички или яичные скорлупки (Egg Hunt), катание яиц (Easter Egg Rolling) и коллекционирование и любование ими, например: «27.10.2018. Have you marveled over a nest of blue robin's eggs?»¹³ (Любовались ли вы когда-нибудь гнездом с голубыми яйцами дрозда? – *Перевод наш. М.А. и Н.Ж.*). Поиск яиц на Пасху стал популярен в викторианскую эпоху. В наше время игра устраивается в доме, в саду, в парке, на лужайке перед Белым домом. В резиденции президента дети младше 12 лет допускаются к игре с 1878 г.¹⁴

Дети имеют обыкновение собирать коллекции из разноцветных яиц. В американском мультсериале «Чип и Дейл спешат на помощь» выведен взрослый персонаж, коллекционирующий яйца всю свою жизнь: витрины с его коллекциями заполняли все стены его кабинета. В США выпускаются подарочные наборы конфет в форме яичек разной расцветки, имитирующие такие коллекции. Детей водят в лес искать гнезда птиц. Это нашло свое закрепление в фольклоре¹⁵:

¹² Bjorn Lincoln And the Bane of Forever, 2002, http://www.tangmonkey.com/columns/1011498514_42999.php.

¹³ <https://www.svtweb.org/support-healthy-habitats-giving-tuesday>.

¹⁴ <https://blog.ostrovok.ru/za-yajcami-poisk-yaic-i-drugie-paxalnye-tradicii/>.

¹⁵ <https://www.rhymes.net/nursery/328/elizabeth-elspeth-betsy-and-bess>.

Elizabeth, Elspeth, Betsy and Bess,
They all went together to seek a bird's nest;
They found a bird's nest with five eggs in it,
They all took one and left four in it.

Русским детям такая традиция неизвестна, поэтому приведенное выше стихотворение из сборника *Mother Goose Rhymes* не имеет эквивалентного в культурологическом плане перевода. Приведем фрагменты двух переводов этого стишка-загадки, принадлежащих Корнею Чуковскому¹⁶:

1) «Элизабет, Элспет, Бетси и Бесс / Разорять птичьи гнезда отправились в лес...»;

2) «Марьюшка, Марусенька, Машенька и Манечка / Захотели сладкого сахарного пряничка...».

В первом случае автор видит злобную девочку, которая портит гнезда, во втором же он стремится найти замену этому образу с тем, чтобы загадка стала доступна русскому ребенку, ведь главное в этом веселом стишке, что все четыре имени – это варианты имени Елизавета. Оба перевода этого стихотворения не отражают коннотативных составляющих «охоты на яички»: невинность развлечения, любовь к природе, Пасха.

Для русского читателя требуются комментарии и к поведению героини романа Д. Адамса:

«She hadn't seen the guttering from quite this angle before, and it looked to her now as if as well as the mud and gunge up there might also be a bird's nest. [...] See what a piece of eggshell I have found you, said Fenchurch in his ear».

– «Фенчерч раньше никогда не видела желоба в таком ракурсе, и теперь ей показалось, что в нем, кроме пыли и грязи, есть еще и птичье гнездо. [...] – Смотри, какую яичную скорлупку я для тебя нашла, – прошептала ему на ухо Фенчерч»¹⁷.

Дети Англии и США знают цвет яиц дрозда – они самые яркие.

2.3. Восприятие калькированного сравнения носителями русской культуры XXI века

Новое словосочетание практически мгновенно было принято обществом в силу того, что оно удивляло, сравнение чувствовалось как свежее, неизбитое, оно было подхвачено СМИ. К тому же, оно было введено известными личностями, и неологизм моментально усвоился обществом. Песня стала шлягером, и новое сравнение осталось в памяти не только молодых людей, к которым она была обращена, но людей всех возрастов.

¹⁶ Ю. Сабанцев, *Рецензия: «Единорог», английские и ирландские стихи и сказки*, Москва – Псков 2003.

¹⁷ D. Adams, *So long, and Thanks for All the Fish*, <http://www.angelfire.com/ca3/tomsnyder/hg-4-24.html> / Д. Адамс, «*Всего хорошего, и спасибо за рыбу!*», <https://www.litmir.me/br/?b=880&p=1>.

Но, хотя в России есть птицы, несущие яркие яички, это мало кому известно. Содержание песни запомнили немногие, но именно эта строчка о цвете яиц дрозда врезалась в память поколения. Образ активно обсуждался и цитировался в форумах и чатах Рунета, при этом ни разу мы не встретили это выражение по отношению к цвету роз.

Это выражение нередко имеет теперь отрицательные оценочные составляющие:

– **некрасивость**: «Стелла танцевала в сугробах, как на раскаленных ножах, дула на озябшие лапки, сделавшиеся без перчаток голубыми, прямо-таки как яйца дрозда»¹⁸;

– **излишняя яркость**: «ослепительно голубой, как яйца дрозда, бант в волосах (!!!)»; «все стебались с ярко голубой, как яйца дрозда, рубашки Вовы»¹⁹;

– **обратное сравнение** (то есть, не яйца цвета неба, а небо цвета яиц): «А небо голубое, как яйца дрозда. 29 ноября 2019 г. Соссюр провел «тест-драйв», любуясь небесами в Шамони, на горе Монблан»²⁰;

– **простоватость**: «Петрович улыбается на ширину ушей. У него понятные, голубые, как яйца дрозда, глаза»²¹;

– **ирония, иногда сарказм**, например, о цвете униформы: «Перед трибуной толпились московские профсоюзники – как всегда, голубые, как яйца дрозда»²²;

– **контаминация с выражением «на голубом глазу»** (обыгрывается непорядочность): «Загляните в его глаза, голубые, как яйца дрозда, – в них не светится ничто человеческое. Можете плюнуть в них. Ничего ему не сделается»²³;

– **гиперболизация темы однополый любви**: «голубой, словно яйца дрозда, коллега, прослушав „Джо“, жадно попросил переписать диск»²⁴;

Изучаемая калька в последнее время нейтрализуется без сравнения, в частности:

– **получает цифровой код**: «Нитки вязальные "Ирис", хлопчатобумажные, цвет: яйца дрозда (3306)»; «Цвет яйца дрозда по шестнадцатеричному коду цвета #00cccc является средне-темным оттенком голубого; Гельлак GLK062 =Цвет яйца дрозда»²⁵;

¹⁸ Т. Туманный, *Сумрачный рай самураев*, 27.03.2000, <https://www.litmir.me/br/?b=43260&p=11>.

¹⁹ ТЭФичко-99, <https://www.facebook.com/groups/1361333930627163/>.

²⁰ <https://newsprice.info/a-nebo-goluboe-kak-yajcza-drozda/>.

²¹ *Новая газета*, № 33, 17.05.2004.

²² <http://mirea.org/tema/936-den-goroda-2004-ili-traurnaia-tusa/>.

²³ Т. Голстая, журнал «Знамя» № 3, 2003, <https://arno1251.livejournal.com/19617.html>.

²⁴ <https://www.zvuki.ru/R/P/4747/>, 19.05.2014.

²⁵ <https://www.ozon.ru/27228211/>; <https://encycolorpedia.ru/00cccchttp://veska.kuban.ru/glk062.html>.

– **входит в состав нюансов синего** в русском языке: «Бирюзовый – это и сине-зеленый, и цвет яйца дрозда, и морской волны»; «Huskygirl, сорри за оффтоп, но у вас глаза, наверное, голубые-голубые, как яйца дрозда, вернее как у лайки?»²⁶;

– **приобретает фантазийные уточнения**: Обтянут пленкой цвета яиц странствующего дрозда сразу после покупки, потому что психи любят яркие цвета)); Синий цвета яиц странствующего дрозда»²⁷;

– **основной цвет может не обозначаться**: Обои в рулонах цвет яйца дрозда; Сайдинг яйца дрозда²⁸.

Компонент *голубые* в последнее время заменяется на гипероним *синие*, например, о глазах кота: «Котоматрица: Гляжу в твои глаза синие, как яйца дрозда»²⁹. Мы считаем, что это происходит, потому что пользователи интернета знают английскую форму этого выражения и не знают строки песни, породившей неологизм.

«Читая или слушая текст, мы ожидаем найти в нем определенный смысл, который нам близок», как пишет С.В. Черненькая³⁰. Семантический анализ найденных форм показывает, что в этом выражении особенно замечается гендерная составляющая.: «А „яйца дрозда” в песне имеются в виду те, которые птицы сносят в гнездах для продолжения рода³¹»; «(2016 г.) Не помню кто это пел „... у тебя глаза голубые, как яйца дрозда...” Ктонибудь видел яйца дрозда? Это какой-то неправильный дрозд»³².

Участники форумов пытаются образовать женский род компонента *дрозд* (нехарактерный для этого вида птиц), например: «03.12.2004. Голубые еще какие-то... И яйца дрозда... Хочу обратить внимание, что именно дрозда, а не дроздихи. Ни на что не намекаю, но на высиженных яйцах сидит, по идее, именно дроздиха, а что за яйца у дрозда – тот еще вопрос»³³.

По Г.-Г. Гадамеру³⁴, «тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет набрасывание смысла». В данном случае семантическая несовместимость компонентов вызывала у русских слушателей смех, например: «По-

²⁶ <https://salon.ru/article/dizajn-kuhni-49772>; Наши в Швеции, www.averkiev.com, 2007.

²⁷ www.drive2.ru; <https://pikabu.ru/story/5282526>.

²⁸ Design Studio 3Doboi-3d.ru ; www.alta-profil.ru.

²⁹ <http://kotomatrix.ru/show/294414/>.

³⁰ С.В. Черненькая., *Герменевтические практики в современном образовательном пространстве*, „Вестник МГПУ. Серия: Философские науки”, 2019/2 (30), с. 94.

³¹ www.veseloeradio.ru, 03.03.2007.

³² <http://zooatlas.ru/article/kak-poyut-drozdi>.

³³ <http://forums.gameguru.ru/topic/8914-iaitca/page-3>.

³⁴ Г.-Г. Гадамер, *Актуальность прекрасного*, Москва 1991, с. 318.

чему-то, когда мы слышали это „яйца дрозда”, нас разбирал нескончаемый хохот до слез... Глупо, понимаю, но все же...»³⁵.

В.Г. Гак³⁶ указывал, что морфологический показатель не всегда отражает внеязыковое содержание действительно существующего существа-референта, однако, как показывает одно из наших исследований³⁷, происходит и обратный семантический сдвиг, а именно наделение искаженное восприятие существ, имеющих два пола, как существ «однополых» (в нашем случае это дрозд).

Во многих таких случаях межязыковая интерференция приводит к ошибочной интерпретации. Мужской род названия вида птиц в функции нейтрализации способствует переосмыслению первого компонента – яйца. Вследствие этого происходит актуализации другого значения этого слова – оно понимается как «мошонка»³⁸.

Гендерному переосмыслению сопутствует шутливое травестирование: при оmissии цветообозначения. В памяти собеседников есть устойчивое выражение насмешливого восхваления «круче тебя только яйца» (от контаминации способа приготовления яиц – *варить вкрутую* – и значения слова *крутой* «особенный, выдающийся, сильный духом»³⁹). И это выражение контаминирует с сочетанием *яйца дрозда*: «круче только яйца дрозда», – и в неформальном общении происходит регулярная актуализация двух значений слова *яйца*, с цветом: «Увидеть бы Индиру Ганди... ой, кроха, круче тока голубые яйца дрозда, да!» или без цвета: «Джон – крутой пацан, и штучки всякие у него тож крутые, круче яиц дрозда», часто в рекламе автомобилей, например: «Mazda 626 Coupe. Круче тока яйца дрозда»⁴⁰. Выражение приобретает в восприятии современных русских мужчин маскулинность, например: «Почему мотошкола называется „Яйца дрозда”? Потому что круче яиц дрозда могут быть только вареные яйца дрозда! Шутка») Ну а если серьезно, то нам просто очень нравится этот цвет»⁴¹.

³⁵ www.bratok.co.uk.

³⁶ В.Г. Гак, *Русский язык в сопоставлении с французским*, Москва 1988.

³⁷ Н.И. Жабо, М.Ю. Авдони́на, *Сопоставительный анализ категории рода в рамках курса теоретической грамматики*, [в:] *Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование. Посвящается нашим Учителям: материалы IV Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ*, Москва 2018, с. 208-218.

³⁸ В.С. Елистратов, *Словарь московского арго: Материалы 1980-1994 гг.*, Москва 1994, с. 590.

³⁹ Там же, с. 216.

⁴⁰ snoop-y.livejournal.com; www.shit-film.spb.ru; https://www.drive2.ru/r/2882303761_51746808/.

⁴¹ <http://www.motodrozd.com/news/>.

Многие реплики выявляют отсутствие определенного референта этого сравнения. Именно по этой причине, как мы полагаем, происходит интерверсия и появляется несуществующая порода птиц – голубой дрозд (синий каменный дрозд (лат. *Monticola solitarius*) существует).

Такое семантическое изменение произошло сначала в выражении *круче только яйца*, например: «У них есть „Центр самых перспективных и технологичных стартапов, которые создают наше будущее”, и это круче, чем яйца голубого дрозда!»; **с интенсификатором**: «Это ватще круче, чем яйца голубого дрозда, сваренные на молоке его матери»; **в превосходной степени**: «06.07.2019. Крутыми бывают только яйца и горы, а круче всех яйца голубого дрозда, которые кипели час»⁴².

Но затем произошла ресемантизация: *яйца голубого дрозда* стали употребляться при обсуждении рецептов кухни в значении «экзотичный компонент кулинарных рецептов, который нельзя найти». Ресемантизация является достаточно частым процессом пополнения системы русского языка, наряду с такими семантическими сдвигами как метафорический и метонимический перенос. В данном случае сложение значений компонентов не помогает языковой догадке. Например:

– «... бывает, читаешь рецепт – и сразу понимаешь, что ягоды синей осоки и яйца голубого дрозда взять негде»;

– «Яйца дракона из игры престолов, мраморные яйца, яйца голубого дрозда, космические - это только это только малая часть эпитетов из сториз»;

– «22.08.2019. Земля в иллюминаторе – космическая яичница. Для этого блюда нам понадобятся яйца голубого дрозда. Шутка. Приглашаем всех рассказать о вкусностях, готовящихся дома. Один нюанс – ингредиенты должны быть доступны, яйца голубого дрозда и т.п. не использовать»⁴³.

Наконец, пока еще редко, появляются шуточные поэтизмы, которые, как нам представляется, доказывают правоту Р. Барта, говорившего о читателе, сводящем «воедино все те штрихи, что образуют письменный текст»⁴⁴. Такие употребления доказывают высокую степень ассимиляции этой единицы в современном разговорном русском языке, например: «Тут-то в мужском сердце и зарождается зависть, голубая, как яйца дрозда»⁴⁵.

⁴² <https://www.baxov.net/>; <http://forum.souz.co.il/viewtopic.php?t=96538>; <https://askee.ru/question/3541>.

⁴³ Д. Донцова: «Прежде чем учить мужа готовить – оцените размер беды!». Новости Мордовии. 26.09.2014; <https://www.instagram.com/p/BwTsuJynSE-/>; <https://www.facebook.com/296390744303423/posts/296396830969481/>.

⁴⁴ Р. Барт, *Смерть автора* [в:] Барт Р., *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*, Москва 1989, с. 391.

⁴⁵ *Все цвета зависти*, <http://prizolovy.ru/forum/viewtopic.php?f=2&t=1153&start=180>.

Однако некоторые случаи употребления противоречат такому оптимистичному выводу. Мы наблюдаем ресемантизацию этого выражения по признаку «большая величина», что полностью неверно, например: «Пляж хоть и песчаный, но песок крупный, как „яйца дрозда”»⁴⁶.

3. Выводы

Билингвизм поэта привел к введению в русский язык кальки английского выражения *robin's egg blue*, широко распространенного и имеющего мощный пласт исторических и культурных смыслов в английской культуре.

Наше исследование показало, что в основном калька *голубые, как яйца дрозда* встречается в качестве шутки.

Несмотря на семантическую несовместимость единиц образованного словосочетания и незнакомые для носителей русской культуры христианские коннотации английского выражения, оно было ассимилировано в русском языке.

Благодаря тому, что А.А. Вознесенский является очень известным поэтом и известности рок-музыкантов группы «Мегаполис» аудитория, усвоившая это нововведение значительно расширилась.

Языковым фактором, повлиявшим на современное употребление выражения *голубой / синий как яйца дрозда* является то, что пользователи интернета владеют английским все лучше. В связи с этим было образовано наименование оттенка синего, несущее коннотации моды и престижа.

Экспансия выражения при особенностях его семантико-грамматической структуры привела к маскулинизации образа и значительному отличию значений этой кальки цветообозначения от его английского оригинала в неформальном общении.

ЛИТЕРАТУРА

- Барт Р., *Смерть автора* [в:] Барт Р., *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*, Москва 1989, с. 384-391.
- Гадамер Г.-Г., *Актуальность прекрасного*, Москва 1991, с. 318.
- Гак В.Г., *Русский язык в сопоставлении с французским*, Москва 1988.
- Елистратов В.С., *Словарь московского арго: Материалы 1980-1994 гг.*, Москва 1994.
- Жабо Н.И., Авдонина М.Ю., *Сопоставительный анализ категории рода в рамках курса теоретической грамматики* [в:] *Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование. Посвящается нашим Учителям: материалы IV Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ*, Москва 2018, с. 208-218.

⁴⁶ 2018, <https://www.facebook.com/OctopusPortugal/posts/1754582141264546/>.

- Корнилов О.А., *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*, Москва 2003.
- Растье Ф., *Интерпретирующая семантика*, Нижний Новгород 2001.
- Терехова С.И., *Об особенностях применения полипарадигмального подхода в переводческом анализе текста [в:] Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Сборник научных трудов к юбилею профессора Г. Г. Молчановой*, Москва 2015, с. 412-416.
- Черенькая С.В., *Герменевтические практики в современном образовательном пространстве*, „Вестник МГПУ. Сер.: Философские науки”, 2019/2 (30), с. 90-95.
- «Что за поезд придет» Избр. стихотворения / Уильям Джей Смит; Послесл. Ю. Здорова, Москва 1982.
- Breal M., *Essai de sémantique*, Paris, 2001.
- Kerbrat-Orecchioni C., *La Connotation*, Lyon 1977.

CALQUE AS A PRODUCT OF BILINGUALISM AND ITS RETHINKING

Summary

New calques can enter the Russian language thanks to the bilingualism of their creators and reflect the desire for novelty of artistic conceptualizing of the world. The comparison *golubye kak iatsa drozda* (blue as robin's eggs) chosen for the analysis reveals ludic character of word-creation in modern Russian. This phraseological calque coming from a poem pseudotranslation by A. Voznesenky often has evaluation components, expressing ugliness ("cold hands without gloves, blue just like robin's eggs"); excessive brightness; irony, sarcasm. Calque can be neutralized (a new color name) and its gender can be rethought with mock travestying: robin's eggs/nuts (omission of color, actualization of two meanings) – only robin's hard-boiled eggs are steeper (actualization of both meanings of the word *iatsa* with contamination with another phrase) – only eggs/nuts of a blue robin are steeper (interversion) – eggs of a blue robin (resemantization: exotic component of recipes that can not be found).

Keywords: Russian language, calque, color designation, conversational language, phraseology, conversational style, semantic changes

Ольга АНЦИФЕРОВА

Уральский государственный медицинский университет, Россия
ORCID: 0000-0002-2760-2875

ФИТОНИМЫ В ТРАВНИКЕ В.М. ФЛОРИНСКОГО: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: памятники письменности XVIII в.; травник, изданный В.М. Флоринским; история медицинской терминологии; фитонимы

Особое место в медицинской терминологической системе занимают наименования лекарственных растений – фармакофитонимы, так как они «в определенной степени отражают уровень познания народом окружающего мира, служат показателем развития его культуры¹.

С давних времен люди собирали сведения о лечебных свойствах растений и старались передать эти знания, составляя травники, зельники и лечебники. Многие врачи внимательно относились к информации, собранной в этих памятниках старины. Так, профессор В.М. Флоринский в 1879 г. издает книгу «Русские простонародные травники и лечебники: собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия», которая открывается размышлениями о пользе таких травников для современной науки.

Профессор обращает внимание читателей на то, что в травниках и в зельниках растениям приписывалось много чудесных свойств, и это является выражением народного творчества, не заимствованного из европейской науки, а возникшего под влиянием местных условий жизни и сформировавшихся нравственных понятий данного народа². Однако, по мнению В.М. Флоринского, нельзя отрицать практическое значение таких сочинений: рекомендованные лекарственные средства отличаются общедоступностью, простотой и отсутствием сильно действующих веществ.

¹ О.Г. Рубцова, *Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Йошкар-Ола 2015, с. 13.

² В.М. Флоринский, *Травник [в:] Русские простонародные травники и лечебники: собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия*, Казань 1879, с. I-II.

В этом смысле знакомство со старинными лечебниками и травниками полезно и способствует развитию народной медицины³.

Открывается собрание названных рукописей Травником, по словам профессора, созданным скорописью в начале XVIII века и по каким-то причинам неоконченным. В предисловии к книге В.М. Флоринский замечает, что содержание Травника не имеет определенного порядка, названия некоторых растений переделаны с греческого языка; об иноземных растениях, кроме гвоздики, совсем не упоминается; «терминология как растений, так и болезней исключительно народная, а не научная»⁴.

Несмотря на то, что фитонимы в Травнике представлены без алфавитного и какого-либо другого порядка, каждый параграф (их 64) имеет стандартизованную форму. Сначала дается название растения, вводимое в текст однообразно: 1) «*Есть трава ...*»; 2) «*Трава ...*». Затем представлено описание растения: размеры («*ростомъ въ стрѣлу*»), внешний вид («*темна-ворона и цвѣтъ на ней съ вѣнцами*»), место произрастания («*ростетъ подлѣ болота*»). Причем порядок представления элементов описания варьируется: может сначала указываться место произрастания, затем внешний вид и размер. Далее следует указание на то, при какой болезни данная трава полезна: «*и та трава вельми добра отъ ...*» (следует название заболевания), «*она добра отъ ...*», «*и та трава добра коли ...*», «*та трава угодна отъ ...*», «*полезна отъ ...*». Затем перечисляются условия приготовления или употребления лекарственного средства из названного растения: «*топить въ молоко*», «*топить въ уксу*», «*въ винѣ варить съ медомъ*», «*парь въ кислому квасу съ медомъ*», «*пей и парь ею тѣло и главу обкладывай*», «*приложи къ ранѣ*», «*дай пить съ грушевымъ морсомъ*», «*пить на тощею сердце*» ('натошак'), «*пить поутру не ъвши*», «*грызи корень однажды въ день*», «*пить по девяти въ трехъ мѣсяцахъ*» и др. В большинстве случаев завершается представление лекарственного средства оптимистическим прогнозом: «*поможетъ Богъ*», «*поможетъ*», «*добро будетъ*», «*въ три дня заживетъ*», «*скорби ('болезни') своя избудешь*», «*здравь будешь*», «*легче будетъ*» и др. Заметим, что на типовую форму построения каждой статьи в травниках обращают внимание и другие исследователи⁵. Такая стандартизованная форма представления каждого фитонима свидетельствует о длительной письменной традиции в составлении травников и демонстрирует один из этапов разработки научного стиля.

³ Там же, с. XVII.

⁴ Там же, с. X.

⁵ О.С. Сапожникова, *Лицевой Травник Сергея Шелонина: список с перевода русского врача XVI века*, „Вестник Альянс-Архео”, 2016/15, с. 16.

Наряду с клишированными фразами, перечисленными выше, в Травнике использованы выразительные средства, характерные для художественного стиля: «*листочки кругленьки, что денежки*», «*цвѣтъ что пѣтушки бѣленькіе*», «*маленька, свѣтла и бѣла, что булавочка*», «*листочки долгоньки, что стрѣльные копыя желѣзца, кинулись по сторонам, а въ верху шишечки*» и др. Такое соединение стилистически неоднородных оборотов речи характерно для письменных памятников того времени.

Отдельные эпизоды Травника сопровождаются комментариями В.М. Флоринского, представленными в сносках. Так, профессор объясняет народные названия некоторых заболеваний (напр.: кила – опухоль, грыжа), приводит более поздний вариант наименования растения (напр.: *девятициль* впоследствии начали называть *девясиломъ*), поясняет значение диалектного слова (напр.: изурочить – попортить, сглазить). Написание некоторых фитонимов сопровождается вопросительным знаком, то есть профессор не уверен в том, что верно разобрал название (напр.: *нукокея?*).

В каждом параграфе Травника фитонимы выделены курсивом и в первом предложении параграфа напечатаны с прописной буквы. Мы сочли нужным при цитировании сохранить орфографию и пунктуацию изучаемого источника.

Некоторые фитонимы явно иноязычного происхождения: *ахтомось*, *екумедись*, *ефилия*, *нукокея*, *саракія*. Обратим внимание на то, что в статьях о *саракіи* и траве *ласъ* содержатся иноязычные вкрапления: одно слово со знаком вопроса написано по-гречески (то есть профессор не уверен, что правильно разобрал), и одно слово написано латиницей. И все же Травник не является в чистом виде переводной иностранной книгой, поскольку содержит преимущественно собственно русские фитонимы (напр.: *плакунъ*, *чистякъ*), народные наименования болезней (напр.: *кумоха*, *волосатикъ*) и в трех статьях-параграфах имеется указание на раменские места, где распространены описываемые растения. Исследователь А.Б. Ипполитова считает, что данное сочинение соединяет в себе черты двух типов травников – тип Губерти и костромской тип⁶.

В.Б. Колосова, Н.В. Петров отмечают важность изучения книги В.М. Флоринского для осуществления паспортизации упоминания растения в текстах русской письменности, изучения механизма изменения названия растения, а также семантики наиболее важных для культуры образов⁷.

⁶ А.Б. Ипполитова, *Русские рукописные травники XVII–XVIII веков: исследование фольклора и этноботаники*, Москва 2008, с. 53-54.

⁷ В.Б. Колосова, Н.В. Петров, *Фитонимия русского языка в диахроническом аспекте (XI–XVII вв.)* [в:] *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)*, Санкт-Петербург 2016, с. 311.

Разделим фитонимы, зафиксированные в Травнике, на группы в соответствии с использованием растения для лечения определенных заболеваний.

Применяются при лечении психических заболеваний: *парамонь* («полезна отъ черныя болѣзни»), *петровъ крестъ* («жена страждеть черною болѣзнію»), *смыкъ* («человѣкъ не смыслень»), *чань* («добра отъ черныя болѣзни»), *чернобылецъ* («добра отъ черныя болѣзни»), *царь Муратъ* («отъ черной болѣзни добра»).

Применяются при лечении соматических заболеваний, разделенных ниже на подгруппы.

При лечении внутренних заболеваний: *болотный былецъ* («утверждается стомахъ и афедронь»), *бронецъ* («въ которомъ человѣкъ старая порча или старая грыжа»), *девятисиль* («внутреннюю выгонить болѣзнь и одышку»), *земляница* («добра отъ колотья»), *мачиха* («у кого утроба болить»), *пелынь* («грыжу вонь выгонить и отъ трясавицы добра»), *синеворотъ* или *солноворотъ?* («угодна отъ грыжи»), *стародубка* («грыжа въ которомъ человѣкъ нутряная, и который человѣкъ не ходить»), *ушакъ* («добра отъ грыжи»).

При лечении болезней глаз, зубов: *одоленъ* («корень травы добръ отъ зубной болѣзни»), *перепонка* («у кого очи прѣютъ или слезы часто ходять»), *рябина* («у кого очи болять»), *ужакъ* («добра отъ зубной болѣзни»), *чистякъ* («парить очи съ медомъ»), *щавель* («у кого соромъ насорится (глазь?)»).

При лечении кожных заболеваний и других местных (имеющих локализацию) болезней: *вьюнецъ* («у котораго человѣка волосатикъ или нырокъ»), *енохъ* («у кого ногти сходятъ»), *золотуха* («добра отъ волосатика»), *ласъ* («добра килы парить»), *медвѣжье ухо* («у коней норицы не будет»), *овечій щавель* (вместе с вьюнцом «прикладывай на рану»), *синеворотъ* или *солноворотъ?* («къ чирьямъ годна»).

При лечении заболеваний, вызывающих сильный зуд у домашнего скота: *навыка* («когда скот вертится»), *плакунъ* («давай скоту, который вертится»), *царь Муратъ* («когда скотина вертится»), *чернобылецъ* («коньямъ давай в овсѣ, не столь зачесываются»).

При лечении эпидемических (заразных) болезней: *корееъ* («отъ корюхи»), *молодовникъ* («у кого корь на лицѣ или воспа»), *палочникъ* («отъ моровой болячки»), *рябина* («корень тоя травы когда бываетъ повѣтріе топи съ медомъ»).

При лечении травм и повреждений тела: *адамова глава* («когда кто ранень или сечѣнь»), *ворона* («со всякого удару щепоты нѣтъ»), *ефилія* («добра отъ пожогу или обварится человѣкъ»), *мята* («аще рана – парь огородною мятою или дикою и присыпай»), *палочникъ* («корень добръ къ поську или ужъ ужалить или змѣя»), *перепонка* («которая (язва) долго не

заживеть, сотри съ попутникомъ»), *попутникъ* («высушивъ къ ранѣ присыпать»), *сорочій щавель* («котораго человѣка бѣшеная собака изъѣсть, или змея или ужъ ожалить»), *унзинъ* («добра к порѣзу присыпать»), *хеновникъ* («конямъ къ ранѣ прикладывай»), *щавель коневей* («добра кто битый человѣкъ и приступаетъ къ сердцу кровь»).

При отравлениях: *одоленъ* («коли человѣка окормятъ»), *попутникъ* («добра отъ окорму»).

При устранении последствий алкогольного опьянения: *мята* и *полевой хмѣль* («та трава съ мятою угодна пить..., то хмѣль не возъметъ»), *сарахія* («который человѣкъ хмѣльное пиль»).

При лечении болезней, связанных с развитием: *ефилия* («который человѣкъ не растетъ или горбать»).

При лечении прочих заболеваний: *ахтомось* («добра отъ щемоты; ежели у кого пупокъ рушится»), *бакланъ* («добра она давать конямъ и коровамъ, которые дряхлые»), *бронецъ* («кашлю претить»), *девятисиль* («всякую нечисть изнутри гонить»), *дикая крапива* («у кого человѣка моча зойметъ»), *дягиль кудрявый* («ту траву кто ѣсть и тотъ человѣкъ никакія порчи не боится»), *екумедисъ* («кто ее ѣсть <...> тотъ человѣкъ никакой болѣзни не узритъ»), *пырей* («коли пчелы жалютъ, трися ею и парь – минетъ пухота; когда займетъ мочъ въ человѣкъ»), *самотокъ* («у котораго человѣка чемеръ»), *стародубка* («кто огневой лежить ... дай съ гвоздикою»).

Применяются при лечении болезней, связанных с половозрастной принадлежностью больного: *адамова глава* («которая жена не родить»), *богородская* трава («добра малымъ дѣтямъ; у которой жены груди болятъ»), *земляница* («которыя малыя дѣти не спятъ»), *плакунъ* («которые ребята не спятъ»), *петровъ крестъ* («добра малымъ дѣтямъ»), *полевой дягиль* («у которой жены груди болятъ»), *чистякъ* («парить у жены груди – много молока будетъ»).

Следует отметить, что часть растений, названия которых зафиксированы в Травнике, служат в быту и в сельскохозяйственных работах. Так, применяются в пчеловодстве: *боровый листъ* («добра пчелы и борти окуривать»), *матюшникъ* («добра ко пчеламъ»). Рекомендуются для оказания помощи в житейских ситуациях и в промыслах: *болотный былецъ* («добра на медвѣдя ходить»), *нукокея* (оказывает помощь в любви – «станетъ любить»), *палочникъ* («добро держать мельникамъ»), *перенось* («добра отъ змѣй, и ужъ спитъ отъ нея»), *попугай* («носи при себѣ, гдѣ хочешь проси денегъ или хлѣба»), *пострѣль* («добра всякому человѣку держать въ дому своемъ»), *ряска* («добра положить въ головы женѣ, и она скажетъ что было съ ней»), *осоть* («держать торговымъ людямъ»), *сава*

(«добра ловить звѣрей»), *царевы очи* («угодна въ дому своемъ, и на судь возьми съ собою <...> или въ путь идучи»).

Количественный состав фитонимов в каждой группе позволяет предположить, что траволечение применялось преимущественно при лечении соматических заболеваний (73% фитонимов). Некоторые фитонимы (27%) включены в несколько выделенных нами групп, и это подтверждает факт осознания многостороннего воздействия трав на организм человека. Заметим, что не всегда эти знания совпадают не только с современным представлением о свойствах трав, но и с представлениями, существовавшими в XVIII веке.

В ходе исследования мы выяснили, что 33% фитонимов из Травника В.М. Флоринского имеют лексикографическую фиксацию в Словаре Академии Российской (1789–1794)⁸, это говорит о том, что данные народные наименования растений были хорошо известны. При этом лечебные свойства некоторых растений (50%), зафиксированных в названных письменных памятниках, различны. Приведем лишь несколько примеров такого несоответствия в следующей таблице.

Таблица 1.
Представление нескольких примеров несоответствия лечебных свойств растений в Травнике и САР

Травник, изданный В.М. Флоринским	САР
<i>Адамова глава</i> «...когда кто ранень или съчень – приложи къ ранѣ» (§6)	<i>Адамова голова</i> «...употребляемая врачами для разбитія холдныхъ наружныхъ опухолей» ⁹
<i>Богородская трава</i> «...добра малымъ дѣтямъ», «... у которой жены груди болятъ» (§33)	<i>Богородская трава</i> «...употребляется въ лѣкарствахъ внутреннихъ и наружныхъ какъ укрѣпляющее средство» ¹⁰
<i>Попутникъ</i> «...добра она отъ окорму; высушивъ къ ранѣ присыпать» (§22)	<i>Попутникъ</i> «...имѣеть силу укрѣпляющую, почему и употребляется для разбитія внутреннихъ заваловъ, для остановленія поноса и кровотеченія. Свѣжіе листы пригодны отъ ужаленія пчель, ось и проч.» ¹¹

Известно, что медицинскую часть САР составляли ведущие русские врачи А.П. Протасов, Н.Я. Озерцковский, которые руководствовались,

⁸ Далее использовано общепринятое сокращение САР.

⁹ САР, I, с. 9.

¹⁰ Там же, I, с. 259.

¹¹ Там же, IV, с. 996.

вероятно, данными травников и собственным врачебным опытом¹². Есть основание предполагать, что ученые критически осмыслили информацию травников, известных в XVIII веке. Так, в САР *чистотѣль* «употребляется въ зварахъ для очищенія наружныхъ нечистей»¹³, тогда как в Травнике *чистякъ* (народное название *чистотела*) рекомендуется для лечения глазных заболеваний. Возможно, что укоренившаяся традиция переписывания травников приводила к повторению ошибочного мнения о лечебных свойствах отдельных растений, о чем упоминает О.Г. Рубцова относительно *чистотела*¹⁴. В то же время различие в описании лечебных свойств растений объясняется особенностями фитонимической системы: один и тот же фитоним может относиться к разным растениям, отличающимся по своим свойствам¹⁵.

Некоторая часть фитонимов (23%), зафиксированных в Травнике, представляет собой терминологические словосочетания с двумя компонентами. Так, например, различаются по лечебным свойствам *дягиль кудрявый* и *полевой дягиль*; *щавель коневей*, *овечій щавель* и *сорочій щавель*. В САР находим соответствующие однокомпонентные термины: *дягиль* или *дягильникъ*¹⁶, *щавель*¹⁷. Фармакологические свойства данных растений различны в указанных памятниках письменности.

Травник, изданный В.М. Флоринским, лишен рисунков, и это делает растение малоузнаваемым по его словесному описанию. Очевидно, что современный врач не может извлечь практическую пользу из знания фактов Травника. Однако это сочинение имеет для читателя исторический интерес, а именно позволяет ознакомиться с лечебными привычками прошлого и их истоками, осознать степень преемственности предшествующего опыта в современной фитотерапии, соприкоснуться с

¹² М.Н. Чернявский, *Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии* [в:] *Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т.*, под ред. Б. В. Петровского, Москва 1984, Т. 3, с. 415.

¹³ САР, VI, с. 783.

¹⁴ О.Г. Рубцова, *Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков)* : дис. ... канд. фил. наук, Йошкар-Ола 2015, с. 50.

¹⁵ А.Б. Ипполитова, *Растения с названием Адамова глава в русских рукописных травниках* [в:] *Полетата на этнологията: между знанието и познанието. 25 години асоциация «Онгъл»*, гл. ред. Р. Малчев, София 2018 [online] <http://www.academia.edu/37983154>, [11.09.20]; А.Б. Ипполитова, *Петров крест в рукописных травниках XVII–XIX вв.* [в:] *Демонология и народные верования*, сост. А.Б. Ипполитова, Москва 2016 [online] <http://www.academia.edu/30184484>, [28.08.20].

¹⁶ САР, II, с. 929.

¹⁷ Там же, VI, с. 937.

языковыми фактами одного из этапов в истории формирования русского медицинского языка. В Травнике В.М. Флоринского некоторым образом отражена одна их форм врачебной культуры, воплощающая в себе исторически складывающийся тип жизни и ментальности. Языковые факты Травника позволяют внести штрихи в фитонимическую картину мира, которая, по словам Ю.Н. Исаева, «входит в более широкую картину мира по формуле „человек и природа”»¹⁸.

ИСТОЧНИКИ

Флоринский В.М., *Травник* [в:] *Русские простонародные травники и лечебники: собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия*, Казань 1879, с. I-XVIII, 1-15.

ЛИТЕРАТУРА

- Ипполитова А.Б., *Растения с названием Адамова глава в русских рукописных травниках* [в:] *Полетата на этнологията: между знанието и познанието. 25 години асоциация «Онгъл»*, гл. ред. Р. Малчев, София 2018, с. 50-76 [online] <http://www.academia.edu/37983154> [11.09.20].
- Ипполитова А.Б., *Русские рукописные травники XVII-XVIII веков: исследование фольклора и этноботаники*, Москва 2008.
- Ипполитова А.Б., *Петров крест в рукописных травниках XVII-XIX вв.* [в:] *Демонология и народные верования*, сост. А.Б. Ипполитова, Москва 2016, с. 292-315 [online] <http://www.academia.edu/30184484> [28.08.20].
- Исаев Ю.Н., *Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках*, Чебоксары 2019.
- Рубцова О.Г., *Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Йошкар-Ола 2015.
- Колосова В.Б., Петров Н.В., *Фитонимия русского языка в диахроническом аспекте (XI-XVII вв.)* [в:] *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)*, Санкт-Петербург 2016, с. 308-314.
- САР – *Словарь Академии Российской*: в шести томах, Российская академия наук, Отделение историко-филологических наук, Московский гуманитарный институт имени Е.Р. Дашковой, Москва 1789–1794.
- Сапожникова О.С. *Лицевой Травник Сергея Шелонина: список с перевода русского врача XVI века*, „Вестник Альянс-Архео” 2016/15, с. 11-40.
- Чернявский М.Н., *Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии* [в:] *Энциклопедический словарь медицинских терминов*: в 3 т., под ред. Б.В. Петровского, Москва 1984, Т. 3, с. 411-425.

¹⁸ Ю.Н. Исаев, *Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках*, Чебоксары 2019, с. 24.

**PHYTHONYMS IN THE HERBAL BY V.M. FLORINSKY:
LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT**

Summary

The article describes The Herbal of the early 18th century, included by the famous Russian physician V.M. Florinsky in the publication “Russian Common Herbals and Doctor Books: Collection of Medical Manuscripts of the 16th and 17th Centuries” (Kazan, 1879). Attention is drawn to the importance of studying this source for the certification of the reference to a plant in the texts of Russian writing, as well as for the formation of ideas about the history of the development of the Russian medical language. An attempt is made to systematize the phytonyms recorded in the Herbal in accordance with the use of the plant for treatment of certain diseases. On the basis of the data obtained, it is concluded that herbal medicine was used in medical practice mainly for somatic diseases. The lexicographic data in the Herbal and in the Dictionary of the Russian Academy of Sciences (1789-1794) are compared. The revealed linguistic facts of the Herbal acquaint with the origins of some healing habits and in a certain way reveal the phytonymic picture of the world.

Keywords: literary texts of the 18th century; herbal published by V.M. Florinsky; history of medical terminology; phytonyms

Людмила КАСЬЯНОВА

Уральский государственный медицинский университет, Россия
ORCID: 0000-0002-2760-2875

ХРОНОМАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Ключевые слова: лексический маркер, хрономаркированная лексика, хрономаркированность, активизация, неологизация, неономинация

Обращение к заявленной теме продиктовано необходимостью научного осмысления динамических процессов в русском языке начала XXI века, в результате которых значительные лексические ресурсы приобрели хрономаркированный статус. В соответствии с этим актуальной становится и научная разработка понятия «хрономаркированная лексика», связанная с отсутствием единого подхода к пониманию объема и составляющих названного лексического пласта.

Под хрономаркированностью мы понимаем соотнесенность номинации с определенными временными периодами в развитии общества и языка. Хрономаркированная лексика, представляя собой социально значимый фрагмент лексической системы современного русского языка, включает в свой состав единицы, номинирующие предметы, признаки, события или явления какой-либо сферы общественной жизни на конкретном временном срезе. Такие единицы выступают в качестве лексических маркеров конкретного периода и в своей семантической структуре содержат темпоральный компонент, благодаря которому в сознании носителей языка формируется ассоциативная связь с тем временным отрезком, когда данные единицы были актуальными и частотными. Развивая данную тему, отметим, что слово способно хранить культурную память о прошлом, представляя, прежде всего, специфику минувших эпох. В контексте нашего исследования актуальна мысль А. Вежбицкой о том, что в любом языке есть ключевые слова, которые могут способствовать пониманию важных особенностей культуры народа носителем данного языка. Как нам представляется, «культурная память слова» напрямую связана с понятием «хрономаркированная лексика», которое находится в центре нашего исследовательского внимания.

Исходным теоретическим тезисом является положение о том, что языковая система динамично отражает постоянно меняющийся мир. Изменения в системе языка наиболее серьезно затрагивают его лексико-семантическую подсистему как самую подвижную и чувствительную часть языка. Серьезные преобразования касаются как словарного состава, так и сущностных характеристик лексических единиц.

Следует отметить, что в последние десятилетия в лексическом составе русского языка произошли значительные изменения, обусловленные экстралингвистическими и интралингвистическими факторами. В связи с этим считаем необходимым акцентировать внимание на основных динамических процессах в русском языке исследуемого периода, детерминирующих появление хрономаркированных лексических единиц, определить объем и составляющие хрономаркированной лексики. К числу таких динамических процессов, определяемых социокультурной динамикой, относятся ядерно-периферийные перемещения лексики. Будучи социально детерминированным, данный процесс отражает адаптацию языка к постоянно изменяющимся дискурсивным условиям его функционирования и является свидетельством динамичного языкового развития. Активное перемещение лексических пластов русского языка в течение последних десятилетий детерминировано когнитивно-дискурсивными аспектами обновленного мировосприятия носителей языка в условиях кардинальных трансформаций российского общества, новых социально-исторических реалий, эволюционирующей социокультурной среды, нового отражения и новой интерпретации мира.

В результате осмысления новых реалий оказались востребованными значительные лексические ресурсы, находившиеся ранее в периферийном слое лексики. Их актуализация свидетельствует о сформировавшейся тенденции перемещения лексических пластов в направлении от периферийных участков языковой системы к ее центру. Актуализированные единицы вновь стали неотъемлемыми элементами коммуникативно-значимого ядра русской лексики, поскольку приобрели релевантность номинируемые ими реалии. Так, в конце XX века процесс возвращения из архаизированного лексического фонда в активное употребление был характерен для слов типа *акция, биржа, вексель, губерния, губернатор, гимназия, дума, земство, лицей, присяжные*. Произошло повышение их номинативной значимости в языковом сознании говорящих, увеличилась частотность их употребления в речи, что стимулируется актуализацией обозначаемых ими реалий. В предшествующий период функционирования русского языка такие лексические единицы находились на периферийных участках общественного языкового сознания, входили в пассивный запас носителей русского языка, в новейший же период развития языка, в усло-

виях вторичного отражения и обновленного воспроизведения в сознании познаваемой действительности, активное употребление этих лексических единиц возобновилось. В результате ядерно-периферийных перемещений лексики реактивировалась та часть системного лексического фонда, которая на современном этапе развития русского языка стала коммуникативно и номинативно соответствующей ментальному содержанию социокультурно значимых явлений и процессов и, как следствие, высокочастотной в узусе.

В контексте рассматриваемой проблематики обратимся к анализу хрономаркированных единиц, характеризующихся повышением функциональной значимости и частотностью речевого употребления в новых социокультурных условиях. В составе актуализированной хрономаркированной лексики, которая имела в предшествующий период развития русского языка статус устаревшей, выделяются наименования реалий, возрожденных под воздействием экстралингвистических факторов: *генерал-губернатор, гимназист, господин, градоначальник, меценат, полиция, полицейский* и др. Среди них выделяются лексические единицы, уже маркированные прежде как историзмы (*губернатор, присяжные* и др.) или архаизмы (*волонтер, ресторатор* и др.). Однако на современном хронологическом срезе они оказались в фокусе повышенного внимания социума, что определило увеличение уровня номинативной активности и функциональной значимости этих единиц, частотности их речевого употребления в связи с актуализацией обозначаемых понятий. Вследствие этого увеличилась и частотность их употребления в современном дискурсе:

«Все, о чем сейчас говорят, уже было: и Дума, и генерал-губернаторы, и Госсовет... Действительно, история развивается по спирали» (Время, 1.07.2000); «Возрожденной российской **полиции** нужно будет время для становления» (Известия, 27.02.2011); «Формируется некий класс "новых **рестораторов**", большинство представителей которого предпочитает не озвучивать свои интересы в сегменте общепита, но, тем не менее, постоянно увеличивает свое представительство в нем» (Ресторатор, 4.11.2004).

Такого рода актуализированные лексические единицы отражают фрагменты картины мира, которые приобрели общественную значимость в условиях социальных изменений и возрождения утраченных реалий.

Следует отметить, что словесные знаки могут подвергаться функционально-номинативным изменениям неоднократно, оказываясь то в активном, то в пассивном словарном запасе в зависимости от воздействия социокультурной среды. Увеличивая частотность употребления, приобретает социальную релевантность, слово переживает процесс активизации; закрепляясь в разряде употребительной лексики, проходит этап стабилизации. Однако становясь социально нерелевантным, уменьшая активность употребления, слово подвергается пассивизации. В дальнейшем под воздействием экстралингвистических факторов оно может вновь возвратиться в активный запас. Все эти перемещения происходит в русле взаимодей-

ствия ментальных и языковых, социокультурных и интралингвистических явлений и процессов, свидетельствуя о проявлении динамического характера языковой картины мира, ее обновлении в современных культурно-исторических условиях.

Развивая эту мысль, отметим, что хронологически маркированная лексика представляет собой социально значимый фрагмент лексической системы современного русского языка, актуализируя не только определенные фрагменты картины мира, восстановившие либо утратившие свое место в лексиконе носителей языка, но и формирующиеся в новейший период развития русского языка. Так, в результате динамических процессов в русском языке указанного периода значительные лексические ресурсы подверглись деактуализации и пассивизации вследствие мощного воздействия экстралингвистических факторов. Например, лексические единицы *перестройка*, *гласность* характеризуются своеобразной отмеченностью временем и отсылают нас к событиям второй половины 80-х – начала 90-х годов прошлого века, слово *беспредел* неразрывно связано с девяностыми, а *танDEMократия* и *крымнаш* – соответственно с первым и вторым десятилетиями XXI века.

Переоценка ключевых ценностей в обществе, с одной стороны, и подвижный характер лексической системы языка – с другой, определили в указанный период хрономаркированный характер большого количества лексических единиц.

Наряду с отмеченными процессами, в результате которых лексические единицы приобрели хрономаркированный статус, в начале XXI века активно проявила себя неологизация как языковой процесс, определивший появление новых лексических единиц, возникших в силу общественной необходимости для обозначения нового предмета или явления. Такие неологизации, сохраняющие ощущение новизны для носителей языка, также являются хрономаркированными, поскольку обнаруживают теснейшую связь со временем, обусловившим их появление, например: *реновация*, *предпенсионер*.

Действительно, хрономаркированные лексические единицы способны аккумулировать и передавать информацию об определенном отрезке времени, являясь своеобразными маркерами эпохи, разграничивая временное пространство на более мелкие хронологические отрезки.

Таковыми лексическими маркерами 2020 года стали неологизации, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции. Кардинально изменившаяся среда во многом изменила облик языка, определила его качественно-количественные трансформации, характеризующие стремительное формирование целого лексического пласта, связанного с пандемией. Хрономаркированными доминантами названного пласта лексики стали *коронавирус*, *COVID-19*, *пандемия*.

Состав хрономаркированных единиц периода пандемии имеет тенденцию к увеличению за счет появления значительного количества производных слов. К примеру, *COVID* выступает мотивационной базой различных отаббревиатурных образований. Так, фиксируется появление множества однотипных по структуре сложных слов: *COVID-госпиталь*, *COVID-пациент*, *COVID-вакцина*, *COVID-диссидент*. Как показывает проведенный анализ, гибридные графодериваты, представленные средствами латинской и русской графики, характеризовались частотностью употребления преимущественно в начальный период пандемии: «*На сегодняшний день в COVID-госпитале находятся 219 пациентов*» (Российская газета, 13.04.2020); «*Россияне могут серьезно пострадать из-за COVID-диссидентов*» (Газета.Ru, 15.05.2020).

Впоследствии аббревиатура *COVID* выступила мотиватором неониминации *ковид* – «кириллического» варианта названия болезни. По результатам наших наблюдений можно утверждать, что преобладающее количество неониминаций характеризует словообразовательное гнездо с вершиной *ковид*: *ковидный*, *антиковидный*, *противоковидный*, *постковидный*, *ковидник* и др. Как показывает анализ, наибольшей частотностью характеризуется суффиксальный дериват *ковидный*, большинство производных образуется с помощью префиксов *анти-* и *противо-*, что закономерно в период борьбы с инфекционным заболеванием.

Хрономаркированные единицы, обозначающие реалии пандемии, активно функционируют в медиадискурсе, актуализируя «отмеченность» временем: «*COVID-госпиталь Пироговского Центра выписал последнего пациента*» (Российская газета, 2.07.2020); «*Весь июнь каждый день в Пермском крае свободный коечный фонд для COVID-пациентов был под 50%*» (Новая газета, 2.07.2020); «*В РФПИ допустили старт массового производства COVID-вакцины в РФ уже в августе*» (Интерфакс, 21.07.2020); «*В Астраханской области готовят к сдаче два ковидных госпиталя*» (Российская газета, 30.11.2020); «*Противоковидный препарат, по мнению академика Гинцбурга, сохранит действие на два года*» (Российская газета, 22.08.2020); «*ФАС попросила обосновать цены на антиковидные препараты*» (Российская газета, 23.09.2020); «*Академики рассказали о главных угрозах в постковидном мире*» (Российская газета, 29.05.2020).

Хрономаркированные неониминации подтверждают процесс динамичного обновления актуальных зон языковой системы. При этом источником апробации новых языковых средств, как правило, выступает язык СМИ. Обратимся к примеру:

«**Инфодемия** и **ковидометрия**: заблуждения эпохи пандемии» (Инвест-форсайт, 27.05.2020).

Хрономаркированностью обладают неонаминации *инфодемия* – увеличение недостоверной информации об эпидемии, а также *ковидометрия* – измерение уровня заболеваемости новой коронавирусной инфекцией по различным параметрам.

Как показывает анализ медиатекстов исследуемого периода, хрономаркированные неонаминации выступают индикаторами социальных изменений, реализуя лингвокреативный потенциал носителей языка. К примеру: «**Коронавты расстроены**» (utv.ru, 23.04.2020); «**Ковидно, не сезон**» (Коммерсант, 25.06.2020); «**Короноики ругаются с ковид-диссидентами, карантинейджеры творят коронарт, а ковидиоты жалуется на локдаун. Послушайте эпизод, чтобы не приумножать инфодемию и узнать, какими словами рассказывать будущим корониалам о коронапокалипсисе**» (lv.sputniknews.ru, 14.06.2020). Различные единицы (чаще окказионального плана) используются исключительно с целью экспрессивизации речи и вместе с тем ярко иллюстрируют время, обусловившее их появление.

В развитие данной темы считаем важным отметить, что хрономаркированные единицы демонстрируют стремление носителей языка к словотворчеству. Так, множество производных появилось от слова *карантин*, получившего в современных реалиях новое осмысление: *карантикулы* (нерабочая неделя во время карантина, воспринимавшаяся многими как каникулы), *карантини* (по аналогии с мартини, однако обозначающее любой напиток, который употреблялся во время карантина), *карантинник* (концерт артистов, транслируемый из дома), *карантинки* (по аналогии с валентинками, мини-тексты, посылаемые влюбленными, которые разлучены карантинном). Появление окказионализмов *коронагеддон* (ощущение конца света, охватившее население планеты) или *зумби* (длительное время находящийся в Zoom) свидетельствует о реализации лингвокреативных возможностей их создателей.

Практически всем неонаминациям периода пандемии свойственна «отмеченность временем». Так, работа в удаленном режиме в период пандемии обусловила появление неонаминация *удаленка*. Обучение школьников и студентов в дистанционном формате способствовало возникновению лексических единиц *дистант* и *дистанционка*. Активное использование платформы Zoom привело к появлению хрономаркированного окказионализма *зумиться*. Сформировались два значения у неонаминаций *ковиниалы* и *корониалы*: 1) поколение детей, родившихся в период пандемии; 2) дети, осваивающие в период пандемии новые практики, адаптируясь к новым условиям.

Представляет интерес и тот факт, что пандемия обусловила появление ряда хрономаркированных выражений типа *нулевой пациент, выйти на плато, социальная дистанция, масочно-перчаточный режим, бесконтактная доставка*, а также изменение значений уже существующих. Многие ранее известные единицы были переосмыслены и стали востребованными в повседневной коммуникации. Так, выражение *социальная дистанция*, изначально обозначающее отчужденность от остальных людей, в настоящее время имеет иное осмысление: физическое дистанцирование с целью предотвращения заражения. Слово *самоизоляция* как элемент понятийного аппарата психологии в современных условиях стало обозначать режим вынужденного изолирования от окружающих.

Развивая данную тему, акцентируем внимание и на том, что отдельные единицы, квалифицируемые до периода пандемии сугубо как специальная лексика, в настоящий период приобрели хрономаркированность и стали релевантными практически для всех: *антисептик, бессимптомник, ИВЛ, СИЗ, коронавирус, обсервация, плато*.

Безусловно, ассоциации с периодом пандемии всегда будут сопровождать функционирование хрономаркированных единиц и их производных, связанных, например, с использованием платформы Zoom: *зумиться, зуминар* (по аналогии со словом семинар). В процессе функционирования языка осуществится отбор наиболее актуальных, удовлетворяющих общественным потребностям лексических единиц. *Дистант* и *дистанционное обучение*, вне всякого сомнения, останутся как неразрывно связанные с периодом активного использования дистанционных образовательных технологий, как и сама аббревиатура *ДОТ*.

Итак, хрономаркированная лексика представляет собой социально значимый фрагмент лексической системы языка, включая в свой состав единицы, которые выступают в качестве лексических маркеров конкретного временного периода.

CHRONOLOGICALLY MARKED WORDS OF THE EARLY XXI CENTURY

Summary

This article is devoted to the vocabulary that appeared in Russian at the beginning of 21st century. Chronologically marked words are a socially significant fragment of the lexical system of the language.

Keywords: lexical marker, chronologically marked words, neologization, neonomination

Татьяна КРАСНОВА

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
ORCID: 0000-0002-7647-3942

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (СООТНОШЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И МЕНТАЛЬНОГО)

Ключевые слова: русская ментальность, политический дискурс, модальность, семантика, оппозиции

В статье освещаются вопросы выражения русской ментальности в языке политики на материале двух русских изданий, между которыми временной интервал в целое столетие. С одной стороны, это современная «Независимая газета» за 2019-2020 годы, а с другой стороны, это газета русской колонии в Польше «Варшавская речь» за 1919 год. Обе газеты относятся к умеренным оппозиционным изданиям. «Независимая газета» включает много аналитических публикаций, связанных с оценкой деятельности российского правительства, правящей власти. Газета «Варшавская речь» относилась к умеренным антибольшевистским изданиям, порицавшим новую российскую власть, а также вела правозащитную работу¹.

Цель описания – демонстрация такого механизма освещения языковой картины мира в газетах, который имеет отношение к семантическим процессам в политизированной русской речи, так что его можно назвать моделью «оппозитивности» в передаче состояния языкового сознания политиков, журналистов. Политические действия осуществляются в первую очередь речевыми действиями, где язык выступает «частью событий», форми-

¹ Газета «Варшавская речь» (Варшава 1918-1920) – «внепартийный демократический орган» – издавалась товариществом «Русское издательство» в лице В.М. Левшиной. Газета отвечала нуждам русской колонии в Польше, которая заметно пополнилась эмигрантами после признания ее независимости от России в ноябре 1918 г. Подробнее: Т.И. Краснова, *Другой голос: Анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920* (22) гл., Санкт-Петербург 2011.

руя их значение². Неслучайно в научном обороте, в его методологии, актуализировалась политическая лингвистика, изучающая условия и механизмы воздействия политической коммуникации с помощью определенных аспектов, инструментов анализа (ситуация, модель, концепт, импликация и др.)³.

Вводная часть, исходные положения

Опираясь на традицию, мы придерживаемся фундаментальных исследований по языку русской ментальности и русской культуры (к ним относятся, прежде всего, труды В.В. Колесова и Ю.С. Степанова), а также признаем особенно продуктивными подходы к интерпретациям, посвященным языковой картине мира (О.А. Корнилов, Е.С. Кубрякова), понятию предикации, или экзистенции (Б. Рассел, Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр, А.Ф. Лосев; из лингвистов – В.В. Колесов, Ю.С. Степанов)⁴, понятию «оппозиция» (Н.С. Трубецкой, А.Г. Баранов, В.П. Руднев)⁵, понятиям «моделирование» и «модализация» с опорой на социолингвистическую и психолингвистическую концепции общения (И.П. Лысакова, В.В. Богуславская, Ю.Е. Прохоров; А.-Ж. Греймас, Ж. Фонтаний; А.Г. Баранов).

– Духовность и менталитет понимаются собирательно как *ментальность*. Духовность – это способность воспринимать и оценивать мир и человека в категориях и формах родного языка с преобладанием идеальной точки зрения. Ментальность есть *национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях*

² С.Г. Жумабаева, *Понятие и сущность политического дискурса* [в:] *gorizonty_rusistiki_2020_sbornik...*, с. 255 [on line] https://docviewer.yandex.ru/view/31191003/?page=13&*ad3tlhAV4ynys9fl20bQR9S... [25.10.2020].

³ См.: Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина, *Краткий словарь когнитивных терминов*, под ред. Е.С. Кубряковой, Москва 1997.

⁴ Обзор мнений, включая историю вопроса, в монографии: Ю.С. Степанов, *В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства* / отв. ред. В.П. Нерознак, 2-е изд. Москва 2010 (глава IV).

⁵ В лингвистической литературе операциональное понятие «оппозиция» прошло длинный путь – от первоначальной трактовки в труде *Фонология* Н.С. Трубецкого (издана в России в 1960 г.) до описания оппозиций в научных интерпретациях понятия «картина мира» О.А. Корнилова (2003, с. 92-107). Добавим, что моделирование картины мира в гуманитарных исследованиях базируется на открытии, согласно которому «в описании любой картины мира лежат бинарные оппозиции, причем они носят универсальный характер» (Руднев 1999, с. 39). При этом утверждается, что оппозиция, подобно породившим ее конфликтам, является сложным образованием, лишь формально разложимым на «элементарные» бинарные (антонимические) оппозиции.

- родного языка, способность истолковывать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определенной обстановке*⁶.
- Излагаемое в статье базируется на представлении об универсальных механизмах мышления как о процессах восприятия (ментализации), идеации (внесения смысла), идентификации (предикации)⁷. Восприятие зависит от памяти и культуры, от контекста индивидуального и общественного. Идеация возникает из духовного и прагматического начал, определяется контекстом переживания. Знаки идентичности в предикатных сочетаниях используются в политическом дискурсе для создания или трансформации понятий. Предикаты соответствуют не «вещам», а «отношениям», дают концептуализацию политической картины мира. Переживание отношения выражается в модализации субъекта (автора) через модализацию объекта (предмет, тема) и далее вкладывается, благодаря языку, в текст⁸.
 - Основным понятием аналитического описания в статье выступает *ментальная семантико-речевая оппозиция*. Она возникает в тексте как отражение когнитивного семантико-речевого процесса оппозитивности, существующего как в восприятии, так и в механизмах смыслообразования (идеации). Под оппозитивностью понимается интенционально обусловленная модализация и структура, пронизывающая деятельность субъекта языкового сознания. В коммуникативном процессе *модализация* вносит в «речевое тело» дискурса структуру ментального семантико-речевого противоположения.
 - Ментальный механизм оппозитивности в медиа имеет идеологическую природу и обладает мотивирующей силой. Он складывается из представлений 1) о норме, 2) о существующем отклонении от норм, 3) из оценки этого отклонения. Называются или подразумеваются их причины.
 - Методика оппозиционного анализа состоит в выявлении единиц (оппозитивов), в установлении их вида и характера оппозиции. Интегральное описание⁹ является основным методом демонстрации оппозитивных отношений: фиксируются все те речевые способы и языковые средства, которые так или иначе маркируют противоположение. В то же время дискурсный анализ предполагает обнаружение *неявных* элементов диалогичности оппозитивной структуры.

⁶ В.В. Колесов, *Русская ментальность в языке и тексте*, Санкт-Петербург 2006, с. 13.

⁷ В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов, *Словарь русской ментальности*, Златоуст 2014.

⁸ «Предикат сущностно всегда понимался как некое совпадение „внешних”, объективных отношений, существующих в мире, и „внутренних” отношений, существующих в акте предикации в нашем сознании» (Ю.С. Степанов, *В трехмерном...*, с. 139).

⁹ А.Д. Шмелев, *Русский язык и внеязыковая действительность (Язык. Семиотика. Культура)*, Москва 2002, с. 23.

- Существенную роль в процессе анализа играют понятия референт-ситуации (РС) и разные виды модальностей – грамматической (ГМ), коммуникативной (КМ) риторической (РМ).

Далее основная часть делится согласно построению и названиям газет.

Основная часть

Концепт – основная единица ментальности¹⁰, поэтому сначала скажем о нем. В центре внимания газетный дискурс с концептом «Россия». Содержание концепта в культурно-исторической традиции (Русь) связывается с тремя стратами значений: 1) этнос, народ = русские, 2) территория = русская земля, 3) государство = политическое образование¹¹. В современном мире концепт Россия включает, помимо прежних номинаций значения в печати («Историческая Россия», «Большевистская Россия», «Советская Россия», «Свободная Россия»), новое наименование: «Дирижистская Россия», в противовес недавнему определению «Россия либеральных реформ». Так в семантике концепта сказалась политика активного вмешательства в управление экономикой со стороны государства.

Общая референт-ситуация (РС)

В современной печати освещаются три основных направления российской жизни – политика, экономика и культура, причем два последних направления также политизированы в любой газете. Этому способствуют: непростое внутреннее положение России, санкции и нынешняя жесткая поляризация мира; восприятие Западом *России и Евразийского союза* как реинкарнации СССР, когда с возвращением российского противовеса завершился период диктата западных стран в мировой политике. В гражданском обществе в России критикуются несменяемость власти, доминирование старых подходов в государственном управлении, пропаганда и диктат одной партии, хотя и новые партии делают первые шаги на региональных выборах в законодательные собрания.

Вопрос о выражении русской ментальности в языке/речи остается дискуссионным. Так, В.В. Колесов считает, что в замечательных по тонко-

¹⁰ Концепт – единица когнитивной грамматики, которая изучает языковые формы национальной речемысли: это и ментальный генотип, и атом генной памяти, в разное время по-разному именованный, как, например, «архетип», «первообраз» и др. (В.В. Колесов, *Русская ментальность в языке и тексте*, Санкт-Петербург 2006, с. 24).

¹¹ Ю.С. Степанов, *Константы: Словарь русской культуры*, Москва 1997, с. 493 и далее.

сти наблюдений трудах А. Вежбицкой «искажаются реальные признаки и принципы русской ментальности, которые строятся на других основаниях. Ключевые концепты русской ментальности автор определяет в словах *душа, судьба и тоска*. Но... те же самые концепты можно истолковать иначе, не придавая им обязательно осуждающего значения: как *душевность, мистически ориентированное* отношение к миру, *доверчивость* и особый склад характера, *склонность переносить собственные недостатки* на другого – с тем, чтобы *бороться с пороками как с нежелательными объектами критики*»¹².

Лишь внутренняя напряженность полярностей дает развитие. «Ошибки всех, изучавших русскую ментальность и русский характер, в том, – пишет В.В. Колесов, – что они исследовали предмет научно, т.е. на понятийном уровне, который и требует усреднения данных, явленных в рефлексии, как факты. Между тем «среднее» как раз и несвойственно ни русской ментальности, ни русскому характеру («нраву»). Особенности их создаются на контрастах (*Или Бог, или червь!*), потому что опираются не на рассудочно однозначное понятие, а на душевный образ или на духовный символ»¹³.

«В русской ментальности сложилось иное представление об идеальном, нежели аристотелевская *«золотая середина»*. Согласно этому представлению, род есть одновременно и вид, путем удвоения ряда крайностей: умный / *простоватый* – глупый; большой / *средний* – малый. Тогда простоватый (бесхитростный, прямой) есть глупый, в противопоставлении к умному, а средний есть малый, в противопоставлении к большому». Получается двоичная оппозиция в единстве с противоположным третьим.

«Независимая газета» (далее НГ): «И острее всего в помощи нуждается *малый и средний* бизнес» (НГ 2019) [здесь оппозитив *бизнес большой*]. В этом смысле для среднего русского малый бизнес важнее большого. Сравните у В.Колесова: «Средний человек» одновременно воплощает в себе и общее, и особенное – и в и д вещи, и идею р о д а. Под средним типом подразумевается инвариант. С другой стороны, отмечает ученый, в «древнерусском представлении «средний» – «ни то ни се, ни рыба ни мясо», серость, а предельность среднего – ничтожество. В России всегда погибал именно средний, слишком заманчивая добыча для власти этот мифический «средний класс». Он безоружен, не опасен, а пожить можно. Так идея «среднего» класса не проходит в России. Каждая новая

¹² В.В. Колесов, *Русская...*, с. 43. Курсив В.В. Колесова. Сравните также его ссылку на источники фраз, какие мы бы назвали оппозитивными. с. 15: «Славянство – сердце, // германство – голова»; или с. 100: «Душа // умирает в рассудке». Знак // отделяет части оппозиции в высказывании.

¹³ Там же, с. 44.

власть, волна за волной – строит на нем свою сытость и деткам своим норовит оставить кусок послаще, чтобы не оказались они где-то в «средних». Так и стоит держава – не на человеке стоит, а на силе¹⁴. И сейчас в идеале русского человека среднее предстает как внутренне-глубинное, как *инвариант*; «именно такое *среднее* и ценится» (В. Колесов).

Забегая вперед, добавим: в вариантах референции газетные тексты воспроизводят концептуальные противоположения «государство» // «народ», «чиновники» (госаппарат) // «население» (граждане). Семантико-речевые средства оппозитивности выявляются внутри конфигурации широко понимаемой диалогичности. Отсюда оппозитивность следующего заголовка и текста в «Независимой газете», где традиционное для власти обозначение «майские указы» Путина переносится на Китай:

Заголовок: Китайский майский указ оказался лучше // российского.

Подзаголовок: Учителя не должны получать меньше // чиновников.

В тексте: Пекин провозгласил политику превращения школьных учителей в особую привилегированную группу, которая пользуется особыми льготами. // А в России учителя требуют от властей уважения своих трудовых прав и соблюдения норм рабочей нагрузки (НГ 2020).

Исторические антиномии русской ментальности¹⁵ с противоположением «государство» («власть») // «общество» (вариант «госаппарат», «чиновники» // «население») укоренились в русском сознании. Русский человек власть не любит, но искони ей служит. «Русский человек – государственный, верно, но не подменяйте понятий, не ставьте вещь чиновника *вместо* вечности государства»; «Верно и то, что русское государство в угоду своим, исторически понятным, интересам «ломало» русское общество в нужном ему духе». «Только интересы семейные и домашние составляют для русских людей серьезное дело»¹⁶. О том, что современный русский язык уже полвека превращается в набор речевых штампов, удобных для использования чиновниками, отмечалось неоднократно. Но прагматика удобства захватывает не только на язык. «В экономике *преобладает* бухгалтерский подсчет, *растут* резервы, // при этом интересы развития социальной поддержки населения *отходят на второй план*. Такова цена той стабильности, которую выстроили финансовые власти» (НГ 2019). Исходные признаки русской ментальности лежат в средневековье (как и европейской ментальности) с его семантико-аксиологическими константами, тяготевшими к воплощению вечных истин и непреходящих ценностей.

¹⁴ Там же, 29-31.

¹⁵ В.В. Колесов, *Русская...*, глава третья «Исторические антиномии в основе русской ментальности», с. 65-118.

¹⁶ Там же, с. 72 и 86.

В частности, об одной из ценностей бытия средневекового человека говорит наличие в старославянском языке многочисленных глаголов со значением 'льстить'. По-прежнему, главное в концептах ментальности современного русского человека передается архетипами оппозиционно, через противопоставление категорий **добро** // **зло**. Это базовые категории русской ментальности¹⁷. Сравните, **заголовки с подзаголовками**: «**Зло, которое было всегда. О российской коррупции, ее социальной базе и // возможных путях преодоления**»; «**Софистика зла. Вопрос соотношения политики и // морали носит вечный характер**»; «**Представителям русского мира // приходится платить на каждом шагу**. Воссоединение с родиной **дорого обходится // соотечественникам**. **Надпись под фото**: **С высоких трибун соотечественников призывают вернуться домой, // но там их встречают бюрократы**. **В тексте**: **Однако государство оказывает людям лишь небольшую помощь, // тогда как чиновники пытаются заработать на каждой бумажке** (НГ 2020).

Как известно, в центре русской грамматики находится не имя, а глагол. Субъект и объект разведены в сознании через глагольную форму. В периодической печати регулярно появляются оппозитивные высказывания с глагольным отрицанием, опровергающие чьи-то ожидания, планы, предположения. Их глагольная оппозитивность выявляется в контексте текущих ситуаций социально-политического характера (есть=РС, будет=РС). Примеры заголовков: «Ипотека **не вывела** строительство жилья из пике» (чиновники рассчитывали на противоположный эффект); «Госсовет **не будет** преемником Путина» (предполагали обратное).

Переосмысление лексики

В исследованиях политического дискурса отмечается изменение в определенных случаях лексической модальности, когда слова остаются, а смыслы меняются. Так, изначально позитивно окрашенные лексемы критически характеризуют вербальную деятельность, в то время как негативно окрашенная лексика направляется на характеристику невербальной деятельности героев публикации¹⁸. Примеры предметно-оценочной трансформации значений слов и словосочетаний множит политический дискурс на подвластном политикам телевидении: «Власть создает образ врага, оп-

¹⁷ Т.И. Вендина, *Словообразование как источник реконструкции языкового сознания*, „Вопросы языкознания” 2002/4, с. 51, 57.

¹⁸ Д.А. Клубничкина, *Представление о прекрасном и безобразном в политической прессе нач. XX и нач. XXI вв.*, с. 363-369 [в:] *gorizonty_rusistiki_2020_sbornik...* [on line] https://docviewer.yandex.ru/view/31191003/?page=13&*=ad3tlh AV4ynys9 fl20bQR9S... [25.10.2020]

позиционную деятельность представляет // **антироссийской**, демонизируя представителей оппозиции (НГ 2019); «Осуждение преступлений большевизма сегодня воспринимается нашим телевидением как **руссофобия** (НГ 2020). Очевидно, основным фактором лексической изменчивости здесь выступает желание некоторых политиков воздействовать на определенные аспекты референт-ситуации (есть-РС), о которых можно лишь догадываться.

Алогичность как основной принцип русского типа мышления, отмечаемая многими исследователями «остается в качестве родового признака русской ментальности»¹⁹. Сравните: «Вся эта **парадоксальность**, пожалуй, главная радость в сложной палитре русского национального чувства. Нюансы. Да из них вообще соткан русский язык» (заголовок «*Все или ничего*»; НГ 2019). Пример парадоксальной референт-ситуации в заголовках: «**Чем лучше урожай, // тем дороже продукты на полках магазинов. Цены на крупы и горох выросли на 25 % за последний год**» (НГ 2019); «**Коммунальные тарифы вырастут быстрее // инфляции. Социально-экономические ориентиры правительства на три года // не учитывают очередной вспышки коронавируса. // Новый макропрогноз // поражает своим оптимизмом**» (НГ 2020).

Как политический парадокс для партийных функционеров воспринимается высказывание с наслоением оппозитивов: «России нужно не больше *патриотов* или *антипатриотов*, // а больше *умных людей*, которые будут читать хорошие книги и делать выбор самостоятельно».

Неотъемлемым спутником политического дискурса является **мифология**. Мифы стимулируются сегодня политическими интересами, растущей волной популизма, сторонникам которых нужны ясно обозначенные враги и простые ответы на сложные вопросы. «Деля мир на добро и зло, на хороших своих и плохих чужих, конспирологи // *имитируют большое понимание событий*» (НГ 2020).

Анализ связанных текстов далее показывает, что соотношение оппозитивных структур должно учитываться и на уровне референции, и на уровне модализованного предикативного противоположения. Ниже мы рассмотрим отрывок из редакционной статьи «Хотят ли рядовые граждане во власть» (НГ 18.07.2019). Текст дается с пофразовым комментарием, и предметно-референтная составляющая в нем подчеркнута.

«Граждане все реже согласны с тем, что политикой должна заниматься только уже сформированная элита. У них пусть медленно, но обозначается аппетит к участию во власти. В конце концов, мэром Усть-Илимска не случайно стала 28-летняя домохозяйка».

↑– [есть-РС; КМ утверждение; субъектно-объектная оппозиция в референции: *граждане // элита*; реконструкция предикативного смысла и его диалогический оппозитив в текстовом предикате с количественной оценкой: ‘согласны’ // **все реже согласны; обозначается аппетит к участию во власти**].

¹⁹ В.В. Колесов, *Русская...*, с. 85.

«У партий, прошедших в парламент, не должно быть такого количества *преференций* в сравнении с *непарламентскими структурами*, иначе *система застывает* и, как следствие, *перестает отражать* социально-политическую *реальность*».

↑– [КМ категорическое отрицание, модус неприятия; субъектно-объектная оппозиция в референции *парламентские партии // непарламентские структуры*; реконструкция предикативного смысла и его диалогический оппозитив в предикате с количественной оценкой: 'отражает реальность' // *застывает, перестает отражать реальность* (мифообразующая данность) + КМ неприятия в предикате: *не должно быть такого количества преференций*]

«Государству не нужно ставить дополнительные *преграды тем, кто хочет идти в политику*».

↑– [КМ *неприятия*; субъектно-объектная оппозиция в референции 'граждане' // *государство*; реконструкция предикативного смысла и его диалогический оппозитив в предикате 'нужно' // *не нужно*].

Наблюдается количественное преобладание предикативно оценочных частей над лексикой референтной семантики. В соответствии с *идеологической модализацией* находится важная функция предиката – его способность образовывать смысл высказывания под диктатом концепта «приятие» / «неприятие».

Газета «В а р ш а в с к а я р е ч ь». В публикациях ключевой концепт Россия неотъемлем от концепта Большевизм. Прагмасемантика этих наименований в составе текстовых референт-ситуаций имеет вполне определенную константу: подразумевается *пространство, где имеют место нарушения (беспорядок), насилие, голод, гибель*. Основной идеей, на фоне осмысленного прошлого, выступает идея болезни России большевизмом. Она определила и характер референции в текстах. В антибольшевистской печати преобладает понимание «российской болезни» как психического и умственного недуга, с которым связано стихийное, агрессивное поведение и беспорядочность, или нарушение логики действий.

Далее в описании используется предикатно-актантная терминология семантического синтаксиса. В антибольшевистском тексте активируется модальность обвинения, она организует содержание сообщения аргументной схемой: один актант наделяется способностью безжалостно действовать (агенса), другой по инерции оказывается жертвой насилия (пациенса). Мы обратимся к двум текстам разных жанров, выступающих в качестве показательных.

К о р р е с п о н д е н ц и я «Болезнь внутри» (ВР 28.08.1919) представляет собой развитый в указанном отношении текст, повествующий о ситуациях насилия, с элементами сюжета, комментария, положения дел. Текст не содержит дескрипций, напрямую связанных с темой болезни России

(кроме заголовка, имеющего такой подтекст при вторичном его осмыслении после прочтения корреспонденции). Однако речевая последовательность текста строится на логических несообразностях, которые должны болезнь символизировать. Модальности: грамматическая – реальная была=РС; коммуникативная – утверждение, недоумение, сострадание; риторическая – в форме субъективно-авторской речи, построенной на логической несообразности с включением сигналов чужой речи.

Идея болезни в тексте связана с оценкой поведения (образа действия и образа мыслей) агентов как нездорового. Как увидим далее, оценка реализуется в рамках семантико-речевых оппозиций, заданных в тексте благодаря приему алогизма, семантике насилия и существующим в сознании читателя нормативным представлениям:

а) о должном в сфере элементарной логики – логичное/нелогичное (понятное/непонятное)²⁰;

б) о позитивном в сфере человеческих отношений – насилие/ненасилие, согласие/несогласие, конфронтация.

Далее в примере логические несообразности передают оценочное понимание есть-РС как ненормальной, вызывающей недоумение. Недоумение окрашено еще и сомнением. Оно выражается: 1) знаками препинания (многоточие, тире, которые создают паузы растерянности и/или многозначительности в речи рассказчика; 2) средствами КМ: наречиями с семантикой неопределенного сомнительного знания (*по-видимому, почему-то*, предикатом той же модусной семантики *видно*). Обратимся к тексту, где знаком // передается логико-смысловое несоответствие. В записи обозначена также логическая композиция текста, о которой ниже.

	(1) По последним сведениям, в С в я т о ш и н с к о м лагере под К и е в о м были интернированы... // красноармейцы [РМ : логич. несообр.; КМ : недоумение; сем.: <i>насилие</i>].
семантическое следствие 1)	(2) Около 40 тысяч «своих» // убрано было в концентрационный лагерь. Все это – мобилизованные крестьяне. Повинны - // в контрреволюции. В действительности же // не желали воевать. семантическая [РМ : элем. несоб.-авт. речи, логич. несообр.; КМ : недоумение]

²⁰ Оппозиции из сферы умозрительного *логичное/нелогичное, понятное/непонятное* имеют отношение не только к рациональной, но и к эмоциональной оценке (то, что логично – принимается, нелогично – отрицается; то, что понятно – удовлетворяет, непонятно – удивляет, вызывает недоумение, интерес). Оппозиции из сферы реального *насилие/ненасилие, согласие/несогласие (конфронтация)* имеют более сложную по прагматике семантику аксиологической оценки, которая зависит от точки зрения (этической, эстетической и пр. социальной). Осуждаться или поощряться может любой член диады. Далее в примере осуждается насилие и вызывает сочувствие конфронтация.

<u>причина</u>	Отказ ехать на позиции // едва не закончился сражением, предупредить которое удалось чуть ли не хитростью. Разоружали верные латыши [элемент. несооб.-авт. речи; РМ : логич. несообр.; сем.: <i>насилие</i>]
семантическое следствие 2)	(3) Этот // контрреволюционный корпус, ввиду приближения Деникина, выводился частями и размещен сейчас за Москвой в нескольких лагерях. Следствие продолжается: были уже расстрелы [сем. <i>насилие</i>].
семантическое тождество семантическое	(4) Другой лагерь находится у Коростеня. Там два полка. Им оружия не дали. Предупредили, что воевать не будут. И вот, чтобы избежать шумной процедуры разоружения, // согнали безоружных в глухую дыру под Коростень [РМ : элемент. нес.-авт. речи; логич. несообр.; сем. <i>насилие</i> ; КМ : <i>сострадание</i>]. Конечно ведется следствие и были расстрелы. Но режим там, по-видимому, более мягкий, чем в Святошинском лагере: контр-революционеры // пьянствуют, дуются в карты бесчинствуют и... // различие занимаются грабежом. [РМ : элемент. несооб.- авт. речи; логич. несообр.; сем.: <i>насилие</i> ; КМ: <i>сострадание</i>]
семантическое следствие 1) <u>причина</u>	(5) Расстреливая за контрреволюцию, большевики // почему-то смотрят снисходительно на разбойное поведение своего взбунтовавшегося воинства [РМ: элемент. несооб.-авт. речи; логич. несообр. сем.: <i>насилие</i>]. семантическая Причина такого попустительства – отчаянное положение продовольственного дела [сем.: <i>голод</i>]
семантическое следствие 2) семантическое <u>тождество</u>	(6) Из разговоров с «интернированными», которые, кстати, // слоняются по всем окрестностям [РМ : логич. несообр.; сем.: <i>насилие</i>], видно, что и на Севере тоже существуют концентрационные лагеря для «контрреволюционно» настроенных // красноармейцев [РМ : логич. несообр.; сем.: <i>насилие</i>]
семантическое различие	(7) Только там дело с продовольствием обстоит – еще хуже. [сем.: <i>голод</i>]

На уровне логической композиции текста (пометы слева) несообразность отсутствует. Как и положено, логические следствия вытекают из причин, а тождества и различия чередуются. Однако, с целью активизации оценочного восприятия, текст построен по принципу композиционной инверсии: речевой блок, выражающий семантическое следствие, предшествует речевому блоку, выражающему семантическую причину и т.д. Семантическое тождество фактообразующих ситуаций с разной пространственной референцией (*под Киевом, за Москвой, у Коростеня*) выражается в идентифицирующих повторах (*концентрационный лагерь, другой лагерь, разоружение, следствие, расстрелы*) и общим сюжетным сходством изложения фактов. Семантическое различие состоит во введении новой оценочной информации, связанной с парадоксальным образом поведения

агентов – красноармейцев (*отказ ехать на позиции*), интернированных (*слоняются по всем окрестностям, дуются в карты, бесчинствуют и... занимаются грабежом*).

Как видно, идея болезни проводится в составе референт-ситуации и средствами риторической модальности, композицией точек зрения. Присутствует субъективированная речь, включающая сигналы чужой (несобственно-авторской) речи. В результате выявляется соответствие двум точкам зрения: 1) сухой идеологизированной точке зрения большевиков, выступающих в роли агенса-насилъника (в абз. 1-4 он подразумевается, а изложение идет в неопределенно-личной форме); 2) простонародной сострадательной точке зрения, принадлежащей невыявленному участнику в роли пациента-наблюдателя сообщаемого (4, 5 абз.). Изобразительным является абз. 4, где алогизмы и повторы в логически неупорядоченной речи рассказчика имитируют взволнованность лица, сочувствующего пострадавшим. Сравните: *Им оружия не дали... и вот чтобы избежать шумной процедуры разоружения согнали безоружных в глухую дыру под Коростень*.

Идея умственного и психического расстройства участников событий проводится последовательно и обнаруживается в структуре фактообразующих высказываний благодаря приему контраста, или синтагматического противопоставления. Семантика предиката, передающая образ действий или мыслей персонажей, входит в несоответствие с их наименованиями как лиц и групп, поведение которых определено идеологически (в пресуппозиции). В результате в тексте наблюдаются следующие «неформальные» отношения.

1) Наблюдается отношение логического несоответствия в образе действий и мыслей насильников (*большевики*):

а) *интернированы... // красноармейцы; убрано было в концентрационный лагерь // около 40 тысяч «своих»*.

б) *Расстреливая за контрреволюцию, большевики // почему-то смотрят снисходительно на разбойное поведение своего взбунтовавшегося воинства*. Следующая фраза комментария устанавливает отношение рационального соответствия между образом мыслей насильников и положением дел: *Причина такого попустительства – отчаянное положение продовольственного дела*.

2) Наблюдается отношение логического (и идеологического) несоответствия в образе мыслей и действий жертв насилия, также ставших насильниками: *красноармейцы // не желали воевать; отказ ехать на позиции; контрреволюционеры // пьянствуют, дуются в карты, бесчинствуют, занимаются грабежом; интернированные // слоняются по всем окрестностям*.

Указанные несоответствия организуют понимание референт-ситуации как ненормальной, болезненной. Такое понимание может осуществляться только с помощью задействованных по смыслу текста целостных структур сознания: а) умозрительных – по оси концептов «истинное» / «ложное», б) идеологических – по оси концептов «свои» / «чужие».

Оппозиция *свои* / *чужие* реализуется в составе текста как алогизм несоответствия. Модализация выделяется в наименованиях кавычками: «свои» оказываются ложными своими, *красноармейцы* оказываются «контрреволюционно» настроенными, то есть ложными красноармейцами, вследствие чего *мобилизованные* оказываются *интернированными*. В результате противоположность *истинное* / *ложное* имеет отношение к пониманию проблемы большевизма в России как вопроса о соответствии / несоответствии, органичности / неорганичности этого явления (идеологии) народному укладу и сознанию.

Ф е л ь е т о н «Радикальные мероприятия» (ВР 14.12.1919) относится к группе публикаций, посвященных вопросам жизни русских эмигрантов в Польше. Статья не связана прямо с обсуждением проблемы большевизма в России, но отвечает **идеи опасности** «русской болезни». Автор уверен, что большевизм влияет на умы польской общественности, провоцируя негуманные действия администрации по отношению к беженцам, эмигрантам. Основной модус представления – есть=РС.

Изложение в фельетонной манере письма строится на смысловых неожиданностях и контрастах, но с модальностью утверждения. Для создания иронии используются алогизм, комическое преувеличение и уподобление, литературные аллюзии. Обратимся к тексту с разметкой поабзацно.

«Среди польских исторических анекдотов, попавших в хрестоматии и всякие сборники, занимают одно из видных мест рассказы про шута короля Сигизмунда I – Станчика, которому между прочим принадлежит изречение, что самая распространенная профессия на свете – **врача**. Фельетонист одной из варшавских газет не согласен с этим и утверждает, что больше – **политических знахарей**».

↑– [ментальн. оппозиц. *согласие/несогласие*; модус утвержд.; сем. *болезнь*, оппозиц. *врачевание/знахарство*].

«... Действительно в наши тяжелые дни, в дни общественных болезней и недугов на сцену выступает **политическое знахарство**, предлагающее назойливо, крикливо **лечить их домашними средствами**. Отличительная черта знахарских средств – **простота и радикализм**: болит зуб – **вырвать зуб**, сломана рука – **отрубить руку**, завелась в доме заразная болезнь – **сжечь дом**».

↑– [модус согласия, прием уподобл., алогизм; сем. *болезнь*, оппозиц. *врачевание/знахарство*].

«Типичные **сторонники знахарских средств** – русские большевики. (...) Следует удивляться, как это большевики до сих пор не последовали совету Свифта, предлагавшего

иронически своим согражданам употреблять в пищу молодых ирландцев. Почему до сих пор в Советском Союзе нет лавок, продающих мясо буржуев, – вещь почти не понятная.

↑– [модус иронич. недоум.; лит. аллюзия; сем. уподобл. : *знахарство*;]

«**Политические знахари** в рекомендуемых ими мероприятиях почти всегда **напоминают пошехонцев, втащивших корову на крышу**, когда там выросла трава и никак не сообразивших, что проще скосить траву и дать корове. **К разряду этого рода знахарей** надо несомненно причислить и члена варшавского городского совета Будзинскую-Тылицкую (если не ошибаюсь, женщина – **врач**), рекомендующую в целях уменьшения квартирного кризиса в Варшаве выселять русских, евреев, из литовских губерний (литваков), помещиков из тех же губерний».

↑– [алогизм; лит. аллюзия; модус уверен. утвержд.; сем. уподобл. : *знахарство*;]

«**Совершенно непонятно и странно** отношение этой печати к эмигрантскому вопросу и **объяснить его трудно**. Приходится полагать, не играет ли здесь решающую роль большевизм. **По странному стечению обстоятельств** особенно рьяно агитируют против эмигрантов как раз элементы, желающие приостановления военных действий по отношению большевиков и примирения с ними».

↑– [сем. странности; модус иронич. недоум. и полагания; снятая оппозиц. *местная печать/ большевизм*].

Текст характеризуется особенной интерпретацией не только идеи болезни большевизмом, но и самого явления «большевизм». Новизна выражается в представлении, которое обусловлено знанием явления изнутри (еще недавно Польша была в составе России): *большевизм – политическое знахарство, а большевики выступают как доморощенные лекари социальных недугов России*. Однако их «радикальное лечение» относится к средствам и актам уничтожения, в том числе и людей (абз. 2,3,4). Доминирующие модальности также контрастируют: с одной стороны – уверенное утверждение, а с другой – ироническое (если не саркастическое) недоумение. Уверенность утверждения выражается модальными словами, уточняющими актуализаторами (*действительно, всегда, несомненно, как раз те*) и синтаксически – параллелизмом соответствия с ударными императивами в конце (*болит зуб – вырвать зуб, сломана рука – отрубить руку*), отождествительным высказыванием *Типичные сторонники знахарских средств – русские большевики*. Ироническое недоумение передается алогизмами, а также лексикой модусной семантики с подразумеваемой оппозицией (*следует удивляться, вещь непонятная, совершенно непонятно и странно, объяснить трудно, по странному стечению обстоятельств*). В качестве сквозных, идеологически доминирующих в тексте, выступают иронические наименования с идеей болезни и ее лечения (*врач, знахарь, политическое знахарство, лечить, заразная болезнь, знахарское средство*). В роли модализованных неприятием актантов, ассоциированных по предикату

с негуманным образом действий (мыслей), выступают два ряда дескрипций. Это дескрипции с прагмасемантикой ‘политические знахари’ и ‘знахарское средство’ (*русские большевики, большевизм*) и дескрипции с прагмасемантикой ‘идейные противники по месту эмиграции’ (*член варшавского совета Будзинская-Тылицкая; печать; элементы, желающие приостановления военных действий в отношении большевиков и примирения с ними*).

Общее заключение

В кризисные эпохи в русском политическом дискурсе актуализируются семантические процессы, связанные с выражением когнитивной и, как следствие, речевой оппозитивности. Особенности русской ментальности, русского языка благоприятствуют выражению оппозитивных смыслов со всеми противоречиями, в которых явлена суть русской духовности.

Можно говорить об устойчивом механизме семантико-речевой *оппозитивности*, характерном для языковой картины мира в русской политизированной печати. Механизм оппозитивности складывается из операций с языком в составе коммуникативного акта, включающего «затвердевшую» модель модализованного противоположения – виды и способы ментальных репрезентаций, организацию языковых и неязыковых знаний по принципу семантической оппозиции.

Ментальная семантико-речевая оппозиция – это содержательно и структурно воспроизводимое в дискурсе отношение диалогического противоположения, в широком смысле – оппозитивной номинативности, маркирующее характер несоответствия или противоречия в общественном (индивидуальном) сознании.

Оппозитивность выражается в медиадискурсе двумя путями: *модально*, как смысл неприятия (или притяжения на его фоне), и *конструктивно*, как выражение диалогического противоположения в речевом «теле» дискурса. Затрудненность дискурсного анализа состоит в том, что оппозитивность носит многомерный (больше двух оппозитивов) и комплексный (разные пары оппозитивов) характер.

Оппозитивность, диалогическое противоположение – структурный показатель дискурсного процесса в политике. Но закончить уместно будет суждением самого компетентного ученого: «Вся русская история – сплошная антиномия, не имеющая решений, или, как принято ныне говорить, употребляя слово, – *проблема*. В сам язык – в слово его – антиномии жизни уже впечатаны – как след состоявшейся прежде жизни, как традиция, как возвращение в слово»²¹.

²¹ В.В. Колесов, *Русская...*, с. 65.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А.Г., *Функционально-прагматическая концепция текста*, Ростов-на Дону 1993.
- Вежбицкая А., *Язык. Культура. Познание*, пер. с англ., ред. М.А. Кронгауз, Москва 1996.
- Вендина Т.И., *Словообразование как источник реконструкции языкового сознания*, „Вопросы языкознания” 2002/4, с. 42-72.
- Горизонты современной русистики*: сборник статей Международной научной конференции, Москва 2020. [on line] gorizonty_rusistiki_2020_sbornik... https://docviewer.yandex.ru/view/31191003/?page=13&*=ad3tlhAV4ynys9f120bQR9 [25.10.2020].
- Греймас А.-Ж., *Семиотика страстей: от состояния вещей к состоянию души* / пер. с франц., Москва 2007.
- Колесов В.В., *Русская ментальность в языке и тексте*, Санкт-Петербург 2006.
- Колесов В.В., Колесова Д.В., А.А. Харитонов, *Словарь русской ментальности*, Златоуст 2014.
- Корнилов О.А., *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*, 4-е изд., Москва 2013.
- Краснова Т.И., *Другой голос: Анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920 (22) гг.*, Санкт-Петербург 2011.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г., *Краткий словарь когнитивных терминов*, ред. Е. С. Кубряковой, Москва 1997.
- Лысакова И.П., *Язык газеты и типология прессы: социолингвистическое исследование*, Санкт-Петербург 2005.
- Прохоров Ю.Е., *Действительность. Текст. Дискурс*, Москва 2004.
- Руднев В.П., *Словарь культуры XX века*, Москва 1999.
- Степанов Ю.С., *Константы: Словарь русской культуры*, Москва 1997.
- Степанов Ю.С., *В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства*, ред. В. П. Нерознак. 2-е изд., Москва 2010.
- Шмелев А.Д., *Русский язык и внеязыковая действительность (Язык. Семиотика. Культура)*, Москва 2002, с. 23.

**RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE SEMANTIC PROCESSION
(THE CONNECTION OF LANGUAGE AND MENTAL)**

Summary

The article is devoted to Russian mentality specifics of newspapers speech. The aim of this study was to analyze the content-ideological and semantic-speech opposition patterns in the Russian newspapers, published in Russia (2019-2020) and in Polonis (newspaper of Russian diaspora, 1919). Research results: the analysis of texts in terms of alternation of linear sequences in statements gave the possibility to determine the role of constructions with actualization of Russian mental oppositions, lexical and syntactic contrasts, semantic inconsistencies as well as different types as syntagmatic oppositions. Status and its evaluation might be hidden by opposite structures in presuppositions.

Keywords: Russian mentality, political discourse, modality, semantic, opposition

Ольга ЛЕКАРЕВА

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков, г. Краснодар, Россия

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА С ОПОРОЙ НА ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ДОПУЩЕНИЕ В ТЕКСТЕ ФЭНТЕЗИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОЛЬГИ ГРОМЫКО)

Ключевые слова: языковая игра, фэнтези, фантастическое допущение, фразеологизмы

Работая в литературном жанре фэнтези, автор получает очень большую игровую свободу, в том числе и для экспериментирования с языковыми средствами. Особенностью языковой игры в тексте фэнтези является возможность использовать фантастическое допущение – наличие в литературном произведении вымышленного «элемента, который не встречается или в принципе невозможен в действительности», «введение в произведение существ, предметов, явлений из <...> мифологии», «перенесение действия в полностью вымышленный мир»¹.

К разновидностям языковой игры авторов фэнтези относятся, например, создание вымышленных языков для фантастических рас, изобретение авторских неологизмов – имен собственных, географических названий, наименований фантастических реалий – животных, растений, артефактов и т.п. Неологизмами мы называем эти лексические единицы не потому, что они вошли в общеупотребительный язык (что в принципе не исключено), а потому, что они неоднократно используются в текстах произведений. Окказионализмы же используются автором только один раз. Придумывание новых словоформ – это, скажем так, *номинативный* вариант языковой игры, он наиболее очевиден и потому наиболее исследован в лингвистике. Неологизмы – номинации фантастических реалий – обязательный атрибут языка и мира произведений фэнтези.

В настоящей статье исследуется влияние жанра фэнтези на стилистическое своеобразие связанных с ним текстов на примере произведений Ольги Громыко.

¹ Г.Л. Олди, *Фантастическое допущение*, „Мир Фантастики” 2008/2, с. 32-33.

Так, в произведениях Ольги Громыко присутствуют авторские неологизмы для наименования выдуманных ею монстров (*руоешь, й'инайти, загрызень, нацыга, расквыра*), неологизмы для «номенклатуры» магического школьного образования (*архимаг, кафедра практической магии, школа чародеев, пифий и травниц, справочник по неестественнознанию, телепатические «жучки», вампироведение* и т.д.) или аббревиатуры названий отделов чиновничьего аппарата по контролю за нечистой силой – нежитью (*Госнежохрана – подразделение Госнежконтроля*). Как можно заметить, безаналоговые фантастические реалии обычно получают однословные номинации, а пародийные названия реалий, имеющих аналоги в нашем мире, могут быть многословными номинациями или однословными композитами, где один компонент представлен реминисценцией привычных наименований – *кафедра, архи-, гос-, -знание, -ведение, пивовой* (мелкий бес, специализирующийся на краже и порче пива на пивоваренном заводе; название создано по аналогии со словом *домовой*) и т.п.

В номинативном варианте языковой игры с фантастическим допущением у Ольги Громыко творческое движение мысли идет от придуманной автором реалии к ее языковому обозначению-неологизму. Другой вариант игры с фантастическим допущением более сложен по исполнению и зеркально противоположен названному выше. Писательницей берется уже существующее в языке слово или выражение, которое затем наполняется новым смыслом благодаря фантастическому допущению. В качестве референта для внешне привычного названия придумывается новая или неожиданной образом подбирается знакомая фантастическая реалья. Этот вариант можно назвать *смысловым* вариантом языковой игры, потому что семантические неологизмы создаются парадоксальным переосмыслением привычного, общепринятого в предлагаемых новых обстоятельствах.

Например, в русском языке есть разговорное слово *нелюдь*, который называют плохого человека, обычно, жестокого преступника, врага или мизантропа, избегающего общения с другими людьми, а также хищного зверя или нечисть. Синонимами к этой лексеме в трех указанных значениях выступают такие слова, как *мерзавец, негодяй, нелюдим, бирюк, зверь, нечисть, скотина, чудовище*.

В романе *Верные враги* жителями города Выселок являются представители четырех так называемых «разумных рас» – люди, эльфы, тролли и гномы. Последние три расы относятся к нелюдям. Итак, название *нелюди* в романе не только не содержит семантики «злодейства», человекофобии или принадлежности к животному или монструозному миру, но и подается как что-то будничное и безобидное. Вот героиня романа Шелена ищет в городе злого колдуна, проверяя каждый дом:

«Два следующих дома я пропустила. В одном жила вдова с тремя детьми, во втором дряхлый старик и снимавший у него комнатку гном. Всех их я хорошо знала, *обычные люди-нелюди*» (Ольга Громыко, *Верные враги*).

Для слова *полуэльф* в значении «полукровка» вместо противоположного понятия-названия «чистокровный эльф» писательница создает шуточный антоним «целый эльф». При этом обыгрывается не только антонимия половины и целого, но через контекст добавляются коннотации других значений прилагательного *целый*. Эти значения – «очень большой по размерам», «очень значительный, важный – реализуются в гиперболических выражениях и при противопоставлениях. Например, в таких предложениях: «Где ты был? Я целый час тебя жду!»; «Да это же не кошка, а целый тигр!»; «Это целая наука!» и т.п. Так что *целый эльф* – это не просто чистокровный эльф, но еще и эльф со всеми положенными его расе достоинствами и недостатками:

«Поразмыслив, я отправилась в свою любимую «Волчью пасть». И не прогадала, уже с порога заметив ярко-рыжую шевелюру вальяжно сидящего на краю стойки *полуэльфа*. По правде сказать, высокомерия у Храйка хватило бы и на *целого эльфа*» (Ольга Громыко, *Верные враги*).

Официальный термин астрофизики *пульсар* (нейтронная звезда, излучающая различные волны периодическими импульсами) Ольга Громыко также наполнила новым содержанием. В романе пульсар – это сгусток магической энергии, нечто вроде шаровой молнии, которую маги бросают в своих врагов. Девочка-ведьма бросила пульсар в поле:

«Блеснуло и грохотнуло, а *когда дым рассеялся, мы увидели крышу дальнего амбара*. Еще некоторое время она висела в воздухе, потом шумно рухнула на пепелище» (Ольга Громыко, *Профессия – ведьма*).

Здесь языковая игра на фантастическом допущении отталкивается от привычного нам представления о том, что в обычной жизни увидеть крышу амбара возможно только на самом амбаре: крыша амбара без амбара не существует в принципе. Но такое фантастическое допущение, как магия, делает невозможное возможным, и смысловая языковая игра создает эффект неожиданности благодаря возникшему парадоксу.

Парадоксальность следующей ситуации также возникает в связи с фантастическим допущением. Когда десять бывалых стражников выйдут биться против одного (точнее – против одной безоружной женщины), то преимущество явно должно быть на их стороне. Ожидаемой иронии насчет смелости здесь, по воле автора, нет. Стражники действительно очень смелые. И это становится ясно из пресуппозиции – контекста (точнее – из подтекста) и ситуации высказывания:

«Какие мы смелые, – без выражения похвалила я, – вдесятером на оборотня пошли. Всего-то вдесятером» (Ольга Громыко, *Верные враги*).

В лингвистике хорошо изучен вид языковой игры с трансформацией различных видов устойчивых сочетаний, в том числе фразеологизмов, который любят использовать писатели и постоянно используют журналисты, особенно в заголовках письменных материалов СМИ². Добавление или замену компонента в устойчивом сочетании исследователи называют инструментом семантической аппликации³, потому что при этом происходит наложение прямого значения исходного сочетания на идиоматизированное.

В фэнтези Ольги Громыко тоже есть этот прием, оригинальность которого состоит в использовании фантастического допущения. Так, женщина-оборотень Шелена после нападения на нее неизвестно откуда появившегося в окрестностях вурдалака изменила место своего обычного превращения: «Менять ипостась в укромном, но *открытом всем ветрам* и вурдалакам уголке за поленницей я больше не рисковала» (Верные враги). Узуальное сочетание *открытый всем ветрам* дополнилось компонентом «и вурдалакам», значение которого было бы непонятно без знания предыдущего контекста.

Другой персонаж – Ведьма Вольха – опасается, что злой колдун почувствует действие ее магии, и пытается «сделать это *как можно магически незаметнее* (Верховная ведьма). Предполагается, что сделать что-либо незаметно возможно для обычных органов чувств – зрения, слуха, обоняния и т.д. Фантастическое допущение наделяет персонажей магическими способностями и, соответственно, иными способами получения информации.

«Из дома я вылетела как на крыльях. Помахала рукой соседкиному задку, приветливо торчащему из грядки с морковью (как я успела убедиться, *глаза на нем были*, да еще какие!). Тетка выпрямилась, потеряла поясницу и кисло поздоровалась. Похоже, *я была нешуточным бельмом на ее глазу*: незамужняя, с ребенком <...> *Класть ей палец в рот я бы не рискнула. Ко мне и то безопаснее*» (Ольга Громыко, *Капкан для некроманта*).

Автор играет здесь сразу с тремя фразеологизмами (*глаза на затылке у кого-нибудь* – об очень внимательном человеке, который замечает все вокруг себя; *быть как бельмо на глазу у кого-нибудь* – раздражать своим присутствием; *кому-либо палец в рот не клади* – о человеке, с которым

² Г.В. Орлова, *Фразеология в современной Интернет-коммуникации как объект обучения РКИ методом кейса*, „Проблемы современного педагогического образования”, 2020/68-1, с. 231-235.

³ Е.Н. Рядчикова, Е.К. Шадунц, *Трансформация лексического значения и эстетические функции аппликативных структур*, „Филология”, 1997/12, с. 9-10.

надо быть осторожнее, который не упустит случая использовать в своих интересах оплошность, доверчивость, слабость другого). Первые два фразеологизма в тексте трансформированы из исходных сочетаний путем замены одного из устойчивых компонентов-соматизмов (*затылок*) на другой соматизм, подходящий по ситуации (торчащий из грядки с морковью *зад*), и добавлением распространителя (прилагательное *нешуточный*).

Фантастическое допущение обыгрывается при использовании третьего фразеологизма, также подвергнутого трансформации. Исходное выражение *кому-либо палец в рот не клади* конвертировано в более эксплицитное *не рискнуть класть ей палец в рот*. Затем с помощью парцеллированной конструкции «Ко мне и то безопаснее» автор обыгрывает переносное и прямое значение фразеологизма. Добавочные слова произносит главная героиня Шелена, о которой читатель знает, что она по ночам оборачивается волчицей. Обыгрывание этого факта автор использует весьма часто, как, например, в следующем предложении, где описана погоня за оборотнем: «Крики за спиной (точнее, хвостом) не утихали, становясь все громче и агрессивнее» (Верные враги). У героини две ипостаси, в одной из них, человеческой, она бы сказала «за спиной», в другой, волчьей, вспомнила, что все-таки «за хвостом».

Еще два примера с обыгрыванием прямого значения исходных словосочетаний и переносного значения соответствующих фразеологизмов. Неожиданный прямой смысл исходных сочетаний актуализируется благодаря фантастическому допущению. В рассматриваемых далее фразеологизмах использованы названия обычных для нашего мира животных, которых Ольга Громыко переключила в совершенно иных, фантастических существ.

Считать ворон – так говорят о зеваке, рассеянном человеке, который отвлекается от работы на пустяки. В романе Ольги Громыко *Год Крысы. Видунья батрак* на вопрос гостей, где хозяин хутора, говорит, что «хозяин на заднем дворе, ворон считает». Потом выясняется, что вороны в мире этого фэнтези – дорогой деликатес, что на них специально охотятся и собирают как урожай. Невозможное возможно: трудолюбивый и скупой хозяин, оказывается, может *считать ворон*, и это характеризует его не как бездельника, а наоборот – как человека, занятого важным делом:

«Вороны в этом году уродили: перед Сурком стояло два огромных короба, и хуторянин кропотливо пересчитывал битые тушки <...>. Сейчас самое время на них охотиться <...>. А у Сурка, по слухам, в лесу целая полянка гнездовой, к ней специальный вороний пастух приставлен, подкармливает и глядит, не пора ли силки ставить» (Ольга Громыко, *Год Крысы. Видунья*).

Аналогично писательница обыгрывает известный фразеологизм *идет кому-либо как корове седло* и совмещает эти два несоединимых в нашей жизни понятия – «корова» и «седло». Она придумывает мир, где нет лошадей, а вместо них есть ездовые и скаковые коровы, на которых люди скачут галопом, которых седлают, привязывают к специальной *коровязи*. И для героев решение ехать ночью по «колдобинам во тьме было *коровобийством*» (Ольга Громько, *Год Крысы. Видунья*) потому, что ни на чем и ни на ком, кроме как на коровах и нетопырях, в этом мире не ездят.

По мнению Н.Н. Горовой, «фразеологические выражения <...> можно включить в состав прецедентных феноменов на основании того, что фразеологические выражения, как все прецедентные феномены, в основе имеют источник, ситуацию, которая со временем закрепились в языке и культуре»⁴. Фантастическое допущение о скаковых коровах в дилогии *Год Крысы* развивается дальше, отсылая к прецедентному феномену козла отпущения. Здесь мы имеем дело как с осознанной реминисценцией известного фразеологизма, возникшего на базе прецедентного текста – *Ветхого Завета*, так и с реминисценцией самого магического обряда. Сначала Ольга Громько изображает в романе аналогичную традицию – фантастическое допущение: жители одной из деревень в романе назвали двух коров Болезнь и Смерть и торжественно выпроводили их за пределы поселения. Видимо, в мире данного романа коровы сами дорогу домой не находят. Далее в повествовании встречается уже и соответствующий фразеологизм: «Стражники выдохнули (хвала Хольге, господин наместник нашел других *коров отпущения!*) и с удвоенным рвением заломили пленникам руки (Ольга Громько, *Год Крысы. Путница*)». Благодаря избранной словоформе достигается максимальное сходство трансформированного фразеологизма с исходным: нашел *коров отпущения* – нашел *козлов отпущения*, потому что в форме множественного числа родительного и винительного падежа слова *корова* и *козел* совпадают по ритмике (по количеству слогов, ударению), а также по начальному слогу и окончанию).

В русском языке есть фразеологизм *махнуть рукой на что-либо* – с досадой отказаться от чего-то. В рассказе *Рой* ведьма Вольха застала свою лошадь за поеданием пирога:

«Улизнувшая из конюшни Смолка неспешно лакомилась свадебным пирогом <...>. Я мысленно застонала – кобыла успела обгрызть многострадальный каравай по кругу и облизать крем с макушки. Завидев меня, гроз-

⁴ Н.Н. Горовая, *Прецедентный феномен и фразеологические выражения: к вопросу о соотношении понятий*, „Проблемы современной науки и образования“, 2018/6(126), с. 74-76.

ную, Смолка малодушно поджала хвост и ускакала в темноту. Искать черную кобылу по потемкам не имело смысла, и я, *махнув рукой на каравай* (он принял прежний вид, но кушать его я бы все-таки не советовала), решила наведаться в гости к пчелкам» (Ольга Громыко, *Рой*).

Рассмотренный нами прием каламбурного совмещения переносного значения фразеологизма и прямого значения исходного словосочетания, но с прибавлением дополнительного смысла можно считать характерной чертой идиостиля Ольги Громыко, ее лингвистическим изобретением.

Итак, *ворон считать* – это, оказывается, не зевать по сторонам, а заниматься полезным делом. Седло для коровы не нелепый атрибут, а самая подходящая вещь. Махнуть рукой на испорченный пирог – это не отказаться от него в отчаянии, а позаботиться о нем, вернув первоначальный прекрасный вид. А увиденная вдалеке крыша сарая, оказывается, обозначает не наличие сарая, а то, что сарая под ней нет. Таким образом, здесь мы можем наблюдать создание автором парадоксов, возможных только в мирах ее фэнтези, но невозможных также и без знания соответствующих реалий нашего мира.

Мы проанализировали пути построения игровых конструкций с использованием фантастического допущения и охарактеризовали его роль последнего в игровой интерпретации трансформированных фразеологизмов, реминисценций, прецедентных феноменов и подтекста. Все рассмотренные нами примеры языковой игры со смыслами невозможны без опоры на фантастическое допущение и объясняющего его контекста. Ольга Громыко изобретательно использует игровые возможности жанра фэнтези. Концептуальная свобода жанра, умноженная на мощный лингвокультурный потенциал этого автора, предоставляет богатейшие возможности для языковой игры, особенно для создания парадоксов.

ЛИТЕРАТУРА

- Горовая Н.Н., *Прецедентный феномен и фразеологические выражения: к вопросу о соотношении понятий*, „Проблемы современной науки и образования”, 2018/6(126), с. 74-76.
- Олди Г.Л., *Фантастическое допущение*, „Мир Фантастики”, 2008/2, с. 32–33.
- Орлова Г.В., *Фразеология в современной Интернет-коммуникации как объект обучения РКИ методом кейса*, „Проблемы современного педагогического образования”, 2020/68-1, с. 231-235.
- Рядчикова Е.Н., Шадунц Е.К., *Трансформация лексического значения и эстетические функции аппликативных структур*, „Филология”, 1997/12, с. 9-10.

LANGUAGE GAME BASED ON THE FANTASTIC ASSUMPTION IN THE FANTASY TEXT (ON THE EXAMPLE OF OLGA GROMYKO'S WORKS)**Summary**

The article examines the influence of the fantasy genre on the stylistic originality of the texts associated with it. Since the fantasy genre is characterized by great conceptual freedom, including for linguistic creativity, so much so this freedom, being multiplied by the linguist potential of the author, creates new opportunities for the language game - the creation of neologisms, oxymorons, puns, paradoxes and subtext. On the example of analysis of the works of fantasy Olga Gromyko concludes that many game designs invented by the writer precisely because of the specified nature of the fantasy genre and would be impossible without relying on a fantastic assumption. To confirm this conclusion, the article identifies ways to construct game structures using a fantastic assumption and shows the latter's influence on the interpretation of various intertextual reminiscences, case phenomena and subtext.

Keywords: language game, fantasy, fantastic assumption, complication

Елена МИХАЙЛЕНКО-ЗОТО

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Украина
Тиранский университет, Албания
ORCID: 0000-0001-7733-0217

РЕЧЕ-ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ТАКТИКИ НЕПРЕДНАМЕРЕННОЙ И ПРЕДНАМЕРЕННОЙ ПАРОНИМИИ В РУССКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: паронимия, рече-поведенческая тактика, рече-поведенческая ситуация, рече-культурный сценарий, русское лингвокультурное пространство, непреднамеренный и преднамеренный.

Концепция рече-поведенческих тактик как феномена лингвокультурологии была предложена в конце 1980-х годов известными учеными Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым¹. За последние два десятилетия разработка концепции рече-поведенческих тактик осуществлялась этими авторитетными исследователями в направлении изучения коммуникативно-языкового аспекта данного лингвокультурного феномена. Так, в русском лингвокультурном пространстве были рассмотрены современные рече-культурные сценарии реализации рече-поведенческих тактик в рече-поведенческих ситуациях утешения, совета, извинения, угрозы, призыва к откровенности, поведения в очередях, отношения к деньгам, церковного покаяния и воспитательной работы², некоторых других. Име-

¹ Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, *Приметы времени и места в идиоматике рече-мыслительной деятельности* [в:] *Язык: система и функционирование*, Москва 1988, с. 54-61.

² Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, *Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: Методическое руководство*, 4-е изд., перераб. и доп., Москва 1990, с. 218-240; они же, *Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы*, Москва 2005, с. 560-641; Е.М. Верещагин, *Тактико-ситуативный подход к речевому поведению. (Поведенческая ситуация «Угроза»)*, „Russistik. Русистика” 1990/1, с. 26-32; он же, *Коммуникативные тактики как поле взаимодействия языка и культуры* [в:] *Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Всесоюзная научная конференция*,

ются работы, в которых сравнивается практика реализации некоторых рече-поведенческих тактик в разных национальных (например, в русском и австрийском³, русском и китайском⁴) и социальных (например, православном и светском⁵) лингвокультурных пространствах.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров понимают сложность и разветвленность феномена рече-поведенческих тактик, связывая их со сложностью предмета объективации, которым является большой фрагмент социально и национально обусловленной духовной культуры. Они заявляют о том, что стоят на позициях антропоцентричности в вопросах разработки данного материала⁶. Однако «каждая из существующих парадигм содержит свое рациональное зерно, свои открытия и взлеты, но охватить все „лики” языка, все его аспекты ни одна из них пока не в состоянии»⁷. Современное развитие антропоцентрической научной парадигмы, по мнению Е.Н. Степанова, не может быть полноценным без использования методологических достижений доминировавших ранее системно-структурной и сравнительно-исторической научных парадигм⁸.

Современное состояние лингвокультурологических исследований свидетельствует о том, что изучение рече-поведенческих тактик (РПТ) только в коммуникативно-языковом аспекте, в основе которого лежат методики антропоцентрической научной парадигмы, лишает данного феномена полноты понимания. Считаем необходимым лингвокультурологическое ис-

Москва, 20-23 мая 1991 г., Доклады, Москва 1991/1, с. 32-43; он же, *Из лингвострановедческой археологии: ключевое советское слово очередь*, „Сборник научных трудов Московского государственного лингвистического университета”, Выпуск 426/1996, с. 63-71; Е.М. Vereščagin, *Wandel traditioneller Rede- und Verhaltenstaktiken von Russen unter Bedingungen des freien Marktes* [in:] *Dialog und Divergenz. Interkulturelle Studien*, Frankfurt am Main 1997, s. 257-267.

³ Е.М. Верещагин, Р. Ратмайр, Т. Ройтер, *Речевые тактики «призыва к откровенности». Еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкой контрастивный подход*, „Вопросы языкознания”, 1992/6, с. 82-93.

⁴ А.Ю. Чернышева, Чан Ваньцзюнь, *Рече-поведенческие тактики приветствия в русском и китайском языках*, „Ученые записки Казанского университета”. Серия Гуманитарные науки, Том 160, Книга 5/2018, с. 1142-1150.

⁵ О.В. Пережогина, *Рече-поведенческие тактики призыва к любви в православной и светской культурах (на материале текстов второй половины XX века)*, „Ученые записки Казанского университета”. Серия Гуманитарные науки, Том 154, Книга 5/2012, с. 189-194.

⁶ Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, *Язык и культура: Три лингвострановедческие...*, Москва 2005, с. 523.

⁷ В.А. Маслова, *Когнитивная лингвистика*: учеб. пособие, 3-е изд., перераб. и доп., Минск 2008, с. 18.

⁸ Е.Н. Степанов, *Взаимодействие научных лингвистических подходов в исследовании русской городской речи*, „Мова” 2014/21, с. 27-35.

следование рече-поведенческих тактик также в системно-языковом аспекте, предусматривающем применение методик как антропоцентрической, так и системно-структурной научной парадигмы.

Мы считаем, что причина, по которой паронимия до сих пор лишь эпизодически попадала в поле зрения лингвокультурологии, заключается в том, что исследователи пытаются квалифицировать данное явление только с объективных позиций и установить постоянные универсальные признаки, которые отличали бы паронимы от непаронимов. На самом же деле, паронимия – это лексическая категория, единицы и способы функционирования которой наряду с объективно выделяемыми признаками обнаруживают немало особенностей субъективного характера, закономерных для этой категории и зависящих от личности и продуцента, и реципиента, от рече-поведенческих ситуаций (РПС) и тактик, рече-культурных сценариев (РКС), от лингвокультурного фона лексических единиц, входящих в отношения паронимии⁹. До сих пор продолжается активная разработка научного аппарата лингвокультурологии, постоянно расширяется круг единиц и уточняется предмет ее исследования.

В данной статье представлен фрагмент исследования **рече-поведенческих тактик непреднамеренной и преднамеренной паронимии**, выделенных на основе комплексных, синкретичных методик, опирающихся на методы системно-структурной и антропоцентрической парадигм. Антропоцентризм выделения указанных тактик проявляется, прежде всего, в применении в качестве ключевых праксеологических понятий преднамеренности и непреднамеренности; языковая системность – в использовании лексической категории паронимии в качестве базовой. По аналогии, в лингвокультурологии могут быть выделены рече-поведенческие тактики и ситуации на основе категорий синонимии, антонимии, собирательности, абстрактности, рода, числа, одушевленности / неодушевленности, фразового ударения и других категорий языковой системы.

Среди рече-поведенческих тактик **непреднамеренной паронимии** мы выделяем две РПТ:

- 1) РПТ непреднамеренной паронимической замены / подмены / ошибки;
- 2) РПТ точного выражения мысли.

Рече-поведенческими ситуациями **РПТ непреднамеренной паронимической замены / подмены / ошибки** являются ошибочные речевые действия: *оговорка / обмолвка, описка, ослышка, очитка* в рече-культурных сценариях

⁹ Е. Михайленко-Зото. *Непреднамеренная паронимия по причине ошибки в русском лингвокультурном пространстве*, „Annali d’Italia”, 2020/12/2, p. 67-71.

недостаточного владения языковым кодом, акустических помех, дефектов речи и/или слуха, неразборчивости почерка. Например:

(1) непреднамеренная **оговорка / обмолвка**: А) Комментарий албанского студента о голосе Димаша Кудайбергена, записано в октябре 2018 г. в Тиранском университете: *Я слушал песни Димаша. У него очень мелодический голос // вместо мелодичный*. В родном языке студента (албанском) имеется одно слово *melodike*, передающее значения обоих русских паронимов, которые различаются дистрибуцией и словообразовательными суффиксами. Иностранец, изучающий русский язык, перевел с помощью словаря слово как *мелодический*. Здесь реализован рече-культурный сценарий недостаточного владения кодом иностранного языка.

Б) Разговор по телефону, женщина 29 лет, март 2018 г.: Не поверишь, но я снова вынуждена заниматься **обустройством** на работу... Ой, извини! **Устройством**... Зарапортовалась с этими поисками дома, работы... Автоматизм ошибочного произнесения паронима вместо необходимого слова дополняется здесь общим состоянием говорящей, находящейся в процессе обустройства своей жизни. Следовательно, реализуется РКС автоматизма произнесения более частых единиц.

(2) Непреднамеренная **описка**: Пример из статьи А.М. Горького *О писателях-самоучках*¹⁰:

Магазины глухо ставнями
Всюду заперты и спят,
Шевеля уныло **плавнями**,
Тучи чудища летят.

В этом отрывке из стихотворения поэта-самоучки А.М. Горький выделил ошибочное употребление слова *плавни* вместо слова *плавники*, которое здесь подходит по контексту и по рифме (форма творительного падежа *плавниками*). Здесь пароним *плавнями* является окказиональным и ошибочно использованным по отношению к фонетически сходной, но семантически отличной от него словоформе *плавниками*. Отрывок приведен А.М. Горьким для подтверждения идеи о том, что не может быть писателем дилетант, не владеющий на высоком уровне языком, на котором пишет. Следовательно, в стихотворении начинающего поэта паронимическая замена реализует сценарий недостаточного владения кодом родного языка.

(3) Непреднамеренная **ослышка**: А) На дороге неопытный водитель понял, что автомобиль неисправен, и заехал на станцию технического об-

¹⁰ А.М. Горький, *О писателях-самоучках*, [online] <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-364.htm>, [18.08.2020].

служивания. Там кипела работа, несколько рабочих звенели гаечными ключами, один занимался рихтовкой крыла, другой – пылесосом чистил салон. Слесарь взялся осматривать мотор и попросил водителя сесть за руль, чтобы включать и выключать приборы.

Слесарь: Включай **мáссу**. ... Да не **мáсло**, а **мáссу**...

Первый ударный слог в обоих словах абсолютно одинаковый, частота распространения ударного [á] здесь от 700 до 1000 Гц, а длительность звучания около 200 м/с. Финальные слоги открытые и безударные, гласные звуки в них редуцированные в заударной позиции. Частота распространения заударного [у] здесь от 200 до 300 Гц, длительность же звучания – 70 м/с, то есть в 3–4 раза тише и почти в три раза короче ударного [á]. Ослышка происходит по причине посторонних шумов и того, что реципиент находится в кабине и отгорожен от продуцента. Это мешает услышать правильный, но тихий и короткий финал слова. Таким образом, реализуется РКС наличия акустических помех, шума.

Б) Разговор между резчиком по камню, который не выговаривает звук [р], и менеджером магазина профессионального металлического инструмента.

Резчик: [П'йи]несите, пожалуйста, каталог **ск[аа]пелей**.

Менеджер: Вот, это алмазные **скальпели** «Кристаллина», а это одноразовые Volkmanн'a.

Резчик: Извините, я же просил **ск[аа]пели**.

Менеджер: А что Вы собираетесь ими делать?

Резчик: Ну, конечно же, не людей **[йе]зать**, а камень долбить.

Менеджер: А, понял, Вам нужны **скарпели**.

Непреднамеренная паронимическая ослышка обусловлена здесь сценариями дефекта речи одного из говорящих и намного большей частотностью использования паронима *скальпель* по сравнению с прозвучавшим нужным словом (*скарпель* – резец по камню).

(4) Непреднамеренная **очитка**: На первом занятии учитель делает переключку учеников по журналу, в котором список учащихся написан от руки.

Учитель: *Чеботок*.

Класс молчит, ученики переглядываются и говорят: *У нас такого нет*.

Учитель: *Олег Чеботок. Кто это?*

Один ученик догадывается и отвечает: *Чебанюк, а не Чеботок*.

Остальные смеются. Учителю неудобно, но он делает замечание и просит тишины.

Непреднамеренная очитка обусловлена здесь сценарием неразборчивости почерка.

Рече-поведенческими ситуациями **РПТ точного выражения мысли** можно считать *письменный научный дискурс* и *устный научный дискурс*. Например:

- (5) Точное выражение мысли в **письменном научном дискурсе**: *По содержанию в клетке химические элементы подразделяются на три группы: макро-, микро- и ультрамикроэлементы (Большой справочник школьника, 2001, с. 768)*. В данном предложении термины **макроэлемент** и **микроэлемент** представлены усеченными вариантами – **макро-**, **микро-**, – которые, как и полные формы, паронимичны. Однако в терминологии нежелательны омонимия и синонимия терминов, а паронимия вполне приемлема и даже желательна, поскольку нередко помогает исследователю определить единицы одного терминологического поля. Здесь реализован РКС описания типологии живой клетки по признаку распределения химических элементов.
- (6) Стремление к точному выражению мыслей в **устном научном дискурсе**: На практическом занятии преподаватель ведет опрос студентов:

Преподаватель: *Прошу ответить на такой вопрос: «Что общего у сложносочиненных и сложноподчиненных предложений? Чем они отличаются от бессоюзных предложений?»*

Первый студент: *Основным средством связи предикативных частей сложносочиненных и сложноподчиненных предложений являются союзы: сочинительные и подчинительные, – соответственно.*

Второй студент: *В отличие от союзной связи в союзных предложениях, предикативные части бессоюзных предложений связаны бессоюзной связью.*

Здесь реализованы рече-культурные сценарии описания типологии сложного предложения и представления точных лексем, закрепленных за определенными понятиями. В научном стиле русского языка, особенно в ситуациях устного научного дискурса, допустима тавтология (*связаны ... связью* и под.).

Среди рече-поведенческих тактик **преднамеренной паронимии** мы выделяем три РПТ:

- 1) РПТ паронимии – преднамеренной паронимической замены / подмены / ошибки;
- 2) РПТ художественного паронимического оформления речи;
- 3) РПТ обучающего воздействия.

Рече-поведенческими ситуациями **РПТ паронимии** являются умышленные *оговорка / обмолвка, описка, ослышка, очитка* в рече-культурных сценариях шутки, юмора, комического, иронии, сатиры, осуждения, обиды, унижения, насмешки, авантюры, обмана. В этом случае, как и при РПТ непреднамеренной ошибки, используется лишь один, неправильный член

паронимической оппозиции, организованной по принципу дихотомии «правильное» // «неправильное». Например:

(7) Преднамеренная **оговорка** / **обмолвка**: Диалог руководителя с набравшей на компьютере текст помощницей (секретарем):

Руководитель: *Ирина, Ваши **отпечатки** разбросаны по всему тексту. Я уже четко отличаю Ваши «труды» от не ваших.*

Ирина: *Ну, ... ведь я очень старалась.*

Руководитель: *Правила надо учить и книги читать. Вот, держите справочник. Завтра спрошу правила на сегодняшние ошибки.*

Здесь слово *отпечатки* использовано вместо слова *опечатки* в ироническом сценарии. Слово *отпечатки* чаще всего используют в синтаксически связанном сочетании криминалистического дискурса *отпечатки пальцев*. Руководитель иронизирует, имея в виду, что по опечаткам, которые допускает Ирина при наборе текста, ее легко вычислить, как преступника по отпечаткам его пальцев на месте преступления.

(8) Преднамеренная **описка**: «*Никто не забит*» – заголовок одной из статей из еженедельника *Столица С* (г. Саранск, Мордовия, 2014). В статье идет речь о том, что в селе Кочетовке Инсарского района Мордовии до сих пор не выбиты на мемориальной доске имена двухсот жителей села, погибших на фронтах Второй мировой войны. Основой каламбура в данном заголовке является преднамеренная паронимическая описка в прецедентном тексте Ольги Берггольд *Никто не забит, ничто не забыто*, написанном в 1959 году для мемориала на Пискаревском кладбище в Ленинграде. Изменена одна буква: вместо Ы написана И. Известно просторечное значение глагола *забить* (на что-то) – «не заниматься чем-то». Данная ситуация описки обусловлена речекультурным сценарием осуждения.

(9) Преднамеренная **очитка**: В детской книжке написано: *Проходя возле джунглей, доктор Айболит и его друзья поняли, что **стон** идет со стороны широкого ручья*. Остерегаясь, что дочь расплачется, отец решил заменить слово *стон* его паронимом *слон*, так как знал, что слон в зоопарке ей понравился. Прозвучало следующее: *Проходя возле джунглей, доктор Айболит и его друзья поняли, что **слон** идет со стороны широкого ручья*. А дальше отец делал вид, что читает, но сам сочинял то, что было интересно и не страшно дочери. В целом, здесь реализуется РКС предостережения ребенка от испуга и переживаний.

(10) Преднамеренная **ослышка**: На металлургическом комбинате в переливочный цех из-за повышенной опасности запрещено входить посто-

ронным и рабочим других подразделений. Инспектор по технике безопасности заметил, как туда вошел в момент подачи горячего жидкого металла рабочий без допуска, и на выходе задержал его:

Инспектор: *Гражданин, предъявите пропуск в переливочный цех.*

Нарушитель: *Да, сегодня сталь получилась с узорами, переливчатая.*

Инспектор: *Баки мне не забивай, покажи допуск.*

В данной РПС преднамеренной ослышки, которой сопутствует преднамеренная обмолвка, противопоставлены однокорневые паронимы *переливочный // переливчатый*. Реализуется рече-культурный сценарий сокрытия нарушителем своего нарушения.

Рече-поведенческими ситуациями РПТ **художественного паронимического оформления речи** являются *паронимическое сближение* и *паронимическое рифмование*. Общим для паронимического сближения и рифмования является то, что они в РКС представлены не одним компонентом паронимической пары, а целой парой. От рассмотренных выше ситуаций РПТ преднамеренной паронимической замены / подмены / ошибки рече-поведенческие ситуации РПТ художественного паронимического оформления речи отличаются отсутствием феноменов ошибки, подмены, замены. Например:

(11) Паронимическое **сближение**: *Сила соломѹ ломит...* (Пословица).

Звуковое уподобление на основе согласных [с], [л], [м]. Рече-культурный сценарий обусловлен семантикой пословицы: вынужденное подчинение чьей-либо грубой воле.

(12) Паронимическое **рифмование**: Незаконченный архивный экспромт Давида Самойлова, автора *Книги о русской рифме*¹¹, содержит две паронимических рифмы:

Спасибо за жанры.

Жанр вроде сосуда,

Куда мы вливаем

Добро или худо,

Куда мы вливаем,

Того мы не знаем.

А если узнаем,

То знать будем слишком.

И э т о опасно

Поэтским мыслишкам.

Здесь *не знаем // узнаем* – однокорневые паронимы, *слишком // мыслишкам* – разнокорневые.

¹¹ Д.С. Самойлов, *Книга о русской рифме*, 3-е изд., Москва 2005, с. 6.

Рече-поведенческими ситуациями **РПТ обучающего воздействия** в рамках преднамеренной паронимии являются *преподавание русского языка как родного* и *преподавание русского языка как неродного / иностранного*. Например:

- (13) Методика использования паронимии исконных слов **при обучении русскому языку как родному**. Учитель на уроке русского языка предлагает школьникам выполнить такое задание к упражнению: *Вставьте вместо точек имена существительные **сбор** или **сборка***. 1. *Этот рабочий стоит на ... двигателя.* 2. *... участников спортивного праздника назначен на 9 часов утра.* 3. *Все жители села принимали активное участие в ... урожая.* 4. *В цехе, где производится ... часов, было чисто и светло.* Здесь реализуется РКС обучения школьников культуре речи: правильному использованию однокорневых компонентов одной из паронимических пар родного языка.
- (14) Методика использования паронимии исконных слов **при обучении русскому языку как иностранному**. На занятии по речевой практике в курсе РКИ преподаватель дает такое задание студентам: *Прочитайте предложения и объясните разницу в их значении. Включите эти предложения в текст так, чтобы формы единственного или множественного числа использовались правильно.* 1. *Юрий Петрович нарушил этот **порядок**.* – *Юрий Петрович нарушил тамошние **порядки**.* 2. *Вера Ивановна навела **порядок** в доме.* – *Вера Ивановна навела свои **порядки** в доме.* 3. *Какой здесь **порядок!*** – *Какие здесь **порядки!*** Здесь реализуется РКС обучения студентов правильной лексической и грамматической дистрибуции форм единственного и множественного числа имени существительного *порядок // порядки* при обучении русскому языку как иностранному.
- (15) Методика использования паронимии заимствованных слов **при обучении русскому языку как иностранному**. На занятии по научному стилю в медицинском университете преподаватель дает иностранным студентам такое задание: *Найдите в «Словаре иностранных слов», «Словаре медицинских терминов» или «Энциклопедическом словаре» значения данных ниже слов и запишите эти значения: **гипертрофия** – **гипертропия**, **адсорбция** – **абсорбция**, **диссимилиация** – **диссимуляция**, **аффект** – **эффект**, **диоктиома** – **диоктиосома**, **синовит** – **синовия** и под.* Этим заданием реализуется рече-культурный сценарий самостоятельного поиска и усвоения семантических различий терминологических паронимов иноязычного происхождения.

Выводы

Таким образом, мы представили нашу авторскую концепцию комплексного лингвокультурологического исследования паронимии на основе системы рече-поведенческих тактик непреднамеренной и преднамеренной паронимии в русском лингвокультурном пространстве. Комплексное исследование паронимии в коммуникативно-языковом и системно-языковом аспектах с использованием методик антропоцентрической и системно-структурной научных парадигм позволило установить ряд закономерностей функционирования изученного феномена. **Непреднамеренная паронимия** в русском лингвокультурном пространстве реализуется, во-первых, РПТ паронимической замены / подмены / ошибки в ситуациях оговорки / обмолвки, описки, ослышки, очитки рече-культурными сценариями недостаточного владения языковым кодом, акустических помех, дефектов речи и/или слуха, неразборчивости почерка; во-вторых, РПТ точного выражения мысли в ситуациях письменного и устного научного дискурса, как правило, через научно-исследовательские и учебные сценарии. **Преднамеренная паронимия** реализуется, во-первых, рече-поведенческой тактикой паронимазии в ситуациях оговорки / обмолвки, описки, ослышки, очитки рече-культурными сценариями шутки, юмора, комического, иронии, сатиры, осуждения, обиды, унижения, насмешки, авантюры, обмана; как и при РПТ непреднамеренной ошибки, используется лишь неправильный член паронимической оппозиции, организованной по принципу дихотомии «правильное» // «неправильное»; во-вторых, РПТ художественного паронимического оформления речи в ситуациях паронимического сближения и рифмования разными РКС поэзии и прозы; при РПТ художественного паронимического оформления речи РКС представлены целой паронимической парой; в-третьих, РПТ обучающего воздействия в ситуациях преподавания русского языка как родного и как неродного / иностранного в учебных сценариях использования паронимии исконных и/или заимствованных слов.

ЛИТЕРАТУРА

- Верещагин Е.М., *Тактико-ситуативный подход к речевому поведению. (Поведенческая ситуация «Угроза»)*, „Russistik. Русистика” 1990, № 1, с. 26-32.
- Верещагин Е.М., *Коммуникативные тактики как поле взаимодействия языка и культуры* [в:] *Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики : Всесоюзная научная конференция, Москва, 20-23 мая 1991 г. Доклады*, Москва 1991, ч. 1, с. 32-43.
- Верещагин Е.М., *Из лингвострановедческой археологии. Ключевое советское слово очердь*, „Сборник научных трудов Московского государственного лингвистического университета”, Выпуск 426/1996, с. 63-71.

- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., *Приметы времени и места в идиоматике речемыслительной деятельности* [в:] *Язык: система и функционирование*, Москва 1988, с. 54-61.
- Верещагин Е.М., Костомаров В. Г., *Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: Методическое руководство*, 4-е изд., перераб. и доп., Москва 1990.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., *Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы*, Москва 2005.
- Верещагин Е.М., Ратмайр Р., Ройтер Т., *Речевые тактики «призыва к откровенности». Еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий контрастивный подход*, „Вопросы языкознания” 1992/6, с. 82-93.
- Горький А.М., *О писателях-самоучках*, [online] <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-364.htm/> [18.08.2020].
- Маслова В.А., *Когнитивная лингвистика: учеб. пособие*, 3-е изд., перераб. и доп., Минск 2008.
- Михайленко-Зото Е., *Непреднамеренная паронимия по причине ошибки в русском лингвокультурном пространстве*, „Annali d'Italia” 2020/12/2, p. 67-71.
- Пережогина О.В., *Рече-поведенческие тактики призыва к любви в православной и светской культурах (на материале текстов второй половины XX века)*, „Ученые записки Казанского университета”, Серия Гуманитарные науки, Том 154, Книга 5/2012, с. 189-194.
- Самойлов Д. С., *Книга о русской рифме*, 3-е изд., Москва 2005.
- Степанов Е. Н., *Взаимодействие научных лингвистических подходов в исследовании русской городской речи*, „Мова”, № 21/2014, с. 27-35.
- Чернышева А. Ю., Чан Ваньцзюнь, *Рече-поведенческие тактики приветствия в русском и китайском языках*, „Ученые записки Казанского университета”. Серия Гуманитарные науки, Том 160, Книга 5/2018, с. 1142-1150.
- Vereschagin E. M., *Wandel traditioneller Rede- und Verhaltenstaktiken von Russen unter Bedingungen des freien Marktes* [in:] *Dialog und Divergenz. Interkulturelle Studien*, Frankfurt am Main, 1997, s. 257-267.

SPEECH-BEHAVIORAL TACTICS OF UNINTENTIONAL AND INTENTIONAL PARONYMY IN THE RUSSIAN LINGUOCULTURAL SPACE

Summary

This article presents a fragment of the study of speech-behavioral tactics of unintentional and intentional paronymy, identified on the basis of linguocultural systemic-structural and anthropocentric methodology. There are 2 speech-behavioral tactics of unintentional paronymy: erroneous paronymic substitution and precise thought expression, – and 3 tactics of intentional paronymy: paronomasia, artistic paronymic speech design, and teaching effect of paronymy. At the same time, an erroneous paronymic substitution occurs in situations of listening and reading errors, slips of the tongue, misspellings in speech-cultural scenarios of insufficient knowledge of the language code, acoustic interference, speech or hearing defects, and illegibility of handwriting; and paronomasia – in similar situations but in scenarios of joke, humor, comic, irony, satire, condemnation, resentment, humiliation, ridicule, adventure, deception. Situations in which all other speech-behavioral tactics of unintentional and deliberate paronymy are implemented are inherent only in the corresponding tactics.

Keywords: paronymy, speech-behavioral tactics, speech-behavioral situation, speech-cultural scenario (script), Russian linguocultural space, unintentional and intentional

Ивона МЫТЫК

Педагогический Университет имени Комиссии Народного Образования, Польша
ORCID: 0000-0001-9729-8250

ЮМОР В ПОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДАХ ФИЛЬМОВ ВЛАДИМИРА МЕНЬШОВА

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, перевод юмора, комедия, Владимир Меньшов

1. Введение

Юмор – слово, известное каждому, однако понимаемое по-разному. Хотя юмор считается обычным явлением, его восприятие и интерпретация различны для конкретных социальных групп и людей. Как пишет Йерун Вандаэле¹, юмор, несомненно, – одна из трудностей, с которыми сталкивается переводчик в своей работе. Перевод юмористических элементов – это своего рода ловушка, поскольку юмор обычно строится на двусмысленности реплик актеров (в случае фильмов), идиомах, игре слов и, что самое сложное, он часто встраивается в аллюзии, связанные с культурой данной страны. Как подчеркивает в своей монографии Марцин Трендович, важно отметить, что основную роль в современных лингвистических исследованиях играет взаимозависимость языка и культуры². Поэтому при изучении юмористического эффекта в фильмах важно рассматривать язык и культуру как всеобъемлющую основу для анализа.

Ольгерд Войтасевич в работах о непереводе юмора в своих произведениях 1950-х годов ставил под сомнение правильность перевода юмористических элементов, основанных на пародии и игре слов³. Однако следует учитывать, что юмор часто переводится эффективно, о чем,

¹ J. Vandaele, *Humor Mechanisms in Film Comedy: Incongruity and Superiority*, „Poetics Today”, 23/2, s. 222-229.

² M. Trendowicz, *Феномен Штирлица. Образ советского разведчика в русском языке и культуре современной России*, Gdańsk 2019, s. 9.

³ O. Wojtasiewicz, *Wstęp do teorii tłumaczenia*, Warszawa 1996, s. 75-77.

в частности, свидетельствуют комедии иностранного производства, которые очень популярны и в Польше. Очевидно, что при переводе юмора сложно говорить о верном воспроизведении оригинала. По мнению Вандаэля, перевод юмора следует воспринимать в функциональном аспекте. Это означает, что задача переводчика заключается в том, чтобы отразить в переводе функцию текста (изображения), которую оригинал выполняет в исходном языке и культуре. Кроме того, текст должен оказывать на адресата перевода тот же эффект, что и оригинал⁴, в данном случае – смех.

Дебра С. Рафаэльсон-Уэст делит юмор на три категории:

1. лингвистический юмор;
2. юмор с культурным фоном;
3. универсальный юмор⁵.

Исследовательница отмечает, что отдельные категории характеризуются разной степенью трудности перевода. Она указывает, что первая категория, т.е. лингвистический юмор, представляет наибольшую трудность перевода. Меньшая проблема перевода существует с юмором, который основан на культурных реалиях страны. Универсальный юмор считается категорией, не вызывающей затруднений, поскольку он построен на общих явлениях, не характерных для конкретных культур и групп населения⁶.

Юмор не имеет четкого определения. Несмотря на то, что в повседневной жизни смех и юмор кажутся обычными явлениями, как теоретическое понятие их трудно определить. До сих пор в литературе можно наблюдать различные способы восприятия юмора, например, с точки зрения психологии, лингвистики, социологии, философии, а также в области переводоведения. Юмор определяется по-разному, в зависимости от категории. В психологическом плане – это эмоциональная способность человека воспринимать забавные стороны жизни, а в эстетическом – представлять что-то веселым образом. В качестве отправной точки мы возьмем определение юмора, данное Вандаэлем, который заявил, что юмор – это все, что поднимает нам настроение, заставляет нас веселиться, улыбаться и смеяться⁷.

Целью настоящего исследования является изучение способов создания юмористического эффекта в анализируемой комедии и рассмотрение решения переводчика относительно использования техник передачи юмора

⁴ J. Vandaele, *Introduction. (Re-)Constructing Humour: Meanings and Means*, „The Translator”, 8/2, s. 150-152.

⁵ D.S. Raphaelson-West, *On the Feasibility and Strategies of Translating Humour*, „Meta: Translators' Journal”, 34/1, s. 132-137.

⁶ D.S. Raphaelson-West, *On the Feasibility and Strategies of Translating Humour*, „Meta: Translators' Journal”, 34/1, s. 130-131.

⁷ J. Vandaele, *Humor Mechanisms in Film Comedy: Incongruity and Superiority*, „Poetics Today”, 23/2, s. 222.

в польской версии фильма. Примерами могут послужить как одиночные реплики актеров, так и сцены, характеризующиеся наличием диалогов.

2. Характеристики изучаемого фильма

Ширли-мырли – российский комедийный фильм 1995 года режиссера Владимира Меньшова. По определению Ивоны Совиньской, комедия – это фильм, изображающий ситуации, персонажей и диалоги, которые вызывают у зрителей комический эффект⁸. Таким образом, для комедии характерно влияние, которое она оказывает на зрителя, а не сам сюжет.

Что касается общего описания содержания комедии, то это история о трех братьях-близнецах, которые никогда не слышали друг о друге, а также судьбы которых сложились совершенно по-разному. Старший из них, в детстве подброшенный в табор, стал цыганским бароном; второй рос в детском доме, а затем стал пианистом с мировым именем; самого младшего воспитывала его тетя, и он стал известным в России вором, который крадет из рук мафии алмаз – Спасителя России⁹. Правительство и предыдущие владельцы, то есть мафия, несут ответственность за поиск украденного бриллианта.

Прежде всего необходимо классифицировать, с какой комедией мы имеем дело. Несмотря на основной сюжет, который определяет фильм как комедию нравов, это еще и политическая комедия. Анализируемый фильм был снят в 1995 году, во время преобразований в Центральной и Восточной Европе, в том числе и в России.

Политические комедии – это особый вид комедии, особенно в тех странах, где существуют проблемы с политической свободой, они используются для политических посланий. Политическая комедия – это своего рода комедия, высмеивающая определенные обычаи политических кругов. Проблема с комедиями данного типа заключается в том, что они поднимают вопрос о цензуре в данной стране, что также может относиться к СМИ и кино. Более того, это особый тип комедии и особый тип перевода, так как он также требует знания окружения и политической ситуации в той или иной стране.

Подводя некий итог, можно сказать, что анализируемая комедия не является сугубо политической комедией, однако она содержит некоторые ее элементы с учетом анализируемых диалогов и ситуационного контекста, а также принадлежит к общественно-политическому жанру, поскольку

⁸ I. Sowińska, *Złoty wiek burleski* [w:] *Historia kina*, red. T. Lubelski, I. Sowińska, R. Syska, Kraków 2012, s. 546-550.

⁹ *Szirli-Mirli, Opis filmu, FILMWEB+*, [online] <https://www.filmweb.pl/film/Szirli-+-Myrli-1995-101671/descs>, [15.09.2020].

показывает различные аспекты жизни в России 1990-х годов: жизнь нуворишей, рабочие будни милиции, особую жизнь мафии и функционирование этих кругов на стыке их деятельности. В то же время эта комедия высмеивает вышеупомянутые круги, а с другой стороны, показывает слегка искаженный образ жизни в России того времени, возможно, слегка юмористический, но с элементами реальности. Контекст перевода здесь лишь дополняет богатый аудиовизуальный пласт комедии. Так что задача переводчика не должна быть сложной.

Абстрагируясь от сюжета фильма, вернемся к техническим аспектам. Производством анализируемой комедии занималась киностудия „Мосфильм”. Однако в Польше ее распространение осуществлялось благодаря студии „Filmostrada”. Польская версия была представлена на DVD в виде субтитров, а оригинальный список диалогов был написан самим автором статьи на слух. Комедия „Ширли-мырли” считается классикой советского кинематографа и занимает одно из первых мест в рейтинге популярности комедий всех времен. Реплики актеров развлекают зрителей, а также вошли в обиход, что доказывает популярность и культовый характер комедии.

3. Анализ иллюстративного материала

Изученный материал показал, что юмористические элементы в анализируемой комедии можно найти во многих источниках. Первым средством создания юмора является игра слов. Этот термин чаще всего определяется как набор стилистических мер, которые выходят за рамки правил языкового кода¹⁰.

<p>Журналист: Благодаря невероятным усилиям нашей милиции был схвачен опасный преступник Василий Кроликов. На сей раз он выдавал себя за вожака цыганского табора Романа Алмазова [...]</p> <p>Козюльский: За цыгана?</p> <p>Помощник: Похоже на музыканта.</p> <p>Козюльский: Нет! Тут что-то не так. Это надо обмозговать!</p> <p>Помощник: Тихо! Шеф думает.</p> <p>Козюльский: Думать будем, когда алмаз добудем. Вот как до чего довел! Стихами заговорил!</p>	<p>Dziennikarz: Właśnie dostaliśmy informację, iż nasza milicja złapała Wasilija Krolikowa. Tym razem, udawał Romana Diamentowa, szefa cygańskiej grupy.</p> <p>Kozulski: Za cygana?</p> <p>Asystent: Podobny do muzykanta...</p> <p>Kozulski: Nie! Coś tu nie gra...</p> <p>Trzeba to przemyśleć.</p> <p>Asystent: Cicho! Szef myśli.</p> <p>Kozulski: Myśleć będziem, gdy diament odnajdziem.</p> <p>Widzicie do czego on doprowadził? Wierszami zacząłem mówić...</p>
---	--

¹⁰ E. Jędrzejko, *Strategia tekstotwórcza a gry językowe w literackich nazwach własnych* [w:] *Gry w języku, literaturze i kulturze*, red. E. Jędrzejko, U. Żydek-Bednarczuk, Warszawa 1997, s. 67.

Помощник: Этого надо кончать. Надо его кончать! Козульский: Кончать будете только через мой труп. [адресно-временной код: 1:16:11-1:16:15]	Asystent: Trzeba go wykończyć. Kozulski: Będziecie go wykańczać nad moim martwym ciałem.
--	---

Вышеупомянутый диалог происходит между Козульским и его помощниками. После того как музыкант (один из тройняшек) был пойман и допрошен милицией, по телевидению транслируются новости, в которых журналист заявляет, что сегодня был пойман похититель алмазов, который якобы выдавал себя за цыгана. Козульский встревожен, поскольку думал, что это он сумел укротить преступника. Произошло недоразумение.

В приведенном выше примере языковая игра базируется на глаголе *кончать* и фразеологизме *только через мой труп*. Глагол *кончать* в русском языке имеет два значения: 1) заканчивать работу и 2) убить человека. Сценарист использовал его в этих двух значениях, что, в свою очередь, привело к созданию юмористического эффекта. Кроме того, в оригинале мы слышим фразеологизм *только через мой труп*, который в сочетании с глагольной игрой слов усиливает юмор. Само выражение означает категорический протест говорящего против любого (предлагаемого или предполагаемого) действия¹¹. Польская версия лишена юмористического эффекта. Кроме того, перевод можно назвать неестественным. Возможно, более точным было бы использование в переводе разговорной фразы *po moim trupie*, эквивалентной оригиналу. Интересным явлением в вышеупомянутом диалоге является использование рифмы, которая также влияет на юмористический эффект: *Думать будем, когда алмаз добудем*. В польском переводе используется подляшский диалект, для которого характерно окончание глаголов на букву -m: *będziem, odnajdziem*.

Рассмотрим очередной пример из юмористической категории.

Помощник: Я в туалет, по-маленькому. Козульский: По-маленькому можно. По-большому будем, когда алмаз добудем... вот гад, до чего довел! Стихами заговорил! [адресно-временной код: 0:48:46-0:48:55]	Asystent: Tylko bym skoczył na jedyneczkę. Kozulski: Tylko na jedyneczkę. Dwójkę będzie można robić po oddaniu diamentu.
--	--

Ситуационный контекст: Козульский и его сотрудники выясняют, где якобы остановился алмазный похититель. Представленный пример касается воз-

¹¹ Фундаментальная электронная библиотека „Русская литература и фольклор” (ФЭБ), [online], <https://kartaslov.ru. значение-слова/только+через+мой+труп>, [20.09.2020].

действия рифмы на текст, а не на сам язык. Проблема перевода, с которой мы имеем дело, заключается в том, чтобы сохранить рифму в польской версии. Существующий перевод вовсе не сохраняет этот элемент.

Абстрагируясь от рифм, рассмотрим и другие техники, которые используются для создания юмористического эффекта в диалоге. В оригинале есть реплика *Я в туалет, по-маленькому*, которая относится к разговорному выражению *ходить по-маленькому*, что означает не что иное, как посещение туалета для удовлетворения физиологических потребностей (в данном случае речь идет о мочеиспускании). Можно заметить, что последняя реплика в польском переводе звучит неестественно (*Dwójkę będzie...*), и поэтому она требует исправления. Перевод растягивается, что приводит к исчезновению специфики исходного текста.

Эта версия перевода кажется удачной, так как в ней сохранены разговорный элемент и рифмы в тексте, которые в этом диалоге являются источником юмора.

Asystent: Skoczę tylko na jedyneczkę. Kozulski: Tylko na jedyneczkę. Na dwójkę przystanę gdy diament dostanę. Popatrz tylko. Wierszem gada.
--

Стоит взглянуть на еще один пример юмористического перевода, который включает в себя и другие интересные лингвистические элементы.

Козьма: Как говорится в старинной русской поговорке: «Конец делу Абзац»... Я хотел сказать «Абзац делу венец». [адресно-временной код: 0:57:30-0:57:50]	Kozma: Jak głosi stare ruskie przysłowie: epitafium jest najlepszą częścią. Chciałem powiedzieć, że najlepsze jest na koniec.
---	---

Объяснение ситуационного контекста высказывания: фраза слетает с уст журналиста после свадебной церемонии. Дополнительная информация должна повлиять на понимание реплики и решение переводчика: в фильме одну героиню, американскую невесту, зовут Кэрол Абзац. Это перевод отрывка диалога со ссылкой на поговорку, и, таким образом, снова появляется культурный контекст, хотя поговорка, как правило, не является проблемой перевода, но то, как она переводится, требует толкования. Перевод с использованием слова *epitafium* здесь не является лучшим переводческим решением. Слово *koniec* соответствует оригиналу, и нет причин его менять. Намного лучше было бы перевести как *Koniec sprawy wieńczy dzieło*, что, в свою очередь, является формой польской поговорки. В целях

сохранения культурного фона стоило бы лучше обратиться к латинскому изречению и третьей культуре, в данном случае к римлянам, от которых впервые было услышано данное высказывание.

Kozma: Jak to mawiali starożytni Rzymianie
„Finis coronat opus”.
Czyli: koniec sprawy wieńczy dzieło.

Отдельным предметом словообразовательного анализа данного диалогового примера из анализируемой комедии является так называемая игра слов, связанная с идентичностью фамилии невесты и приведенной поговоркой – это обычная ситуация, когда имена людей имеют собственное словообразовательное значение, часто забавное само по себе. Здесь использован юмористический элемент с точки зрения эмоционального слоя текста с помощью игры слов и ассоциации с поговоркой. Основной задачей переводчика является сохранение этого уровня послания в результате перевода данного кинодиалога. Как можно заметить, юмористический эффект не сохранился.

Рассмотрим другой пример, представляющий еще один источник лингвистического юмора.

Офисный работник: А вы, Кэрол Чарльзовна, согласны взять в мужья Иннокентия Шниперсона?
Кэрол: Ну а зачем я тогда сюда пришел?
[адресно-временной код: 0:36:06-0:36:38]

Pracownik urzędu: A czy Ty, Carol Charlsowna, bierzesz sobie za męża Inocentego Shnipersona?
Carol: A po co innego bym tu przychodziła?

Юмористический эффект в цитируемой реплике основан на преувеличении образа одного из персонажей фильма. В данном случае это способ самовыражения. В некотором смысле он напоминает один из видов юмора, то есть буффонаду, заключающуюся в гиперболизации образа персонажа, доведенной до абсурдного уровня, и в то же время представлении данного персонажа в экстремальных, забавных или опасных ситуациях¹².

Такой юмор мы наблюдаем в анализируемой комедии по отношению к главным героям – в преувеличении их черт, например, в поведении американки – жены главного героя, что также отражается на манере ее речи. При этом переводчик польской версии не воспользовался комическим приемом, а вместо этого дословно перевел реплику, проигнорировав ошибку в спряжении глаголов одного из актеров. Кэрол – американка, которая плохо владеет русским языком. На протяжении всего фильма герои-

¹² *Encyklopedia PWN*, [online], <https://encyklopedia.pwn.pl/haslo/slapstickowa-komedia;3976350.html>, [10.11.2020].

ны не спрягает глаголы или же делает это неправильно. В данном случае это не должно вызывать у переводчика никаких проблем.

Второй пример очень интересен с точки зрения перевода.

<p>Абзац (невеста): У вас это называется „кое-что”? По-моему, вы слишком много кушать.</p>	<p>Abzac (narzeczona): To u Was mówi się na to „troszkę”? Wydaje mi się, że jesteście ignorantem.</p>
<p>Муж: В каком смысле?</p>	<p>Mąż: W jakim sensie?</p>
<p>Абзац: В смысле, зажрались! [адресно-временной код: 1:38:25-1:38:43]</p>	<p>Abzac: W sensie, że jesteście niewdzięcznym sukinsynem.</p>

Ситуационный контекст диалога: разговор происходит, когда один из братьев говорит, что не может заниматься сексом, потому что в детстве наступил на мину, и его органы были повреждены. Это намеренная неправда. Таким образом мужчина пытается защитить себя от женщины, потому что она жена его брата. Женщина этого не знает, поскольку минутой раньше выяснилось, что ее муж – один из тройняшек. Жена прикасается к промежности „мужа” и удивляется, потому что не чувствует никаких отклонений.

При анализе польской версии замечается, что перевод слишком растянут, и это приводит к полной потере ритма высказывания. Польский вариант более агрессивен и вульгарен. Использование ненормативной лексики в приведенном выше диалоге не оправдывается. Это перевод, целью которого является искусственно сделать языковой слой более привлекательным и привлечь определенный тип зрителей, предпочитающих этот тип ненормативной лексики. Лучшим был бы следующий образец перевода:

<p>Abzac: Co to znaczy „troszkę”? Jesteście ignorantem!</p>
<p>Mąż: W jakim sensie?</p>
<p>Abzac: W takim...draniu!</p>

Следует добавить, что визуальный слой помогает в этом случае правильно понять сцену, а благодаря коротким лаконичным фразам можно сохранить комичность высказывания.

Рассмотрим последний пример с юмористическим элементом:

<p>Милиционер: Товарищ капитан, вас из Кремля президент!</p>	<p>Milicjant: Towarzyszu, do Was, z Kremla.</p>
<p>Пискунов: Слушаю. Кто генерал? Я генерал? Я Пискунов.</p>	<p>Piskunow: Słucham. Kto jest generałem, ja? Ja – Piskunow.</p>
<p>Разрешите доложить, особо опасный рецидивист Василий Кроликов, вступив в преступную связь с послом и президентом США...</p>	<p>Pozwólcie, że zamelduję. Przestępca Krolikow wraz z współwinnymi: ambasadorem oraz Prezydentem USA. Trzecia Wojna Światowa?</p>

Третья Мировая? Из-за меня? Уже идет? Ах, идиот! Всех отпустить? [адресно-временной код: 0:53:20-0:54:30]	Przeze mnie? Już się zaczęła? Ah, nie ma takiego drugiego cwela. Wszystkich uwolnić?
--	---

Диалог происходит между президентом и Пискуновым, ответственным за поимку алмазного вора. Вышеуказанный пример в оригинальной версии относится к категории юмористических. С одной стороны, используется вульгаризм *idiom/idiota*, с другой стороны – глагол в 3-м лице единственного числа *идет* (инфинитив: идти/*iść, zmierzać, nadchodzić*). Юмористический эффект был построен на омофонии, основанной на одинаковой фонетике разных языковых сегментов. В переводе на польский вместо ненормативной лексики *idiom* было использовано слово *cwela*, которое следует считать неправильным решением. Дословный перевод *idiota* был бы лучше. В результате перевода был утерян естественный ритм/тон текста. В целях его сохранения достаточно было внести исправления, чтобы сократить реплики. Вместо *Już się zaczęła?* стоит использовать более короткий и приблизительный перевод, например:

Piskunow: Trzecia Wojna? Przeze mnie? Już nadchodzi? Ach, idiota!

Юмористический эффект воспроизведен не полностью, но реплика звучит более естественно и достоверно.

4. Выводы

Анализируемая комедия принадлежит к культовым фильмам постсоветского кинематографа. Точно также в Польше существует ряд подобных комедий, в которых, помимо ситуационного контекста и языкового слоя, необходимо знать специфику периода, к которому относится комедия. Это комедия, которая иногда требует от зрителя усилий, чтобы понять специфику юмора и его основную идею. С другой стороны, диалоговый слой нельзя отделить от ситуационного контекста, так как в большинстве случаев он будет непонятным.

Главным источником юмора в комедии *Ширли-мырли* – является игра слов, основанная на различных элементах, таких как неоднозначные слова, фразеология, имя одного из персонажей, пословица и омофония. Другими источниками юмора в анализируемых диалогах являются влияние рифмы на текст и неумелое использование языка персонажами, а также средства выразительности, такие как неверно поставленные акцент и интонация.

Правильное восприятие польского перевода может вызвать затруднения, поскольку переводчик во многих моментах забывает, что работает с жанром комедии. Реплики актеров неестественны, иногда слишком формальны. Юмористические элементы в польской версии не сохранились. Возможные трудности с интерпретацией реплик были обусловлены культурными элементами, которые часто в переводческих исследованиях означали, что юмор нельзя было успешно перевести. Кроме того, языковая система и технические ограничения могут отрицательно повлиять на конечный результат перевода. Можно с уверенностью сказать, что в польской версии содержание диалогов с юмористическими элементами сжато.

ЛИТЕРАТУРА

- Jędrzejko E., *Strategia tekstotwórcza a gry językowe w literackich nazwach własnych* [w:] *Gry w języku, literaturze i kulturze*, red. E. Jędrzejko, U. Żydek-Bednarczuk, Warszawa 1997, 65-76.
- Raphaelson-West D.S., *On the Feasibility and Strategies of Translating Humour*, „Meta: Translators' Journal”, 1989, 34/1, 128-141.
- Sowińska I., *Złoty wiek burleski*, [w:] *Historia kina*, Tadeusz Lubelski, Iwona Sowińska, Rafał Syska (red.), Kraków 2012, 545-616.
- Trendowicz M., *Феномен Штирлица. Образ советского разведчика в русском языке*, Gdańsk 2019.
- Vandaele J., *Humor Mechanisms in Film Comedy: Incongruity and Superiority*, „Poetics Today”, 2002, 23/2, 222-249.
- Vandaele J., *Introduction. (Re-)Constructing Humour: Meanings and Means*, „The Translator”, 2002, 8/2, 149-172.
- Wojtasiewicz O., *Wstęp do teorii tłumaczenia*, Warszawa 1996.

ОНЛАЙН-ИСТОЧНИКИ

- Фундаментальная электронная библиотека „Русская литература и фольклор” (ФЭБ), [online], <https://kartaslov.ru.значение-слова/только+через+мой+труп>
- Encyklopedia PWN, [online], <https://encyklopedia.pwn.pl/haslo/slapstickowa-komedia;3976350.html>
- Szirli-Mirli, *Opis filmu, FILMWEB+*, [online] <https://www.filmweb.pl/film/Szirli+-+Myrli-1995-101671/descs>

HUMOR IN POLISH TRANSLATIONS OF FILMS BY VLADIMIR MENSHOV

Summary

This article deals with the topic of translation of humorous elements in films. An example was the replicas and dialogical situations from the comedy film *What a Mess!* (Russian: Ширли-мырли) directed by Vladimir Menshov. The author tries to study the sources of humor in the original, then analyze the translation into Polish, taking into account the difficulties the translator faced.

Keywords: audiovisual translation, humorous translation, comedy

Ольга ОЛЕХНОВИЧ

Уральский государственный медицинский университет, Россия
ORCID: 0000-0001-9744-1774

КОМПОЗИЦИОННО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА И РЕЧЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДОКУМЕНТА «ДОКТОРСКАЯ СКАЗКА» (НА ПРИМЕРЕ ДОКУМЕНТОВ АПТЕКАРСКОГО ПРИКАЗА XVII В.)

Ключевые слова: докторская сказка, формуляр, медицинский документ, речевая организация

Период XVII века в России характеризуется появлением медицины. Этому способствовало создание государственного медицинского учреждения Аптекарского приказа, который распоряжался всем медицинским делом. В условиях сложившейся документной системы новая дисциплина остро нуждалась в документальном сопровождении. По этой причине создаются совершенно новые медицинские тексты.

Средневековая медицинская письменность имела в основном компилятивный характер, основная задача которой состояла в сохранении известных текстов. В рассматриваемый период в целом происходил постепенный перенос акцента на творческий характер языкового акта. На это указывали многие исследователи. Так, В.В. Иванов отмечал «Начиная с победы рационального научного мышления в XVII-XVIII вв., основная установка заключается не в сохранении уже существующего текста, а в создании нового текста, который должен быть принципиально отличен от всех ранее существовавших...»¹.

Достаточно большое количество новых медицинских текстов находится в «Документах Аптекарского приказа (далее ДАП)». Они отличаются жанровым разнообразием. Это описи (медицинских инструментов, лекарств); списки (больных, медицинского персонала); платежные отписки; рецепты; справки и даже научные сочинения. Но, пожалуй, основная нагрузка ложится на «сказки».

¹ В.В. Иванов, *О взаимоотношении динамического исследования эволюции языка, текста и культуры* [в:] *Исследования по структуре текста*, Москва 1978. с. 9

Из медицинских документов того периода «сказка» как жанровая разновидность деловой письменности начинает формироваться в конце XVI в. Название этого вида документа, вероятно, получило в результате исторического развития слова ‘съказъ’ «– повѣствованіе, сказаніе; – объясненіе, толкованіе».² Словарь А.Л. Дювернуа дополнил «Материалы ...» И.И. Срезневского: Сказка – «составляемый по требованию администрации или суда документ, содержащий известные его автору сведения о деле». «Сказка – *indicium* и *narratio*»³; «*indicium*, -i n заявление, показание, донос»⁴; «*narratio*, -onis f повествование, рассказывание чего-нибудь, подробность какого-нибудь случившегося или могущего случиться действия, дела»⁵.

По определению А.Н. Качалкина, «Сказки – это письменные показания по определенному вопросу. Подавались они по разным поводам, когда администрации нужны были сведения по какому-либо делу, известные авторам сказок»⁶.

С содержательной стороны в ДАП выявляются три основных документа медицинского содержания – «лекарская сказка», «аптекарская сказка» и «докторская сказка», авторами которых были разные медицинские специалисты. Каждая разновидность «сказки» преследует определенные цели, потому наполнена соответствующим содержанием. У каждой имеется свой формуляр со стандартной языковой структурой. Несмотря на тематические различия и многочисленные варьирования во всех «сказках» наблюдается тенденция к унификации и использованию своего набора штампов.

Мы предприняли попытку лингвистического анализа жанра «докторская сказка» – одного из основных медицинских документов, которые создавали самые квалифицированные специалисты – иностранные доктора.

В качестве источников нами были использованы рукописные тексты Аптекарского приказа, большая часть которых хранится в Российском Государственном Архиве Древних Актов (РГАДА) в г. Москве за 1629-1716 гг. Фонд 143 оп. 1 и 2; опубликованные Н. Е. Мамоновым документы в С.-Петербурге в 1881-1885 гг. в «Материалах по истории медицины в России» (1300 с.), вып. I-IV; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 3 (1613-1645 гг.), СПб тип. Экспедиции Государственных бумаг, 1841 – 538 с.

² И.И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Том III, Санкт-Петербург 1912, с. 715.

³ А.Л. Дювернуа, *Материалы для словаря древнерусского языка*, Москва 1894, с. 188.

⁴ И.Х. Дворецкий, *Латинско-русский словарь*, Москва 2000, с. 392.

⁵ И.Я. Кроненберг, *Латинско-русский лексикон*, Москва 1834, с. 78.

⁶ А.Н. Качалкин, *Жанры русского документа допетровской эпохи*. Часть II, Москва 1988, с. 82.

Рассматриваемые документы относятся к жанру «докторская сказка», самый ранний из которых датируется 1643 г. Для анализа используются 150 текстов. Такой широкий охват исследуемого материала предоставил возможность учесть все имеющиеся на тот период особенности формирования документов.

«Докторские сказки» представляют собой истории болезней – Сказка, данная в Аптекарском Приказе докторами Иоганом Белау и Артманом Граманом о болезни Горихвостова⁷, Сказка доктора Ивана Белово о болезни Григорья Горихвостова⁸, Сказка доктора фон Гадена о болезни стольника князя Якова Лобанова-Ростовского⁹, Сказка доктора Самуила Калмина о болезни гетмана Яна Гасевского поляка Яна Игнатова¹⁰; Сказка доктора Самуила Калмина о болезни Гетмана Яна Гасевского поляка Яна Игнатова¹¹; сочинения научного характера – Сказка докторов Иогана Белау и Артмана Грамана о лечении болезни «angina»¹², Сказка докторов Артмана Грамана и Иогана Белау (данная Федору Ивановичу Шереметеву) о том, как распознать и лечить горловую болезнь от лихого поветрия¹³; Сказки, данные в Аптекарском приказе докторами Андреем Энгельгардтом и Львом Люцифинусом – Богдановичем о том, какую целебную силу имеет кость единорога¹⁴, «Сказка» доктора Коллинса о целебных свойствах валериановой травы и лапушника¹⁵; показания об освидетельствовании – Сказка доктора Андрея Матвеева (Энгельгардта) об освидетельствовании человека боярина Морозова – Акинфия Мижуева и об оказавшейся у него болезни «арзиполас скорбустиком»¹⁶; Сказка доктора фон Гадена об освидетельствовании царских певчих дьяков Федора Андреева и Григория Степанова¹⁷; Об освидетельствовании царского комнатного истопника Якова Сергеева¹⁸; Об освидетельствовании доктором Блюментростом дворянина Семена Кутузова¹⁹; рекомендации конкретным больным – Сказка доктора

⁷ РГДА, ф.143, *Аптекарский приказ*, 1643, оп. 1, ед. хр. 127.

⁸ *Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею*, т. III, Санкт-Петербург, 1841.

⁹ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1679, оп. 2, ед. хр. 1280.

¹⁰ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1661, оп. 2, ед. хр. 495.

¹¹ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1661, оп. 2, ед. хр. 496.

¹² РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1643, оп. 2, ед. хр. 131.

¹³ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1643, оп. 2, ед. хр. 133а.

¹⁴ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1656, оп. 2, ед. хр. 194.

¹⁵ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1665, оп. 2, ед. хр. 741.

¹⁶ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1657, оп. 2, ед. хр. 292.

¹⁷ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1677, оп. 2, ед. хр. 1189.

¹⁸ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1661, оп. 2, ед. хр. 1175.

¹⁹ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1678, оп. 2, ед. хр. 1206.

Льва Личифинуса о том, как можно излечить жильца Черткова предающегося рукоблудию²⁰; докторские отчеты – Сказка окулиста Иоганна Шартлина о вылеченных им больных²¹; медицинские экспертизы – Сказка докторов Льва Личифинуса, Энгельгардта, Артмана Грамана о том, по осмотре им на дворе Богородицкого протопопа умершей жонки бывшей в беременности²².

Отметим неустойчивость самого названия. Помимо жанра «докторская сказка» встречаются другие названия документов, имеющие характерные жанровые признаки, – «показания» (Показания докторов Блюментроста и Зоммера о причине смерти боярина кн. И.А. Воротынского²³; «дело» (Дело о лечении стольника Матюшкина²⁴; «расспросные речи» (Расспросные речи докторов Фандергунста и Андрея Келлермана о причине смерти Федора Налидинского²⁵. Встречаются документы без какого-либо названия (Об освидетельствовании доктором Пантанусом Архимандрита спаса Андрониева монастыря Никона²⁶).

Разные названия одного документа – довольно распространенное явление. Это явление отмечает Ф.П. Сергеев: «Многие из однословных терминов функционировали как синонимы (или как эквивалентные обозначения)²⁷. Он считает, что разные названия документа могли быть связаны с разными ключевыми словами текста чаще всего с глаголами, с различным объемом содержания названий, с разным значением документа для субъекта и объекта и другими причинами. Отметим, что в ДАП превалирует документальный жанр «сказка».

Авторами «сказок» были иностранные специалисты, они создавали текст на латинском языке на основе композиционно-стилистических традиций, принятых в европейской медицинской практике. Тексты переводились на русский язык. При этом переводчики стремились не только точно передать содержание, они старались сохранить структуру текста. Многим удавалось сохранить стилистику текста.

Структура и стилистика текста на русском языке оформлялась по образцу оригинальных текстов, традиции составления такого текста уже имелись в европейской медицинской практике. В структуре текста стали

²⁰ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1658, оп. 2, ед. хр. 344.

²¹ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1677, оп. 2, ед. хр. 1182.

²² РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1668, оп. 2, ед. хр. 300.

²³ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1679, оп. 2, ед. хр. 1294.

²⁴ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1679, оп. 2, ед. хр. 1288.

²⁵ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1682, оп. 2, ед. хр. 1361.

²⁶ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1676, оп. 2, ед. хр. 1136.

²⁷ П.Ф. Сергеев, *Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв.*, Кишинев 1971, с. 211.

применяться важные параметры, которым раньше не придавали значение. Текст стал более целостным и связанным не только на уровне общего смысла, но и формальными признаками. Части текста зависимы друг от друга и представляли собой среду функционирования языковых единиц.

Приведем в качестве примера текст на латинском языке и соответствующий перевод текста на русском языке:

Показания докторов Блюментроста и Зоммера о причине смерти кн. Н.А. Воротынского (оригинал на лат. и перевод на рус.)

Actum d. 24 Julii 1679

Illustrissimus Knesius ac Dominus, Dr. Johans Aleksewitz Waratynsky, Cesilii intimintis Begii Senator, in concessu preconum male sese incipit habere et de summa cordis angustia conqueri: unde monitus domum transvehitur, male subinde sucto, et succedente vomitu pauculae materiae phlegmaticae subito concidit et violenta morte exstinguitur citra sterlorem statim succedente colore faciei et unguium livide, totinsque corporis frigore.

Quesiti de genere affectus, ex quo Illustrissimus, hic princeps tam subito fuit exstinctus?

Respondemus, malum hoc aliud non fuisse, quam Syncope n Cardiacam ex subita interceptione venarum et arteriarum ad cor pertinentium, unde calor natives et spiritus vitalis fuit suffocatus et exstinctus, male procul dubie exorto ab insigui crudiate circa hypochondria haerente, quae cruditas frequens est hodiernae Sufficationis Hypochondricae.

De caestro nullam hic neque veneni accepti aequae maligni et contagiosi esse suspicionem ex Artis fundamentis certi sumus, ad hanc visitationem reduisti.

Laurentius Blumentrost D. mpp.

Sigmund Somer. Mpp.

[*Knesius и прославленный Господь, доктор Йохан Aleksewitz Waralynsky, Cesilii intimintis*]

...Июля в 25 день, дохтуры Лаврентей и Симон, об осмотре боярина князя Ивана Алексеевича Воротынского подали скаску на латинском языке за своими руками.

А по переводу с той скаски Посолского Приказу переводчика Стахея Гадалова написано:

[1679 году июля в 24 день, велиможнейший господин Иван Алексеевич Воротынской, совета царского боярин, быв на сидении, начал болезновати и жалобу предлагати о зельной болезни сердечной и стеснении; того ради поволено ему домой ехать; и дома такожде изнемогающе зельнее, и нашедшей блевоте мало нечто мокроты выкинув – абие после блевоты внезапною смертию угасает последующи изменение лица и нохтей синости и всего тела студеность.

Вопрошаеми бываемъ о роде или начале болезни, которую велиможнейший сей князь толь внезапно умре.

Отвещаеми: сие злое ничто иное быть (могло) точию изнеможение сердечное, з внезапного захвату жилного к сердцу належащаго; отсюда теплота естественная и дух животный угашен быст; бес сумнения же болезни сей начавшейся от знатной жестоты и колотьа в воздухах, которе частое колотье нынешняго возжения вздушиного есть виною.

О прочем же, никакому зазору zde бытиш, ни отравы взятой, ни падучей болезни отъ основания науки известни есмы, на семь посещения и досмотре были вопрошаеми.

Внизу приписано: Дохтур Лаврентей Блюменторост. Дохтуръ Симан Зомер]²⁸.

На примере мы видим довольно сложный медицинский документ. При сравнении двух текстов (оригинального на латинском языке и переведенного на русском языке) мы видим, что они имеют одинаковую структуру. В русском переводе соблюдаются грамматические и стилеобразующие средства. Переводные документы сделаны по западно-европейскому образцу. Развертывание текста идет последовательно. Каждый отрезок текста представляет собой смысловое и стилевое единство, он формируется на базе языковых средств, нацеленных на реализацию информативности. Что касается лексических средств, то в русском тексте в силу слабой терминологичности используются в основном внутренние лексические средства: анатомические термины (*сердце, вздухи* 'легкие', *лицо, нохти*; клинические: названия болезней (*зельная* 'острая' *сердечная болезнь, падучая болезнь* 'эпилепсия', *свербежь* 'чесотка'); названия симптомов, выраженные в основном отглагольными существительными, – *блевота, стеснение, внезапной захват, изнеможение сердечное, колотье во воздухах, колотье* 'сердцебиение', *студеность, мокрота* и др.

В тексте в полной мере реализуется функционально-семантический потенциал языковой системы. Русский текст, следуя латинскому образцу, насыщается причастиями, усилительными частицами, указательными местоимениями, вводными словами. Используются синтаксические конструкции, не характерные для русского текста. В стилевых характеристиках «докторская сказка» сближается с церковнославянским текстом, тем самым принимая черты литературности.

Большинство «докторских сказок» – «предшественники» истории болезни. Они ограничивались 8-10 строками обычно с тремя неравными по объему структурно-тематическими частями: реквизитной, основной и заключительной.

²⁸ РГДА, ф. 143, *Аптекарский приказ*, Москва 1679, оп. 2, ед. хр. 1294.

Композиция документов определяется их жанрово-видовой принадлежностью и реквизитным составом. В водной части обычно указывалась дата (*166-го (1657) Апреля в 12-й день*). Реквизиты – это обязательные содержательные и формальные элементы, придающие документу юридическую силу. В подавляющем большинстве случаев синтаксически и графически выделены из текста, поэтому с лингвистической точки зрения представляет интерес их речевое выражение.

Основная часть обычно включала в себя расспросную (*жилец Иван Чертов в роспросе сказал*) и описательную (*И дохтур, смотря Ивана Чертова, сказал, что тот блуд учинился у него от порчи и от кручины; осмотрил он дохтур у него болезнь некую паралезную особную, и сухия жилы ведет и ноги и руки трясутца и ходить не может; и за такою болезнью ему Государевы службы служить не мочно; Лекарь Иван Албанус смотря болезни маерова полку Ивана Воронина капитана Якова Тимофеева сына Чирикова, сказал...*).

Заключительная часть включала в себя диагностику и перспективы лечения (*излечить тое руки у него не мочно ж, потому что та болезнь застарелась*). Заканчивался документ подписью врача. (*Внизу приписано: Дохтур Лаврентей Блюментрост. Дохтур Симан Зомер*).

Отличительной особенностью «докторских сказок» являлось обязательное присутствие медицинской лексики, которая именно в рассматриваемый период по мнению Виноградова «обогащается интернациональными терминами, воспринимаемыми через посредство не только греческого, но и ученого международного языка средневековой европейской науки – языка латинского»²⁹.

В «докторских сказках» встречаются практически все известные в России XVII века медицинские термины, на базе которых происходило формирование новой терминосистемы. Русская терминология в тот период пополнялась в основном за счет заимствований, прежде всего, из латинского языка, реже использовался местный строительный материал. Это связано, во-первых, с более развитой терминологией, используемой в западных странах и, во-вторых, со слабой нормированностью русского языка. Русский язык того периода не мог в полной мере выполнять терминологические задачи, поэтому начавшаяся терминологизация строилась по западному образцу. Языковые средства, хоть и имели заимствованную лексику, но отбирались с максимальным использованием внутренних языковых ресурсов –

И в Аптекарском Приказе доктор Лаврентей Блюментрост да лекарь Миколой Снед... стрелцов... осматривали и дали скаску за своими руками, а в скаске написано: увечья – де у тех стрелцов – у Паршки в – левой ноге

²⁹ В.В. Виноградов, *История русского литературного языка*, Москва 1978, с. 190.

*становые жилы свело*³⁰; *а у Гришки-де левая рука от пушечного убою вся высохла, а стрелецкая служба служить им не мочно*³¹; *лицо все осыпалось и по нем пупыря*³²; *у него болезнь чечуйная, и от того бывает у него изтечение кровавое*³³; *Марта в 19 день сказка дохтура Лаврентья у него на обеих глазах бельма и от того он мало видит а часть что он теми глазами впредь видеть не будет*³⁴.

В документах такого типа часто используются термины с недостатком номинативности – *сердечная* (вместо ‘сердечная болезнь’) и *ноги опухли* (вместо ‘опухоль ног’).

В «сказках» помимо медицинских терминов огромная роль принадлежит глагольным формулировкам и фразеологизмам – *лежит при смерти*; *становые жилы свело*; *сухия жилы ведет*; *ноги и руки трясутца*; *и одышка и дыханье занимает*; *у сыночка моего спинку изломил*; *рука переломлена*; *жилы перерваны*.

Реже используются краткие прилагательные (*мой сынишка скорбен и увечен*). Полные прилагательные выполняли роль определения к слову ‘болезнь’ (*болезнь чечуйная*; *водяная в животе*) или к названию симптомов болезней (*на руках опухоль великая*). Для уточнения автор прибегал к помощи предлогов и наречий – *по правой руке ниже плеча по мышке*; *межь большого пальца*.

Термины представлены не изолированно от текста – с одной стороны они указывают, на разновидность термина, с другой, – подчеркивают функционально-прагматическую направленность. Их репрезентативная форма отнюдь не являлись препятствием для варьирования языковых средств внутри жанра и внедрения в его структуру локальных, диалектных показателей. Близость к народно-разговорной стихии вызвала реформы и в других жанрах традиционной письменной культуры, выдвигая при этом деловую письменность в разряд одного из основных претендентов на общенациональные языковые права. Способность медицинского текста воспринимать, использовать и по-своему интерпретировать сближало его, главным образом, в стилевых характеристиках с церковнославянской сферой, придавало черты литературности. Деловая письменность и в том, и в другом случаях не ассимилировалась, не стала промежуточным звеном в цепи культурно-языкового развития, а лишь упрочила свои позиции как мощная, организованная и в то же время незамкнутая система.

³⁰ Н.Е. Мамонов, *Материалы по истории медицины в России*, Санкт-Петербург 1881-1885, с. 814.

³¹ Там же, с. 815.

³² Там же, с. 1110.

³³ Там же, с. 1120.

³⁴ Там же, с. 795.

В организации композиции текста, его формуляра в качестве опорных звеньев текста выступает не только медицинская лексика, но и стереотипные выражения медицинского характера, образуемые определенными лексико-фразеологическими единицами, синтаксическими конструкциями – *в роспросе сказал; смотря болезни; по осмотру; за своими руками; по его докторову рассмотрению*. В этой роли отрезки текста, обладающие смысловым и стилевым единством, являются частью целостного высказывания и помогают выстроить в тексте причинно-следственные связи. Особо следует выделить финальные конструкции – *лечить не мочно, по тому что болезнь застарела; излечить не мочно жь; болезнь застарелась*.

Речевые обороты выполняют не только формально-структурную функцию. Они несут историческую, лингво-культурную информацию, отражают особенности социальной коммуникации в медицинской среде и могут быть рассмотрены в разных лингвистических парадигмах. Используемые формулы речевого этикета отражают особенности общения в соответствующей социальной сфере. Употребление ряда языковых единиц связано с традициями деловой письменности.

Как говорилось выше, речевая структура документных текстов, помимо названных аспектов, представляет собой среду функционирования языковых единиц, реализуя тем самым функционально-семантический потенциал языковой системы наименований и подходы к интерпретации медицинского акта средствами русского языка.

Отсутствие нормированности в русском языке в XVII в. с одной стороны, создает языковые варианты, с другой, – предоставляет огромные возможности для выбора.

Медицинский документ «докторская сказка» формировался в результате взаимодействия международного медицинского и русского делового текста. По своим функционально-семантическим признакам «сказка» выходит за рамки традиционного делового текста, создавая строго фиксированный сценарий со своей прагматикой и специальными средствами формальной организации.

Структура текста с одной стороны, дисциплинирует автора, ограничивает его рамками определенных лексических, грамматических, стилистических средств, с другой, – помогает быстрой организации текста.

Некоторые «сказки» напоминали тексты компилятивного характера, но отличие от них в современных появлялись новые признаки: они отличались меньшим объемом, латинские названия сопровождались не только переводом, но и интерпретацией. Имела место реорганизация структуры, прежде всего, отказ от условной подчинительной связи в пользу сочинительной. Появились новые стилистические приемы.

На формирование документа «сказка» в России значительное влияние оказали медицинские тексты на латинском языке, которые уже имели некий «языковой стереотип». Это связано не только с гармонизацией межкультурных средств, которые имели греко-латинское происхождение, но и с организацией текста. Репрезентативные возможности у каждого автора индивидуальны, поэтому, так или иначе, внутри документа имело место варьирование языковых средств, но такие внедрения в структуру текста не являлись препятствием.

Несмотря на то, что русский язык в XVII в. еще окончательно не сформировался, языковая вариативность, непоследовательность номинации от экономических до громоздких наименований, не помешали заложить основы организации специального текста. Медицинская документация постепенно выделялась в отдельную группу со своими характерными номинативными и функциональными особенностями, выполняя свою особую терминологическую роль в языке медицины рассматриваемого периода.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты историческіе, собранные и изданные Археографическою комиссією*, т. III, Санкт-Петербург, 1841, 538 с.
- Виноградов В.В., *История русского литературного языка*, Москва 1978.
- Дворецкий И.Х., *Латинско-русский словарь*, Москва 2000.
- Дювернуа А.Л., *Материалы для словаря древнерусского языка*, Москва 1894.
- Иванов В.В., *О взаимоотношении динамического исследования эволюции языка, текста и культуры* [в:] *Исследования по структуре текста*, Москва 1978, с. 5-26.
- Качалкин А.Н., *Жанры русского документа допетровской эпохи*, часть II, Москва 1988.
- Кронеберг И.Я., *Латинско-русский лексикон*, Москва 1834.
- Мамонов Н.Е., *Материалы по истории медицины в России*, под ред. С.С. Строева, М.А. Коркунова, вып. I-IV, Санкт-Петербург 1881-1885 гг., 1300 с.
- Российский Государственный Архив Древних актов (РГАДА), фонд (ф.)143, *Аптекарский приказ*, опись (оп.) 1,2, Москва 1629-1716.
- Сергеев П.Ф., *Русская дипломатическая терминология XI-XVII вв.*, Кишинев 1971.
- Срезневский И.И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Том III. Санкт-Петербург 1912.

COMPOSITIONAL AND CONTENT STRUCTURE AND SPEECH ORGANIZATION OF THE DOCUMENT "DOCTOR'S TALE" (A STUDY OF THE DOCUMENTS OF THE PHARMACEUTICAL ORDER OF THE 17TH CENTURY)

Summary

The article describes the compositional and content structure and speech organization of the medical text of the 17th century "doctor's tale". Its formation was according to Western European models using international terms and internal language resources. About 150 "tales" of various

topics - medical histories, testimonies for examination, medical examinations - were selected for research. Their authors were foreign experts, they created the text in Latin on the basis of compositional and stylistic traditions adopted in medical practice. Collocations, clichéd medical phrases played a significant role in the organization of the composition of the text, its form. Each document had a strictly fixed form with its pragmatism and special resources of formal organization. Most of the "doctor's tales" are "predecessors" of the medical history, were limited to 8-10 lines, usually with three structural and thematic parts unequal in volume: requisite, main and final ones. Weak normalization was reflected at all levels of the language, creating numerous variants.

Keywords: doctor's tale, form, medical text, speech organization

Татьяна СИРОТКИНА

Сургутский государственный педагогический университет, Россия
ORCID: 0000-0003-3494-0968

ЭТНОНИМИКА КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Ключевые слова: русская этнонимика, региональная этнонимия, этнонимы, этнические стереотипы, дискурс, региональная картина мира

Одним из разделов современной русистики по праву является русская этнонимика, объект изучения которой – названия народов, функционирующие в русском языке.

Этнонимика как наука начала активно развиваться в России с семидесятых годов двадцатого века. В 1979 году был издан научный сборник «Этнонимы», в предисловии к которому известный русский лингвист Владимир Андреевич Никонов поставил вопрос, на который до сих пор нет однозначного ответа: относить ли этнонимы в ономастической лексике?

Основным понятием этнонимики является этноним – термин, служащий для обозначения любого этноса (этнической группы, племени, народа, национальности и т.д.)»¹.

Опишем коротко историю развития этнонимики в России.

Во введении к своей работе «История русских этнических названий»² один из ведущих российских этнонимистов Геннадий Филиппович Ковалев справедливо отмечает, что русская этнонимия уже давно интересует исследователей. Нет практически ни одного труда по истории России, где в той или иной мере не затрагивался бы вопрос о названиях народов, населявших нашу страну в древности.

Серьезно занимался этнонимией русский историк XVIII века В.Н. Татищев. Почти весь первый том его «Истории Российской» посвящен анализу этнонимов славян и их соседей. Первым, кто в отечественном языкознании занялся именно лингвистической разработкой вопроса о функциони-

¹ Н.В. Подольская, *Словарь русской ономастической терминологии*, Москва 1978, с. 167.

² Г.Ф. Ковалев, *История русских этнических названий*, Воронеж 1982.

ровании и словообразовании названий людей по месту жительства и национальности (катоиконимов и этнонимов), был выдающийся русский языковед и историк М.В. Ломоносов. В его «Российской грамматике», изданной в 1755 году, мы находим замечания по поводу правильного написания этнонимов, их образования.

В XIX веке внимание ученых, как историков, так и лингвистов, к этнонимии не ослабевало. В грамматиках А.Х. Востокова, Н.И. Греча, Ф.И. Буслаева затрагивались вопросы словообразования этнонимии и катоиконимии. Весомый вклад был внесен такими исследователями, как Г.П. Павский и А.А. Потенбя.

В начале XX в. (в основном в досоветский период) многое для развития российской этнонимии сделали такие известные русские лингвисты, как А.И. Соболевский, Г.А. Ильинский, А.А. Шахматов. Их научные интересы касались главным образом вопросов этимологии, восстановления древнейших славянских этнонимов, суффиксального оформления названий народов.

В середине XX века значительный вклад в развитие теоретических положений этнонимии внесла статья А.И. Попова «К вопросу об использовании данных этнонимии и топонимии в историческом исследовании»³.

В 60-70-е годы интерес лингвистов к проблемам словообразования и, в частности, словообразования этнонимов стал особенно осязаемым. Было защищено несколько кандидатских диссертаций по темам, тесно связанным с этнонимикой. Это работы В.А. Горпинич «Словообразование прилагательных и названий жителей от топонимов в восточнославянских языках» (Глухов, 1965), Г.И. Петровичевой «Образование имен существительных со значением «лицо по его отношению к местности и национальности» (Глазов, 1967), Е.А. Левашова «Названия лиц по местности в современном русском языке (вопросы словообразования)» (Москва, 1968), А.А. Абдуллаева «Названия лиц, образованные от географических имен и терминов в русском языке XV – XIII вв.» (Москва, 1968), В.И. Супруна «Семантическая и словообразовательная структура славянских этнонимов» (Ленинград, 1976).

В 1973 году была опубликована монография А.И. Попова «Названия народов СССР. Введение в этнонимическую», а в 1979 году – основательный труд Г.А. Хабургаева «Этнонимия «Повести временных лет».

Значительный вклад в развитие русской этнонимии внес профессор Воронежского университета Г.Ф. Ковалев. В 1982 году вышла его книга «История русских этнических названий», а в 1991 – книга «Этнонимия славянских языков».

³ А.И. Попов, *К вопросу об использовании данных этнонимии и топонимии в историческом исследовании*, „Вестник ЛГУ”, 1948, № 3.

Этнонимы исследовались и исследуются лингвистами в самых разных аспектах. Назовем основные из них.

Этимологический аспект. По наблюдениям Г.Ф. Ковалева, «этнонимия рассматривалась раньше лишь в этимологическом аспекте»⁴. Историки, этнографы, географы интересовались вопросами надежности соответствия того или иного этнонима какому-либо этносу в его историческом развитии.

Интересна в плане этимологии классификация В.И. Супруна⁵, который все этнонимы делит на две самостоятельные группы: «внутренние этнонимы» и «внешние этнонимы». Среди этнонимов-самоназваний исследователь выделяет семь моделей:

- этнонимы со значением «народ», «свои», «настоящий человек»;
- этнонимы со значением «говорящие понятно, понимающие»;
- этнонимы, происходящие из тотемных названий;
- патронимические этнонимы;
- ландшафтные этнонимы (по типу местности обитания);
- топонимические этнонимы;
- заимствованные этнонимы.

Среди внешних этнонимов он выделяет пять моделей номинации:

- этнонимы со значением «чужие, враги, немые»;
- этнонимы, называющие этнос по какому-либо внешнему признаку его представителей;
- ландшафтные этнонимы;
- топонимические этнонимы;
- заимствованные этнонимы.

Исторический аспект. В 1992 году опубликовано учебное пособие В.Н. Шапошникова «Историческая этнонимика»⁶. Для данной работы характерен, по словам ее автора, «исторический взгляд на этнонимию». Он рассматривает элементный состав древнерусской этнонимической системы, предметно-логические типы древнерусских этнонимов.

Одной из задач работы А.А. Бурыкина «Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири)» является соотнесение «языковой принадлежности названий с данными об этнической истории региона, где они зафиксированы, и с данными об ареалах

⁴ Г.Ф. Ковалев, *История...*, с. 10.

⁵ В.И. Супрун, *Семантическая и словообразовательная структура славянских этнонимов*, Ленинград 1976, с. 36.

⁶ В.Н. Шапошников, *Историческая этнонимика: учеб. пособие*, Санкт-Петербург 1992.

расселения тех или иных народов, к языкам которых возводятся анализируемые названия»⁷.

Словообразовательный аспект. Словообразование русских этнонимов описывал в своих работах Г.Ф. Ковалев. Его классификация славянских этнонимов включает следующие группы:

- этнонимы бесформантные и практически немотивированные; данный тип приходится в основном на дописьменный этап, этап язычества;
- этнонимы формантные с разнообразными (включая топографические), мотивировками. Данный этап охватывает период конца язычества и начала распространения христианства у славян;
- формантные этнонимы, образованные от хоронимических основ;
- бесформантные (чаще всего неизменяемые) этнонимы, являющиеся, как правило, заимствованными из неславянских языков.

Рассмотрение вопросов, касающихся специфики этнической номинации в славянских языках, позволило автору сделать вывод о том, что «типы номинации в этнических наименованиях почти напрямую соответствуют этапам социально-политического и культурно-хозяйственного развития славянских этносов»⁸.

Семантический аспект. Семантический аспект анализа этнонимов выходит на первый план в диссертации М. Опеловой «Этнонимическая лексика в составе глагольно-именных сочетаний (на материале Новгородской первой летописи)»⁹. Она выделяет семантические типы этнонимов, называющих финно-угорские народы:

- этнонимы со значением «племя, народность, древний, народ, дорусское население»;
- этнонимы, обозначающие современные народы, населяющие Русский Север или смежные территории;
- этнонимы, перенесенные в качестве этнического имени на другой народ.

Этнолингвистический аспект. Поскольку этнонимия «определяется культурой в широком смысле, в том числе связями данного этноса с другими народами»¹⁰, этнонимы как нельзя лучше отражают связь языка и духовной культуры народа, его менталитета. Кроме того, как отмечает А.С.

⁷ А.А. Бурькин, *Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири)*, Санкт-Петербург 2006, с. 19.

⁸ Г.Ф. Ковалев, *Этнос и имя*, Воронеж 2003, с. 107.

⁹ М. Опелова, *Этнонимическая лексика в составе глагольно-именных сочетаний (на материале Новгородской первой летописи): дисс. ... канд. филол. наук*, Волгоград 1982.

¹⁰ В.Н. Шапошников, *Историческая...*, с. 29.

Герд, этнолингвистика (вместе с этнографией, философией, социологией, психологией) «может содействовать уточнению таких краеугольных понятий, как этнос, этническая общность, народ, народность, нация»¹¹. Рассматривая функционирование этнонимов в разных типах дискурса, мы можем проследить, как категория этничности отражает определенный фрагмент языковой картины мира русского народа.

Страноведческий аспект. При обучении русскому языку иностранцев возникает проблема включения в программу таких слов, как этнонимы, а также необходимость систематизировать этот разряд лексики в учебных целях¹². Поэтому в диссертации С.С. Иванова «Этнонимы современного русского литературного языка» решается задача определения страноведческого потенциала этнонимической лексики.

Функциональный аспект. Элементы функционального анализа этнонимов присутствуют во многих исследованиях. Так, например, вторая глава диссертации М. Опеловой «Этнонимическая лексика в составе глагольно-именных сочетаний (на материале Новгородской первой летописи)» посвящена рассмотрению этнонимической лексики как компонента глагольно-именных сочетаний в древнерусском тексте. Очень важно, как отмечает исследователь, рассматривать этнонимы не изолированно, а с учетом микро- и макроконтэкстов.

Функциональный план исследования является ведущим в монографии Г.Ф. Ковалева «Этнос и имя». Особый акцент в ней сделан, как отмечает автор, на функционировании этнонимов в русской литературе.

Лексикографический аспект. Поскольку не решена проблема принадлежности этнонимов к собственным или нарицательным именам, то вопрос о включении их в словари также остается открытым, хотя о необходимости включения этнонимов в словари неоднократно писали лингвисты, например, Е.С. Отин¹³.

Однако к настоящему времени уже созданы общерусские словари этнонимов. Это словарь Р.А. Агеевой «Какого мы роду-племени», «Словарь этнических названий народов России» Г.Ф. Ковалева. Представляется необходимым и создание словарей, отражающих развитие этнонимии отдельных территорий. Важно в связи с этим разработать методику подачи материала в региональном этнонимическом словаре.

¹¹ А.С. Герд, *Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия*, Санкт-Петербург 2005, с. 6.

¹² С.С. Иванов, *Этнонимы современного русского литературного языка: дисс. ... канд. филол. наук*, Ленинград 1987.

¹³ Е.С. Отин, *Русская ономастика в Русской энциклопедии [в] Русская ономастика и ономастика России*, Москва 1994, с. 7-11.

Разумеется, представленный обзор не является исчерпывающим: крайне сложно даже просто перечислить все публикации, относящиеся к исследованию этнических имен.

Рассмотрим основные проблемы, которые служат предметом обсуждения современных этнонимистов. Одна из актуальных – **проблема языкового статуса этнонима**. Этнонимия как разряд лексики имеет двойственный характер. С одной стороны, этнонимы являются нарицательными обозначениями, с другой – традиционно рассматриваются внутри онимической системы в качестве периферийных ее единиц. Двойственный характер имеют этнонимы и с точки зрения теории референции. Они, с одной стороны, являются «идентифицирующими» именами (к которым обычно относят имена собственные), с другой – характеризующими (которыми традиционно являются аппеллятивы). Логичнее всего, на наш взгляд, определение этнонимов как промежуточного звена между именами собственными и именами нарицательными.

Другая актуальная проблема – **границ этнонимии и отдельных этнонимов**. Понятие «этнос» является достаточно объемным по своему содержанию. Кроме названий племен и народов, к этнонимам относят названия этноконфессиональных групп, родов, субэтнических групп. Так, в словаре «Какого мы роду-племени» Р.А. Агеевой¹⁴ наряду с собственно этнонимами (названиями племен и народов) даются и такие наименования, как казаки (субэтническая группа русских) и т.д. Таким образом, существует узкое и широкое значение термина «этноним». При широком понимании в этнонимии входят даже коллективные прозвища, которые исследователи называют «микрoэтнонимами».

На наш взгляд, основой определения границ этнонимии должны являться границы понятия «этнос», определенные этнографами. Этнографическая наука выработала свой аппарат понятий и определений, с помощью которого раскрывается феномен этничности. Основным и определяющим является понятие «этнос» – исторически сложившаяся общность людей, характеризующаяся на стадии этногенеза общностью территории и языка, а также приобретающая в ходе своего развития этническое самосознание и общие черты в материальной и духовной культуре. Важным, безусловно, является и понятие этнической общности. Существуют этнические общности разных уровней и порядков. К одному уровню, например, относятся *русские казаки* или *поморы* в составе русского этноса, к другому – *русские*, к третьему – *восточные славяне*, к четвертому – *славяне вообще*. Для обозначения внутренних подразделений этноса, части этнической общности,

¹⁴ Р.А. Агеева, *Какого мы роду-племени? Народы России: словарь-справочник*, Москва 2000.

этнографы пользуются определением этнографическая группа или этническая группа. Этнографические группы складываются на основной этнической территории и не изолированы от этнического ядра. Этнические группы – те части этноса, которые расселились и функционировали вне основной этнической территории, в большем или меньшем отдалении от нее, в иной лингвокультурной среде.

Таким образом, мы придерживаемся такого определения границ этнонимии, при котором в поле исследования попадают этнические общности разных уровней. Однако ученый, описывающий эти разные типы общностей, должен обязательно помнить, об этносе какого уровня идет речь.

Проблема развития этнонимикона. Она касается не только этнонимикона определенного языка, но и региональных этнонимиконов. Например, со временем могут расширяться границы этнонимического поля. На примере этнонимикона Пермского края можно проследить, что в него, помимо имен народов, исторически освоивших данную территорию, в данный момент входят такие этнонимы, как *цыгане, армяне, таджики* и многие другие.

Проблема функционирования этнонимов в разных сферах речевой коммуникации. Этнонимы – это и научные термины, и единицы разговорно-бытового общения, и средства художественного описания. В различных сферах речевой коммуникации они выполняют определенные роли, отличаются особенностями функционирования.

Только описав функционирование этнических имен в разных типах дискурса, мы сможем представить более полную картину этнонимикона в целом.

Проблема взаимодействия этнонимии с другими лексическими системами. Поскольку этнонимия имеет двойственный характер, логично рассматривать взаимодействие ее 1) с системами имен собственных (прежде всего топонимов и антропонимов), 2) с системой нарицательной лексики определенной территории.

Взаимодействие этнонимической и топонимической систем проявляется в наличии этнотопонимов, например ойконимов, имеющих в основе этноним. Но связь ойконима с этнонимом может быть как прямой, так и опосредованной (через антропоним).

Такие же сложные связи отмечаются во взаимодействии этнонимии и антропонимии. Человек мог получить прозвище, давшее впоследствии фамилию, не по этнониму, а по нарицательному слову живой диалектной речи, например, *зырянин* в Прикамье могли назвать человека, который тарасит глаза (от глагола *зырять* «смотреть»).

Отражению этнических имен в апеллятивной лексике посвящены лишь отдельные статьи. Вместе с тем использование этнических имен в качестве

нарицательных характеристик человека – явление очень распространенное и требующее особого исследования.

Проблема категоризации этнической семантики. При исследовании любых языковых категорий неизбежно встают вопросы их структурной организации. Эти вопросы решаются лингвистами по-разному. Один из подходов можно назвать «ярусным» – описываемая категория, представляющая определенный формат знания, членится на ярусы, путем отнесения к каждому из них базовых слов-идентификаторов. При исследовании регионального этнонимикона также необходимо выяснить, каким образом происходит категоризация этнической семантики, какие концепты образуют категорию этничности.

Проблема системной организации этнонимической лексики. Названия народов, функционирующие в рамках определенной территории, безусловно, образуют некую систему взаимосвязанных единиц. Эту систему, на наш взгляд, логичнее всего представить в виде семантического поля. Однако вопросы конструирования регионального поля этнонимии в современной науке остаются открытыми.

Проблема изучения этностереотипов. В рамках той или иной этнической культуры формируются представления о различных этносах. Эти представления отражаются в языковой картине мира через набор оценочных смыслов, которые, в свою очередь, находят отражение в национально-культурных стереотипах. При описании региональных этнонимиконов также не обойтись без анализа проблем этнических стереотипов.

Таким образом, этнонимика – возникшее не так давно, но активно развивающееся направление современных лингвистических исследований. Актуальных проблем в этнонимии достаточно, и решение их требует от лингвистов многого: привлечения для анализа местного языкового материала, использования новых научных методов, тщательного описания истории развития и современного состояния региональных этнонимиконов, а также лексикографической обработки материала и создания словарей.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Р.А., *Какого мы роду-племени? Народы России: словарь-справочник*, Москва 2000.
- Бурыкин А.А., *Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири)*, Санкт-Петербург 2006.
- Герд А.С. *Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия*, Санкт-Петербург 2005.
- Иванов С.С. *Этнонимы современного русского литературного языка: дисс. ... канд. филол. наук*, Ленинград 1987.
- Ковалев Г.Ф., *Этнос и имя*, Воронеж 2003.

- Ковалев Г.Ф., *История русских этнических названий*, Воронеж 1982.
- Опелова М., *Этнонимическая лексика в составе глагольно-именных сочетаний (на материале Новгородской первой летописи): дисс. ... канд. филол. наук*, Волгоград 1982.
- Отин Е.С. *Русская ономастика в Русской энциклопедии* [в] *Русская ономастика и ономастика России*, Москва 1994.
- Подольская Н.В., *Словарь русской ономастической терминологии*, Москва 1978.
- Попов А.И., *К вопросу об использовании данных этнонимии и топонимии в историческом исследовании* [в] *Вестник ЛГУ*, 1948, № 3.
- Супрун В.И., *Семантическая и словообразовательная структура славянских этнонимов*, Ленинград 1976.
- Шапошников В.Н. *Историческая этнонимика: учебное пособие*, Санкт-Петербург 1992.

ETHNONYMICS AS ACTUAL DIRECTION OF MODERN RUSSIANS

Summary

In the report, based on the material of Russian regional ethnonymy, the problems of modern Russian ethnonymy will be considered: the analysis of the composition and structure of the ethnonymicon, the functioning of ethnic names in different types of discourse, the representation of ethnic associations and stereotypes. Analyzing the functioning of ethnonyms in the living speech of native speakers, in literary texts, the author comes to the conclusion that one of the main semantic components of the ethnonymicon is the opposition “we - they”, “ours - others”. This opposition is represented not only by ethnic names proper, but also by ethnotoponyms, ethnoanthroponyms, ethnonyms in comparative and phraseological phrases. Thus, in the regional picture of the world, through ethnonyms, cultural contacts of different ethnic groups are reflected, such features of ethnic images as the language of an ethnic group, typical traits of character and behavior, peculiarities of religion, traditional occupations of representatives of a certain nationality are represented.

Keywords: Russian ethnonymy, regional ethnonymy, ethnonyms, ethnic stereotypes, discourse, regional picture of the world

Евгений СТЕПАНОВ

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Украина
ORCID: 0000-0002-5441-9822

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ОДЕССЫ)

Ключевые слова: топонимия города, урбанотопонимы, природные факторы, социальные факторы, Одесса

Первичными при формировании большинства топонимических систем являются естественные (природные) факторы: геофизический, географический, климатический, экологический. Так, в любой местности можно встретить топонимы, находящиеся в антонимических отношениях по признаку величины, цвета, высоты расположения относительно друг друга, удаленности или направленности от условного центра. Например, поселки Великодолинское и Малодолинское в Овидиопольском районе Одесской области возникли в XIX веке как поселения немецких колонистов *Большой (Гросс) Либенталь* и *Малый (Кляйн) Либенталь*; *Рио-Бланко (Rio Blanco)* и *Рио-Негро (Rio Negro)* в Южной Америке (сравните: реки *Белые* и *Черные* в России); *Верхнеудинск* и *Нижнеудинск*; *Восточное Самоа (Eastern Samoa)* и *Западное Самоа (Western Samoa)*. Первоначальные наименования географических объектов обычно связаны с природными особенностями этого объекта. Например, город *Голд-Кост (Gold Coast)* в Австралии и пляж *Золотой Берег* в Одессе; *Карадаг* в Крыму, *Черные горы* к северу от Скалистого хребта Большого Кавказа, горный массив *Шварцвальд (Schwarzwald)* в Германии, *Монтенегро (Montenegro)* – итальянское название *Черногории* на Балканах.

Вторичными в процессе формирования топонимических систем являются социальные факторы: исторический, политический, идеологический, этнический, культурный, экономический, – часто выступающие в комплексе. Так, улица *Балковская* в Одессе получила свое название по геофизическому признаку местности, в которой она расположена (*Водяной бал-*

ке). Однако за основу взято не русское литературное *овраг*, не украинское *яр*, *яруга*, а используемое на юге России и в степной зоне Украины слово *балка*. Известно, что Одесса расположена в засушливой степной зоне. По поводу появления на карте города в XIX в. в районе Пересыпи улицы Лесной выдвигается несколько версий. В основе историко-экономической версии – производные ЛСВ лексемы лес: доски, пиломатериалы, дрова. Здесь, в непосредственной близости от порта и железной дороги, находились лесной склад И. Левитина и лесопильный завод Русского Общества Пароходства и Торговли. Сегодня их нет, а улица окружена другими промышленными предприятиями. Мы в качестве ведущей выдвигаем эколого-историческую версию, лингвистической базой которой является основной ЛСВ лексемы *лес*: участок земли, где растет много деревьев. Немногие одесситы сегодня знают, что в конце 20-х годов XIX в. здесь, на пересыпских песках, под руководством Ганса Германа в целях борьбы с пылью и сыпучим грунтом, угрожавшим городу и порту, было высажено 200 десятин лесных плантаций и 15 десятин лесных школ¹. Этот лесопарк, называвшийся *Левшинской плантацией*, по площади превышал все вместе взятые парковые зоны Одессы середины XIX в.² Отсюда же начинается дорога на Хаджибейский лиман, на берегу которого в 20-е годы XIX века был создан лесопарк с прудом³. Некоторые одесситы склонны думать, что здесь начиналась дача градоначальника (*Ришельевская дача*, *Дюковский сад*), поскольку улица ведет к устью Водяной балки, в которой и находится нынешний Дюковский парк. Есть горожане, которые думают, что на слободских склонах рос в начале XIX в. лес, а улица упиралась в эти склоны.

Кроме того, в устье балки находился *Городской став*⁴. Имеется также мнение о том, что этим названием жители выдавали желаемое за действительное⁵.

Природные и социальные факторы универсальны. Однако система урбанотопонимов имеет особенности, существенно отличающие ее от других топонимических систем.

Город – форма общественного расселения людей на определенном участке земли, подверженном обустройству в целях получения наибольших удобств для их физического существования. В этих условиях подвержен изменениям природный ландшафт этой территории. Следовательно,

¹ Э.Г. Плесская-Зебольд, *Оесские немцы, 1803-1920*, Одесса-Геттинген 1999, с. 27.

² К.С. Саркисян, М.Ф. Ставницер, *Улицы рассказывают...*, 2-е изд., перераб. и доп., Одесса 1968, с. 123-124.

³ Там же, с. 72.

⁴ К. Висковский, *План города Одессы*, 17-е изд. Одесса 1910.

⁵ Данные социолингвистических опросов одесситов 1998 и 2019 гг.

естественные факторы формирования системы урбанотопонимов актуальны, как правило, на этапе стихийного освоения городских земель. Стихийное освоение земель в пределах нынешней Одессы фиксирует немного таких топонимов, поскольку вслед за ним идет плановое освоение территории и получают развитие вторичные факторы формирования топонимической системы, соперничая между собой за большую или меньшую значимость. Так, сегодня, как и 200 лет тому назад, горожане пользуются топонимами *Пересыпь*, *Фонтан*, *Кривая Балка*, которые, кроме геофизического, подверглись влиянию лишь этнического фактора на этапе их возникновения (*пересыпь*, а не *коса*; *фонтан*, а не *колодец*, не *ключ* и не *источник*; *кривая балка*, а не *кривой овраг*, *лог*, *яр*, *буерак*, *байрак*). Указанные урбанотопонимы возникли как названия реальных географических объектов, существовали как самостоятельные ойконимы и лишь волею судьбы оказались в черте города.

Географический фактор лежит в основе топонимов *Приморский бульвар*, *улицы Приморская*, *Окружная*, *Прямая*, *Косвенная*, *Крайняя*, *Пересыпские*, *переулки Высокий*, *Ломаный*, *Поперечный*, *Заливные*. Из возникших в течение последних сорока лет – эргонимы и эрготопонимы *рынки Южный*, *Северный*, *Восточный*. Самый молодой – последний. Возникнув как стихийный рынок на перекрестке улицы Академика Заболотного и проспекта Добровольского, этот рынок долгое время не имел названия. На жилмассиве Котовского основным является рынок Северный, хотя район находится на северо-востоке города и соседствует с железнодорожной станцией Одесса-Восточная. Вступил в действие закон ряда⁶, и в полутора километрах юго-западнее Северного появился Восточный рынок. Это название никак не связано с торговлей восточными товарами.

Ведущими в формировании урбанотопонимии являются социальные факторы. В топонимических процессах Одессы XIX в. наиболее сильны социально-экономический и этнический факторы. Как и в иных городах Российской Империи и других европейских стран, микротопонимия Одессы ярко отражает отношения частной собственности в обществе. Наиболее показательны правила указания адреса в корреспонденции и рекламе. В справочниках конца XIX – начала XX в. адреса магазинов, фабрик, мастерских, контор, учебных заведений, госучреждений, даже духовных заведений содержали обязательное указание владельца домостроения. Например: *Русские виноградные вина*, *Греве Э.*, – *Красный переулок угол Полицейской*, *дом Попандоуло*; *Трактир «Париж»*, *Степанов П.И.* – *Дерибасовская улица*, *дом Бирюкова*; *Училище «Эшибот»* – *Базарная ули-*

⁶ В.А. Никонов, *Введение в топонимику*, Москва 1965, с. 33-38.

ца № 35, *собственность еврейской общины*; *Первая Ришельевская гимназия* – угол *Садовой и Торговой, собств. дом*; *5-ое почтовое отделение – Новоконная площадь, дом Тильгала, № 32*; *Полицейский участок – Разумовская ул., д. Сахновского*; *Первая новая синагога – Пушкинская ул., собств. дом* и под.⁷ (Заметим, что население Одессы по переписи 1897 года составляло более 404 тысяч человек⁸. Это был третий по величине город Российской Империи после столиц, Санкт-Петербурга и Москвы). С отношениями частной собственности связаны многие одесские антропотопонимы XIX – начала XX вв. Так, нынешняя *улица Толстого* называлась *Гулевой*: по фамилии одного из домовладельцев Гулева; *улица Отрадная* именовалась *улицей Халайджогла*: по фамилии владельца этого участка бывшего Ботанического сада; Ю. Мелю принадлежали участки по обеим сторонам *переулка Меля (5-го Бассейного)*; *Вагнеровский переулок* – вдоль участка В. Вагнера; в *Андросовском переулке* находились склады купцов Андросовых; в *Авчинниковском (Грязном)* – владения городского головы (1827–1830) Ивана Авчинникова; на *улице Маразлиевской (Новой)* – владения городского головы (1878–1895) Г. Г. Маразли; в начале *Воронцовского переулка* – дворец генерал-губернатора Новороссийского края (1823–1854) М. С. Воронцова; в конце *улицы Разумовской* – хутор графа Разумовского; в конце *Пишионовской* – хутор чиновника Пишона; *Липинские переулки* – на территории хутора командора Липинского. *Переулок Раухвергера (Пироговский)* – территория бывшей дачи Раухвергера, отдавшего городу эту землю для прокладки трамвайного пути в 1911 году⁹. *Дача Ковалевского* – улица, проходящая по землям владельца первого одесского водопровода. Известно, что *Картамышевский переулок* (в послевоенное время *переулок М. Расковой*) долгое время неофициально называли *Вульфовским* по фамилии домовладельца, жившего на углу улицы Картамышевской и этого переулка. *Дача Дашкевича* уже давно оказалась в промышленном районе Дальних Мельниц (ныне *улицы Заводские*), а *хутор Вышинского* – за первой в Украине железной дорогой, к югу от нынешнего Ивановского путепровода.

Социально-экономический, культурно-исторический и социально-политический факторы лежат в основе микротопонимов города, связанных с сословным делением и профессиональными занятиями его жителей,

⁷ *Одесский альманах: Юбилейный Справочный Календарь, Сборник на 1894–1895 гг.*, Ю.И. Сандомирский (сост.), С.И. Плаксин (ред.), Одесса 1894.

⁸ *Южно-Русский альманах, 1898*, Ю.И. Сандомирский (сост.), В.М. Дорошевич, А.С. Попандопуло (ред.), Одесса 1898, с. 4.

⁹ Я. Майстровой, *Улицы Одессы: Справочник по топонимии старой части города*, Одесса 1998, с. 118.

с хозяйственной деятельностью горожан. В XIX веке это топонимы и агронимы *Дворянская, Княжеская, Мещанская, Ремесленная, Мастерская, Старорезничная, Кузнечная, Ямская, Рыбачья, Бугаевская улицы, Каретный и Графский переулки, Матросская и Солдатская слободки, Извоицья слобода, Рыбачья балка, Голопузовка; Ближние и Дальние Мельницы и улица Мельничная, улица Кирпичнозаводская, улица Канатная* (с канатными заводами Мешкова и Новикова), *улица Виноградная* (с участками болгарских колонистов, привезших в Одессу культуру возделывания винограда), *улицы Торговая, Базарная, Староконный рынок, Старосенная площадь, Строительный и Химический переулки* и др.

После Второй мировой войны в микротопонимии города наблюдаются процессы, связанные с промышленным бумом в стране и усилением зависимости граждан от производственного коллектива и профсоюзов. Крупные предприятия строили для своих работников жилье или выделяли участки под застройку на городских окраинах. Так возникли на карте города *улица Профсоюзная, поселок СРЗ* (Судоремонтного завода) и *улицы Судостроительная, Доковая, Танкерная, Корабельная, поселок ЗОР* (завода сельхозмашиностроения имени Октябрьской революции) и *улица Зоровская, поселок и улица Нефтяников, поселок Моряков, Китобойные улицы и переулки, улица Офицерская, Джутовый переулок* – дома и участки рабочих Джутовой фабрики, *Радиальный и Конструкторский* – рабочих и конструкторов Завода радиально-сверлильных станков, *улица Самолетная* – служащих аэропорта, *Трамвайная и Троллейбусная* – работников ОТГУ (Одесского трамвайно-троллейбусного управления). *Улица Транспортная* застроена на средства Одесской железной дороги. Использование гиперонима для создания этого топонима свидетельствует о том, что железнодорожный транспорт в это время являлся основным в стране. В этом же ряду находятся *Сахарный поселок, улицы Химическая, Суперфосфатная*. Многие из перечисленных единиц являются эрготопонимами. В формировании эрготопонимов *поселок ЗОР и улица Зоровская, поселок Большевик* (линолеумного завода «Большевик») заметно влияние не только социально-экономического, но и идеологического и историко-политического факторов. Метафорически звучат новые неофициальные, но бытующие среди одесситов с начала 90-х годов XX в. урбанотопонимы *Царское Село и Пискот* (поселок, жилмассив Котовского), *Палермо* (поселок Шевченко и пригородное село Корсунцы – один из районов проживания дельцов наркобизнеса), *Пентагон* (жилмассив военного ведомства *Школьный / Ульяновка*). Некоторые неофициальные урбанотопонимы, активно использовавшиеся в 1990-е, к 2020 году утратили свою популярность у одесситов. Например: *Белый Город* (дома и квартиры «царей» жизни и «белых» людей, то есть крупных чиновников (белых воротничков), депутатов, бизнес-

менов), *Жлобоград* (жилмассив Котовского – непривлекательный для имущих слоев населения район города), *Поле Чудес* («в нищее время так красиво строят для простых людей»). Последний топоним сегодня неактуален, так как этот микрорайон, оказавшийся на жилмассиве Котовского ближе всего к морю, уже почти застроен. Такие неофициальные топонимы, как правило, аксиологичны и коннотативно окрашены. Они свидетельствуют о процессах расслоения постсоветского общества.

Для топонимии Одессы, как и любого города, чрезвычайно важен фактор пространственной ориентации, соединяющий в себе элементы географического, исторического и некоторых других факторов. К этой группе топонимов, в первую очередь, относятся годонимы и дромонимы, называющиеся улицы и дороги, по которым проходил ранее или проходит сегодня путь к определенным географическим объектам. Например, изначально основной путь на Москву проходил по *улице Московской* через *Ярмарочную площадь* и *Балтскую дорогу*. Сегодня *Балтская дорога* стала тупиковой улицей, а *улицу Московскую* переименовали, поскольку основное движение на Москву осуществляется по новой дороге, которая называлась *Ленинградским*, а сейчас *Киевским шоссе*. По этой же причине переименовали *Старо-Киевскую дорогу* (ныне *проспект Добровольского*). А вот роль *Николаевской*, *Овидиопольской*, *Люстдорфской дорог*, *Тираспольского* и *Дальницкого шоссе* не уменьшается. Сегодня нет *Куяльницкой дороги*, проходившей через Шкодову гору, но сохранилась *Хаджибейская дорога*, поскольку на *Куяльник (Куяльницкий лиман)* едут более коротким путем по *улице Лиманной*, а на *Хаджибей (Хаджибейский лиман)* трамвай едет по старому маршруту.

Географический фактор учитывался при застройке многих окраин Одессы. Так, в XIX в. на Молдаванке появилась *улица Средняя*, разбившая ее пополам на северную и южную части, на Слободке Романовке – *улица Городская* (дромоним – кратчайший путь в город) и *улица Средняя*, на Ближних Мельницах – *улица Центральная*. В послевоенной плановой застройке частными домами поселка Котовского (50–60-е гг. XX в.) тоже учитывался географический фактор, а именно: все продольные улицы, параллельные Старо-Киевской дороге, носят названия только сонаправленных географических объектов. Это *улицы Курская, Крымская, Керченская, Ростовская, Днепропетровская* (последний из этих годонимов позже стал дромонимом). В Кишинев по этой дороге не проехать, поэтому *улица Кишиневская* поперечная. Фактор пространственной ориентации учтен также в таких годонимах, как *Херсонская* и *Тираспольская улицы* (по названию двух застав на границе порто-франко 1823–1826 г.), две *Церковных, Тюремная, Присутственная, Манежная, Полицейская, Гимназическая, Комитетская, Земская, Госпитальная, Водопро-*

водная, Бассейная, Карантинная улицы, Ботанический, Приютский, Судебный, Вокзальный, Театральный, Обсерваторный переулки, Соборная площадь и др. Многие из таких названий актуальны или были бы актуальными и сегодня.

Политизация Российского общества в конце XIX – начале XX века повлияла на то, что ведущими в формировании урбанотопонимии становятся идеологический, социально-политический и исторический факторы. Эти факторы, разумеется, оказывали влияние на урбанотопонию XIX в., охраняя устои самодержавия и христианства. В Одессе первым таким топонимом стала *улица Екатерининская*. Затем появились *улицы Дерибасовская, Ришельевская, Воронцовская, Коблевская, Александровский проспект, улица Петра Великого, мосты Строгоновский и Коцебу, Александровский парк, улицы Суворовская, Новосельского, 19 февраля 1961 года, Николаевский бульвар*. Лишь в 2018 г. появилась *улица Инглези*, который был крупнейшим промышленником и меценатом, общественным и политическим деятелем Одессы и ее греческой общины. Как правило, конкретные события и личности, в честь которых назывались городские объекты, определенным образом повлияли на историю Одессы. Учитывая закон относительной негативности названий¹⁰, можно заключить, что основной религией в Одессе до событий 1917 года было православие: группе видовых микротопонимов в честь православных праздников и святых (*Преображенская, Успенская, Троицкая, Михайловская, Прохоровская, Мариинская, Пантелеймоновская улицы, Алексеевская площадь, Казанский рынок*) противопоставлены в системе родовые микротопонимы в честь неправославных религиозных конфессий (*Еврейская улица, Лютеранский и Евангелический переулки*).

Формирование одесского микроэтноса с особенностями менталитета, в основе которого свободолюбие, независимость, национальная и религиозная терпимость, авантюризм, исторически и этнически обусловлено. Исторический и этнический факторы сформировали свою подсистему одесских микротопонимов. В первые десятилетия жизни города, когда переселенцы из разных стран старались селиться колониями и сообща заниматься привычным для себя промыслом, появились этнонимы *Верхняя немецкая колония, Нижняя немецкая колония, Греческие улица, базар, площадь и фонтан, Еврейские улица и базар, Молдаванка, Булгарка, улицы Болгарская (Сербская) и Колонистская, Арнаутская слободка, Арнаутские улицы, Итальянская и Цыганская улицы, Польские улица и спуск*. К более поздним образованиям относятся этнонимы *Французский бульвар и Итальянский бульвар*. Топонимы, указывающие на турецкое или

¹⁰ В.А. Никонов, *Введение в топонимику*, Москва 1965, с. 38-42.

французское происхождение жителей, не могли появиться в начале XIX века по идеологическим соображениям, хотя французских колонистов в Одессе было много, а турки, жившие в Хаджибее до захвата его Россией, уехали не все. По идеологическим соображениям, в начале XX в. появился *Французский бульвар*, а в советское время – *Испанская улица* (в честь испанских республиканцев), *Венгерская*, *Индийская*, *Белорусская*, *Эстонская*, *Грузинская*, *Молдавская*, *Литовская*, *Латвийский спуск* и под., а также в честь городов-побратимов (*Сегедская*, *Марсельская*, *Варненская*), столиц союзных республик (*Минская*, *Рижская*, *Кишиневская*).

Закономерным является факт неприятия жителями города этнопонимов от этнонимов *русский*, *украинец*, *казак*. Действие закона относительной негативности названий дает основания говорить о том, что евреи, греки, французы, албанцы, молдаване, болгары, сербы, итальянцы, поляки, немцы не были основным населением Одессы. Большинство составляли украинцы и русские. Ни один топоним в Одессе не содержал и не содержит компонента, однокоренного с этнонимом *русский*. Топонимы с корневыми морфемами *малорос-* и *украин-* появлялись в Одессе под влиянием политического и идеологического факторов, однако прижиться здесь они не могут, поскольку психологический фактор сильнее («Зачем же тут такое название, если Одесса и без этого Украина?»). Так, впервые *улица Малороссийская* упоминается в 1841 г.¹¹, а до этого она называлась *Цыганской*. *Цыганской* ее продолжали называть одесситы и намного позже. С 1923 г. эта улица переименована. С 1938 до 1978 гг. *Занделовский переулок* официально назывался *Украинским*, хотя и сегодня, когда он официально именуется *Интернациональным переулком*, коренные одесситы, особенно проживающие на Молдаванке, где он находится, и Дальних Мельницах, на границе с которыми он расположен, продолжает называть его *Занделовским*. В 50-е годы XX в. в курортной зоне на 12 станции Фонтана появилась *улица Украинская*, переименованная в 1989 г. в *улицу Анны Ахматовой*, и три *Украинских переулка* остались, но имеют общую протяженность не более 500 метров в частной застройке. В начале XX в. казачество в России было реальностью. Казаки и их потомки составляли значительную часть жителей Одессы. Для одесситов вполне понятной была мотивировка названия *улицы Запорожской* (в память о казаках-запорожцах, многие из которых переселялись жить в Одессу, а не в честь города Запорожья) и *Черноморских переулков* в Солдатской слободке на Пересыпи, где в конце XVIII в. поселились многие из 404 осевших в Хаджибее, а не поехавших после его взятия на Таманский полуостров казаков Черноморского вой-

¹¹ Я. Майстровой, *Улицы...*, с. 152.

ска¹². В советское время исторический, политический и идеологический факторы не могли способствовать появлению топонимов с компонентом *казак*-. Лишь в 1995 г. эти факторы способствовали появлению в Одессе топонима *улица Черноморского казачества* и нескольких улиц в честь их командиров: *улицы Атамана Головатого* и *Атамана Чепиги*. Уже в 2017 г. на карте Одессы появилось несколько *Староказачьих переулков* и *улица Семена Палия*.

На протяжении XX столетия несколько раз изменялась идейная, политическая и культурная ориентация общества, частью которого оказывались одесситы, изменялся этнический и профессиональный состав населения, горожане становились свидетелями и соучастниками достижений научно-технического прогресса. Топонимическая система Одессы активно реагировала на эти изменения, фиксируя определенную идейно-политическую, этнокультурную, научно-техническую и профессиональную ориентацию общества. Так, в начале века общество ориентировалось на частную собственность, ее обладателей и ее защитников (*Садиковская, Мясоедовская, Ямчитского, Штиглица, Струдзовская улицы, Ронисовский, Дурьяновский переулки; Екатерининская, Ришельевская, Дерибасовская, Де-Волановская, Земская, Градоначальницкая, Полицейская улицы, Александровский проспект, улицы Витте, Новосельского, Маразлиевская, Петра Великого* и др.); после событий 1917 года социум ориентируется на общественную собственность, ее идейных вдохновителей и защитников (*Пролетарский бульвар, улицы Коммунальная, Кооперативная, Комсомольская, Реввоенсовета, Советская, Сельсоветская, Коминтерна, площадь Коммуны, Колхозный переулок, переулок Молодых пионеров имени Ленина, переулок Парижской коммуны; улицы Ленина, Карла Маркса, Энгельса, Франца Меринга, Лассаля, Бебеля, Вегера, Буденного, Дзержинского, Евгения Левина, Ярославского, Советской милиции, Советской Армии, Герша Леккарта, площадь Кагановича, дорога Котовского, улицы Тон Дык Тханга, Щорса, Якира* и др.).

Топонимическая система города периода фашистской оккупации свидетельствует об ориентации на политику (кроме национальной), проводившуюся в России до объявления войны с Германией в 1914 г., что видно из Постановления № 8 муниципалитета Одессы от 19 ноября 1941 г.¹³ Вместо *Еврейской* появляется *улица Муссолини*. Основным городским праздником должен был стать день прихода фашистских войск (*улица 16 октября*), а вождями народа должны быть *Гитлер, король Михай Первый, маршал Антонеску и генерал Василиу* (в их честь названы улицы).

¹² К.С. Саркисян, М.Ф. Ставницер, *Улицы рассказывают...*, 2-е изд., перераб. и доп., Одесса 1968, с. 37.

¹³ Я. Майстровой, *Улицы Одессы...*, с. 6.

Победа над фашизмом и связанная с войной милитаризация общества отразилась в топонимии города именами героев-личностей и подразделений: *Гордиенко, Бадаева, Гастелло, Малиновского, Бреуса, Черняховского, Нины Ониловой, Осипова, Героев Сталинграда, 25-ой Чапаевской дивизии, 411-ой Батареи, Сталина, вице-адмирала Жукова, маршала Жукова* и др.

Топонимическая политика городских властей после распада СССР свидетельствует об ориентации на политику, проводившуюся до 1917 года с учетом независимого положения Украины. Например, кроме советских антропотопонимов в честь украинских деятелей политики и культуры, а также в честь участников событий украинской истории (*Богдана Хмельницкого, Шевченко, Панаса Мирного, Коцюбинского, Леси Украинки, Кропивницкого, Заньковецкой, Старицкого, Ивана Франко, Довженко*), появляются улицы *Грушевского, Ивана и Юрия Лип, Семена Палия, Атамана Головатого, Атамана Чепиги, спуск Степана Олейника, переулок Шухевича, улица Мазепы, Героев Крут, проспект Небесной Сотни, площадь Деревянко* и др.

Опросы, проведенные нами среди одесситов (по 1000 респондентов) в 1998¹⁴ и 2019 гг., свидетельствуют о том, что и сегодня, и 20 лет назад наибольшая часть горожан (38 % и 39,5 % соответственно) на первое место ставит идею присвоения урбанотопонимам имен деятелей науки и культуры (как отечественных, так и зарубежных), а также их достижений. Например: *улицы Филатова, Королева, Глушко, Жолио Кюри, Заболотного, Мечникова, Пастера, Умова, Пироговская, Вильямса, Вавилова, Амундсена, Ясиновского, Ковалевского; Космонавтов; Пушкинская, Гоголя, Жуковского, Короленко, Белинского, Станиславского, Паустовского, Ильфа и Петрова, Олеси, Бабеля, Шолом Алейхема, Багрицкого, Веры Инбер, Шишкина, Левитана, Костанди, Утесова, Святослава Рихтера, Давида Ойстраха, площадь Веры Холодной* и другие. На второй позиции горожане, которые на первое место ставят идеологически и политически нейтральные урбанотопонимы (26,5 % и 27 %). Например: *улицы Тенистая, Туристская, Платановая, Весенняя, Нежинская, Приморская, Слободская, Степовая, Житомирская, Овидиопольская, Люстдорфская, Николаевская дороги* и под. На третьей позиции – те, для кого наиболее важны урбанотопонимы в честь исторических событий и личностей (17,5 % и 15 %). Например: *Куликово поле, улицы Дмитрия Донского, Александра Невского, Петра Великого, Дерибасовская, Екатерининская, Ланжероновская, Ленина, Октябрьской революции, 1905 года, Ицхака Рабина, площади Январского восстания, Независимости, 10 Апреля, проспекты Димит-*

¹⁴ Е.Н. Степанов, *Факторы формирования одесской урбанотопонимии*, „Записки з ономастики: збірник наукових праць”, Выпуск 4/2000, с. 12-22.

рова, *Патриса Лумумбы* и под. На четвертой позиции находятся наибольшие сторонники профессионально, этнически и функционально окрашенных урбанотопонимов (10 % и 9 %). Например: *улицы Кузнечная, Старорезничная, Ремесленная, Дворянская, Водовозная, Водопроводная, Провиантская, Деревообделочная, Привозная, Канатная, Известковая, Болгарская, Еврейская, Карантинный мол, Хлебная гавань, Соединительный, Щепной, Шампанский, Ватманский, Военный переулки, Польский, Селянский, Матросский спуски, Конная площадь* и под. Пятую позицию занимают те, кто поставил на первое место названия, окрашенные религиозной идеологией (5 % и 7 %). Например: *улицы Елисаветинская, Петропавловская, Мариинская, Ольгиевская, Спиридоновская, Покровский, Успенский, Сретенский, Семинарский, Монастырский, Лютеранский переулки* и под. Наименьшая часть одесситов симпатизирует как наилучшей идее присваивать объектам городской топонимии названия, обусловленные социально окрашенными отношениями собственности (3 % и 2,5 %). Например: *улицы Войкова, Скидановская, Костецкая, Ризовская, Новикова, переулки Бяратинский, Сабанский, Драгутинский, Вагнеровский, Ширяевский, Занделовский, Жевахова гора, Гагаринское плато, жилмассив (Земли) Таирова* и под.

На протяжении всей истории развития Одессы важное значение в формировании ее топонимии имеет естественный экологический фактор, который мотивирует многие одесские урбанотопонимы с положительной коннотацией. Среди топонимов этой группы, как, например, и среди этно-топонимов, четко проявляется закон относительной негативности названий. Так, *улица Радостная* застраивалась одноэтажками в 40–50-е годы XX в., когда люди устали от горя и разрухи, когда им хотелось хоть немного радости в своем новом жилье. *Тенистая* получила название от желания спрятаться в тени деревьев во время летнего зноя, а *Солнечная* – от желания согреться после зимней стужи; *Урожайная* – от желания всегда иметь урожай и не голодать, а *Обильная* – от желания материального благополучия, которое в послевоенные годы было исключительным явлением. Общеизвестно, что флористическим символом Одессы является белая акация, однако в честь этого дерева нет ни одного топонима в городе, лишь эргонимы (акционерное общество, кафе, бары). В то же время, есть в Одессе улицы *Березовая, Елочная, Дубовая, Кленовая, Тополевая, Ромашковая, Жасминная, Розовая, Ореховая, Вишневая, Абрикосовая* и даже *Кипарисовые переулки* (хотя кипарисы в Одессе не растут).

Таким образом, система урбанотопонимов имеет двойственную природу, поскольку на процесс ее формирования оказывают влияние как естественные (природные), так и социальные факторы. Система урбанотопонимов мобильна, изменчива во времени, подвержена влиянию обществен-

ной жизни в большей степени, чем системы гидронимов, оронимов, ойконимов. Изучение актуальности тех или иных факторов формирования системы урбанотопонимов на определенном историческом этапе помогает воссоздать реальные процессы развития общественного сознания, проследить за реакцией горожан на изменение политических, идеологических, духовных приоритетов. Особенным для одесской урбанотопонимии является стремление отметить в названиях события и персоналии, имевшие непосредственное отношение к Одессе, ее истории, культуре, экономике. Результаты социолингвистических опросов одесситов конкретизируют плюрализм горожан в вопросе определения топонимических приоритетов. За 20 лет приоритеты горожан в вопросе о наибольшей важности оснований для присвоения улицам, переулкам и площадям названий практически не изменились.

ЛИТЕРАТУРА

- Висковский К., *План города Одессы*, 17-е изд. Одесса 1910.
 Григорий Григорьевич Маразли меценат и коллекционер: сборник статей, О.Ф. Ботушанская (ред.). Одесса 1995.
 Майстровой Я., *Улицы Одессы: Справочник по топонимии старой части города*, Одесса 1998.
 Никонов В.А., *Введение в топонимику*, Москва 1965.
Одесский альманах: Юбилейный Справочный Календарь, Сборник на 1894–1895 гг., Ю.И. Сандомирский (сост.), С.И. Плаксин (ред.), Одесса 1894.
 Плесская-Зебольд Э.Г., *Одесские немцы, 1803–1920*, Одесса–Геттинген 1999.
 Саркисян К.С., Ставницер М.Ф. *Улицы рассказывают...*, 2-е изд., перераб. и доп., Одесса 1968.
 Степанов Е.Н., *Факторы формирования одесской урбанотопонимии*, „Записки з ономастики: збірник наукових праць”, Выпуск 4/2000, с. 12–22.
 Суперанская А.В., *Что такое топонимика?* Москва 1985.
Южно-Русский альманах, 1898, Ю.И. Сандомирский (сост.), В.М. Дорошевич, А. С. Попапандопуло (ред.), Одесса 1898.

TOPONYMS OF ODESSA CITY: FACTORS OF FORMATION AND FUNCTIONING

Summary

This study presents a sociolinguistic analysis of the processes of formation and functioning of the urban toponymy system in Odessa throughout the life of the city (1794–2020), identifies the main factors influencing these processes, and establishes the degree of these factors influence. The presented system of urban toponyms is relatively universal. It has a dual nature, since the process of its formation is influenced by both natural (primary) factors: geophysical, geographical, climatic, ecological, and social (secondary) factors: historical, political, ideological, ethnic, cultural, economic. Polls of Odessa residents, conducted in 1998 and 2019, indicate that both today and 20 years ago, the majority of Odessa city dwellers (38 % and 39.5%, respectively) prioritize the idea of assigning the names of scientists and cultural figures to urban objects as well as their achieve-

ments; on the second position are those who consider ideologically and politically neutral toponyms the most successful (26.5% – 27%). Those who most of all sympathize with toponyms in honor of historical events and personalities are third (17.5% – 15 %); the fourth place is occupied by dwellers, who consider the best professionally, ethnically, and functionally conditioned urban toponyms (10% – 9%); in fifth place – the best names tinged with religious ideology (5% – 7%); the smallest part of Odessa residents sympathize with the idea of assigning toponymies based on socially colored property relations (3% – 2.5%).

Keywords: toponymy of the city, system of urban toponyms, natural factors, social factors, Odessa

Светлана СТЕПАНОВА

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Украина
ORCID: 00-0002-2855-3657

СОЦИАЛЬНО-СТАТУСНЫЕ ОПИСАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Ключевые слова: профессиональный, возрастной, сословный, служебный социальный статус; социальный статус врача, фельдшера, крестьянина, просителя; художественные языковые средства; Михаил Булгаков

Формирование новой антропоцентрической научной парадигмы акцентирует внимание лингвистов на человеке и его месте в обществе. При антропоцентрическом подходе в лингвистическом исследовании речь идет о человеке как об активном интерпретаторе, не просто носителе языка, а прежде всего – носителе определенной концептуальной системы, на основе которой он понимает язык, познает мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка¹. Например, в русском языке для художественного описания явлений природы наиболее распространена антропоморфная метафора: *снежинки пляшут, сережки берез, ложится тень, метель укутала людей, метель разыгралась* и т. д.

В процессе коммуникации собственный порядок вещей человека обнаруживается в его языковой картине мира. Окружающая человека реальность, его жизненный опыт лежит в основе его картины мира². Важнейшей составной частью и причиной многих особенностей ЯКМ индивидуума является его социальный статус, понимаемый и как правовое положение лица, и как общественное признание в виде позитивных или негативных привилегий. Социальный статус человека – одно из трех (класс – власть – статус) основных измерений социальной стратификации³. Считают, что

¹ Е.Н. Степанов, *Взаимодействие научных лингвистических подходов в исследовании русской городской речи*, „Мова: науково-теор. часопис з мовознавства”, № 21/2014, с. 27-35.

² О.А. Корнилов, *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*, 2-е изд., доп., Москва 2003.

³ М. Weber, *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*: in 2 vol., eds. G. Roth, C. Wittich. Berkeley 1978, p. 305, 927-937.

статус – наиболее конкретное звено этой концептуальной триады. Социальный статус основан на положении индивидуума в обществе и отражается в целой системе признаков, проявляющихся в его поле, возрасте, предпочтениях личной и общественной жизни, материальных доходах, стиле жизни: типичных способах времяпрепровождения, общения, выбора и устройства места жительства; в выборе профессии, места работы и отдыха, выборе одежды, транспортных средств для передвижения и др. Статус как наиболее конкретное звено триады основных измерений социальной стратификации значительно всего нагружен в культурологическом отношении, приобретая разнообразные способы выражения в функциональной лингвистике, лингвопрагматике, семиотике, речевом этикете, исторической грамматике, диалектологии, лексикологии, юрислингвистике, переводоведении, стилистике, межкультурной коммуникации, других аспектах изучения языка.

Целью данной статьи является рассмотрение художественно-языковой специфики сквозь призму социального статуса персонажей рассказа М.А. Булгакова «Полотенце с петухом» из цикла «Записки юного врача» в их языковых картинах мира.

В рассказах этого цикла автор много внимания уделяет описанию эволюции профессиональной картины мира главного героя произведения – вчерашнего студента-медика, приступившего к выполнению профессиональных обязанностей врача в сельской больнице, – параллельно с процессом становления его нового социального статуса. Многие из этих рассказов автобиографичны и отражают точку зрения самого Булгакова на проблему становления личности и ее картины мира. Кроме центрального персонажа, писатель большое внимание уделяет художественному изображению других персонажей, окружающих главного героя, соотнося особенности их речевого поведения с занимаемым социальным статусом.

В профессиональное лексико-семантическое поле ЯКМ молодого врача из рассказа «Полотенце с петухом» мы включаем слова и устойчивые словосочетания, употребление которых в ситуациях его трудовой деятельности сопряжено с профессиональной терминологией и профессиональным просторечием. Проникновение речевых единиц профессиональной сферы коммуникации в иные сферы коммуникации персонажа указывает на конкретную медицинскую сферу его деятельности. Изучение путей и способов переноса речевых навыков в профессиональной сфере языковой личности на ее обыденную речь позволяет установить закономерности и тенденции влияния социально-профессионального статуса человека на формирование его языковой картины мира, определить особенности его характера и мировосприятия, сформировавшиеся и еще формирующиеся принципы и взгляды.

Рассказчик, он же 23-летний начинающий доктор, описывая начало эволюции своего социального статуса (студент → врач), указывает на то,

что большинство людей, с которыми он начал общаться после учебы в университете, оказывались по возрастному статусу старше его. Именно поэтому он вынужден был часто использовать этикетную формулу представления себя в соответствии с новым социальным статусом:

- (1) *«Мой юный вид отравлял мне существование на первых шагах. Каждому приходилось представляться:*
 – *Доктор такой-то.*
 И каждый обязательно поднимал брови и спрашивал:
 – *Неужели? А я-то думал, что вы еще студент.*
 – *Нет, я кончил,* – хмуро отвечал я и думал “очки мне нужно завести, вот что”».

Чтобы казаться старше, доктор выработал негласный кодекс поведения в профессиональной среде и, в целом, в обществе. М.А. Булгаков пишет:

- (2) *«Не имея возможности защищаться от всегдашних снисходительных и ласковых улыбок при помощи очков, я старался выработать особую, внушающую уважение, повадку. Говорить пытался размеренно и веско, порывистые движения по возможности сдерживать, не бегать, как бегают люди в двадцать три года, окончившие университет, а ходить. Выходило все это, как теперь, по прошествии многих лет, понимаю, очень плохо».*
- (3) Одна из акушерок, *«Анна Николаевна, женщина в короне поседевших волос, к чему-то сказала:*
 – *Вы, доктор, так моложавы, так моложавы... Прямо удивительно. Вы на студента похожи.*
"Фу ты, черт, – подумал я, – как сговорились, честное слово!"»

Кроме того, молодой доктор, приехав на новое место работы, все отчетливей осознавал, что неопытен, что, возможно, его толкнули на авантюру, отправив работать единственным, а не вторым, как он просил, врачом туда, где придется все уметь делать самому, не надеясь на совет более опытных коллег. Поэтому он нервничал. Каждый инструмент, ни названия, ни предназначения которого доктор не знал; каждое лекарство, о котором он в университете ничего не слышал, пугало его. Профессиональная картина мира центрального персонажа была бедна. И он осознавал это. Например:

- (4) *«Я успел обойти больницу и с совершеннейшей ясностью убедился в том, что инструментарий в ней богатейший. При этом с той же ясностью я вынужден был признать (про себя, конечно), что очень многих блестящих девственно инструментов назначение мне вовсе неизвестно. Я их не только не держал в руках, но даже, откровенно признаюсь, и не видел».*

А мы добавим: если врач не знал об этих инструментах и их функциях, не держал и не видел их, значит, он и **не знал их названий**. Вполне вероятно, что какие-то названия он мог слышать, но идентифицировать эти

инструменты с их названиями он не мог. А при упоминании пожилым больничным фельдшером Демьяном Лукичом того факта, что прежний доктор с утра до вечера оперировал, (5) «...я **облился прохладным потом и тоскливо поглядел на зеркальные сияющие шкафики**».

В первый же вечер своего пребывания на новом месте доктор осознал, что чиновники уговорили его ехать сюда, потому что здесь его знания были нужнее, чем в другом месте, но постепенно **приходил в ужас**, понимая, что у него нет опыта. Даже профессиональная языковая картина мира такого врача была несовершенна. Он понял, что не знает способов лечения наиболее распространенных заболеваний и чуть не впал в истерику от мысли, что не справится с операцией по удалению *ущемленной грыжи*. Именно поэтому слово *грыжа* встречается в рассказе 11 раз, а *ампутация* – всего 4 раза, хотя именно эту операцию впервые в жизни самостоятельно пришлось делать доктору и именно эта операция описана в рассказе. Например:

(6) «Я ни в чем не виноват, – думал я **упорно и мучительно**, – у меня есть дом, я **имею пятнадцать пятаков**. Я же предупреждал еще в том большом городе, что хочу идти вторым врачом. Нет. Они улыбались и говорили: "**освоитесь**". Вот тебе и освоитесь. <...> И в особенности, каково будет себя чувствовать **больной с грыжей** у меня под руками? **Освоится он на том свете** (тут у меня **холод по позвоночнику**)...

*А гнойный аппендицит? Га! А дифтерийный круп у деревенских ребят? Когда трахеотомия показана? Да и без трахеотомии будет мне не очень хорошо... А... а... роды! Роды-то забыл! **Неправильные положения**. Что ж я буду делать? А? Какой я легкомысленный человек! Нужно было отказаться от этого участка. Нужно было. **Доставили бы себе какого-нибудь Леопольда**».*

Смена одного социального статуса другим, несовершенство, с точки зрения самого героя, его профессиональной языковой картины мира способствовали тому, что он убедил себя в своей никчемности, беспомощности. Однако это был для него хороший урок саморазвития. Ситуация, в которой он оказался, способствовала началу завершающего этапа формирования его профессиональной картины мира, профессиональному взрослению. Автор пишет о том, что постепенно стал успокаиваться, брать себя в руки:

(7) «Часа два в одиночестве я мучил себя и домучил до тех пор, что уж больше **мои нервы не выдерживали созданных мною страхов**. Тут я начал **успокаиваться** и даже **создавать некоторые планы**».

(8) «Что за **неврастения? Взялся за гуж, не говори, что не дюж**. **Назвался груздем, полезай в кузов**, – ехидно отозвался голос».

У молодого врача в окружении прекрасных и полезных книг по медицине и фармакологии возникло желание совершенствовать свои професси-

ональные знания, и он начал по очереди листать их, восстанавливать то, что изучал, а также открывать для себя много нового. Профессиональная картина мира молодого человека развивалась, знаний становилось больше, а следовательно, сквозь призму профессиональных знаний совершенствовалась его языковая картина мира, все явственнее ощущался новый социальный статус.

Утром первая в жизни операция на почти обескровевшей девушке, которой пришлось ампутировать смятую левую ногу и гипсовать переломанную правую, все расставила по местам. Необходимость сконцентрировать все уже имеющиеся профессиональные знания ради спасения человека так описана Булгаковым: (9) *Все светлело в мозгу, и вдруг без всяких учебников, без советов, без помощи я соображал – уверенность, что сообразил, была железной...* Операция завершилась успешно. Указывая на то, что один такой эпизод может заставить человека повзрослеть, Булгаков пишет:

(10) *Нет, я не похож на Дмитрия Самозванца, и я, видите ли, постарел как-то... Складка над переносицей...* По-другому стал относиться к молодому доктору и персонал больницы:

(11) – *Вы, доктор, вероятно, много делали ампутаций?* – *вдруг спросила Анна Николаевна. – Очень, очень хорошо... Не хуже Леопольда...*

(12) *Я исподлобья взглянул на лица. И у всех – и у Демьяна Лукича, и у Пелагеи Ивановны – заметил в глазах уважение и удивление.*

Таким образом, в рассказе «Полотенце с петухом» М.А. Булгаков с помощью описания событий, связанных с приездом молодого врача на работу в сельскую больницу и его первого профессионального опыта оперирования, показывает ситуативную обусловленность диалектики двух путей формирования, становления, совершенствования социально-профессионального статуса молодого врача. Первый путь – самообучение с помощью учебной и справочной литературы. Второй путь – практика врачебной деятельности, в ходе которой закрепляются полученные теоретические знания и приобретает практический навык, отчасти требующий дальнейшего теоретического осознания.

Средства художественной выразительности рассказа «Полотенце с петухом», основанные на материале языковой картины мира врача и людей, участвующих в медицинской коммуникации, можно объединить в группы, среди которых наиболее значительными являются художественные **сравнения, метафоры, метонимии и фразеологизмы**. Чаще всего эти художественные средства использованы непосредственным участником медицинской коммуникации – самим автором рассказа, однако органично вплетены также в обыденную речь других прямых участников такой коммуникации.

В стилистике и поэтике **сравнением** (лат. *comparatio*) называют образное словесное выражение, в котором изображаемое явление уподобляется другому по какому-либо общему для них признаку с целью выявить в объекте сравнения новые важные свойства. «Сравнение включает в себя сравниваемый предмет (объект сравнения), предмет, с которым происходит сопоставление (средство сравнения), и их общий признак (основание сравнения)⁴. В русском языке основными конструкциями, которые служат для выражения сравнительных отношений, являются сравнительный оборот и сложноподчиненное предложение с придаточным предложением обстоятельства сравнения.

В рассказе «Полотенце с петухом» медицинский дискурс служит основанием для нескольких **сравнений**. Автор осознает, что период становления его нового социально-профессионального статуса начался еще в студенческие годы. Именно из университетского прошлого приходит сравнение в наиболее ответственный предоперационный момент:

(13) *В голове моей вдруг стало светло, как под стеклянным потолком нашего далекого анатомического театра.* В основе следующего сравнения – схожие ситуации картины мира хирурга и резника (мясника):

(14) *Я кругообразно и ловко, как опытный мясник, острейшим ножом полоснул бедро, и кожа разошлась...*

(15) ... *На столе оказалась девушка, как будто укороченная на треть, с оттянутой в сторону культией.* Столкнувшись в тексте с этими сравнениями, читатель осознает, что молодой доктор не раз бывал свидетелем разделки туш животных, а поэтому не робкого десятка и хорошо знает жизнь.

Труднейшая операция, которую достойно проводил начинающий врач, но за которую вряд ли взялся бы опытный хирург, оставив умирать искалеченного человека, заставила удивляться и сопереживать других участников медицинской коммуникации, на что указывает такое сравнение:

(16) – *Жива... – как беззвучное эхо, отозвались сразу и фельдшер, и Анна Николаевна.*

Метафора (греч. *metaphora* – перенос) – перенос названия с одного предмета (явления, действия, признака) на другой на основе их сходства. С точки зрения говорящего, такое сходство может быть объективным и субъективным. При помощи метафоры можно устанавливать сходство между явлениями *материального мира* и явлениями, *недоступными непосредственному наблюдению*: эмоциями, мыслями, видами человеческой деятельности, явлениями общественной жизни, научными понятиями. На основе метафоры могут возникать новые значения уже существующих

⁴ *Литературный энциклопедический словарь*, ред. В.М. Кожевников, П.А. Николаев, Москва 1987, с. 418.

слов. При этом коннотативно нейтральное слово в одном из значений становится оценочным⁵.

В тексте анализируемого рассказа содержатся разнообразные метафоры, отражающие языковую картину мира центрального персонажа как человека, имеющего профессиональный статус медработника. Постараемся сгруппировать их.

По форме: *чахлый перелесок* (= рощица с редкими, большими деревцами); *крылья носа* (= боковые части носа, отходящие от переносицы, похожи на крылья птицы, отходящие от туловища); *мелкозубая пила* (= металлическая пила с мелкими зубьями). **По сходству издаваемых звуков:** *болезненно выкрикнуть* (= выкрикнуть голосом нездорового человека). **По сходству природных явлений и мыслительной деятельности человека:** *светлеть в мозгу* (= мысли становятся понятными, ясными, четкими). **По сходству состояния предметов материального мира и физиологическим состоянием человека:** *девственно блестящие инструменты* (= инструменты, которые ни разу не использовались для операций и поэтому не стерилизовались, блестя первоначальным покрытием); *угасший человек* (= человек, который не может двигаться); *угасший глаз* (= безжизненный глаз).

Метонимия – механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию. Метонимия возникает путем стяжения конструкции⁶.

В рассказе «Полотенце с петухом» автор привел несколько примеров наиболее яркой для профессиональной речи медиков метонимии, основанной на смежности наименования заболевания, травмы, больного органа, болезненного состояния человека и самого человека, страдающего этим заболеванием, получившего данную травму, имеющего больной орган либо испытывающего то или иное болезненное состояние. Переживая о своей профессиональной неопытности, молодой врач рассуждает:

(17) «А если *грыжу* привезут? Объясните, как я с ней освоюсь?»

Использован метонимический перенос слова *грыжа*. Имеются еще два случая метонимического переноса слова *грыжа*, что подчеркивает страх, возникающий у молодого врача при мысли об операции *грыжи*:

⁵ Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант, *Краткий справочник по современному русскому языку*, Москва 1991, с. 21-23.

⁶ Н.Д. Арутюнова, *Метонимия* [в:] *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва 1990, с. 300-301.

- (18) *«Тут тебе **грызю** и **привезут**, – бухнул суровый голос в мозгу, – потому что по бездорожью человек с насморком (нетрудная болезнь) не поедет, а **грызю притащат**, будь покоен, дорогой коллега доктор».*

Одним из средств художественной выразительности в медицинской коммуникации в рассказе «Полотенце с петухом» является использование **фразеологизмов** медицинского дискурса. Чаще всего это устойчивые словосочетания, например: 1) *выписать рецепт*; 2) *вправить грызю*; 3) *холод по позвоночнику*; 4) *умереть под ножом* – о наступлении смерти на операционном столе; 5) *дотянуть до палаты* – завезти из операционной еще живого человека; 6) *погибнуть под руками* – умереть во время хирургической операции; 7) *заломить руки*; 8) *выйти из оцепенения* – прийти в себя; 8) *готовить ампутацию* – готовиться к операции по ампутации конечности; 9) *здравый смысл*; 10) *застилать глаза* – попадать на глаза, мешая зрению; 11) *устроить протез* – помочь изготовить протез.

Кроме профессионального и возрастного статуса молодого доктора, автор представляет социальный статус эпизодических персонажей. Ближе всего к доктору по профессиональному статусу фельдшер Демьян Лукич. Однако первая же записанная М.А. Булгаковым его реплика, обращенная к молодому доктору, несмотря на старшинство в возрасте, снабжена формулой вежливости на *Вы (вашего)* при обращении к одному лицу и специализированной этикетной формулой с постпозитивной частицей *–с*, которую в XIX – начале XX века принято было употреблять в беседе младшего со старшим по чину, то есть по служебному статусу. При этом возраст не играл роли:

- (19) – *Как же-с, – сладко заметил Демьян Лукич, – это все стараниями **вашего** предшественника Леопольда Леопольдовича. Он ведь с утра до вечера оперировал.*

В плане описания социального статуса интересен эпизод принятия решения о начале операции по ампутации одной и гипсованию другой ноги у обескровленной умирающей девушки. Рассказчик пишет:

- 20) *«Вот как потухает изорванный человек, – подумал я, тут уж ничего не сделаешь».*

Но вдруг сурово сказал, не узнавая своего голоса:

– Камфары.

Тут Анна Николаевна склонилась к моему уху и шепнула:

– Зачем, доктор. Не мучайте. Зачем еще колоть. Сейчас отойдет... Не спасете.

Я злобно и мрачно оглянулся на нее и сказал:

– Попрошу камфары...

Так, что Анна Николаевна с вспыхнувшим, обиженным лицом сейчас же бросилась к столику и сломала ампулу.

Фельдшер тоже, видимо, не одобрял камфары. Тем не менее, он ловко и быстро взялся за шприц, и желтое масло ушло под кожу плеча.

<...>

– Камфары еще, – хрипло сказал я.

И опять покорно фельдшер впрыснул масло.

<...>

– Готовьте ампутацию, – сказал я фельдшеру чужим голосом.

Акушерка посмотрела на меня дико, но у фельдшера мелькнула искра сочувствия в глазах, и он заметался у инструментов. Под руками у него взревел примус.

Прокомментируем этот отрывок. Молодой доктор, сомневаясь несколько секунд, решил приступить к операции. Фельдшер четко следовал служебной субординации и выполнял приказы доктора. А вот одна из акушерок, Анна Николаевна, видела в молодом докторе, прежде всего, юношу, человека, который по возрастному статусу уступал ей. Впрочем, вынуждена была подчиниться воле старшего по должности.

После операции Демьян Лукич, как и акушерки, понял, что доктор, несмотря на свою молодость, настоящий профессионал. Рассказчик пишет, что статусное поведение фельдшера даже немного озадачило его. Они вместе тяжело трудились, спасая жизнь девушки и судьбу ее отца, однако Демьян Лукич ни на минуту не сомневался в необходимости соблюдения статусной служебной субординации. Он снова употребляет этикетную постпозитивную частицу –с, указывающую на коммуникацию младшего со старшим по чину. Сам ответ «Слушаю-с» наводит на мысль, что фельдшер раньше служил в армии, а в Мурьевскую больницу попал после выхода в отставку:

(21) «– Когда умрет, обязательно пришлите за мной, – вполголоса приказал я фельдшеру, и он почему-то вместо «хорошо» ответил почтительно:

– Слушаю-с...»

Социальный статус *возницы, сторожа* Егорыча и его жены, *кухарки* Аксины, автор представляет лексически, непосредственно называя выполняемые ими обязанности. Возница и сторож немногословны. Осознавая свою принадлежность к крестьянскому сословию, они избегают лишней беседы с доктором, однако обращаются к нему «*Товарищ доктор*». Это указывает на то, что они поддерживают революционные изменения, произошедшие в феврале 1917 года. (Уточним, что в тексте указана конкретная дата приезда молодого доктора в Мурьевскую больницу: 17 сентября 1917 года). Следуя своим обязанностям и статусу, Егорыч «в *рваненьком пальтишке и сапожишках*» встретил доктора, «ухватился за чемодан, скинул его на плечо и понес».

Крайнее проявление социального статуса просителя М.А. Булгаков представляет в описании внешности, поведения и речи крестьянина, привезшего умирающую дочь в больницу. Понимая, что после смерти жены он теряет и дочь, мужчина готов валяться в ногах у единственного человека, способного помочь ему. Это крайнее проявление социального статуса просителя:

(22) «Он без шапки, в растянутом полушубке, со свалывшейся бородкой, с безумными глазами.

Он перекрестился, и повалился на колени, и бухнул лбом в пол. Это мне.

<...>

– Что вы, что вы, что вы! – забормотал я и потянул за серый рукав.

Лицо его перекосило, и он, захлебываясь, стал бормотать в ответ прыгающие слова:

– Господин доктор... господин... единственная, единственн... единственная! – выкрикнул он вдруг по-юношески звонко, так что дрогнул ламповый абажур. – Ах ты, господи... Ах... – Он в тоске заломил руки и опять забухал лбом в половицы, как будто хотел разбить его. – За что? За что наказание?.. Чем прогневали?

<...>

– Господин доктор... что хотите... денег дам... денег берите, какие хотите. Какие хотите. Продукты будем доставлять... только чтоб не померла. Только чтоб не померла. Калекой останется – пуцай».

На крестьянский сословный статус просителя указывает диалектные формы *померла*, *пуцай*, характерные для среднерусских говоров, и обещание доставлять продукты.

Дочь выжила и приехала с отцом через два с половиной месяца благодарить доктора за сохраненную жизнь с подарком – собственноручно вышитым полотенцем. При их встрече отец распорядился: (23) «*Руку поцелуй*» – в знак статусной благодарности просителя за выполненную просьбу.

Выводы. В результате проведенного исследования были выявлены языковые средства (терминологическая лексика медицинского дискурса, конструкции сравнения, фразеологизмы, метафоры, метонимии, формулы выражения уважения и субординации и др.), отражающие профессиональный, возрастной, сословный, служебный социальные статусы их обладателей, в частности, социальные статусы молодого врача, пожилого фельдшера, крестьянина, просителя. Эти же средства, особенно лексика медицинского дискурса, определяют специфику формирования и эволюции, совершенствования профессиональной языковой картины мира молодого врача. В статье проанализированы средства художественной выразительности, основанные на материале профессиональной картины мира медика.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д., *Метонимия* [в:] *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва 1990.
- Булгаков М.А., *Записки юного врача*, [online] http://www.bulgakov.ru/library/zapiski_yunogo_vracha/ [18.08.2020].
- Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А., *Краткий справочник по современному русскому языку*, Москва 1991.

- Коккіна Л.Р., *Еволюція мовної картини світу бальзаківського віку у французькій літературі*, „Мова: науково-теор. часопис з мовознавства”, № 19/2013.
- Корнилов О.А., *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*, 2-е изд., доп., Москва 2003.
- Литературный энциклопедический словарь*, ред. В.М. Кожевников, П.А. Николаев, Москва 1987.
- Степанов Е.Н., *Взаимодействие научных лингвистических подходов в исследовании русской городской речи*, „Мова: науково-теор. часопис з мовознавства”, № 21/2014.
- Weber M., *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*: in 2 vol., eds. G. Roth, C. Wittich, Berkeley 1978.

STATUS DESCRIPTIONS OF CHARACTERS IN A LITERARY WORK SOCIAL

Summary

The purpose of this article is to consider the artistic and language specifics of the story "Towel with a Rooster" from the series "Notes of a Young Doctor" by Mikhail Bulgakov through the prism of the social status of his characters, their language pictures of the world. As a result of the study, language means reflecting the professional, age, class, job social status of their owners, in particular, social statuses of a young doctor, an elderly paramedic, a peasant, a supplicant were identified. Such means are terminological vocabulary of medical discourse, comparison constructions, phraseological units, metaphors, metonymy, formulas for expressing respect and subordination, etc. The vocabulary of medical discourse determines the specifics of the formation and evolution, improvement of the young doctor's professional language picture of the world. The article analyzes the means of artistic expression based on the material of the professional worldview of a physician.

Keywords: professional, age, class, job social status; social status of a doctor, paramedic, peasant, supplicant; artistic language means; Mikhail Bulgakov

Зофья ЧАПИГА

Жешувский университет, Польша

ORCID: 0000-0002-6556-1015

АДВЕРБИАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ИНТЕНСИВНОСТИ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: эмоции, интенсивность, русский язык, польский язык

Понятия *эмоции* и *чувства* неодинаково понимаются психологами. Эмоции (от лат. *emovere* – возбуждать, волновать) – это особый вид психических процессов или состояний человека, которые проявляются в переживании каких-либо значимых ситуаций (радость, страх, удовольствие), явлений и событий в течение жизни. Эмоции выступают в качестве главных регуляторов психической жизни и возникают в процессе практически любой активности человека. Чувства же (англ. *Sentiments*) – это устойчивые эмоциональные переживания человека, возникающие в процессе его отношений с окружающим миром. Чувства формируются и вырабатываются в ходе развития и воспитания человека. В них отражается значение каких-либо явлений, предметов, событий для человека, его внутреннего мира, потребностей и мотивов¹. В обоих случаях это особый вид психического состояния человека. Как в научной литературе, так и в обиходном языке эти термины взаимозаменяются, и так они будут использоваться в настоящей статье.

Эмоциональные состояния человека различаются степенью интенсивности их проявления. *Интенсивность* имеет синонимические понятия *сила*, *мощность*, *усиление*, *напряженность*². Эта семантика связана с такими понятийными категориями как *квалитативность*, *квантитативность* и *компаративность*³, причем она не является категорией степени. Как отмечает Е. Стрась, в случае интенсивности приравнивается количество признака норме: „intensywność wykorzystuje rezultaty gradacji, która opiera się na ukła-

¹ <https://www.psychologies.ru/glossary/27/emotsii/>; *Słownik psychologiczny*, red. W. Szewczuk, wyd. II, Warszawa 1985, s. 76, 332.

² <https://classes.ru/>. В польском языке *intensywność* также определяется синонимическими понятиями ‘*natężenie, nasilenie, napięcie; moc, siła*’ (SDor).

³ *Большой энциклопедический словарь. Языкознание*, ред. В.Н. Ярцева, Москва 1998, с. 385.

dzie skali wyznaczanej przez wartości biegunowe, a także stałe konstrukcje komparatywne, zawierające w swoim składzie skonkretyzowaną normę⁴. Интенсификация служит выделению определенного состояния среди ему подобных путем субъективного восприятия его меры, отличающейся от нормальной⁵. Ее лексическими показателями являются интенсификаторы⁶, модифицирующие семантику языкового знака, обогащая его значением интенсивности. К ним относятся самостоятельные лексические единицы, чаще всего меры и степени.

Категория интенсивности появляется в лингвистической литературе при описании различных иных семантических и грамматических категорий⁷. Интенсивность обычно ассоциируется с наречиями меры и степени, поэтому можно ее представить в виде градационной шкалы:

- высокая степень,
- средняя,
- малая, небольшая степень признака⁸.

Уровень насыщения признака различается по отношению к исходному пункту, которым для нейтральной единицы будет нулевой уровень. Повышению интенсивности признака часто сопутствует элемент оценки, способствующий передвижению интенсивности в сторону экспрессивности⁹.

⁴ E. Straś, *Kategoria intensywności we frazeologii języka polskiego i rosyjskiego*, Katowice 2008, s. 20.

⁵ С.Е. Родионова, *Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке* [в:] *Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры*, ред. А.В. Бондарко, Санкт-Петербург 2005, с. 154-158.

⁶ Лексическими показателями интенсивности являются интенсификаторы, передающие это значение эксплицитно, и интенсификаты – передающие имплицитно. Zob. С.Е. Родионова, *Семантика интенсивности...*, с. 159.

⁷ Ср. м. проч.: Е. Кржижкова, *Количественная детерминация прилагательных в русском языке* [в:] *Синтаксис и норма*, ред. Г.А. Золотова, Москва 1974, с. 122-143; Е.И. Шейгал, *Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке*, Дис. ... канд. филол. наук, Москва 1981; D. Chudyk, *Semantyka i łączliwość przysłówków gradualnych w języku rosyjskim w porównaniu z ekwiwalentami polskimi (na materiale tekstów literatury pięknej)*, Rzeszów 2006; E. Janus, *Wykładniki intensywności cechy (na materiale polskim i rosyjskim)*, Wrocław 1981; E. Wołodźko, *Przysłówki w języku polskim i rosyjskim*, Warszawa 1984.

⁸ R. Grzegorzczkova, *Funkcje semantyczne i składniowe polskich przysłówków*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1975, s. 80; С.А. Григорьева, *Степень и количество (русские наречия: очень, весьма, сильно, полностью, целиком)* [в:] *Труды Международного семинара Диалог 2001 по компьютерной лингвистике и ее приложения*, http://www.dialog21.ru/trends/archive_article.asp?param=6668&y=2001&vol=6077 [доступ 30.06.2020]

⁹ См. м. проч.: С.Е. Родионова, *Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий* [в:] *Славянский вестник*, вып. 2, Москва 2004, с. 306; Е.И. Шейгал, *Интенсивность как компонент семантики слова...*, с. 61.

Предметом настоящего описания являются адвербиальные показатели интенсивности эмоционального состояния в русском и польском языках. Фактический материал почерпнут из интернет-корпусов обоих языков, главным образом из литературных текстов¹⁰.

1. Показатели высокой степени интенсивности эмоций

В обоих языках наиболее богат лексикон наречных показателей высокой степени интенсивности эмоций. Кроме типичного, нейтрального наречия *очень* ('весьма, чрезвычайно, в сильной степени')¹¹ и его польского эквивалента *bardzo* ('w wysokim stopniu') широко используются синонимичные наречия, окрашенные эмоционально и стилистически. Вот важнейшие из них: *безмерно* 'очень, чрезмерно', *крайне* 'очень, чрезвычайно', *невероятно* 'очень, чрезвычайно', *невыносимо* 'трудно, невозможно вынести, вытерпеть; нестерпимо', *необыкновенно* 'очень, чрезвычайно', *несказанно* 'трудно, невозможно передать словами; неопишимо', *сильно* 'очень, весьма, крайне', *смертельно* 'разг. чрезвычайно, очень сильно', *страшно* 'разг. очень сильно (о степени проявления, интенсивности чего-л.)', *чертовски* 'очень, до крайности', *чрезвычайно* 'очень, весьма'; *nieprawdopodobnie* 'bardzo, niezwykle, niesłychanie', *niewiarygodnie* 'tak, że trudno uwierzyć', *niezmiernie* 'bardzo intensywnie; ogromnie, bezbrzeżnie', *niezwykle* 'nadzwyczajnie, bardzo', *ogromnie* 'w wysokim stopniu; bardzo, nadzwyczaj, niezmiernie, wielce', *okropnie* 'pot. bardzo, ogromnie, niezmiernie', *piekielnie* 'bardzo, ogromnie, niezwykle', *potwornie* 'w dużym stopniu, ogromnie, niezmiernie, bardzo', *przeokropnie* 'pot. ogromnie, bardzo intensywnie (zwykle o czymś ocenianym ujemnie)', *strasznie* 'pot. bardzo, nadzwyczaj, niezmiernie', *szalenie* 'książk. w dużym stopniu; niezmiernie, ogromnie' и т.п. Выражают они интенсивность эмоционального состояния, названного обычно именем прилагательным или причастием, а также глаголом, напр., *очень, безмерно, безгранично, бесконечно, безумно, крайне, невероятно, невообразимо, невыразимо, необыкновенно, несказанно, неслыханно, сильно, слишком, смертельно, страшно, ужасно, чересчур, чрезвычайно* взволнован, возбужден, возмущен, восхищен, влюблен, доволен, испуган, обижен, рад, раздражен, счастлив, удивлен; боялся, волновался, испугался, любил, нерв-

¹⁰ Национальный корпус русского языка, www.ruscorpora.ru; Narodowy Korpus Języka Polskiego, <http://nkjp.uni.lodz.pl/>.

¹¹ Толкование лексем приводится по: *Словарь русского языка в четырех томах*, А.П. Евгеньева (ред.), т. 1–4, Москва 1981–1984 (skrót СЕвр.); *Uniwersalny słownik języka polskiego*, red. S. Dubisz, Warszawa 2006 (skrót USJP).

ничал, радовался, скучал, страдал itd.; **bezgranicznie, całkiem/całkowicie, kompletnie, nadzwyczaj, nieopisanie, nieprawdopodobnie, niewiarygodnie, niezmiernie, niezwykle, ogromnie, okropnie, piekielnie, potwornie, szalenie, zanadto, zbytnio/zbyt, zupełnie przygnębiony, rad, rozżalony, smutny, szczęśliwy, ucieszony, wdzięczny, zadowolony, zaskoczony, zdenerwowany, zdumiony, zdziwiony; bał się, cieszył się, kochał, martwił się, rozgniewał się, wstydził się, wystraszył się, dziwił się, żałował**¹² и т.п. В текстах они появляются как в высказываниях субъектов, испытывающих эти состояния, так и в авторском повествовании. См.:

[1] – Ну вот, все и кончилось, – говорил арестованный, благожелательно поглядывая на Пилата, – и я **чрезвычайно** этому рад.

(М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*)

[2] Илюша **очень любил** девочек, но **безумно** их стеснялся.

(А. Тарасов, *Миллионер*)

[3] – Простите, я виновата..., **чересчур обрадовалась** находке и утратила бдительность...

Тот, кто хорошо знал Машу, понял бы, что она **очень испугана**, только поэтому просит прощения.

(Н. Александрова, *Последний ученик да Винчи*)

[4] I mimo że ciotka Agata bardzo gniewała się o to, jak powiedziała, „bieganie nie wiadomo po co” – Karolcia **była ogromnie szczęśliwa**. W zaciśniętej dłoni czuła podłużny, twardy kształt koralika.

(М. Krüger, *Karolcia*)

[5] – Wszędzie ciasno. Nawet tej ziemiarki niektórzy nam zazdroszczą. Latem mamy step, poczekał do wiosny.

– Kiedy **okropnie** za tobą **się stęskniłem**.

(J. Krzysztoń, *Wielbłąd na stepie*)

[6] – Panie dyrektorze – wykrztusił z zaciśniętego gardła, niespodziewanie dla samego siebie po polsku – panie dyrektorze, przyszedłem panu powiedzieć, że **się cieszę, strasznie się cieszę** z tego, że już skończyłem gimnazjum...

(Т. Dołęga Mostowicz, *Kiwony*)

Большинство перечисленных интенсификаторов сочетается также с наречиями и предикативами¹³, причем круг названий эмоциональных состояний ограничен. Это прежде всего негативные эмоции: **очень, безгранично, безмерно, безумно, бесконечно, крайне грустно, жалко, жа-**

¹² Весь иллюстративный материал заимствован из корпусов.

¹³ В лингвистической литературе предикативы определяются разными терминами: *слова категории состояния, предикативные наречия, слова категории стани, прysłовки предыкатуны*. Они называют психические состояния человека и выполняют предикативную функцию в предложениях без субъекта, выраженного формой именительного падежа. См.: М. Мocarz, *Predykatywy leksykalne w konfrontacji przekładowej*, Lublin 2005, s. 15-23.

*лостно, жаль, неприятно, печально, скучно, стыдно, тоскливо; **bardzo, niezmiernie, ogromnie, okropnie, potwornie, straszliwie, strasznie przykro, smutno, wstyd, żal.** См.:*

[7] Мне **жаль, слишком жаль**, что я не видался с тобою перед отъездом.
(Н. Гоголь, *Письма*)

[8] И **было стыдно, невообразимо стыдно** так встречаться со своей мечтой.
(Л. Дурнов, *Жизнь врача*)

[9] Maciusiowi **bardzo żal było** biednych ludzi, którzy tacy byli dla niego dobrze.
(J. Korczak, *Król Maciuś Pierwszy*)

[10] Wszystkim nam **zrobiło się niezmiernie smutno.**
(J. Brzechwa, *Akademia pana Kleksa*)

Положительные эмоциональные состояния сигнализируют немногочисленные наречия: *приятно, весело, радостно; przyjemnie, wesolo*, напр.:

[11] – Мне **очень приятно, радостно**, что наша скромная работа получила столь высокую оценку.
(М. Козаков, *Актерская книга*)

[12] – Весело, – сказал, вздохнув, офицер, – да, мне там **очень весело, слишком весело...**
(В. Соллогуб, *Метель*)

[13] А когда журналист назвал тебя моей женой, мне неожиданно **стало чертовски приятно.**
(А. Маринина, *Чужая маска*)

[14] **Jest mi tu bardzo przyjemnie.** Pan jest bardzo wesoły, a ten Paweł to jakiś poczciwy człowiek.
(K. Makuszyński, *Szaleństwa Panny Ewy*)

[15] – Czemu się pani śmieje?
– Bo mi **bardzo wesolo**, proszę pana! – odrzekł „zadarty nos”.
(K. Makuszyński, *Szaleństwa Panny Ewy*)

[16] Jednak przestałem gwizdać i rozkładałem się leniwie. **Jest mi ogromnie przyjemnie**, świeci słońce.
(S. Dygat, *Jezioro Bodeńskie*)

Выражения *очень приятно, bardzo mi przyjemnie* широко употребляются также как вежливое обращение при приветствии, при встрече с незнакомым и т.д. (хотя не всегда отображают фактическое эмоциональное состояние говорящего), напр.:

[17] – Познакомься, это Игорь Опарин. – **Очень приятно!** Что-то я вас раньше не встречала!
(М. Милованов, *Рынок тифлиса*)

[18] Это сын ваш? **Очень, очень приятно** с вами познакомиться. Я знал вас совсем маленьким...
(М. Козаков, *Актерская книга*)

[19] – Możemy się zapoznać. Janek Lachowicz jestem, **bardzo mi przyjemnie.**
(K. Orłoś, *Niebieski szklarz*)

Разная бывает шкала интенсивности эмоций, выражаемой описываемыми наречными определителями. Некоторые из них сигнализируют интенсивность признака, состояния или психической реакции сверх нормы, как например, наречия *абсолютно, совершенно, совсем; całkowicie, kompletnie, zupełnie*, которые обозначают максимальную, полную степень интенсивности, т.е. такую, что не может уже увеличиться. Лексемы *слишком, чересчур; zbyt¹⁴, zbyt¹⁴, zanadto¹⁵* обозначают чрезмерную степень эмоциональных ощущений, превышение определенных норм, а *безгранично, безмерно, бесконечно, беспредельно, крайне, предельно; bezgranicznie, nadzwyczaj, niezmiernie, maksymalnie, ogromnie, skrajnie* информируют о неограниченной интенсивности испытываемой эмоции. В свою очередь интенсификаторы *невообразимо, невыразимо, непередаваемо, несказанно, неслыханно, nieopisanie, niesamowicie, niewiarygodnie, niewypowiedzianie* и т.п. используются в контексте столь высокой степени эмоциональных ощущений, что их описание или вербализация становится значительно затруднительной (осложненной).

О чрезвычайной интенсивности эмоций свидетельствуют также добавочные средства языковой организации высказывания, значительно увеличивающие его экспрессивность. Ср. нижеприведенные примеры:

[20] Конечно, мамочка... **Стыдно, стыдно, невыразимо стыдно!** – Она закрыла лицо ладонями.

(Ю.В. Трифонов, *Исчезновение*)

[21] – Поликсена Васильевна, – заговорила Вешнякова, – напишите Аристарху Платоновичу, что я **безумно, безумно** ему благодарна!

(М. Булгаков, *Записки покойника*)

[22] И я **счастлив, безмерно счастлив**, что Россия, ее народ первыми в мире осознали это.

(Б. Васильев, *Были и небыли*)

¹⁴ В некоторых контекстах это слово становится показателем низкой степени: '2. W zdaniach zaprzeczonych słowem *zbyt* określamy cechy, które przysługują komuś lub czemuś w niewielkim stopniu albo nie przysługują wcale. Użycie często ironiczne' (ISJP). Ср. *Konrad miał bogate doświadczenia [...] Wcale nie był zbyt¹⁴ zadowolony, kiedy Grażyna zawołała Patryka.* (M. Harny, *Zdrayca*)

¹⁵ Эта лексема в зависимости от типа предложения является показателем высокой или низкой степени: 'zanadto 'dodajemy do czasownika lub poprzedzamy przymiotnik lub przysłówek, aby powiedzieć, że 1.1. jakaś cecha ma większe natężenie, niż chcemy lub niż potrzeba, 1.2. jakaś cecha lub zjawisko mają natężenie tak duże, że wykluczają stan rzeczy, o którym mowa w zdaniu poprzednim; 2. W zdaniach zaprzeczonych słowem *zanadto* określamy cechy, które przysługują komuś lub czemuś w niewielkim stopniu albo nie przysługują wcale. Użycie często ironiczne' (ISJP). Ср. *Lewandowski po cichu zawsze myślał o zięciu trochę lekceważąco [...] Więc i teraz nie dziwił się zanadto jęgo wystraszonej złości.* (L. Kruczkowski, *Szkice z piekła uczciwych*)

[23] Łzy stanęły mi w oczach, poczułem się **się potwornie, potwornie nieszczęśliwy**. Boże! Gdyby można bezboleśnie skończyć z tym wszystkim...

(M. Sokołowski, *Gady*)

[24] Przeraziłam się. Naprawdę się przeraziłam! Na Boga, co ja miałam w tej sytuacji zrobić z moim planem życiowym? [...] Okropnie **cierpiałam. Okropnie**.

(A. Bojarska, M. Bojarska, *Siostry B.*)

[25] **Jakaś ty szczęśliwa**, Mirko, **jakaś ty strasznie szczęśliwa!** Ty mnie, Mirka, nawet w połowie tak nie kochasz, jak ja ciebie, nigdy cię tęsknota do takich szaleńczych czynów nie pchnęła i nie pchnie jak mnie.

(M. Dąbrowski, M. Dąbrowska, *Ich noce i dnie*)

Эмоциональное вовлечение говорящего чаще всего актуализируется через восклицательную интонацию, достигаемую с помощью силы и высоты голоса [20, 21, 25]. Также редупликация (повтор) слов обозначает значительную интенсивность эмоциональных ощущений говорящего. В ситуации сильного возбуждения повторяются как интенсификаторы [21, 23, 24], так и названия эмоций [20, 22, 25], причем интенсификатор появляется обычно при последнем члене, сигнализируя все высшую степень ощущаемого стыда, благодарности, счастья. Редупликации компонентов, являющейся существенной доминантой эмоциональных высказываний¹⁶, сопутствует также парцелляция адвербиального определителя [24], т.е. выделение в отдельную коммуникативную единицу с целью повышения его значимости. В обиходной речи используются усилители экспрессивности высказываний в виде наречий в их вторичном, секундарном значении [21, 25]. Все эти языковые средства служат четкому и внушительному выражению эмоций и внутренних состояний говорящего, отображая субъективное эмоциональное отношение к теме высказывания и к собеседнику.

2. Показатели средней степени интенсивности эмоций

Немногочисленны показатели средней степени интенсивности эмоций. Это наречия *довольно* 'до некоторой степени; в достаточной степени', *достаточно* 'столько, сколько нужно, сколько требуется', *относительно* 'более или менее, до некоторой степени', *dosyć/dość* 'tyle, ile trzeba; dostatecznie, wystarczająco dużo'. В обоих языках относятся они к эмоциональному состоянию, названному именем прилагательным, причастием

¹⁶ A. Grzesiuk, *Składnia wypowiedzi emocjonalnych*, Lublin 1995, s. 135. См. также работу автора *Повтор как средство выражения эмоций (на материале русского и польского языков)*, „Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica” 2014/10, s. 69-78.

и наречием, а в польском языке также глаголом¹⁷, напр., *довольно* *wesel, возбужден, несчастлив, рассеян, спокоен, относительно доволен, весел, счастлив; dosyć dumny, poirytowany, przygnębiony, zadowolony, dość przerażeni; довольно стыдно, dość nieufnie, złośliwie; dosyć się dziwił, dość się speszył, wstydził; najadł wstydu* и т.п. Выделенные наречия обозначают, что данное эмоциональное состояние достигло достаточной степени интенсивности, что проявляется оно в большой, но не самой большой степени. Ср.:

- [26] Однако, Берман **был относительно доволен**. Засада могла бы означать катастрофу.
(И.Л. Солоневич, *Две силы*)
- [27] Он сидел один и **был довольно спокоен**, хотя испытывал некоторый неуют и предчувствие болезненных ощущений, как в приемной зубного врача.
(Ю. Трифонов, *Дом на набережной*)
- [28] Мне **довольно стыдно**, что не могу подобрать более точных сравнений для своего ощущения.
(М. Палей, *Ланч*)
- [29] Siadam na ławce, świeży wietrzyk chłodzi mi czoło. Zakładam nogę na nogę, rozpieram się niedbale i **jestem z siebie dosyć zadowolony**.
(S. Dygat, *Jeziro Bodeńskie*)
- [30] Może pomogła suma wyasygnowana przez Borowskiego, a może Niemcy uznali, że ludzie są już **dość przerażeni**?
(T. Bojarska, *Świtanie, przemijanie*)
- [31] Na zakończenie chciałbym jeszcze poruszyć problem, który jako naukowiec **dosyć** mnie **trapi**.
(A. Krzywicki, *Diabelski młyn*)

В случае позитивных эмоций эта степень является удовлетворяющей: 'X был достаточно доволен, спокоен', а негативные состояния не оказываются слишком интенсивными.

3. Показатели небольшой степени интенсивности эмоций

Небольшую степень интенсивности эмоций сигнализируют наречия *немного/немножко* 'в некоторой степени; чуть-чуть, слегка', *не очень* 'значение ограниченного отрицания', *несколько* 'немного, чуть-чуть, в некоторой степени', *слегка* 'немного, чуть-чуть', *чуть* 'совсем немного, слегка, в незначительной степени; едва, еле'; *niewiele* 'książk. przysłówek komunikujący, że stopień cechy lub zakres stanu bądź zjawiska, nie jest duży; trochę', *nie bardzo, lekko* 'w niewielkim stopniu natężenia, słabo', *z lekka*¹⁸ 'nieznacznie,

¹⁷ В русском языке наречия этой семантической группы не сочетаются с глаголами. См. *Словарь русского языка в четырех томах...*, т. 1 (СЕВг.), слово *довольно*, с. 414.

¹⁸ Сочетание *z lekka* используется в функции наречия.

trochę, *odrobinę* ‘w niewielkim stopniu natężenia, słabo’, *trochę* ‘przysłówek komunikujący, że stopień cechy lub zakres stanu bądź zjawiska, nie jest duży’, *trochę/troszkę* ‘pot. forma zdr. o odcieniu intensywnym od *trochę*’. Чаще всего они относятся к состоянию, названному именем прилагательным, причастием и глаголом, реже наречием или предикативом, напр.: **немного/немножко, несколько, слегка, чуть** *взволнованный, возбужденный, возмущенный, встревоженный, грустный, испуганный, обиженный, обрадованный, огорченный, раздраженный, смущенный, удивленный, успокоенный; lekko / z lekka, odrobinę, nieco, nie bardzo, trochę/troszkę niezadowolony, oszłomiony, przestraszony, rozczarowany, smutny, spłoszony, szczęśliwy, urażony, uspokojony, wystraszony, zagniewany, zaskoczony, zawstydzony, zażenowany, zdumiony, zdziwiony, zły, zmieszany, zniecierpliwiony; немного, слегка, чуть* боялся, волновался, встревожился, нахмурился, обрадовался, помрачнел, успокоился; **nieco, trochę/troszkę, z lekka** się (za)niepokoił, poweselał, przestraszył, stropił, uspokoił, wzruszył, zatrwożył, zmieszał; **немного, немножко, чуть** грустно, жаль, обидно, стыдно; **nieco** drwiąco, nerwowo, pogardliwie, złośliwie, **trochę/troszkę, odrobinę** przykro, smutno, straszno, wstyd, żal и т.п. Приведенные наречные показатели информируют о незначительной, трудной для точного определения степени эмоционального состояния, однако, несомненно, она небольшая. В подавляющем большинстве случаев относятся они к негативным состояниям, как бы сглаживая, ослабляя их пейоративный характер. Ср.:

[32] Кузя, **слегка смущенный**, но счастливый, получил рисунок и долго его разглядывал.

(А. Лукьянов, *Палка*)

[33] Он несколько раз оборачивался... и, **несколько грустный**¹⁹, вышел на незнакомый, неприветный берег...

(К.М. Станюкович, *Вокруг света на Кориуне*)

[34] Мне тоже **немного стыдно** за тебя и за себя.

(О. Пескова, *Погода*)

[35] Приходила каждый вторник и пятницу, занималась со мной допоздна, **чуть хмурилась**, когда объясняла, не улыбалась, не смеялась, серьезная, сосредоточенная [...]

(А. Рыбаков, *Тяжелый песок*)

[36] Pan Cezary zrazu **był** nieswój, **nieco smutny**. [...] Karmiłem i poilem go suto, więc z czasem oswoił się, przystosował.

(М. Komar, *Wtajemniczenia*)

¹⁹ В примерах [32–33] интенсификация касается не главного, а добавочного предиката в структуре полипредикативного предложения: *Кузя получил рисунок + Он был слегка смущенный; Он вышел на незнакомый берег + Он был несколько грустный*. Шире об этого типа предложениях см. работу автора *Polipredykatywność zdania pojedynczego w języku polskim i rosyjskim*, Rzeszów 2003, s. 187-194.

[37] **Uspokoil się nieco** dopiero, kiedy nadeszła pora opuszczenia statku.

(A. Szklarski, *Tomek w krainie kangurów*)

[38] **Było mi trochę straszno**, ale patrzę: słońce, wszędzie cisza i droga wolna, na moście pusto, Diego czeka, jadę tam.

(J. Bocheński, *Tabu*)

[39] **Byłem z lekka oszołomiony**, ciągle nie wierzyłem, że dobrze go rozumiałem.

(A. Baniewicz, *Afrykanka*)

В обоих сопоставляемых языках высказывания с такими выражениями лишены типичной для эмотивных предложений экспрессивности. Степень интенсивности эмоциональных ощущений настолько низкая, что нет необходимости подбирать добавочные языковые средства.

Таким образом, интенсивность эмоциональных состояний можно представить в виде трех степеней их проявления: высокой, средней и низкой. Приведенный фактический материал подтверждает большое разнообразие адвербиальных показателей интенсивности эмоциональных состояний человека. В обоих языках наиболее многочисленными оказываются лексемы со значением «степень больше нормы». Они относятся как к положительным, так и к отрицательным эмоциям, называемым именами прилагательными, причастиями, глаголами и наречиями (или предикативами). В случае этих последних доминируют негативные состояния: жаль, стыд, грусть, страх (*очень жалко, жалостно, жаль, грустно, печально, скучно, стыдно; bardzo przykro, smutno, wstyd, żal*, хотя возможны также *очень приятно, весело, радостно; bardzo przyjemnie, wesole*). Менее многочисленными являются показатели низкой степени интенсивности эмоциональных ощущений (*немного/немножко, несколько, слегка, чуть; lekko / z lekka, odrobinę, nieco, nie bardzo, trochę/troszkę*), а о средней степени сигнализируют лишь наречия *довольно, достаточно, относительно; dosyć/dość*. Такая диспропорция несомненно вытекает из факта, что интенсификация служит для выражения данного состояния среди ему подобных по принципу субъективного отнесения к понятию меры, отличающейся от нормы. Сильные чувства определяются обычно наречными показателями полной, высокой степени, а слабые – средней или небольшой.

ОБЪЯСНЕНИЕ СОКРАЩЕНИЙ

ISJP – *Inny słownik języka polskiego*, M. Bańko (red.), Warszawa 2000.

SDor – *Słownik języka polskiego*, W. Doroszewski (red.), Warszawa 1958–1964.

USJP – *Uniwersalny słownik języka polskiego*, S. Dubisz (red.), Warszawa 2006.

СЕвг. – *Словарь русского языка в четырех томах*, А.П. Евгеньева (ред.), т. 1–4, Москва 1981–1984.

ЛИТЕРАТУРА

- Большой энциклопедический словарь. Языкознание*, ред. В.Н. Ярцева, Москва 1998.
- Григорьева С.А., *Степень и количество (русские наречия: очень, весьма, сильно, полностью, целиком)* [в:] *Труды Международного семинара Диалог 2001 по компьютерной лингвистике и ее приложения*. http://www.dialog21.ru/trends/archive_article.asp?param=6668&y=2001&vol=6077 [доступ 30.06.2020]
- Кржижкова Е., *Количественная детерминация прилагательных в русском языке* [в:] *Синтаксис и норма*, ред. Г.А. Золотова, Москва 1974, с. 122-143.
- Родионова С.Е., *Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке* [в:] *Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры*, А.В. Бондарко (ред.), Санкт-Петербург 2005, с. 154-158.
- Шейгал Е.И., *Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке*, Дис. ... канд. филол. наук, Москва 1981.
- Wołodźko E., *Przysłówki w języku polskim i rosyjskim*, Warszawa 1984.
- Grzegorzczkova R., *Funkcje semantyczne i składniowe polskich przysłówków*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1975.
- Grzesiuk A., *Składnia wypowiedzi emocjonalnych*, Lublin 1995.
- Janus E., *Wykładniki intensywności cechy (na materiale polskim i rosyjskim)*, Wrocław 1981.
- Moczarz M., *Предикативы лексикальные в конfrontации переводческой*, Lublin 2005.
- Słownik psychologiczny*, ред. W. Szewczuk, wyd. II, Warszawa 1985.
- Stras̄ E., *Kategoria intensywności we frazeologii języka polskiego i rosyjskiego*, Katowice 2008.
- Chudyk D., *Semantyka i łączliwość przysłówków gradualnych w języku rosyjskim w porównaniu z ekwiwalentami polskimi (na materiale tekstów literatury pięknej)*, Rzeszów 2006.
- Czapiga Z., *Повтор как средство выражения эмоций (на материале русского и польского языков)*, „Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica” 2014/10, s. 69-78.
- Czapiga Z., *Polipredykatywność zdania pojedynczego w języku polskim i rosyjskim*, Rzeszów 2003. <https://www.psychologies.ru/glossary/27/emotsii/>.

**ADVERBIAL MARKERS OF EMOTIONAL INTENSITY
IN RUSSIAN AND POLISH**

Summary

The article discusses adverbial markers of emotional intensity in Russian and Polish. There are three degrees of the phenomenon: high, medium and low. The most frequent occurred to be markers with “the level higher than average”. They pertain to both – positive and negative emotions, being adjectives, participles, verbs or adverbs.

Keywords: emotions, intensity, Russian, Polish

Елена ЧАЩИНА

Познаньский университет им. Адама Мицкевича, Польша
ORCID: 0000-0002-0309-9179

ИЗ ИСТОРИИ НАИМЕНОВАНИЙ МЕСТ ТОРГОВЛИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: лексика торговли, семантика, историческая лексикология, Древняя Русь

Торговля с незапамятных времен занимала важное место в жизни общества, в том числе в период становления русского протогосударства, однако о том, каким образом осуществлялись торговые операции в Древней Руси, нам известно не так много. В дописьменный период основные данные были получены из свидетельств путешественников, посещавших города и другие населенные пункты на данной территории. В дальнейшем письменные источники, в том числе берестяные грамоты, первые законодательные акты, разного рода договоры, а также тексты церковного характера позволили в определенной степени прояснить картину торгового обмена, происходившего в столь отдаленный от нас период. В настоящей статье нам хотелось бы подробнее остановиться на наименованиях мест торговли: рассмотреть развитие семантики лексем, их происхождение, а также культурный контекст, связанный с мировидением русов.

Важным является утверждение историков о том, что «внешняя торговля превалировала над внутренней, если последняя вообще практиковалась, поскольку данных, подтверждавших ее существование, у исследователей нет»¹. Данное положение подтверждается семантикой лексемы *погост* как места, где осуществлялась торговля. Существительное *погост* связано, в свою очередь, со словами *гость* – ‘торговец, купец, прежде всего приезжий человек, пришелец’ и *гостьба* – ‘торговля’. Глагол *гостити* употреблялся в интересующий нас период со значением ‘торговать, приезжать,

¹ И.Я. Фроянов, *Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия*, Санкт-Петербург 1992, с. 37.

ездить с целью торговли². Историк Б.А. Рыбаков отмечает: «Облик древнерусского гостя X – XI вв. представить легко; среди русских курганов имеется много погребений купцов X – XI вв., которые дополняют сведения письменных источников. Гость X и начала XI в. – это прежде всего дружинник, прекрасно вооруженный. На боку у него стальной меч, в руках – копье... Дружины гостей-воинов нередко сочетали торговлю с грабежом и военными нападениями³. По этой причине население боялось впускать иноземцев, в которых оно видело прежде всего врагов, на территорию города. Прибывшие купцы, как правило, располагались за городской стеной, причем на определенное время, которое им для этого отводилось. Как сообщает путешественник Ибн-Фадлан,

«Я видел русов, когда они пришли со своими товарами и расположились на реке Итиль. Каждый из них имеет при себе неразлучно меч, нож и секиру. ... При этом они остановились не в самом городе, а на некотором расстоянии его, по Волге. ... Там они оставались до тех пор, пока не успевали продать товары, но постоянно не проживали, а являлись лишь временно для торговли. Они молились своим идолам, чтобы они послали им покупателей товаров, которые бы купили у них все и с ними бы не торговались»⁴.

Также в соответствии с договорами Руси с Византией приезжающим в Царьград русским купцам разрешалось жить только в предместьях у монастыря св. Мамы, но не в самом городе. Такие же меры предпринимались повсеместно на Западе в средневековую эпоху⁵. Иностранные торговцы и на территории Руси располагались за пределами города, в частности немцы, прибывшие в Новгород Великий, не впускались в город, а осуществляли торговлю в Гостинополе, которое, предположительно, было островом на Волхове⁶. Таким образом, *гостями* именовались купцы, осуществлявшие торговые операции с другими городами или странами, то есть с внешним миром. К вопросу о том, почему они получили такое наименование, мы обратимся ниже.

К X в. погост как место торговли уже является архаикой и приобретает новые функции: становится финансово-административным и судебным центром. Княгиня Ольга после гибели своего мужа князя Игоря, напра-

² *Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию*, Санкт-Петербург 1899, с. 148.

³ Б.А. Рыбаков, *Торговля и торговые пути* [в:] *Культура Древней Руси*, под ред. Б.Д. Грекова, М.И. Артамонова, Москва – Ленинград, 1951, с. 365-366.

⁴ А.Я. Гаркави, *Сказания мусульманских писателей о славянах и русских*, Санкт-Петербург 1870, с. 93 и след.

⁵ И.М. Кулишер, *История русской торговли до девятнадцатого века включительно*, Петербург 1923, с. 21-22.

⁶ Там же, с. 23.

вшившегося повторно за данью к древлянам, устанавливает на погостах места сбора дани и размещает в них своих представителей: *В лето 6455, иде Вольга Новгороду и устави по Мьсте погосты и дани и по Лузе, оброки и дани*⁷. На погосте также собирается вече, проводится суд. На внешней стороне берестяной грамоты № 154, содержащей описание судебного процесса, в котором говорится об опросе свидетеля и обстоятельствах дела, значится: *а то диялось на погосте на торге*⁸. В берестяной грамоте № 531 некая Анна пишет своему брату Климяте о своем конфликте с Коснятином и сообщает: *И позовало мене во погосто. И язю прехала...*⁹. Формула *позвати в погост* означала вызов в суд для предъявления обвинения¹⁰.

Отметим, что погост также обозначал место, где находилась церковь, а так как при ней хоронили покойников, то и кладбище. Таким образом, в топографии погоста мы можем отметить церковь, кладбище и торг. Для понимания данного обстоятельства необходимо обратиться к более древнему периоду – дохристианскому. Это поможет нам выявить первоначальный характер зарождающейся торговли, ее природу и значение. В языческой Руси жители окрестных сел сходились на религиозные празднества и игрища, которые сопровождались жертвоприношением и пиршествами. Можно предположить, что в это время происходила и торговля, скорее всего, жертвенными животными¹¹. Как указывает О.М. Фрейденберг, «первым «торговцем», «продавцом» являлось божество, у которого «покупают» и «выкупают» одну жертву, заменяя ее другой»¹². То есть архаическая торговля изначально была ориентирована вовне, во внешний «иной» мир и представляла собой первичные формы обмена-договора человека с Богом, которые изначально не имели экономической цели¹³. Н.М. Терехин подчеркивает: «Архаическая торговля имела не просто сакральный, но хтонический характер, то есть по своему происхождению она была связана с сакральным обменом ценностями между миром живых людей и божествами нижнего

⁷ *Летопись по Лаврентьевскому списку*, Санкт-Петербург 1872, с. 58-59.

⁸ А.А. Зализняк, *Древненовгородский диалект*, Москва 1995, с. 563.

⁹ А.В. Арциховский, В.Л. Янин, *Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1962 – 1976 годов*. Москва 1978, с. 131.

¹⁰ Там же, с. 133.

¹¹ И.М. Кулишер, *История русской торговли до девятнадцатого века включительно*, Петербург 1923. с. 168.

¹² О.М. Фрейденберг, *Миф и литература древности*, Москва 1998, с. 94.

¹³ Н.М. Терехин, *Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры)*, Архангельск 1993, с. 113.

(«подземного»), хтонического мира, где обитали души мертвых»¹⁴. Именно «подземное царство» являлось источником богатства, обилия, материальных ценностей человеческого бытия¹⁵.

Как известно, хозяином подземного, хтонического мира был бог Волос (Велес), а хозяйкой – богиня Мокошь. Волоса называли *скотым* богом, о чем свидетельствуют договоры Руси с Византией: *да имеем клятву от бога, в него же веруем, в Перуна, и в Волоса, скотья бога*¹⁶. В балтийской мифологии известны «велесовы кладбища», где бог Велес пасет души умерших. В индоевропейской мифологии специалистами отмечена равнозначность «скота и душ людей в соответствующих мифологических представлениях, т.е. скот = души умерших людей», а сам потусторонний мир (мир мертвых) представляется лугом, пастбищем¹⁷. Слово *скот* в древнерусском языке означало также ‘деньги, богатство’. Идол Волоса в Киеве стоял не в княжеском дворе, а на Подоле, близ реки Почайны, куда и был позже сброшен, после крещения князя Владимира. Культ Мокоши сопровождался установкой идолов в храмах, а также под открытым небом¹⁸.

После принятия христианства бог Волос был заменен святым Власием Севастийским. «В XIV в. в Новгороде, на древней Волосовой улице, очевидно, на месте идола этого древнего божества, была построена церковь святого Власия: в средневековье церкви, ставившиеся на месте свергнутых языческих идолов, обычно носили имя того христианского святого, который приходил на смену своего древнеславянского мифологического предшественника»¹⁹. Также постепенно культ Мокоши был оттеснен, с одной стороны, культом Богородицы, а с другой – культом Святой Параскевы-Пятницы, которой молились о благополучии и удаче в торговле. «В Новгороде Великом церковь Пятницы на Торгу была построена в 1207 г., тогда же воздвигли церковь Пятницы и на торгу в Чернигове. Существовала церковь Пятницы и в Москве, в торговом Охотном ряду»²⁰. Как отмечает Н.М. Терехин, «связь Параскевы Пятницы с образами богатства, золота, кладов, драгоценностей подземного мира обусловила их торговую, хтониче-

¹⁴ Там же, с. 114.

¹⁵ Там же, с. 115.

¹⁶ *Памятники русского права*, под ред. С.В. Юшкова. Вып. 1, Москва 1952, с. 59.

¹⁷ В.В. Иванов, В.Н. Топоров, *Исследования в области славянских древностей*, Москва 1974, с. 71-72.

¹⁸ Г.С. Белякова *Славянская мифология*, Москва 1995 [online] <http://testlib.meta.ua/book/28336/read/> [02.10.2020]

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

скую семантику, благодаря которой она превратилась в «рыночную», «ярмарочную богиню»²¹. Поскольку Пятница была покровительницей торговли, торговым днем на Руси считалась пятница: *Тои же недеде въ пятници въ тѣрѣгъ загореся от Хревѣкове улици*²². Кладбище, расположенное на погосте, обладало особыми характеристиками, обусловленными «в традиционных представлениях и верованиях ... двойной принадлежностью этой части пространства (и живым и мертвым). Кладбище – место не только контакта, но и переход из одного состояния в другое»²³.

Еще одним важным элементом хтонического пространства погоста являлся торг, который, как правило, располагался рядом с церковью. Именно на площади около церкви размещались лавки, торговые ряды. «Исследователи уже давно обратили внимание на маргинальный аспект топографии торговых центров и связывали его с враждебным характером архаических форм обмена»²⁴. О.М. Фрейденберг поясняет: «Начало торговли лежит во враждебных актах. Торгующие – враги, которые грабят и убивают друг друга. При рыночной торговле остался обычай, совершенно алогичный – торговаться, запрашивать, бить руки при сделке и т.д.»²⁵. «Поединок «продавца» и «покупателя» всегда происходит в особо отмеченном, сакральном месте – на границе, разделяющей «свой» мир и «чужой» («иной») мир, откуда являются («эпифанируют») чужеземные гости-купцы»²⁶. На основе высказанного можем сделать вывод о том, что изначально гостями были божества из «иного» мира, с которыми производился обмен сакрального характера, а затем такое наименование получили торговцы, прибывающие из чужих земель, или русские дружинники, направлявшиеся в далекие края со своим товаром.

Торг являлся центром общественной жизни, сюда стекались люди с разных концов города и из окрестных сел, здесь осуществлялась торговля, распространялись новости, проходили праздники. В *Изборнике Святослава* 1076 г. говорится: *Аще помысль имаши чистъ отъ нелепыхъ похотши, аще на тѣрзе еси, аще въ дому, аще на пути... можеши Бога призввати и получиши прошение*²⁷. Также в *Русской Правде* – законодательном акте Древней Руси – читаем: *Аже кто многымъ длѣженъ будетъ,*

²¹ Н.М. Терехин, *Сакральная ...*, с. 115.

²² *Словарь русского языка XI – XVII вв.* Вып. 30, Москва – Санкт-Петербург 2015, с. 53.

²³ А.К. Байбурин, *К семиотике кладбища у восточных славян* [в:] *Семиотика культуры*, Архангельск 1988, с.26.

²⁴ Н.М. Терехин, *Сакральная...*, с. 112.

²⁵ О.М. Фрейденберг, *Миф...*, с. 94.

²⁶ Н.М. Терехин, *Сакральная...*, с. 113.

²⁷ *Словарь русского...*, с. 52.

*а приидеть гость изь иного города ... а не ведая запуситъ за нь товаръ, а опять начнет не дати гостю кунъ ... тогда вести и на торг, продати же и и отдати пръвее гостю куны*²⁸. В Русской Правде торг упоминается довольно часто, например, в связи с куплей-продажей краденых вещей: *Паки ли будетъ что татебно купил в торгу, или конь или порт или скотину, то выведетъ свободна мужа два или мытника*; также в статье, где речь идет о беглом рабе: *А челядин скрыетъся, а заклчють и на торгу*²⁹.

Лексема *торг* использовалась в значении топонима: 'торговая сторона, район в Новгороде и Пскове'. В Псковской летописи под 1152 г. читаем: *Того же лета бысть таково же знамение въ Великом Новегороде, в Торгу: ношью шумъ и гласи и стонание в церкви великомученика Георгия*³⁰. Отметим, что торговая площадь в Москве, которую позднее стали называть Красной, также именовалась *Торгом*, о чем свидетельствует фрагмент Никоновской летописи: *Загореся въ Торгу лавка въ москотинномъ ряду, и погореша лавкы въ всехъ рядехъ града Москвы со многыми товары*³¹.

В источниках интересующего нас периода фиксируется лексема *торговище* со следующими значениями: 1) 'площадь; рыночная площадь': *В се же лето Мьстиславъ заложилъ цркъвь камяну стго Николы на княже дворе у торговища Новегороде*; *Князь велики Константинъ Всеволодовичъ заложилъ церковь камену Воздвижение честнаго креста на торговище въ Володимери*; 2) 'место, где велась крупная торговля': *Межде же светлыми тръжщици и предречеными суть и ина торговища много, и Помория и Средоземлиа, и велика многа страна*³².

Также лексема *торжество* обладала семантикой 'рынок, торг': *Тръжъству подобно есть все сълучье: ведьи куплю деяти приобряшеть много, а не ведьи тъштеты приемлетъ*³³. Глагол *торжествовати* употреблялся со значением 'торговать': *Того же лета благородный и христолюбивый князь Володимеръ Андреевичъ заложилъ градъ Серповховъ... а людемъ приходящимъ и гражаномъ живушимъ въ немъ и челоукомъ торжъствующимъ подасть великую волю и ослабу и многу льготу*³⁴. В источниках зафиксировано причастие в значении прилагательного *торжествуемый* – 'торговый, рыночный': *И другде глте: нь не певахъ игру сущу дшу нашу и жизнь торжествуемъ с прибъткы*³⁵.

²⁸ Там же.

²⁹ Памятники..., с. 111.

³⁰ Словарь русского..., с. 53.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 56.

³³ Там же, с. 60-61.

³⁴ Там же, с. 61.

³⁵ Там же.

Ряд значений существительного *торжнице* отражает все основные функции этого места: 1) ‘торг, базар’: *И делая рукоделие от своего труда ядяше хлебъ, и егда стояше на торжницехъ, продая свое рукоделие...*; 2) ‘площадь, рыночная площадь’: *И ишьдъ [домовитый человек] въ третью годину, виде ины [работники] на тръжници стояща праздъны;* 3) ‘судилище, суд’: *Аще помысль имаши чистъ отъ нелепныхъ похотиши, аще на тързе еси, аще въ дому, аще на пути, аще на тържници престоиши... кгде любо еси, можеши Бога призвати и получиши прошение;* 4) ‘собрание людей’: *Аще и сътужишиши чимъ, то поемъ тя прозвутерь утешитъ тя добре и увещаетъ, а съде въ градехъ и въ великихъ селехъ колико ли бо учимъ, то пакы тържнице възмутитъ вы³⁶.*

Семантика существительного *торжник* видится нам показательной, так как содержит значение субъекта, участвовавшего в торговле, празднествах, народных собраниях: 1) ‘тот, кто занимается торговлей или денежными операциями’: *Зълыи рабе и ленивыи... подобаше ти убо въдати сьребро мое тръжьникомъ, и пришьдъ азъ възять быхъ свое съ лихвою;* 2) ‘тот, кто празднует, торжествует; участник празднества’: *Изде азъ ... днесъ, торжникъ и сведитель, пировникъ святому сему пиру, вамъ приидохъ трапезу общую представляи веселие;* 3) ‘тот, кто находится на площади’: *Въздръвьновавъше же противляющися иудеи и поимъше от тържьникъ мужа некая зълы, и народъ сътворише, мълвляху по граду³⁷.*

Отметим, что в древнерусский период существительное *торжество* обладало тем же значением, что и в современном русском языке – ‘праздник, торжество’: *Пресловый Захарие, яко ангель Богу служилъ еси.. темъже ты блажимъ и стое твое днсъ сътваряемъ тържьство³⁸.* Глагол *торжествовать* отмечено в повествовательной и церковной литературе со значениями: 1) ‘праздновать’: *Тогда иде на сводьбу и князь великий киевский Всеволодъ Олговичъ, и з женою своею, и со всеми бояры... въ Переаславль, и торжествоваше тамо светло, и въ любви и въ мире быша вси;* 2) ‘веселиться’: *Иакимъ веселиться и Анна тържьствуетъ, зовущи: неплоды роди Бцу и питательницу жизни нашей; Тръжьствуютъ вси, праздънующе³⁹.* Однако исследователи подчеркивают, что первоначальное значение этих слов было связано с торговым обменом⁴⁰.

В дальнейшем торговля становится «одной из прерогатив храма: здесь происходили и обмен товарами, и настоящая рыночная торговля, и купля-

³⁶ Там же, с. 62.

³⁷ Там же, с. 63.

³⁸ Там же, с. 61.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Б.А. Рыбаков, *Торговля и торговые пути* [в:] *Культура Древней Руси*, под ред. Б.Д. Грекова, М.И. Артамонова, Москва–Ленинград 1951, с. 365.

продажа внутри самого храма... Культовые действия были пронизаны торговыми сделками; религиозные обряды сопровождались товарооборотом; праздники заключали в себе и ярмарку»⁴¹.

В Новгороде Великом для торговых целей служила церковь Св. Петра на Немецком дворе. Историк А.И. Никитский поясняет:

«Подобно тому, как в русских церквях устраивались подцерковные палаты, так точно и в церкви Св. Петра устроены были внизу своды, вмещавшие в себе купеческое имущество. Здесь помещались бочки, тюки полотен и вообще все громоздкие вещи... Но и независимо от сводов, самая внутренность святилища служила для удовлетворения торговых целей: здесь сохранялись весы и гири; здесь же вокруг стен стояли бочки и ящики с разным товаром... Вино пользовалось у купцов таким вниманием, что для винных бочек было отведено привилегированное место при алтаре»⁴².

В группу наименований мест торговли входили имена существительные с корнем *-куп-*, который содержится в глаголе *купить*. В частности, лексема *куповище* имела значение 'торговая площадь, рынок': *Несть бо се [церковь] куповище, но ангельско место, а престоль божию самое небо*⁴³. Также фиксируется существительное женского рода *купленица (купльница)* – 'рынок, торговая площадь': *Предаемое вамъ въ купленицы*⁴⁴. Существительное *коупь* имело отношение к торговле и обозначало 'куплю, товар'⁴⁵. Ряд указанных лексем с корнем *-куп-* был близок к хтоническому миру (миру мертвых), так как в церковных текстах встречается существительное *купь* со значением 'могильная насыпь, холм': *Лесы пакы и истуканьныя посече* [ц. Иосия]; *и истъни и на купы их, иже им пожрети навькоша, обломки расточи*⁴⁶. Также фиксируется в церковных текстах слово *купище* со значением 'могильная насыпь, холм; место захоронения': *Нъ да будеть братоненавидьникъ то таковыи и блудьника ... и разбоиника и тати копающааго купища всехъ техъ оканънеи есть*⁴⁷.

Таким образом, лексика, связанная с обозначением мест торговли, отражает процесс формирования акта обмена так называемой пред-торговли, которая еще не имела экономического значения, а носила исключительно обрядово-религиозный характер. Данная группа лексем показывает связь торговли с хтоническим, нижним миром, «царством мертвых» - источником материального богатства и благополучия. Значительная часть лексики уходит из языка, а такие слова, как *гость, гостить, торжество, торжествовать* утрачивают семантику торговой сферы.

⁴¹ О.М. Фрейденберг, *Миф...*, с. 195.

⁴² А.Н. Никитский, *Очерки экономической жизни Великого Новгорода*, Москва 1893, с. 116.

⁴³ *Словарь русского...*, с. 132.

⁴⁴ Там же, с. 128.

⁴⁵ *Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию*, Санкт-Петербург 1899, с. 352.

⁴⁶ *Словарь русского...*, с. 124.

⁴⁷ Там же, с. 128.

ЛИТЕРАТУРА

- Арциховский А.В., Янин В.Л., *Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1962–1976 годов*, Москва 1978.
- Байбурун А.К., *К семиотике кладбища у восточных славян* [в:] *Семиотика культуры*, Архангельск 1988.
- Белякова Г.С., *Славянская мифология*, Москва 1995, [online] <http://testlib.meta.ua/book/28336/read/>, [02.10.2020].
- Гаркави А.Я., *Сказания мусульманских писателей о славянах и русских*, Санкт-Петербург 1870.
- Зализняк А.А., *Древненовгородский диалект*, Москва 1995.
- Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н., *Исследования в области славянских древностей*, Москва 1974.
- Кулишер И.М., *История русской торговли до девятнадцатого века включительно*, Петербург 1923.
- Лаврентьевская летопись под 947 г.*, Санкт-Петербург 1872.
- Никитский А.Н., *Очерки экономической жизни Великого Новгорода*, Москва 1893.
- Памятники русского права*, под ред. С.В. Юшкова, вып. 1, Москва 1952.
- Рыбаков Б.А., *Торговля и торговые пути* [в:] *Культура Древней Руси*, под ред. Б.Д. Грекова, М.И. Артамонова, Москва–Ленинград 1951.
- Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию*, Санкт-Петербург 1899.
- Словарь русского языка XI – XVII вв.* Вып. 8, Москва 1981.
- Словарь русского языка XI – XVII вв.* Вып. 30, Москва–Санкт-Петербург 2015.
- Теребихин Н.М., *Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры)*, Архангельск 1993.
- Фрейденберг О.М., *Миф и литература древности*, Москва 1998.
- Фроянов И.Я., *Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия*, Санкт-Петербург 1992.

THE HISTORY OF TRADE NAMES IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE

Summary

This article is devoted to the analysis of the vocabulary associated with the names of places intended for trade in Ancient Russia. Particular attention is paid to the origin of terms and the development of their semantics. This semantic group was characterized by a variety of lexemes and their derivatives, significant polysemy, as well as significant changes in their semantics over time. Most of the words leave the language, and if they remain, they lose their meanings associated with trade. The specified terminology is considered by the author in a wide cultural context: special attention is paid to the worldview of the Eastern Slavs, their ideas about the afterlife, the connection of trade with the cult of deceased ancestors. The material for the study was ancient Russian sources, including international treaties, legislative acts, as well as birch bark manuscript, narrative and church texts.

Keywords: trade vocabulary, semantics, historical lexicology, Ancient Russia

Шаосюн ЧЕНЬ

Хучжоуский университет, КНР
ORCID: 0000-0002-2101-9742

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ПИСАТЕЛЯ

Ключевые слова: человек, природа и творчество; пейзаж; художественные приемы в литературе, языковые средства, Константин Паустовский

Мир художественного произведения, по мнению Д.С. Лихачева, есть единое целое, «стройная система пространственно-временных и предметно-объектных данностей, художественной психологии, аксиологии автора и героя, – система, связанная с общими закономерностями творчества писателя, тенденциями эпохи и особенностями различных литературных жанров, видов литературы»¹. Этот мир оказывает влияние на язык художественного произведения. Появляются ситуации, в которых автор использует языковые средства, необходимые для выражения тех или иных отношений, эмоций, отображения фактов, явлений, характеристики внутреннего мира и внешности персонажей.

Одной из перманентных тем художественного творчества в истории литературы является проблема взаимоотношений человека и природы. В данной статье попытаемся проанализировать подходы к этой проблеме классика русской литературы XX века Константина Георгиевича Паустовского и выявить некоторые художественные приемы из его творческой лаборатории, которые использует писатель для отражения идеи единения природы, личности и творчества.

В центре собственных философских размышлений К.Г. Паустовского всегда была проблема взаимоотношений человека и природы². На формирование его взглядов повлияли как социально-исторические перемены, так

¹ Д.С. Лихачев, *Внутренний мир художественного произведения*, „Вопросы литературы“ 1968/8, с. 75.

² Ш. Чень, *Конструкції із сурядними сполучниками у творах К. Г. Паустовського*, Дніпро 2018, с. 7-8.

и философские идеи, которые органично воспринимал писатель³. Исследователи творчества К.Г. Паустовского считают, что специфику его прозы определяет концепция мира и человека с комплексом составляющих ее идей и художественных форм. По мнению Н.П. Антипьева, авторитетного паустовсковеда, формирование этой концепции в творчестве писателя происходило до 1940 года, а потом она принципиально не изменялась. В основе этой концепции лежат представления К.Г. Паустовского о мире как единстве феноменов ПРИРОДА–ЧЕЛОВЕК–ТВОРЧЕСТВО. Эти представления сформировались под влиянием идей русских философов-космистов Н.А. Бердяева, В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского, а в художественном плане стали продолжением литературных традиций таких русских писателей, как И.С. Тургенев и А.П. Чехов⁴.

Указанная триада компонентов художественного мира произведения выражает авторский взгляд К.Г. Паустовского на **природу как основу бытия, на человека как ее ученика и творчество как личностный и природный феномен**. Исследования показывают, что авторская позиция наиболее последовательно раскрывается в подходах к изображению **природы и личности**, а также в системе онтологических мотивов-образов: света, земли, воды; вдохновения, творчества, гармонии⁵. Природу писатель определяет «как среду, без которой нельзя жить и работать»⁶. К.Г. Паустовский, по мнению С.А. Мантровой, создал свою оригинальную натурфилософскую концепцию героя, в которой природное всегда соотносится с «человеческим» как оппозиция или гармоническое единство⁷.

По мнению С.А. Мантровой, художественно-изобразительные приемы поэтики прозы К.Г. Паустовского в наибольшей степени нацелены на выражение его сложных натурфилософских взглядов. Натурфилософские воззрения помогают К.Г. Паустовскому выразить характерные мотивы сюжетов его произведений, символику природных образов, индивидуализировать героев, выделить, обособить пейзаж. Описания природы приобретают в его произведениях сюжетобразующую функцию и значимость⁸.

³ С.А. Мантрова, *Человек и природа в прозе К. Г. Паустовского 1910-1940-х годов (типология героя, специфика конфликта, проблема творческой эволюции)*, Тамбов 2011, с. 15.

⁴ Н.П. Антипьев, *Художественный мир К.Г. Паустовского как плодотворный этап эстетического развития литературы*, „К.Г. Паустовский: Материалы и сообщения [Московского литературного музея-центра К.Г. Паустовского]”, Выпуск 2/2002, с. 53-58.

⁵ Е.В. Летохо, *Художественный мир малой прозы К.Г. Паустовского 1940–1960-х годов*, Москва 2010, с. 15.

⁶ Л.П. Егорова, *Пейзаж в произведениях К.Г. Паустовского*, „Язык и текст в пространстве культуры”, Ставрополь, Санкт-Петербург 2003, Выпуск 9, с. 282.

⁷ С.А. Мантрова, *Человек и природа в прозе К.Г. Паустовского 1910-1940-х годов (типология героя, специфика конфликта, проблема творческой эволюции)*, Тамбов 2011, с. 15.

⁸ Там же, с. 15-16.

Уже в первом рассказе К.Г. Паустовского «На воде» (1912) можно увидеть качества, сформировавшие оригинальный облик писателя и обнаружившиеся в зрелых его произведениях: лиризм, сопричастность описываемым событиям (автор-рассказчик является одновременно и героем повествования), мастерство в изображении природы. В природе преобладает спокойствие и гармония: *Шелестят березки, такие нежные, девственные, как на картинах Нестерова, трепещут потемневшей опадающей листвой*⁹. Мир человека, воссозданный в рассказе, в отличие от природы, несправедлив и тяжел: *Везде идет нудная, надоевшая работа, везде пот и ругань, пьяные крики и тоскующие люди, родимые просторы, затянутые пеленой дождей*. В рассказе звучит еще один мотив многих произведений писателя: губительное воздействие на человека города, цивилизации. Город, *маленький, грязный, торговый*, олицетворяет собой деградацию человеческого мира. Всюду картины нищеты и запустения: *Смотрит вековечный голод, беспредельная скорбь, принесенная из деревень, где белые церквушки и цветущие овсы, тяжелая тупая ненависть и хмельной угар – забвение*. Люди, отрываясь от природы, не только теряют моральный облик, но и становятся обозленными, поскольку осознают безысходность своего положения. К.Г. Паустовский противопоставляет город и деревню. Размышления героя претендуют на философское содержание, оказываясь созвучными идейным исканиям XIX – начала XX веков. В них ощутим пессимизм декаданса рубежа столетий.

Противопоставление природного начала социальному становится главным конфликтом и в других произведениях писателя. В рассказе «Четверо» (1913) Паустовский пишет о нравственном оздоровлении человека под воздействием природы. Герои уходят в природу, на время стремятся покинуть город, чтобы соединить себя с абсолютным нравственным началом – живою душой природы. Герои «погружаются» в природу, бродят дикими лесами, заросшими дорогами, ночуют под открытым небом и духовно преображаются:

«Вошла в нас жизнь глубокая и чистая, как вода у истоков, охватила светлым покоем, тихой, святой радостью. Была эта радость во всем: **и** в забытых часовнях, **и** в кроткой ромашке у дорог, **и** в бледном ласковом небе»¹⁰.

К.Г. Паустовский в 1910-е годы далек от антропоцентризма, в мировоззрении молодого писателя преобладают идеи о сложном единстве мира, в котором человек в погоне за удобствами цивилизации может потерять

⁹ К.Г. Паустовский, *Собрание сочинений: в 9 т.*, Москва 1983/6, с. 7.

¹⁰ К.Г. Паустовский, *Собрание...*, с. 9.

себя. Возврат к истокам, в природу помогает излечиться, вновь обрести гармонию и энергию жизни.

В одном из ранних произведений советского периода творчества писателя, в рассказе «Лихорадка» (1924) отношение К.Г. Паустовского к природе отличается от дореволюционного. Здесь звучит идея преобразования природы и отмечается антропоцентризм автора. Для героя рассказа человек – вершина мироздания, покоритель, умело изменяющий мир. Идея преобразования природы (как части мира) начинает проникать в творчество К.Г. Паустовского. Вероятно, источник этого проникновения – общественное сознание 1920-1930-х гг., в котором марксистский преобразовательский пафос все чаще захватывал фантазию и рядового строителя, и, тем более, сознание «инженера человеческих душ». По мысли писателя, человеческий разум способен усовершенствовать и несовершенный социум, и неразумные изъяны природы. На первый план выходит мысль о человеке, вторгающемся в природу и одновременно заботящемся о последствиях своей деятельности, стремящемся не допустить негативно-го влияния этих преобразований на окружающий мир. Человек, не нарушая гармонии природы, по мнению К.Г. Паустовского, привносит в мир свое видение благополучия и прогресса.

В повести «Кара-Бугаз» (1932) К.Г. Паустовский не только созвучен преобразовательскому пафосу русской советской литературы и общественного сознания начала 1930-х годов, но историей Кара-Бугаза и его преобразователей собственно и создает этот созидательный пафос. В качестве главного объекта изображения здесь описано прошлое, настоящее и будущее природного феномена – большого залива Каспийского моря, который дамбой отгораживают от моря, чтобы использовать его территорию для хозяйственных нужд. Жизнь природы и жизнь человека раскрыты здесь в сложном противоборстве, в результате которого рождается «сильное племя новых людей» и преображенный (пока еще в мечтах и планах) мир. Преобразование, совершенствование мира и природы видится героям единственным путем для исправления допущенных природой «ошибок». Главный герой Жеребцов начинает войну с силами природы: *Мы раздавим пустыню, как фалангу*¹¹. Разум, по мнению героев повести, способен бросить вызов законам природы. Они сначала считают, что природа, которая не приносит пользу человеку, не имеет права на существование. Изначально они стоят на антропоцентристских позициях. Для них человек – вершина природы и двигатель социального прогресса. Ученые рассуждают, как прагматики. По мнению Жеребцова, «закрытие» залива

¹¹ К.Г. Паустовский, *Собрание сочинений: в 9 т.*, Москва 1981/1, с. 483.

принесет пользу, так как залив перестанет наносить человеку вред. Однако Карелин сомневается в этом. Он склонен думать о том, что залив должен остаться, а человек продолжит использовать его богатство – глауберову соль. Жеребцов впоследствии соглашается с ним. К.Г. Паустовский разделяет точку зрения Карелина. Поэтому первую главу повести он назвал «Заблуждение лейтенанта Жеребцова». Он верит в силу разума и способность людей изменить мир к лучшему. Природа может быть сурова к человеку, но разум человека способен увидеть и в негативном положительное.

В начале 1930-х годов происходит эволюция взглядов Паустовского на природу. Повесть «Колхида» была написана К.Г. Паустовским в 1934 году. В ней пафос созидательного изменения природы неоднозначен. Созидание на благо человека не должно противоречить естественным природным процессам. В повести показан не только героизм созидания, но и последствия отрицательного, непродуманного вмешательства человека в природу. В повести речь идет о людях, которые создают новый облик влажных субтропиков и стремятся изменить их климат. Самыми враждебными человеку силами здесь были малярия и наводнения от разлива реки Риони. Писатель поддерживает этих людей, поскольку в это время, видимо, еще разделяет позицию активного вмешательства человека в природу. Например, он констатирует одобрение капитаном работ по осушению колхидских болот, из-за которых распространяется эпидемия малярии. Капитан с ужасом вспоминает, как он заболел малярией на тихоокеанском острове и считает бесперспективными для развития те места из-за постоянной угрозы заболевания каждого человека:

«Встать со стула и пройти по каюте до койки – целое событие. И тамошняя жара казалась мне форменным обманом. Умом знаешь, что воздух горячий, а кажется, будто это не воздух, а лед. Миазмы, запахи, пышность... Страшноватые, в общем, места. Вырождение. Люди тычутся со стеклянными глазами, трясутся, мычат. <...> Очень здорово, что вы начисто уничтожаете этот проклятый малярийный край и создаете на его месте новый».

Однако К.Г. Паустовский замечает, что вмешиваться в природное равновесие опасно. Природа не прощает человеку вмешательств и беспечности. В главе «Доклад Кахиани» он описывает ужасы наводнения и разрушения природной стихией созданных людьми каналов. Например:

«На улицах города вода доходила до вторых этажей домов. Звери, испуганные наводнением, бросились в город и на остров, где находится порт. <...> На магистральном канале в Чаладидах вода грозила смыть валы и свести к нулю трехлетнюю упорную работу. Благодаря героизму рабочих и инженера Габунии катастрофа была предотвращена».

Вмешательством в природную среду человека и техники недовольны и многие люди. Например, в главе «Дикая кошка» перед заходом в порт большого теплохода природа «напрягается». К.Г. Паустовский использует

эпитеты, создающие напряженную обстановку. Если в другом случае шум прибоя может свидетельствовать о природной силе, то сейчас *Заунывно и тяжело пел у массивов прибой. Так поют сонные матери, качивая детей.* Используются эпитеты *заунывно, тяжело, сонные*. Напряжение чувствуется и в тучах: *В стороне города опять сгрудились тучи, освещенные мрачным отблеском уличных огней.* В иных условиях уличные огни могли освещать окрестность, вселяя надежду на уют и человеческое тепло. Однако цель автора – передать настроение рыбаков на пристани читателю и подготовить его к негативному восприятию этого противоестественного, несуразного железного теплохода, распугивающего рыбу «монстра» – светящегося только изнутри:

«В порт входил теплоход "Абхазия". Теплоход грузно поворачивался черной матовой тушей, заполняя порт криками, шумом льющейся воды, детским смехом и грохотом лебедок. Старые рыболовы с сердцем сматывали удочки, плевались и кричали, что чертовы теплоходы не дают им жить».

Развязка в последней фразе понятна. К ней привело нагнетание языковых средств негативного воздействия на человека: пароход похож на *грузную матовую тушу* неповоротливого животного; звук теплохода обманливый: оксюморонами звучат однородные определения гудка *мягкий и гневный*; этот гудок, конечно же, *гневный*, так как от него идет удар, а последствия этого удара *печальны*. К.Г. Паустовский мастерски подбирает нужные эпитеты и антонимы для характеристики природных явлений, чтобы выразить настроение человека. Сочинительные союзы используются крайне редко. Это, как правило соединительный союз *и* и сопоставительный *а*. Чаще всего для нагнетания негативного воздействия на человека К.Г. Паустовский использует бессоюзную связь.

По мнению Л.П. Кременцова, главные свойства героя в произведениях К.Г. Паустовского определяют его отношения с природой, которые в разные периоды рассматриваются и оцениваются писателем под разным углом зрения. На первый план последовательно выдвигаются идеи бегства в природу – преобразования природы – гармонии человека и природы – сотворчества и единения человека с природой¹².

В подтверждение этого приведем слова самого писателя из раздела «Зарубки на сердце» повести «Золотая роза», написанной в 1955 году:

«Черное море заунывно шумело по ночам. Шумело оно и днем, но тогда его не было так хорошо слышно. Под шум моря было легче писать. Вот целый ряд подробностей тогдашней "текущей жизни". Из них сложился рассказ "Созвездие Гончих Псов". В этом рас-

¹² Цит. по: С.А. Мантрова, *Человек и природа в прозе К. Г. Паустовского 1910-1940-х годов (типология героя, специфика конфликта, проблема творческой эволюции)*, Тамбов 2011, с. 3.

сказе вы найдете почти все, о чем я упоминал выше: сухие дубовые листья, седого астронома, гул канонады, Сервантеса, людей, непоколебимо верящих в победу гуманизма, горную овчарку, ночной полет и многое другое. Все это спаяно, конечно, в ином соотношении и вошло в определенный сюжет. Когда я писал этот рассказ, я все время старался сохранить в себе ощущение холодного ветра с ночных гор. Это было как бы лейтмотивом рассказа».

Писатель уже находится на этапе сотворчества и единения человека с природой. Если мы обратимся к более ранним его произведениям, например, к повести «Мещерская сторона», написанной в 1939 году, то, не зная о времени написания, безошибочно можем ощутить, что писатель, описывая себя в природе, пытается в ней спрятаться от тяжелых будней. Например, в главе «Старинная карта» читаем о том, как автора занимала манера местных жителей объяснять тот или иной маршрут передвижения по приметам и окружающим ориентирам. Однако со временем писатель ловит себя на мысли, что перенял эту манеру и что чувствует себя на природе абсолютно непринужденно, то есть как человек, сбежавший от забот на край света:

«Туземцы всегда объясняли дорогу со страстью, с неистовым увлечением. Меня это вначале забавляло, но как-то мне самому пришлось объяснять дорогу на озеро Сегден поэту Симонову, и я поймал себя на том, что рассказывал ему о приметах этой запутанной дороги с такой же страстью, как и туземцы. Каждый раз, когда объясняешь дорогу, будто снова проходишь по ней, по всем этим привольным местам, по лесным проселкам, усеянным цветами бессмертника, и снова испытываешь легкость на душе. Эта легкость всегда приходит к нам, когда путь далек и нет на сердце забот».

Из вспомогательного композиционного элемента пейзаж превращается здесь в элемент главный, и потому перестает быть собственно пейзажем. Он становится своеобразным объективированным «героем», главным объектом изображения. Об этом свидетельствуют и названия глав: «Обыкновенная земля», «Лесные реки и каналы», «Леса», «Луга», «Еще о лугах». Наименования природных объектов в повести «Мещерская сторона» наиболее часты. К.Г. Паустовский создал образ Мещеры как деталь «духовной географии» России. В «Мещерской стороне» К.Г. Паустовский выражает новый взгляд на взаимоотношения человека и природы: стремление к гармонии всего живого. В создании новой модели отношений человека и природы К.Г. Паустовскому помогает найденная и выписанная им фигура героя-странника, предельно сближенного с лирическим героем, с автором-повествователем¹³.

В 1948 году К.Г. Паустовский написал «Повесть о лесах», в которой актуализировал мысль о необходимости защиты природы от действий человека. Вмешательство человека в природу (в повестях начала 1930-х годов приветствуемое) приобретает в этой повести характер двойственности,

¹³ С.А. Мантрова, *Человек и природа...*, с. 6-7.

неоднозначности. Это и разрушение (действия фашистов) и созидание, сотворчество (восстановление лесов). Герой повести Петр Максимович рассказывает Анфисе о послевоенных планах: *Минует война, надо будет восстанавливать леса, а это дело, вы знаете, длительное*¹⁴. Этот персонаж совершает подвиг мужества и самоотверженности, сохраняя в блокадном Ленинграде семена быстрорастущих деревьев и злаков. Персонажи нередко осознают себя частью природы, а иногда единство с окружающим миром у них возникает на уровне ощущений и чувств. В этом случае единство человека и природы передано К.Г. Паустовским с помощью ряда символических образов (гидронимов, космонимов и др.). Так, изображая ночное небо, писатель часто воссоздает его отражение на глади водоемов – это также один из его характерных приемов. Его героиня сначала увидела отражение Юпитера, и лишь потом подняла глаза к небу: *В воде канавы острым огнем загорелся Юпитер*¹⁵. Подобные образы встречаются и в «Кара-Бугазе»: *Мне снился Млечный Путь, упавший с неба на Каспийское море*¹⁶. Отражение небес в воде – это образ взаимосвязи, взаимопроникновения и единства космического и земного начал, образ вечного их взаимодействия¹⁷. Человек находится на пересечении стихий, в его образе соединяется космическое и земное, он активно воспринимает мир, однако силы природы воздействуют на него. Человек меняется, становится лучше не только когда преобразует, «улучшает» своей творческой активностью природу (как в «Кара-Бугазе» и «Колхиде»), но и когда способен открыть ее красоту и гармоническое единство мира (как в «Повести о лесах»).

Выводы. Таким образом, исследование, касающееся функционирования сочинительных конструкций в произведениях К.Г. Паустовского, должно учитывать мировоззренческие взгляды писателя на проблему взаимоотношений человека и природы. В целом ряде научных исследований ученые связывают некоторые художественные приемы, которые использует К.Г. Паустовский в своем творчестве, с его философскими воззрениями на взаимоотношения человека и природы, на значение творческой деятельности человека. Концепция мира и человека с комплексом составляющих ее идей и художественных форм сложилась в творчестве К.Г. Паустовского к 1940 году, претерпев эволюцию четырех периодов, начиная

¹⁴ К.Г. Паустовский, *Собрание сочинений: в 9 т.*, Москва 1982/3, с. 129.

¹⁵ Там же, 1982/3, с. 71.

¹⁶ Там же, 1981/1, с. 71.

¹⁷ Л.Ф. Фомина, *Наблюдения над функционированием космонимов в произведениях К.Г. Паустовского* [в:] *Язык и стиль произведений В.П. Катаева, К.Г. Паустовского и Л.И. Славина*, Одесса 1987, с. 42-49.

с 1910-х годов: на первый план последовательно выдвигаются идеи бегства в природу → преобразования природы → гармонии человека и природы → сотворчества и единения человека с природой. Лежащие в основе этой концепции представления К.Г. Паустовского о мире как единстве феноменов ПРИРОДА–ЧЕЛОВЕК–ТВОРЧЕСТВО сформировались под влиянием идей русской философии космизма и в художественном плане продолжили литературную традицию русских писателей И.С. Тургенева и А.П. Чехова.

Представленная триада компонентов художественного мира произведения служит выражению авторской концепции, исходящей из воззрения К.Г. Паустовского на природу как основу бытия, на человека как ее ученика и на творчество как личностный и природный феномен. Авторская позиция наиболее последовательно раскрывается в подходах к изображению природы и личности, а также в системе онтологических мотивов-образов: света, земли, воды; вдохновения, творчества, гармонии.

Художественно-изобразительные приемы поэтики прозы Паустовского в наибольшей степени направлены на выражение художественными средствами его сложных натурфилософских взглядов. Основными механизмами воздействия вербальных художественных средств на сознание человека является **противопоставление** в произведениях К.Г. Паустовского природного начала социальному и творческому началам либо **параллелизм** художественной характеристики этих начал. Дальнейшее описание результатов исследования должно показать, что наиболее частотными в произведениях К.Г. Паустовского являются несколько сопоставительно-противительных и соединительных сочинительных союзов, то есть тех, которые выражают отношения противопоставления и параллелизма.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипьев Н.П., *Художественный мир К.Г. Паустовского как плодотворный этап эстетического развития литературы*, „К.Г. Паустовский: Материалы и сообщения [Московского литературного музея-центра К.Г. Паустовского]”, Выпуск 2/2002, с. 53-58.
- Егорова Л.П., *Пейзаж в произведениях К.Г. Паустовского*, „Язык и текст в пространстве культуры”, Ставрополь, Санкт-Петербург 2003, Выпуск 9, с. 280-288.
- Летохо Е.В., *Художественный мир малой прозы К.Г. Паустовского 1940–1960-х годов* : дис. ... канд. филол. н.: 10.01.01 – русская литература, Москва 2010.
- Лихачев Д.С., *Внутренний мир художественного произведения*, „Вопросы литературы” 1968/8, с. 74-87.
- Мантрова С.А., *Человек и природа в прозе К.Г. Паустовского 1910-1940-х годов (типология героя, специфика конфликта, проблема творческой эволюции)* : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 – русская литература, Тамбов 2011.
- Паустовский К.Г., *Собрание сочинений* : в 9 т., Москва 1981-1986.

Фомина Л.Ф., *Наблюдения над функционированием космонимов в произведениях К.Г. Паустовского* [в:] *Язык и стиль произведений В.П. Катаева, К.Г. Паустовского и Л.И. Славина*, Одесса 1987, с. 42-49.

Чень Ш. *Конструкції із сурядними сполучниками у творах К. Г. Паустовського* : автореф. дис. ... канд. філол. н. : 10.02.02 – російська мова, Дніпро 2018.

NATURE AND HUMAN IN THE WRITER'S CREATIVE LABORATORY

Summary

The purpose of this study is to analyze the approaches of Konstantin Paustovsky, the classic of Russian literature of the 20th century, to the problem of the relationship between human and nature. The article shows the evolution of Paustovsky's views on the problem of the relationship between human, nature and creativity, based on a number of works written by Konstantin Paustovsky at different stages of his creative work. Some language means and artistic techniques are revealed that this writer uses to reflect the idea of the unity of nature, personality and creativity: epithets, metaphors, antonyms, oxymoron, cosmonyms, terminological vocabulary, coordinating conjunctions, and others.

Keywords: human, nature and creativity; landscape; artistic techniques in literature; language means; Konstantin Paustovsky

III

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Эмма АРХАНГЕЛЬСКАЯ

Балтийская международная академия, Латвия

Розанна КУРПНИЕЦЕ

Латвийский университет, Латвия

О БЕДНОМ ШКОЛЬНИКЕ КТО ЗАМОЛВИТ СЛОВО?

Ключевые слова: русский язык как иностранный, уровни владения, лексический минимум, школьные учебники

В качестве вступительного слова к описанию ситуации, обусловленной отсутствием единых лексических минимумов, необходимых при обучении школьников русскому языку как иностранному, и приглашения к со-размышлению, представляем данные по учебникам для уровня А1 и А2, рекомендованным для школьников Латвии. Отсутствие такого базового лексического минимума для подростков проявляется в том, что в двух действующих учебниках «Здравствуй! Это я» и «Просто по-русски» полный лексический хаос. Так, на уровне А1 (к 7 классу) из 1319 слов (суммарного количества слов по двум учебникам) совпадают 303, т.е. лишь 23% лексики. К уровню А2 (к 9 классу) этот фонд сокращается: из 3935 совпадают 683 слова, т.е. 17%. Есть ли надежда, что наши ученики смогут вступать в общение с такой неведомой лексикой?

В сфере освоения иностранных языков Министерство образования и науки ЛР ориентируется на многоязычие школьников, у которых есть выбор иностранных языков как первого, так и второго, и третьего. В латышских школах в качестве второго иностранного языка, как правило, превалирует русский, за ним следует немецкий.

Освоение иностранных языков подчиняется прежде всего *Стандарту*¹, в соответствии с которым с 2020 года изучение второго иностранного языка начинается не с 6 класса, как это было до сих пор, а с 4 класса, и уровень владения после 9 лет его изучения должен быть представлен уровнем

¹ [online] <https://likumi.lv/ta/id/303768-noteikumi-par-valsts-pamatizglitiba-standartu-un-pamatizglitiba-programmu-paraugiem>, [07.12.2020].

B1 (при углубленном изучении – C1). Очевидно, что эти девять лет требуют равномерного, рационального и поступательного распределения курса русского языка с уровневым распределением языкового материала.

Программа освоения русского языка как иностранного ориентирована на российские *Требования по русскому языку как иностранному* (ТРКИ)². Таким образом, со стороны России, страны изучаемого иностранного языка, мы имеем детально расписанные языковые и речевые требования по русскому языку как иностранному, а также уровневый лексический минимум. Однако с существенным «но»: все требования ориентированы на взрослого человека, а не на подростка, начинающего изучать данный иностранный язык в 11 лет вне языковой среды. Тем самым, требования ТРКИ (к взрослому мотивированному человеку) не могут быть в полной мере приложимы к подростку, для которого русский язык – всего лишь один из предметов в расписании, выбираемый, как правило, не по собственному желанию, а по желанию родителей.

Рассмотрим лишь один аспект этого девятилетнего срока освоения русского языка как иностранного – лексический минимум. В *Стандартах ЛР* и общих требованиях по иностранным языкам четко определены ситуации общения вместе с темами, раскрывающимися параллельно на уроках по всем иностранным языкам (и первому, и второму). Тематика соответствует возрастным интересам, а также региональным условиям. Например, неактуальными являются ситуации общения в банке, в гостинице, в поликлинике, у врача и др., и уже это не позволяет в полной мере опираться на словарь, рекомендуемый *Лексическим минимумом*³, но данный пласт легко исключается и не представляет проблемы. Помимо этого, содержание и объем лексического минимума должны быть представлены не статичными списками (группами), а сохранять последовательность и преемственность с 4 по 12 класс. Следовательно, лексический минимум должен состоять из тематических учебных словарей для каждого года обучения, например, лексический минимум по теме «Семья» закладывается в учебном словаре для 4 класса и последовательно, спиралеобразно пополняется в других классах, формируя тем самым лексический минимум всей этой обширной темы.

² Н.П. Андрияшина и др., *Требования по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение*. Москва – Санкт-Петербург 2007.

³ Н.П. Андрияшина и др., *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение*, Санкт-Петербург 2012; Н.П. Андрияшина и др., *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение*, Санкт-Петербург 2011; Н.П. Андрияшина, *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение*. Москва – Санкт-Петербург 2014.

Необходимость определения лексического минимума для латвийских школьников, изучающих русский язык как иностранный, назрела давно – на него могли бы ориентироваться авторы учебников, ученики которых будут сдавать выпускной экзамен после 12 класса (в Латвии это Централизованный экзамен), а также составители экзаменационных материалов. На сегодняшний день базовый лексический минимум подростка отсутствует полностью. Это означает, что нет:

- определения объема словаря по уровням;
- определения общего объема словаря на завершающем этапе обучения;
- базовой лексики по темам, рекомендованным *Стандартом*;
- лексического объема по видам речевой деятельности;
- рекомендаций по количеству осваиваемых на одном уроке слов от А1 до В1 (если говорить о Латвии).

Для описания интересов подростков, их увлечений, взаимоотношений, жизненных ценностей и т.д. нет полноценных лексических исследований и обобщений, следствием чего мы наблюдаем стихийность, которая выливается в разнообразие и многообразие лексики в разных учебниках. Учебники пестрят мельканием единичных слов, судьба которых неопределенна: должна ли эта лексика войти в активный словарь или остаться эпизодичной, лишаящей подростка возможности использовать активный для его возраста синоним, т.е. мы имеем лексику, идущую за языковым и речевым вкусом авторов учебников. Безусловно, это проблема, и она требует исследований не только лексикографических, но и статистических (частотности подростковой лексики русского языка).

Как показывает анализ учебников для учащихся школ или гимназий, изданных в Литве, Польше, Эстонии, Венгрии, Словакии и других странах, перечисленные проблемы являются актуальными не только для Латвии. В выгодных условиях объективно находятся славянские страны с большим ресурсом общеславянской лексики. В России на сегодняшний день заполняется одна подростковая ниша – русский язык для детей соотечественников. Российские и зарубежные авторы сосредоточены на языковых проблемах детей эмигрантов, проживающих в разных странах. По русскому же языку как иностранному для детей и подростков можно видеть либо отдельные учебники (авторы: Л. Вохмина, Е. Корчагина, Е. Хамраева и др.), либо редкие методические пособия, например: Н. Власова, *Методика преподавания РКИ детям. Учебник для преподавателей русского языка в нерусскоязычной среде*, Хайфа, 2013.

Таким образом, мы можем сделать первый вывод: назрела и стала чрезвычайно актуальной необходимость определения языковых и речевых требований, а также лексического минимума для школьников, изучающих

русский язык как иностранный вне языковой среды, и прежде всего для школьников, родным языком которых является язык неславянской группы. Особенно важно это для постсоветского пространства, представленного языками не только разных языковых групп, но даже и семей. Отсутствие перечисленных базовых материалов становится одной из причин потери русского языка у молодого поколения, от которого зависит будущее его страны и отношение в ней к русскому языку и ее культуре.

1. Сопоставление исходных формальных условий

Так сложилось традиционно, что в преподавании русского языка как иностранного все внимание практиков было обращено к грамматике и фонетике. Лексика же вводилась по мере освоения фонетики, грамматики и традиционных разговорных тем (семья, город, увлечения, почта, таможня и др.). Возможно, эта традиция сложилась по причине ясности особенностей хорошо уже описанных частей речи, границ грамматических категорий и их соотносимости во многих случаях с аналогичными явлениями в других языках и т.д. Очевидно также и то, что, выучив набор слов, выразить мысль без механизма, приводящего этот словарь в действие, т.е. грамматики, невозможно. Такая позиция естественным образом влечет вторичность лексики, оставляя ей обслуживающую функцию, тем более что лексика допускает большую вариативность выбора, которой преподаватели и авторы учебников пользуются в соответствии со своими субъективными дидактическими требованиями. Немаловажно и то, что грамматика все же имеет ощутимые границы, тогда как границы лексики объять преподавателю и ученику очень проблематично, а между тем термин «лексический минимум» предполагает минимизацию, т.е. целесообразное ограничение объема словаря, что сопряжено с определенными лексикографическими исследованиями.

Говоря о лексическом минимуме, мы отличаем его от термина *учебный словарь*. Лексический минимум «задает нижнюю границу словарного запаса учащихся, отражает тот объем слов (в их конкретных значениях), который должен быть усвоен ими за определенный промежуток времени. Минимизации подлежит не только сам словник, но и семантическая структура всех входящих в него многозначных слов. С каждым уровнем вводятся новые лексические единицы и новые значения уже известных учащимся слов. При расчете объема словника учитывается посильность усвоения данного количества лексических единиц в отведенное время, а также его достаточность для удовлетворения коммуни-

кативных потребностей, определяемых „Стандартом соответствующего уровня владения языком”»⁴.

В основе создания словаря учебников и учебных пособий должны лежать обязательные лексические минимумы, что ни в коей мере не ограничивает авторов в формировании учебного словаря для того или иного класса. Так каким же должен быть лексическим минимумом для подростка? Из чего можно исходить?

2. Объем активного запаса слов взрослого человека

«По утверждению специалистов, активный запас словарного состава родного языка у взрослого человека составляет приблизительно 10% от его словарного состава. Таким образом, учитывая средний количественный словарный объем русского языка, фиксируемый словарями (приблизительно 80 тыс. слов), активный запас для русского языка будет в среднем составлять 8 тыс. слов. Для иностранца, по подсчетам методистов, 3 тыс. специально отобранных слов позволяет понять 87% любого текста, а если к этим словам прибавить их производные, можно понимать уже 95% любого текста»⁵.

Аналогичного мнения придерживаются и другие методисты⁶. Отбор лексики зависит не только от возраста, интересов учащегося, но также от степени употребительности. Безусловно, количество вводимых слов зависит от количества часов, и, по мнению А.Н. Щукина, при 60-70 учебных часах лексический минимум составляет 500 слов, при 120-150 часах – лексический минимум составляет приблизительно 1200 слов⁷.

По мнению авторов *Русского ассоциативного словаря*, «в течение одного дня в процессе говорения носитель русского языка использует приблизительно 1300 слов (лексических единиц), делая при этом от 8 до 20

⁴ Е.И. Маркина, *О соотношении понятий «Лексический минимум» и «учебный словарь» в методике преподавания русского языка как иностранного*, «Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена», 2011, с. 248. [online] <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-leksicheskiy-minimum-i-uchebnyy-slovar-v-metodike-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo>, [07.12.2020].

⁵ И.П. Лысакова, *Методика обучения русскому языку как иностранному: Курс лекций*, Санкт-Петербург 2000, с.150.

⁶ И.А. Пугачёв, Л.П. Яркина, *Словарный минимум и его использование в практическом курсе русского языка*, [online] <https://cyberleninka.ru/article/n/slovarnyy-minimum-i-ego-ispolzovanie-v-prakticheskom-kurse-russkogo-yazyka>, [16.09.2020].

⁷ А.Н. Щукин (ред.), *Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов*, Москва 1990.

тыс. словоупотреблений ежедневно».⁸ Таким образом, в отборе лексики важным критерием является ее потворяемость в речи, которую можно усилить при наличии языковой среды.

Таким образом, можно вывести следующее заключение о родном языке взрослого:

- активный запас русского языка составляет 8 000 слов;
- ежедневно носитель русского языка использует приблизительно 1300 слов;
- 1300 слов используются в течение дня от 8 до 20 000 раз (этот показатель свидетельствует о важности данных частотного словаря русского языка);

По русскому языку как иностранному для взрослого учащегося – следующее заключение:

- 3 000 специально отобранных слов позволяет иностранцу понять 95% любого текста (что соответствует лексическому минимуму чуть выше уровня В1);
- знание не менее 70% лексического наполнения позволяет понять прочитанный текст;
- 60-70 учебных часов определяет 500 слов лексического минимума, 120-150 учебных часов – приблизительно 1200 слов.

Остается открытым еще один вопрос – формальное соотношение количества слов и количества часов, необходимого подростку, изучающему русский язык как иностранный для освоения этой лексики. Отсутствие этих данных (вместе с отсутствием заключений о языковых и речевых требованиях) влияет на произвольность как распределения уровней овладения русским языком как иностранным, так и определения завершающего уровня.

Из этого «исходит» следующая подростковая проблема: сколько слов может освоить ученик за один урок. «Обычно методисты считают, что за один урок учащийся может активно усвоить 12-15 новых слов»⁹. Запоминание такого количества слов за один урок для подростка невозможно.

3. Лексический минимум на уровне В1

Лексический минимум для уровня В1 по объему для подростка должен, вероятно, оставаться таким же, как и для взрослых – 2300 слов. Однако Н. Власова ориентирует на другие требования: А1 – 1200-1400 единиц,

⁸ Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, *Русский ассоциативный словарь*, в 2 т., Т.1.: *От стимула к реакции: около 7000 стимулов*, Москва, 2003.

⁹ Э.В. Аркадьева и др., *Живая методика для преподавателя русского языка как иностранного*. Москва 2005, с.184.

A2 – 2000-2300 единиц, B1 – приблизительно 3000-3200 единиц. Таким образом, по мнению Н. Власовой, за 510-550 часов словарь подростка должен достичь 3000-3200 единиц. Наблюдения за освоением русского языка как иностранного в Латвии не позволяют принимать такую статистику.

На сегодняшний день в Латвии отсутствует программа, определяющая лексическое наполнение уровней и количество слов на 1 час. Если исходить из данных ТРКИ, то картина для взрослого вырисовывается следующая:

A1	780 единиц	7-8 слов на один час
A2	1300 единиц, то есть плюс 520 к словарю A1	Около 3 слов на один час
B1	2300 единиц, то есть плюс 1000 слов к словарю A2	6 слов на один час

Распределение лексического минимума, рекомендованного ТРКИ (2300 единиц), в соответствии с имеющимися в наших условиях 350 (A1) и 210 (B1) часами формально для подростка может стать таким:

A1	780 единиц	3-4 слова за один урок
A2	1300 единиц, то есть плюс 520 к словарю A1	3-4 слова за урок
B1	2300 единиц, то есть плюс 1000 слов к словарю A2	4-5 слов за урок

Следовательно, в среднем за урок – 4 слова. Если исходить из рекомендаций Н.Власовой, то в среднем – 5-6 слов.

Таким образом, мы можем использовать общие формальные данные ТРКИ в определении объема словаря для подростков и реальную достижимость словарного минимума для уровня B1 (в этих рассуждениях отсутствует заключение о языковых и речевых требованиях).

4. Содержание лексического минимума

Самая субъективная область освоения русского языка как иностранного – это содержание словаря подростка. Одно только сравнение словаря школьника, осваивающего уровень A1 по двум работающим в Латвии учебникам «Здравствуй! Это я» и «Просто по-русски» лишает всякого оптимизма. При этом в Латвии учителя используют также учебник «Шаг за шагом»; они могут работать и по своим разработкам. Возможно, именно это является одной из причин того, что мы наблюдаем в последние годы: выпускники школ понимают, но не говорят. Вероятно, такая же картина и в Эстонии. Так 22 апреля 2019 г. заведующая отделом общего образова-

ния Министерства образования и науки Эстонии Ирене Кяосаар в Таллине на X Международной научно-практической конференции преподавателей-русистов «Русский язык как иностранный: прошлое, настоящее, будущее. Новое время – новое видение» отметила, «что «к счастью» количество школьников изучающих русский языка как второй — увеличивается, но «к сожалению» они не могут выучить язык до нормального разговорного уровня, и над этим стоит призадуматься»¹⁰. Аналогичная картина наблюдается и в Латвии¹¹.

Ситуация, складывающаяся в сфере преподавания русского языка как иностранного в подростковом возрасте, становится критической, поскольку содержание учебников полностью зависит от авторов, от их субъективного представления того, чему и как учить. Представляется очевидным, что время стихийного создания учебников для школьников прошло. Положение усугубляется и тем, что, например, в Латвии не хватает учителей русского языка как иностранного.

Осознание этой ситуации стало причиной того, что нами была предпринята попытка выработать (хотя бы для себя) базовые требования, и был составлен лексический минимум по предлагаемым *Стандартом* темам со спиралеобразным наращиванием лексики от класса к классу. Лексический минимум основывается на тематической лексике подростковых текстов из различных интернет-чатов, детских видеоканалов, сюжетов киножурнала «Ералаш», речи детских видеоблогеров, а также письменных работ школьников с родным языком русским. Хорошим источником являются молодежные журналы: *Oops, Yes! Мурзилка, Весёлые картинки, Мне 15, Классный журнал, Квантик* (для любознательных школьников), *Потенциал* (для тех, кто интересуется естественными науками, кого волнует их будущее) и др.

Отбор лексики с самого начала шел по тематике, определенной *Стандартом*. В определенной мере в условиях Латвии мы опирались на лексику, заложенную и апробированную в первой версии учебника «Просто по-русски» (1999-2007) и подвергнушуюся редактированию во второй серии учебников «Просто по-русски» (2008-2016), авторами которых являются Э. Архангельская, Л. Игнатьева. Однако эта лексика не включает слов, актуальных для новых тем *Стандарта* (например, *Информационные технологии*) для основной школы.

¹⁰ [online] <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/foto-prepodavatelya-russkogo-yazyka-i-literatury-ingu-mangus-nagradili-medalyu-pushkina?id=74336913>, [07.12.2020].

¹¹ *Государство тратит деньги, чтобы обучить школьников русскому – но они двух слов связать не могут*, [online] <https://rus.lsm.lv/statja/novosti/obschestvo/gosudarstvo-tratit-dengi-chtobi-obuchit-shkolnikov-russkomu--no-oni-dvuh-slov-svjazat-ne-mogut.a221515/>, [07.12.2020].

Однако выведение на свет представленных в статье проблем вовсе не означает полного отсутствия действий по их устранению. Так, помимо «домашнего» лексического минимума, авторский коллектив разработал требования к коммуникативно-речевой компетенции, однако разговор о них (а также о других возможных решениях рассмотренной проблемы) нам видится в качестве темы следующей статьи, а посему *данное слово о бедном школьнике* позволим себе завершить многоточием. ...

ЛИТЕРАТУРА

- Андрюшина Н.П. и др., *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение*, Санкт-Петербург 2012.
- Андрюшина Н.П. и др., *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение*, Санкт-Петербург 2011.
- Андрюшина Н.П. и др., *Требования по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение*. Москва – Санкт-Петербург 2007.
- Андрюшина Н.П., *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение*, Москва – Санкт-Петербург 2014.
- Аркадьева Э.В. и др., *Живая методика для преподавателя русского языка как иностранного*, Москва 2005.
- Государство тратит деньги, чтобы обучить школьников русскому – но они двух слов связать не могут*, [online] <https://rus.lsm.lv/statja/novosti/obschestvo/gosudarstvo-tratit-dengi-chtobi-obuchit-shkolnikov-russkomu--no-oni-dvuh-slov-svjazat-ne-mogut.a221515/>, [07.12.2020].
- Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., *Русский ассоциативный словарь*, в 2 т., Т.1.: *От стимула к реакции: около 7000 стимулов*, Москва, 2003.
- Лысакова И.П., *Методика обучения русскому языку как иностранному: Курс лекций*, Санкт-Петербург 2000.
- Маркина Е.И., *О соотношении понятий «лексический минимум» и «учебный словарь» в методике преподавания русского языка как иностранного*, «Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена», 2011, с. 248, [online] <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatij-leksicheskij-minimum-i-uchebnyy-slovar-v-metodike-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo>, [07.12.2020].
- Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов*, А.Н. Щукин (ред.), Москва 1990.
- Пугачёв И.А., Яркина Л.П., *Словарный минимум и его использование в практическом курсе русского языка*, [online] <https://cyberleninka.ru/article/n/slovarnyy-minimum-i-ego-ispolzovanie-v-prakticheskom-kurse-russkogo-yazyka>, [16.09.2020].
- Стандарт*, [online] <https://likumi.lv/ta/id/303768-noteikumi-par-valsts-pamatizglitibas-standartu-un-pamatizglitibas-programmu-paraugiem>, [07.12.2020].
- <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/foto-prepodavatelya-russkogo-yazyka-i-literatury-ingu-mangus-na-gradili-medalyu-pushkina?id=74336913>, [07.12.2020].

WHO WILL PUT IN A GOOD WORD FOR A POOR STUDENT?**Summary**

Successful acquisition of Russian as a foreign language by school students from many countries and particularly in former Soviet Union republics depends largely on the contents of course books. However, these days the thematic content of these course books may be characterised as subjective, random and dependent on the author's choice rather than on the established requirements to this type of teaching material. That may be the reason of the decrease of the level of the younger generation students' language proficiency (for instance, in Latvia). The research primarily analyses the situation that concerns the basic vocabulary issue. Based on the methodological data, the authors clarify the problem, which should facilitate the emergence of particular achievable decisions that may help eliminate it.

Keywords: Russian as a foreign language, proficiency levels, lexical minimum, school textbooks

Мария ВИТОРОВИЧ

Московский государственный строительный университет, Россия

ПРИЧАСТИЯ И ДЕЕПРИЧАСТИЯ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Ключевые слова: методика обучения русскому языку; русский язык как иностранный; причастия и деепричастия

Традиционно темы «причастия» и «деепричастия» в русском языке считаются одними из самых сложных для иностранцев по причине отсутствия в их родных языках аналогичных грамматических конструкций. Согласно О.Ю. Новиковой,

при обучении русскому причастию стоит помнить о двух важных аспектах: причастие действительно является принадлежностью письменной речи, поэтому нет необходимости стремиться к выведению причастий в устную речь, тем более, что даже русские практически не используют причастия в живой разговорной речи; тем не менее, простое механическое выполнение грамматических упражнений мало способствует развитию способности использовать причастия в письменной речи; развивается лишь способность выполнять грамматические упражнения на причастия. Таким образом, грамматические упражнения должны быть, но они не должны становиться единственным средством формирования грамматического и коммуникативного навыков¹.

По мнению О.С. Тарасенко,

важно научить обучающихся образовывать причастия и понимать их для того, чтобы в учебном процессе и дальнейшей профессиональной деятельности они могли понимать специальные тексты и уметь использовать причастия, как в устной, так и в письменной речи².

¹ О.Ю. Новикова, *Обучение русскому причастию с позиции коммуникативного подхода* [в:] *Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся. Сборник материалов IV-ой Международной научно-методической конференции*, Воронеж 2016, с. 176.

² О.С. Тарасенко, *Особенности обучения активным причастиям прошедшего времени иностранных учащихся в образовательных организациях юридического профиля* [в:] *Реализация инновационной системы языковой подготовки в неязыковых вузах: проблемы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции в 2-х ч.*, Воронеж 2016, ч.1. с. 169.

Мы считаем, что данное утверждение в равной степени справедливо и для деепричастий.

Согласно методике преподавания РКИ, работа с причастиями и деепричастиями делится на три основных этапа: повторение предыдущих тем, связанных с данными формами глагола (наречие и прилагательное, их функции и роль в предложении); знакомство с новой грамматической темой и формирование языковых навыков и речевых умений.

Прежде всего, необходимо сказать, что и причастия и деепричастия являются атрибутивными, иными словами «неспрягаемыми формами глагола, выступающими в предложении главным образом в функции определения или обстоятельства»³.

«Причастие - форма глагола, обладающая наряду с категориями глагола категориями прилагательного», а значит выражает признак предмета по действию⁴.

Традиционно ученые выделяют следующие признаки глагола у причастий: вид (*читаемый НСВ – прочитанный СВ*); переходность (*увидеть студента – переходный глагол; стоять на остановке – непереходный глагол*); залог (*строящий – действительный залог*), (*строимый – страдательный залог*); время (*играющий – настоящее время; игравший – прошедшее время*). Будущего времени причастие не имеет.

Наряду с вышесказанным, у причастия существуют и признаки прилагательного: обозначение признака предмета (причастие отвечает на вопрос «какой?»); изменяется по родам, числам и падежам; страдательные причастия имеют полные и краткие формы.

В русском языке причастие имеет два залога. Действительные или активные причастия «называют признак того предмета или лица, который сам совершает или совершил действие (*пишущий учёный, рисовавший художник*)»⁵.

В настоящем времени активные причастия образуются с помощью суффиксов *-ущ-*, *-ющ-*, *-ящ-*, например, *пишущий, читающий, сидящая, готовящие, летающее*. В прошедшем времени действительные причастия имеют суффиксы *-ви-*, *-ш-* (*бегавший, смотревший, шедший*).

Страдательные или пассивные причастия «называют такое действие, которое испытывает на себе предмет в настоящем или прошедшем времени», например, *читаемая книга, переводимая статья*⁶.

³ Д.Э. Розенталь, М.А.Теленкова, *Словарь-справочник лингвистических терминов*, 1976 [online] <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/fc/slovar-196.htm#zag-331>, [10.11.2020].

⁴ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый словарь Ожегова*, 1949–1992 [online] http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_p_r.txt, [10.11.2020].

⁵ Кузнецов А.А., Рыжаков М.В., *Универсальный справочник старшеклассника*, Москва 2011, с. 47.

⁶ Там же, с. 48.

Пассивные причастия настоящего времени образуются с помощью суффиксов *-ем- -им-* (*передаваемая, зависимые*). В прошедшем времени страдательные причастия имеют суффикс *-нн-* (*узнанный, приготовленный*).

Деепричастие – «форма глагола, обладающая, наряду с категориями глагола (вид, залог), признаком наречия (неизменяемость), напр. лёжа, играя, взяв»⁷.

Основные признаки глагола у деепричастий: вид (*читая – несов. вид; прочитав – сов. вид*); переходность/непереходность (*встречая подружку; помогая маме*); возвратность (*смеясь – посмеявшись*), общая основа с глаголом (*смотреть – посмотрев*).

Деепричастие имеет и функции наречий: неизменяемость, способность сочетаться с главным словом в предложениях и фразах, например: *рисуя красиво – рисовать красиво*.

Деепричастия настоящего времени несовершенного вида образуются с помощью суффиксов *-а-, -я-*: *покупая, считая, мечтаю, дыша*. В прошедшем времени деепричастия совершенного вида имеют суффиксы *-в-, -вши-, -ши-*, – *согнувшись, коснувшись увидев*.

Ранее мы упомянули, что работа с причастиями и деепричастиями делится на три этапа, последний из которых является главным условием запоминания и успешного освоения вышеупомянутых тем. Для достижения наилучших результатов в формировании языковых навыков и речевых умений мы предлагаем выполнить следующие упражнения.

Упражнение 1. Прочитайте предложения и объясните смысловую разницу между ними. Назовите глаголы, от которых образованы причастия, их время и вид.

1. Учёный, пишущий книгу, очень устал.
2. Учёный, писавший книгу 5 лет, хочет напечатать ее в научном издании.
3. Учёный, написавший книгу, стал известен во всем мире.

Упражнение 2. Образуйте действительные и страдательные причастия настоящего времени от глаголов. Составьте предложения с причастиями и словами в скобках.

Образец: *строить (дом). Строящийся дом (действ. прич.); мы с другом идём мимо строящегося дома и поём песни. Строимый дом (страдательное прич.); дом, строимый этой компанией, будет очень высоким.*

читать (книгу); принести (письмо); приглашать (гость); рисовать (художник); закрыть (окно); изучать (история).

⁷ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый словарь Ожегова*, 1949–1992 [online] http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_p_r.txt, [10.11.2020]

Упражнение 3. Замените предложения, используя действительные причастия прошедшего времени.

Образец: *профессор, который читал лекцию, был очень серьёзным – профессор, читавший лекцию, был очень серьёзным.*

1. Балерина, которая танцевала в опере «Ромео и Джульетта», разговаривала с режиссёром.
2. Учитель, который писал новую тему на доске, извинился и вышел из кабинета.
3. Мои братья, которые жили в Америке, хотели приехать ко мне в гости.
4. Официант, который принял заказ, быстро пошёл на кухню.

Упражнение 4. Прочитайте предложения и скажите, к какому слову относится причастие; укажите его род, число, падеж. Поставьте вопросы к причастным оборотам.

1. Мальчик, читающий письмо, очень обрадовался.
2. Девочка, читающая письмо, немного волновалась.
3. Друзья, читающие письмо, сидели на диване.
4. Письмо, читаемое мальчиком, было неинтересным.

Упражнение 5. Поставьте действительные и страдательные причастия в правильную форму.

1. Я спросил у брата, (работающий) без выходных, когда у него будет отпуск.
2. Мои друзья, (сидящий) в кафе, ждали свой заказ.
3. Мальчики хотели пирожных, (приготовленный) в этой кондитерской.
4. К известному актеру, (стоящий) на остановке, подошли журналисты.
5. Я не получил сдачу от водителя автобуса, внимательно (смотрящий) на дорогу.

Упражнение 6. Измените предложения на синонимичные, используя деепричастия НСВ.

Образец: *Студент смотрел телевизор и разговаривал с другом – Смотри телевизор, студент разговаривал с другом.*

1. Журналисты ужинали в ресторане и ждали известную балерину.
2. Александр улыбался и рассказывал анекдот.
3. Преподаватель сидел в кабинете и разговаривал со студентом
4. Марина объясняла правило своему младшему брату и готовила обед
5. Сергей волновался перед экзаменом и повторял новую тему

Упражнение 7. Измените предложения на синонимичные, используя деепричастия СВ.

Образец: *Молодой человек написал письмо и отправил его по почте. Молодой человек, написав письмо, отправил его по почте.*

1. Я подошёл к другу и посоветовал ему поступить на гуманитарный факультет.
2. Герой романа полюбил Ольгу и сказал ей об этом.
3. Бабушка сохранила старое семейное фото и показала его своим внукам.
4. Инженер выполнил задание и пошёл домой.
5. Девушка отдохнула на даче и вернулась в город.

Упражнение 8. Подберите правильный вариант окончания фразы из столбца В.

А	В
1. Читая газету,ученик решил стать пианистом.
2. Познакомившись с известным спортсменом,учитель часто разговаривал с детьми и их родителями.
3. Окончив институт,мужчина улыбался.
4. Занимаясь музыкой,студент объехал все страны мира.
5. Интересуясь географией,моя сестра начала работать в офисе
6. Работая в школе, я попросил у него автограф.

Упражнение 9. Закончите предложения.

1. Начиная работу, ...
2. Рассказав историю, ...
3. Играя с сестрой, ...
4. Сделав домашнее задание, ...
5. Гуляя по улице, ...
6. Зная теорему, ...
7. Открыв окно, ...
8. Слушая лекцию преподавателя, ...

Упражнение 10. Прочитайте текст. Найдите деепричастия и объясните их образование. Перескажите текст.

Учительница Анна Андреевна, решив, что ее ученики должны увидеть выставку картин русских художников, позвонила их родителям и предложила поехать на экскурсию. Родители и дети согласились. В пятницу, закончив вести уроки, учительница сказала ребятам, что они поедут в Третьяковскую галерею. Обрадовавшись, ученики быстро собрали учебники и тетради, и надели верхнюю одежду. Войдя в один из залов галереи и увидев множество картин, дети очень удивились. Анна Андреевна, рассказывая им о картинах «Алёнушка», «Утро в Сосновом бору», «Три богатыря» задавала сложные вопросы, но ребята всегда отвечали правильно. Заканчивая экскурсию, учительница поблагодарила учеников и попроща-

лась с ними. Дети, также поблагодарив Анну Андреевну, вышли из Третьяковской галереи и встретили своих родителей.

ЛИТЕРАТУРА

- Кузнецов А.А., Рыжаков М.В., *Универсальный справочник старшеклассника*, Москва 2011.
- Новикова О.Ю., *Обучение русскому причастию с позиции коммуникативного подхода* [в:] *Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся. Сборник материалов IV-ой Международной научно-методической конференции*, Воронеж 2016, с. 174–179.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь*, 1949–1992 [online] http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_p_r.txt, [10.11.2020].
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., *Словарь-справочник лингвистических терминов*, 1976 [online] <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/fc/slovar-196.htm#zag-331>, [10.11.2020].
- Тарасенко О.С., *Особенности обучения активным причастиям прошедшего времени иностранных учащихся в образовательных организациях юридического профиля* [в:] *Реализация инновационной системы языковой подготовки в неязыковых вузах: проблемы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции в 2-х ч.*, Воронеж 2016, ч.1. с. 169–173.

PARTICIPLES AND VERBAL ADVERBS IN THE ASPECT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Summary

In this article, special attention is paid to the process of teaching foreign students the participles and verbal adverbs. In particular, the difficulties encountered by students in studying this topic and the reasons for their occurrence are considered. For foreign students to achieve the best results in understanding the grammatical categories „participle” and „verbal adverb”, a list of exercises is provided.

Keywords: Russian language teaching methods; Russian as a foreign language; participles and verbal adverbs in the aspect of teaching Russian as a foreign language

Юлия ГОВОРУХИНА

Филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» в г. Калининграде, Россия
ORCID: 0000-0002-2675-5909

Фаниля МОНГИНА

Филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» в г. Калининграде, Россия
ORCID: 0000-0003-1781-5743

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ: ПЛАНИРОВАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, языковые умения и навыки, речевые умения и навыки, планирование учебного занятия, учебное задание

Практика не успевает за теорией, а теоретики не всегда погружены в практику преподавания. С этим противоречием мы сталкиваемся каждый раз, когда в методике появляются новые направления, концепции. Опыт преподавания русского языка как иностранного позволяет откорректировать ряд существующих положений, уточнить определения и конкретные методики. Научных работ, в которых были бы представлены размышления преподавателей-практиков по поводу тех или иных теоретических концепций, очень мало. Данная статья – взгляд практика на проблему эффективности планирования учебного занятия, формирующего коммуникативную компетенцию обучающегося.

Тема статьи представляется особенно актуальной, учитывая тот факт, что в практике преподавания РКИ при формировании коммуникативной компетенции речевым навыкам уделяется меньшее количество учебных часов.

Коммуникативная компетенция: договоримся о терминах

Учитывая многообразие терминов (в том числе употребляемых как синонимы) в современной методике, проясним понятийный аппарат, используемый в данной статье. Под речевым умением мы понимаем рефлексив-

ное, осознанное выполнение речевых действий, направленных на решение коммуникативных задач. В отличие от умения, речевой навык предполагает автоматизированный характер речевых действий. Такое понимание речевого навыка и умения закреплено в «Современном словаре по педагогике» (составитель Е.С. Рапацевич)¹. Оно чаще всего используется российскими методистами. Так, С.Ф. Шатилов отмечает такие черты речевого навыка, как непроизвольность (спонтанность), ситуативную и коммуникативную мотивированность². Если наличие умения позволяет самостоятельно заниматься речепроизводством, соблюдая правила грамматики и культуры речи, то навык обеспечивает быстроту речевых актов и гибкость (способность включаться в новые речевые ситуации).

Мы различаем языковые и речевые навыки. Под языковыми навыками понимаем навыки оперирования языковым материалом с опорой на правила вне условий речевой коммуникации (например, навык формообразования (в частности, образование падежных окончаний имен существительных и прилагательных; личных окончаний глаголов), структурно-образовательный навык конструирования предложений). Языковые навыки можно отнести к тем видам навыков, которые в психологии получили название «интеллектуальных» (В.А. Крутецкий, Ф.Н. Гонаболин), «мыслительных» (В.В. Богословенский), для которых характерно преобладание осознанности, дискурсивности над «автоматизмом». Интеллектуальные навыки, согласно высказыванию В.А. Крутецкого, «обычно включают меньшее количество автоматизированных элементов, а в некоторых случаях отдельные из этих компонентов вообще не подвергаются автоматизации и требуют непрерывного сосредоточенного внимания и осознания действий»³.

На сегодняшний день существует множество концепций формирования коммуникативных навыков. Каждая предполагает выделение этапов учебного процесса. Так, Николаева выделяет три этапа: ориентировочно-подготовительный (знакомство с новым материалом (грамматическим, лексическим, фонетическим), речевыми моделями, выполнение речевых действий по образцу/правилу); стереотипно-ситуативный, или стандартизирующий (автоматизация действий учеников с новым языковым материалом в аналогичных ситуациях на уровне фразы); вариативно-ситуативный (дальнейшая автоматизация действий с новым материалом). Системная в своем теоретическом виде, на практике эта концепция «работает» только

¹ *Современный словарь по педагогике*, Е.С. Рапацевич (сост.), Минск 2001.

² С.Ф. Шатилов, *Некоторые основные проблемы методики обучения грамматическому аспекту иностранной речи в школе*, „Иностранные языки в высшей школе”, 1971, № 6.

³ *Психология*, В.А. Крутецкий (ред.), Москва 1974, с. 70.

тогда, когда преподаватель владеет умением эффективно планировать все свои действия, четко представляет, как именно последовательно переходить от грамматических заданий к условно-коммуникативным и собственно коммуникативным. Овладеть этим методическим искусством сложно, работа по планированию является трудоемкой. Наше исследование призвано помочь начинающему преподавателю выстроить алгоритм действий, задать верные коммуникативно-ориентированные установки.

На практике нередко до сих пор собственно речевые упражнения заменяются языковыми. Аналитические, неситуативные, коммуникативно-немотивированные, они неэффективны в формировании коммуникативной компетенции. История методики преподавания иностранных языков знает этап доминирования концепции обучения грамматическим навыкам на основе грамматических упражнений (см. работы В.С. Цетлин, в которых утверждалось, что речевые умения базируются на запоминании языкового материала и на овладении языковыми навыками⁴). Впервые термин «речевой навык» был введен в широкое употребление в методической литературе Б.В. Беляевым⁵, который, однако, не пользовался термином «языковой навык». Позже С.Ф. Шатиловым было сформулировано положение о принципиальном отличии языковых навыков от речевых⁶. В то же время нельзя недооценивать роли языковых навыков и грамматических упражнений. Они помогают осмыслить, запомнить языковой материал, ориентироваться в иноязычном материале, выработать механизм самоконтроля за правильностью речи в ситуации, когда по какой-то причине откажет автоматизм речеобразования.

Как сделать переход от грамматических заданий к речевым/ коммуникативным более эффективным, как разработать задания таким образом, чтобы языковой навык работал на речевое умение и навык, как этот принцип реализовать в системе планирования занятий – эти вопросы стали для нас отправными, ответ на них и составляет цель данной статьи.

В методике сегодня можно встретить понятия, которые пытаются «схватить» синкретическую суть заданий: условно-коммуникативные, условно-речевые, лексически-направленные. Однако до сих пор не выработано системного представления о том, в какой момент языковой навык

⁴ В.С. Цетлин, *Знания, умения и навык в иностранном языке*, „Иностранные языки в высшей школе”, 1969, № 5; В.С. Цетлин, *Методика обучения грамматически явлениям французского языка в средней школе*, Москва 1961.

⁵ Б.В. Беляев, *Очерки по психологии обучения иностранным языкам*, Москва 1959.

⁶ С.Ф. Шатилов, *О роли индивидуально-речевого опыта учащихся в овладении грамматической стороной устной иноязычной речи*, [в:] *Теория и практика лингвистического описания разговорной речи*, Горький 1968, с. 368–370.

перерастает в речевое умение и навык, каким образом возможно стимулировать процесс формирования коммуникативной компетенции. Само понятие коммуникативной компетенции стало активно использоваться в рамках концепции коммуникативно-ориентированного обучения (А.А. Соломонова, Т.М. Балыхина, Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева). Существует множество определений понятия «коммуникативная компетенция». Некоторые из них включают в качестве основного слово «способность». Так, Л.А. Петровская определяет ее как способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты, предполагающую наличие совокупности знаний и умений, обеспечивающих эффективное протекание коммуникативного процесса⁷. Ю.Н. Емельянов понимает коммуникативную компетенцию как интегративную способность целесообразно взаимодействовать с другими на своем интеллектуально-культурном уровне на основе гуманистических личностных качеств (общительности, искренности, такта, эмпатии, рефлексии и т.п.) и с учетом коммуникативных возможностей собеседника⁸. Определения, сформулированные лингвистами, более конкретны и предполагают оперирование понятиями «знания, умения, навыки». К примеру, Е.М. Бастрикова описывает коммуникативную компетенцию как «феноменальную категорию, отражающую нормативные знания семантики языковых единиц разных уровней, овладение механизмами построения и перефразирования высказывания, умение порождать дискурс любой протяженности, соотносясь с культурно-речевой ситуацией, включающей параметры адресата, места, времени и условий общения, умение реализовать в иноязычной речи различия между родным и иностранным языком, осуществлять сознательный и автоматический перенос языковых средств из одного вида речевой деятельности в другой, из одной ситуации в другую»⁹. Ф.С. Бацевич говорит о наборе коммуникативных стратегий, владении коммуникативными правилами, максимами, постулатами и конвенциями общения»¹⁰.

Основной состав компонентов коммуникативной компетенции был определен в исследовании Совета Европы (см. «Современные языки: изучение, преподавание, оценка. Общеввропейская компетенция владения иностранным языком») и включает: 1) владение знаниями о системе

⁷ Л.А. Петровская, *Компетентность в общении*, Москва 1989.

⁸ Ю.Н. Емельянов, *Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности*, Москва 1995.

⁹ Е.М. Бастрикова, *Коммуникативная компетенция как лингводидактический феномен*, [в:] *Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект*, Казань 2004, с. 47.

¹⁰ Ф.С. Бацевич, *Основи комунікативної лінгвістики: Підручник*, Киев 2004, с. 328.

и структуре языка в целом, 2) умение использовать язык в социальном контакте в зависимости от коммуникативной ситуации, 3) желание и умение вступать в коммуникативный акт, 4) знание национально-культурных особенностей речевого поведения носителей языка, 5) способность ориентироваться в содержательном плане общения, 6) способность использовать определенные стратегии для конструирования и интерпретации текстов различных типов дискурсов, способность компенсировать пробелы в знаниях языка и речевого и социального опыта общения с помощью языковой догадки и др.¹¹.

Государственный стандарт по русскому языку как иностранному (базовый уровень) поясняет содержание коммуникативной компетенции через понятие интенции (вступать в коммуникацию, знакомиться, благодарить, извиняться, поздравлять, переспрашивать; задавать вопросы, сообщать о фактах, о количестве и качестве предметов, о причинах, целях действия; выражать намерение, просьбу, совет, (не)согласие, отказ, обещание, неуверенность; выражать свою оценку человека, факта, события). Перечисляются типичные ситуации общения, тематика. Здесь же указываются требования к речевым умениям: аудирование монологической речи (умение понять на слух информацию с вычленением главной темы, главной и дополнительной информации); использование разных стратегий чтения; письмо (письменное монологическое высказывание); говорение (продуцирование связных высказываний (монологических и диалогических). Заметим, что разработчики стандарта не оперируют понятиями «речевой навык» и «речевые знания».

Профессиональные стандарты (в том числе стандарты третьего поколения (3++)) раскрывают коммуникативную компетенцию как умение и навык эффективного взаимодействия в профессиональной сфере.

Как видим, в приведенных нами определениях коммуникация – прежде всего реализация той или иной цели с учетом ситуации общения. В практике преподавания РКИ часто целеполагание уходит на второй план, на первый выдвигается критерий правильности речи, что непродуктивно.

Конечно, понятие коммуникативной компетенции шире речевого навыка и включает способности к самым разным формам социального взаимодействия. И если разные типы упражнений на развитие речевых навыков можно без труда найти в специальной литературе, в сети Интернет (работы А.А. Вербицкого, Е.И. Пассова, С.Г. Тер-Минасовой, Л.М. Войтюк, Е.С. Полат, Е.В. Мусницкой, В.А. Аверина, В.П. Конечкой, Л.А.

¹¹ *Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка*, Страсбург 2001; Москва 2003.

Татариновой, Г.П. Щедриной, Н.А. Якубова и др.), то разработок, направленных на формирование широких коммуникативных навыков иностранных студентов, которые пытаются адаптироваться к инокультурной среде, мало.

Мы не разделяем мнение креативных современных методистов, которые считают возможным свести к минимуму или вообще исключить работу над развитием языковых знаний и умений, предлагая интуитивное овладение языком в ситуации погружения в чужую культурную среду. Мы считаем, что важна последовательность в освоении языка как системы. Необходимо сначала познакомить студента с языковым явлением/законом/правилом, затем предложить речевую модель, затем создавать различные речевые ситуации, стимулируя продуктивную коммуникацию. Если это профессионально ориентированное обучение, такие ситуации должны быть максимально приближены к типичным речевым практикам будущей профессиональной деятельности.

Планирование учебного занятия: проблемные аспекты и эффективная модель

Навыки или умения формируются значительно дольше, чем в пределах одного занятия. Этот процесс обычно представляется как неразделимый, поскольку невозможно определить степень их сформированности. Определенные ориентиры в методике существуют в виде основных этапов занятия: ознакомление, тренировка и речевая (коммуникативная) практика. Однако такое деление не объясняет, почему задания внутри этапа расположены в той или иной последовательности, есть ли возможность поменять их местами или удалить некоторые из них. На наш взгляд, это происходит потому, что само понятие этапа не предполагает постепенности перехода от простых заданий к более сложным, коммуникативным, от заданий по отработке формы к учету содержания высказывания.

Традиционно учебники и учебные пособия по обучению иностранному языку и русскому языку как иностранному, в частности, обязательно включают языковые и речевые задания. Но возникает вопрос: всегда ли языковые задания готовят к речевым, в достаточной ли мере? Ведь даже значительный объем заданий типа «Поставьте инфинитив в нужной форме, вставьте предлоги, составьте свои примеры со следующими выражениями и др.» не готовит обучающихся к заданиям типа «Расскажите о российском вооружении, которое произвело на вас впечатление», «Обсудите, какими качествами должен обладать настоящий офицер». В то же время это не означает, что тренировочные задания бесполезны. Это значит, что переход

от языковых к речевым заданиям должен происходить постепенно, практически незаметно для обучающегося.

Вот почему учебный процесс, его этапы необходимо разделить на более мелкие составляющие, которые позволили бы показать, как происходит усложнение заданий внутри этапа и между этапами. Рабочей номинацией такой единицы в данной статье послужит «ступень», то есть единица учебного процесса, включающая комплекс заданий, подчиняющихся примерно одинаковым требованиям. Одна ступень может включать одно или несколько заданий. При постепенном усложнении заданий внутри ступени внимание обучающихся распределяется между формой и содержанием в равной мере.

Так, например, рассмотрим следующие задания:

- А) Дайте определение следующим словам: сантиметр, кабельтов, метр, миля, градус, килограмм. Используйте модель: N – это мера веса/длины, которая равна
- Б) Переведите следующие цифры в метрическую систему: 5 километров, 273⁰F, 3 мили, 1 центнер. Используйте модель: 1 тонна – это тысяча килограммов.
- В) Расскажите, какой у вас вес и рост в метрической системе, температура по Цельсию.

Все три задания объединены тем, что внимание обучающихся сосредоточено на активизируемой лексике, структура ответа жестко задана. Одновременно высказывания в определенной степени коммуникативны: такие же речевые задачи обучающийся решает и на родном языке.

Перед нами именно коммуникативно-ориентированные задания, поскольку они содержат одну или несколько речемыслительных предметных задач, обеспечивают наличие стратегии и тактики говорящего, развивая речевые умения; содержат внутреннюю мотивацию его выполнения; представляют ситуацию как новую, учитывают индивидуально-личностные характеристики обучающихся.

В то же время отметим, что задания отличаются степенью трудности. Первое задание – самое простое: обучающимся необходимо вспомнить кое-какие данные и по образцу дать определение. Второе и третье задания сложнее – здесь надо произвести расчеты. Третье задание – явно коммуникативное, так как обучающийся сообщает о себе сведения, неизвестные собеседникам.

Здесь мы видим единство двух ступеней, которые обеспечивают ознакомление и осмысление нового понятия и овладение способами использования языкового материала в ситуациях, максимально приближенных к естественной коммуникации.

Практика планирования: из опыта преподавания РКИ

Практика преподавания русского языка как иностранного позволила наполнить выделяемые нами ступени формирования коммуникативной компетенции разнообразными, но типологически сходными заданиями. Мы считаем, что наиболее эффективной является шестиступенчатая модель обучения речевым навыкам.

На первой ступени действия обучающихся максимально разделены (разграничены). Каждое учебное действие в составе ступени имеет свою цель, актуализирует ее. Например, чтобы выяснить содержание значений несовершенного вида глаголов, необходимо выполнить следующие задания:

1. Отличаются или совпадают значения глагола «читать» в предложениях: «Преподаватель занят, он читает лекцию», «Передайте курсанту Иванову И., чтобы он сдал книгу в библиотеку, он читает ее уже месяц», «Читаю я на днях интернет газету, и вдруг вижу твою статью!»
2. Так ли переводятся эти предложения на ваш родной язык?
3. В каких ситуациях общения мы используем глаголы совершенного и несовершенного вида? Приведите примеры. (Это задание позволяет сформировать представление о соотношенности вида глагола с намерениями говорящего).
4. Какие коммуникативные намерения можно выразить при помощи глаголов несовершенного вида? (Описать картину, ситуацию, спросить собеседника по телефону или в интернет-чате, что делает партнер, объяснить, возразить и др.).

На второй ступени отдельные учебные действия, которые были отработаны на первой ступени, приобретают вид цепочки последовательных действий, соединенных между собой «мостиками», каждое последующее задание вытекает из предыдущего. Внимание обучающихся последовательно переключается с одного действия на другое. Все действия подчинены одной общей цели. То есть налицо определенный алгоритм действий для ее достижения.

В задания второй ступени могут входить сложные действия, например, перевод на родной язык. Здесь мы видим предпосылки для формирования навыка. Необходимо учесть, что этот процесс длителен, требуется достаточное и систематическое его подкрепление.

Таким образом, выполнение заданий первой и второй ступеней можно назвать предварительной работой, далее следует продолжительный этап тренировки.

Задания третьей ступени направлены на решение языковых задач. К ним относятся некомуникативные тренировочные задания: «Поставьте

в начале предложения вопросительное слово», «Выберите правильную форму глагола», «Соедините два простых предложения, составьте сложное предложение» и др. Основным требованием к выполнению данного типа заданий являются естественная скорость, слитность произношения, безошибочность и т.д. Например, при отработке грамматического навыка должны быть задействованы полностью сформированные навыки фонетического и лексического оформления высказывания.

То есть, третья ступень на первый взгляд напоминает первое, но явно сложнее, так как при выполнении заданий привлекаются навыки владения разными языковыми аспектами, а также требуется их реализация в соответствии с речевым намерением по естественным параметрам.

Задания четвертой ступени объединяют языковые и речевые задачи, их целью мы определяем разграничение внимания между формой и содержанием. Эта ступень включает задания по многократной тренировке условно-коммуникативных действий, в которых мы моделируем речь обучающихся (Прослушайте диалог и скажите, что на месте N вы поступили бы иначе. Прослушайте факты о событиях и спросите, почему они произошли и т.п.).

Таким образом, задания этой ступени не осложнены грамматическими трудностями, но имеют коммуникативную направленность и связаны с реальной жизнью обучающихся, так как в реальности мы не ставим перед собой задачу «соединить два простых предложения в одно сложное», но задача расспросить или высказать свое мнение может точно быть. Благодаря таким речевым задачам у обучающихся формируется навык распределения внимания между формой и содержанием, и форма пока является приоритетной. То есть, обучающийся понимает, что данные действия являются тренировкой, и преподавателю важны скорее правильность употребления нужных грамматических форм, лексики, чем высказывание мнения или точки зрения.

Приведем два варианта одного и того же типа задания для преодоления одной и той же трудности: выбор между «один», «одна», «одно», «одни».

1. У меня есть _____ хороший товарищ. Откройте только _____ окно.
2. Жаль, что в магазине есть ___ тонкие тетради. Мне нужна толстая тетрадь.

На первый взгляд, во втором варианте обучающийся не высказывает собственных мыслей, но задание является условно-коммуникативным, так как подобного вида высказывания встречаются в реальном общении, к тому же для составления ответа обучающийся должен принять как грамматическое, так и смысловое решение. Заполняя пропуски или раскрывая скобки, он одновременно выражает свое отношение к разнообразным жизненным ситуациям.

Однако следует учесть, что навык еще полностью не сформирован, поэтому есть смысл усложнять тренировочные упражнения, трансформируя их в коммуникативные без усложнения языковых задач. Учебный процесс интенсифицируется, а принципы доступности и преемственности не нарушаются. Монологи и отдельные высказывания строятся по одной модели. Например, высказывания, основанные на преодолении одной лексической трудности: Перечислите, чего вам не хватает, чтобы чувствовать себя счастливым.

Следующая, **пятая**, ступень уже направлена на разграничение внимания обучающихся между формой и содержанием аудируемого текста или собственного высказывания. Это связано с тем, что речевые задачи усложняются, часть из них переносится на реализацию других навыков. Сложность этой ступени состоит в том, что в отличие от предыдущей, когда приемлемы высказывания объема отдельного предложения, на этой ступени предполагается создание или восприятие связного высказывания.

Приведем примеры задания этой ступени при формировании навыка употребления глаголов совершенного и несовершенного вида:

- 1) Расспросите об обязанностях лоцмана, условиях его работы, наличии свободного времени, требуемой квалификации и сделайте вывод, подходит вам такая работа или нет и почему.
- 2) Расспросите командира о мерах безопасности кораблевождения, поставьте задачи команде корабля, спросите командира, правильно ли вы это сделали.
- 3) Опишите атмосферные явления в вашей стране, сравните их с реальностью вашего региона пребывания в России, задайте вопросы специалисту метеослужбы.

Опытный преподаватель сможет своевременно перейти к заданиям этой ступени только после достаточной отработки навыка предыдущей ступени и в нужном объеме, учитывая, что основа автоматизации навыка состоит в снятии изолированных трудностей при реализации коммуникативной задачи.

На шестой ступени внимание обучающихся с языкового материала перемещается на решение речевых задач, то есть материал воспринимается или воспроизводится автоматизировано, правила его использования возникают в сознании обучающихся чаще всего в случае появления затруднений. Языковой материал может быть предложен, но в незначительном объеме, важно формулировать задачи так, чтобы обучающийся почувствовал необходимость его использования.

В отличие от предыдущей ступени, когда обучающийся понимает, что в его ответах интересуется преподавателя (какую конкретную видо-

временную форму использовать, как задать вопрос и интонационно правильно его оформить и т.д.), то есть сохраняется учебный мотив, на новой ступени мотивация меняется на речевую или учебно-речевую. Например:

- 1) Воин не работает, он служит. Разница филологическая или не только? Что вправе делать и чего не следует делать (допускать) человеку военному?
- 2) Прочитайте некоторые правила жизни русского офицера. Скажите, есть ли в вашей стране подобные правила. Какие? Расскажите, какие официальные и негласные военные традиции есть в вооружённых силах вашей страны.

Анализируя выполнение заданий этой ступени, преподавателю необходимо использовать слова и словосочетания, свойственные реальной жизненной ситуации, а не просто отмечать языковую правильность оформления высказывания обучающегося. Рекомендуется подчеркнуть что-то новое в его высказывании, прояснить, насколько точно сформулирована мысль, согласиться или не согласиться с его мнением. Форма выражения оценки высказывания должна свидетельствовать об уважении к праву обучающегося на свое мнение.

Практика планирования: из опыта преподавания РКИ

Приведем ряд примеров заданий из каждой ступени.

Ступень 1

1. Выберите правильный вариант: У неё плохое настроение. Она потеряла/потеряла зонт.
2. Вставьте нужный предлог для обозначения времени (в, перед, по, после): ... пятницам наш командир проводит собрание после ужина.
3. Скажите, какой звук слышится в конце слова: хлеб, сад, кровь, пляж, снег, мороз, остров... и т.д.

Ступень 2

1. Скажите, с какими числительными можно употребить следующие существительные: тетради, ручек, книги, стульев; река, гор, страны, континента ... и т.п.
2. Раскройте скобки, употребив нужную форму глагола:
Почему ты не ответил на мой звонок? – Я принимал/принял душ etc.
(Здесь требуется выбрать нужную видовременную форму с учетом значений употребления глаголов несовершенного/совершенного вида).

Ступень 3

1. Воспроизведите постепенно расширяющееся предложение по памяти с соблюдением слитности произношения и интонационных конструкций (ИК)

Купаемся в море и загораем.

Мы купаемся в море и загораем.

Летом мы купаемся в море и загораем.

Летом / мы купаемся в море и загораем.

2. «Поправьте преподавателя», т. е. воспроизведите исходное предложение, сделав логическое ударение на слове, которое он «по ошибке» заменил. Например, предложение:
В центре города нет заводов.
П.: В центре города нет банков.
Обучающийся: В центре города нет заводов!
П.: В центре города нет библиотек.
Обучающийся: В центре города нет заводов! etc.
3. Скажите то же самое по-другому. Например:
Он любит кататься на лодке. – Ему нравится кататься на лодке.

Ступень 4

1. Выразите свое согласие или несогласие с тем, что я скажу, но используйте разные языковые средства. Например:
П.: Управлять яхтой очень трудно!
Обучающийся: А я с удовольствием выхожу в море на яхте.
Или: Да, не каждый человек сможет управлять яхтой.
2. Прослушайте вопрос и ответьте, что вы этого, к сожалению, не помните или не знаете:
Где вы купили такой словарь? – Я не помню, где я купил его.
Андрей ходил вчера на экскурсию? – Я не знаю, ходил ли Андрей на экскурсию вчера. (Одновременно происходит тренировка употребления косвенного вопроса).
3. Прослушайте предложения и скажите, как можно оценить подобное поведение: Какой он молодец! Как он говорит по-арабски! (ИК-5 для выражения положительной оценки); Какой он друг? (ИК-7 для выражения отрицательной оценки).
 - а) У него красивая яхта. – Какая у него яхта!
Нихар очень хорошо танцует. – Как он танцует!
 - б) – Алберто, вы выполняете это упражнение уже полчаса. Закончили?
– Нет, товарищ преподаватель. Ещё 5 минут.
– Как быстро вы работаете.
 - в) – Разве Чинь хорошо играет на гитаре?
– Здравствуйте! Он профессиональный музыкант.

Ступень 5

1. Вас упрекают в том, что вы не выполнили всех дел, запланированных на неделю. Объясните, что вы многое успели сделать (уточните, когда именно) и скажите, когда вы планируете доделать остальное.

2. Уговорите вашего ленивого приятеля пойти с вами в поход. Пообещайте, что его не будут заставлять много работать, а удовольствия хоть отбавляй. Используйте структуры: Ты будешь только ..., тебе не надо будет ..., ты сможешь...
3. С которым из говорящих вы согласны? Скажите, какие мысли и чувства вы полностью разделяете, и приведите еще несколько доводов:
 - а) – Зина, какой сегодня прекрасный вечер!
– Прекрасный? Почему? Сегодня холодно, идет дождь. Я весь день была дома.
 - б) – Мы с Виктором ходили в Большой театр.
– Что вы смотрели?
– «Лебединое озеро». Какой балет! Какая музыка!
– Зина, но ведь ты уже пять раз видела «Лебединое озеро»!
– Но я никогда не была на этом балете с Виктором!

Ступень 6

1. Объясните, чем вам понравился или не понравился герой прочитанного рассказа.
2. С каким из следующих двух мнений вы склонны согласиться и почему? Объясните.
«В человеке должно быть все прекрасно: и душа, и лицо, и одежда, и мысли» (Антон Павлович Чехов).
Хорошо одетый человек – это тот, на чью одежду не обращают внимания» (Уильям Сомерсет Моэм).
3. Продолжите высказывание по своему усмотрению, выбрав любое из предложенных условий:
 - а) Вы очень обижены на человека, о котором идет речь.
 - б) Вы считаете, что по ряду причин не стоит привлекать его к важному делу.
 - в) Вы считаете, что он и так перегружен работой.Например:
Предложенное высказывание, которое нужно продолжить:
– Надо сообщить Петрову, что новую группу курсантов будем размещать на пятом этаже общежития. Пусть подготовит помещения.
Ответ (для условия б):
– О, нет, не стоит звонить ему сейчас. Во-первых, он, возможно, не вернулся из командировки. А если он вернулся, то уже, возможно, спит...

Все вышеприведенные примеры были связаны с формированием навыков в конкретном виде речевой деятельности, но обучение речевым умениям может быть также представлено в форме алгоритма. Конечно, не

все умения должны проходить через каждое звено, но это чаще всего необходимо для их эффективного функционирования.

Алгоритм планирования работы в комплексе ступеней – удобный инструмент для определения последовательности заданий на занятии и выявления недостающих элементов. Если следовать ему, то гораздо легче обеспечить доступность заданий. Кроме того, он подсказывает, когда языковое (формальное) задание действительно необходимо, а когда от него можно отказаться и заменить коммуникативным, аналогичным по языковой трудности.

Как сделать переход от грамматических заданий к речевым/коммуникативным более эффективным, как разработать задания таким образом, чтобы языковой навык работал на речевое умение и навык, как этот принцип реализовать в системе планирования занятий? Наш ответ – более дробное ступенчатое планирование этапов учебного занятия. Предложенная нами система ступеней предполагает последовательное усложнение заданий в направлении от условно-коммуникативных (содержащих одну или несколько речемыслительных предметных задач) к собственно коммуникативным. Модель из шести ступеней позволяет показать, как речевые умения начинают «работать» на коммуникативный навык без усложнения языковых задач. В результате, учебный процесс становится более интенсивным, а принципы доступности и преемственности не нарушаются.

ЛИТЕРАТУРА

- Бастрикова Е.М., *Коммуникативная компетенция как лингводидактический феномен*, [в:] Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект, Казань 2004, с. 43–48.
- Бацевич Ф.С., *Основи комунікативної лінгвістики: Підручник*, Киев 2004.
- Беляев Б.В., *Очерки по психологии обучения иностранным языкам*, Москва 1959.
- Емельянов Ю.Н., *Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности*, Москва 1995.
- Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка*, Страсбург 2001; Москва 2003.
- Петровская Л.А., *Компетентность в общении*, Москва 1989.
- Психология*, Крутецкий В.А. (ред.), Москва 1974.
- Современный словарь по педагогике*, Рапацевич Е.С. (сост.), Минск 2001.
- Цетлин В.С., *Знания, умения и навык в иностранном языке*, „Иностранные языки в высшей школе”, 1969, № 5.
- Цетлин В.С., *Методика обучения грамматическим явлениям французского языка в средней школе*, Москва 1961.
- Шатилов С.Ф., *Некоторые основные проблемы методики обучения грамматическому аспекту иностранной речи в школе*, „Иностранные языки в высшей школе”, 1971, № 6.
- Шатилов С.Ф., *О роли индивидуально-речевого опыта учащихся в овладении грамматической стороной устной иноязычной речи*, [в:] *Теория и практика лингвистического описания разговорной речи*, Горький 1968.

FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCIES IN THE PRACTICE OF THE RFL TEACHING: PLANNING AND REALITY

Summary

The article presents the point of view of a RFL practicing teacher on the problem of the effectiveness of planning a lesson that forms the communicative competence of a student. The authors propose a six-step model for building tasks, which makes the transition from grammar tasks to speech tasks more efficient. When this model is used, the language skills of students begin to work on the formation of speech skills.

The first stage – the differentiated actions of students. The second – the actions that were practiced at the first stage take the form of a chain of sequential actions. The third – the language problems solving, the implementation of non-communicative training tasks. The fourth unites language and speech tasks, includes tasks for repeated training of conditional-communicative actions. The fifth is aimed at differentiating the attention of students between the form and content of the audited text or their own statement. The sixth – the solution of speech problems when speech motivation changes to educational speech motivation.

Keywords: communicative competence, language skills and abilities, speech skills, planning of a training lesson, training task

Эва ДЗВЕЖИНЬСКА

Жешувский университет, Польша
ORCID: 0000-0002-6408-0295

ТРУДНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Ключевые слова: диалогическая речь, коммуникативная потребность, мотивация, проблемная ситуация, ролевая игра

Вопросы организации диалогической формы общения и проблемы формирования диалогических умений неоднократно затрагивались учеными¹. Обсуждались подходы к обучению диалогу на разных возрастных этапах, формы и методы работы по развитию диалогической речи, приводились упражнения для отработки диалогических навыков и умений. Несмотря на заинтересованность этой формой общения и существующие разработки проблем формирования диалогических умений, еще много вопросов требует исследования и экспериментальной проверки. В настоящей статье постараемся определить основные трудности, возникающие в обучении диалогической речи, найти их причины и некоторые способы преодоления.

Порождение речи как в монологической, так и в диалогической форме сопряжено с рядом трудностей, которые обусловлены содержанием высказывания, его языковым оформлением и условиями говорения. Даже если на занятиях, ориентированных на овладение учащимися умениями устной

¹ Обучение диалогу рассматривается во многих монографиях, например: Е.М. Розенбаум, *Основы обучения диалогической речи на языковых факультетах педагогических вузов*, Москва 1975; Z. Skrundowa, *Rola dialogu w procesie nauczania języka rosyjskiego*, Warszawa 1983; Д.И. Изаренков, *Обучение диалогической речи*, 2-е изд., Москва 1986; В.Л. Скалкин, *Обучение диалогической речи (на материале английского языка). Пособие для учителей*, Киев 1989; Е.И. Пассов, *Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению*, 2-е изд., Москва 1991; Т.Н. Колокольцева, *Специфические коммуникативные единицы диалогической речи*, Волгоград 2001; И.Н. Борисова *Русский разговорный диалог: структура и динамика*, Москва 2009; А.Н. Щукин, *Обучение речевому общению на русском языке как иностранном*, Москва 2012.

речи, приоритет отдается диалогической речи, результаты обучения этой форме общения неоднократно не удовлетворяют преподавателей, так как речь студентов очень часто звучит искусственно, реплики диалогов однообразны, а иногда даже примитивны. Все это влияет на необходимость тщательно обдуманной организации работы по формированию диалогических умений.

Диалогическая речь «является средством активизации речевого материала и обучения иностранному языку вообще»²; она «представляет собой процесс непосредственного общения, который характеризуется поочередно сменяющимися друг друга и порождающими одна другую репликами двух или более лиц (...). Продуктами данной формы речевого высказывания являются диалог разной степени развернутости, полилог – групповое обсуждение проблемы, дискуссия и свободная беседа двух или более лиц»³. Результатом обучения диалогической речи должно быть формирование умений, позволяющих вести свободную беседу в рамках тем, указанных в программе. Развитие таких умений является результатом хорошо организованной работы, которая должна опираться на формирование и автоматизацию элементарных диалогических умений. Эти умения должны давать возможность:

- правильно в данной ситуации общения начать диалог;
- предвидеть реакцию партнера на сообщение, просьбу, вопрос;
- правильно понимать мысли собеседника;
- построить несколько разных реплик-реакций, возможных в данной ситуации;
- выбрать наиболее подходящую в данной ситуации реплику;
- употреблять различные вводные структуры и клишированные выражения;
- участвовать в разговоре / беседе / дискуссии на знакомую тему;
- развить реплику, более детально представляя мысли, обосновывая свои реакции, поведение и т.п.;
- вслед за мыслями собеседника менять тему разговора;
- контролировать свою речь и при необходимости вносить соответствующие изменения;
- стимулировать партнера к ответу, расспрашивать его, обращаясь с просьбой или вопросом, задавать уточняющие вопросы.

² С.Ф. Шатилов, *Методика обучения немецкому языку в средней школе*, 2-е изд., Москва 1986, с. 79.

³ И.Л. Бим, *Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе: учебное пособие*, Москва 1988, с. 176.

Отсутствие возможности планировать свои речевые действия, разнообразие обсуждаемых тем, быстрый обмен репликами, отклонения от темы, непредсказуемость реплик-реакций собеседника осложняют учебный процесс и влияют на необходимость выработки спонтанных (неподготовленных) речевых действий, т.е. «автоматизированности и мобилизационной готовности языковых средств, используемых партнерами в речи»⁴. Значительные проблемы могут быть вызваны также быстрым темпом речи собеседника, трудностью предсказать реакцию партнера по общению, который в любой момент может ответить нестандартно или изменить тему разговора. Лишь овладение большим количеством готовых фраз и речевых образцов позволяет понимать речь собеседника и реагировать на нее.

Наблюдение за процессом обучения диалогической речи на занятиях по практикуму русского языка, проведенный среди студентов 3 курса бакалавриата русской филологии Жешувского университета опрос⁵, а также анализ применяемых учебников и учебных пособий позволили обнаружить некоторые причины проблем, которые все время препятствуют овладению диалогическими умениями соответственно с уровнем обучения. Важнейшими причинами трудностей является то, что:

1. Введение диалогов-образцов часто не сопровождается ознакомлением с целями работы по формированию диалогических навыков и умений. Имеет место механическое усвоение новых слов, речевых моделей и клише, отсутствует мотивация, ускоряющая запоминание языковых средств.

2. Работа по ознакомлению с новыми словами и структурами, о значении которых трудно догадаться по контексту, отсутствует или сведена к минимуму. Помещаемые в учебниках и учебных пособиях диалоги часто сопровождаются списком трудных слов и выражений и их перевод. Ознакомление с ними ведется путем их чтения и заучивания наизусть. Для того, чтобы студенты были подготовлены к ведению собственных диалогов с опорой на диалоги-образцы, перед их прослушиванием (в записи или читаемых по ролям) должна быть проведена работа по ознакомлению и использованию в речи новых слов и речевых структур, а иногда также приведен социокультурный комментарий.

3. Студенты не имеют возможности познакомиться с альтернативными формами речевого поведения. Диалоги-образцы в учебных пособиях состоят из наиболее типичных в данной ситуации реплик. Для тренировки диалогической речи применяется небольшое количество упражнений, не обеспечивающее формирования и автоматизации речевых навыков. Про-

⁴ С.Ф. Шатилов, *Методика ... op. cit.*, с. 70.

⁵ В опросе приняли участие 42 студента. На наличие трудностей при составлении и проведении диалогов указали 32 респондента. Результаты опроса помещены в приложении.

блема еще осложняется тем, что в упражнениях, направленных на воссоздание реплик диалога, часто даются уже готовые фразы, которые надо только расставить в логической последовательности. Таким образом желаемая инициатива студентов по составлению реплик заменяется простой имитацией. В некоторых упражнениях ставится задача создать диалоги по предъявленному образцу. Однако в репликах-стимулах и репликах-реакциях диалогов-образцов чаще всего применяются одни и те же структуры. Стараясь употребить адекватные в определенной ситуации языковые средства, студенты испытывают затруднения и они вынуждены заменять планируемые интенции высказывания более простыми, сокращать свои реплики или обращаться за помощью к преподавателю. Результаты опроса показали, что 78 % студентов обращается к преподавателю за подсказкой (5 человек – часто, 20 – иногда).

4. Студенты не владеют в достаточной степени разговорным русским языком, что может быть причиной трудностей, связанных с употреблением для выражения своих мыслей слов и выражений, тесно связанных с повседневной иноязычной коммуникацией. Студенты осознают этот факт. Большинство респондентов (75% – 26 человек) указало, что им не хватает разговорных слов и выражений.

5. Создаваемые на занятиях ситуации не мобилизуют к говорению и осложняют адекватное речевое поведение в ситуациях, имитирующих реальное общение. Студенты обращают внимание на искусственные темы диалогов. Они часто не понимают цели и речевой задачи общения, им нечего сказать по обсуждаемой теме.

6. В репликах-реакциях студенты часто полностью или частично воспроизводят инициальную реплику, что ведет к тому, что диалоги неоднократно звучат ненатурально. Значительные трудности для изучающих иностранный язык представляют структурные и языковые особенности диалогической речи. К их числу относятся: сокращенность речи, ее экспрессивность, использование разговорных клише и устойчивых словосочетаний, употребление говорящим неполных предложений, смысл которых понятен лишь при понимании предшествующей реплики⁶.

7. Отсутствует новизна материала и потребность активного участия в диалогическом общении. Ситуации общения повторяются, отсутствует заинтересованность, трудно сосредоточить внимание и активно участвовать в разговоре⁷. В реальной коммуникации потребность вызывается

⁶ А.Н. Щукин, 2012, *Обучение речевому общению на русском языке как иностранном*, Москва, с. 414–415.

⁷ В опроснике студенты отметили, что темы диалогов не всегда интересны и, по их мнению, часто оторваны от реальной жизни.

необходимостью решения целей общения в определенных жизненных ситуациях.

Важнейшим условием преодоления трудностей является отбор диалогов-образцов, соответственно определенной ситуации общения, возрасту студентов, их интересам и уровню владения языком. Диалоги-образцы должны быть коммуникативными, включать слова и словосочетания, характерные для разговорной речи, исполняться носителями языка, служить примером речевого взаимодействия с употреблением типичных для данной ситуации речевых клише и разговорных формул. Используя хорошо отобранные тексты, легче мотивировать студентов к работе, стимулировать к аудированию, а затем вызвать желание высказываться. Задачу отбора выполняют преподаватели, пользуясь учебными пособиями, аутентичными текстами и записями, найденными в Интернете. Иногда они могут предложить студентам самостоятельный поиск в Интернете интересных для них диалогов, которые будут использованы на занятиях.

Планируя работу с диалогом в рамках изучаемой темы, преподаватель должен определить наиболее типичные ситуации диалогического общения. Создание ситуаций близких к реальным является трудной, но очень важной задачей, поскольку «речь не бывает вне ситуации, иначе это не речь или речь только по форме, а не по сути. Любая ситуация определяется местом, временем, характерами партнеров по общению, их ролями, а также той речевой задачей, которую они хотят решить в ходе общения»⁸. При введении диалогов задачей преподавателя является подробно описать ситуацию общения⁹, определить участников диалога, их роли, место и цели общения. В описании должны быть представлены такие конструктивные признаки ситуации как: а) характер потребности (потребность спросить, потребность сообщить или потребность побудить к действию); б) содержание и характер противоречия, проблемы – цель действия¹⁰. Для того, чтобы обучать студентов живому языку, знакомить их с разговорной речью следует применять в учебном процессе аутентичные материалы, которые вво-

⁸ Е.Н. Соловова, *Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс*, 3-е изд., Москва 2010, с. 49. В 70. годы, для решения коммуникативных задач, начал применяться т.н. сценарный подход, который был разработан Робертом Шэнком (Schank 1975). Учет разных сценариев участниками диалога дает возможность выбора соответствующей тактики поведения с целью решения коммуникативных задач. Прогнозирование возможных сценариев поведения используется для облегчения коммуникации.

⁹ Ситуация общения должна включать четыре компонента: обстановку, отношения между коммуникантами, речевое побуждение и сам процесс диалогизирования, то есть, воспринимаемые партнерами высказывания собеседников (В.Л. Скалкин, *Обучение диалогической речи (на материале английского языка). Пособие для учителей*, Киев 1989, с. 8).

¹⁰ Д.И. Изаренков, *Обучение диалогической речи*, 2-е изд., Москва 1986, с. 34–35.

дят в ситуации близкие к реальному общению. Такие ситуации общения могут создаваться с помощью средств зрительной, слуховой и зрительно-слуховой наглядности. Ситуативность, которая составляет суть и предопределяет логику говорения, является важным условием аутентичности диалогов¹¹.

Чтобы привлечь студентов к активной работе на продвинутом этапе обучения и обеспечить высокий уровень мотивации, «следует стремиться к тому, чтобы упражнения и ситуации содержали как можно больше проблемных вопросов, позволяющих высказывать противоположные точки зрения, спорить, убеждать»¹². Проблемные ситуации можно создавать, предъявляя противоречивые факты, теории, мнения на актуальные и интересные для студентов темы, что дает студентам возможность узнавать новую информацию, оценивать ее, учитывая разные точки зрения. Надо подготовить студентов к самостоятельному ведению диалогов, не только воспроизводящих отдельные реплики диалогов-образцов, но и таких, в которых они будут выражать свои мысли. Обоснованным является использование таких стимулов, которые вызовут у студентов потребность высказать что-то свое, индивидуальное. Тогда диалогам будет свойственна эмоциональная окрашенность, в них будут выражены чувства, мысли, отношение говорящих к высказыванию, что в свою очередь, будет мотивировать к слушанию не только собеседника / собеседников, но и других студентов.

Для того, чтобы воссоздать в учебных условиях акты реальной коммуникации, следует использовать аутентичные аудио- и видеоматериалы. Особенно полезными являются короткие фильмы или их фрагменты, которые позволяют мотивировать речь студентов их интересом к содержанию просматриваемых сцен. Задерживая просмотр фильма, стимулируем студентов к продолжению диалогов, проводимых его персонажами. Таким образом они воплощаются в роли героев фильма, а для того, чтобы хорошо сыграть свои роли проявляют воображение и фантазию.

Моделируя ситуации, приближая их к условиям реального общения, вызываем интерес студентов, повышаем их мотивацию и облегчаем коммуникацию. Хорошим приемом моделирования жизненных и учебных проблемных ситуаций является ролевая игра, которая дает возможность формировать и закреплять диалогические умения, сосредоточивать игровые действия вокруг реальных проблем. Студенты адаптируются к своим ролям в ситуациях общения, которые могут возникнуть в реальной жизни. Они могут взять на себя воображаемые роли или играть самого себя. Воз-

¹¹ А.Н. Леонтьев, *Проблемы развития психики*, Москва 1991, с. 12.

¹² Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, *Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учебное пособие*, 3-е изд., стер., Москва 2006, с. 201.

возможность поделиться своим личным опытом и воплощение в роли во время игры вызывает эмоции, создает условия для формирования таких свойств диалогической речи, как экспрессивность и обращенность. Задача решить ту или иную проблему в ходе ролевой игры «обеспечивает максимальную активизацию коммуникативной деятельности обучающихся. Поиск решения поставленной задачи обуславливает естественность общения, а необходимость тщательного продумывания ситуации, поиска решения развивает критическое мышление»¹³. Во время решения конкретных проблем имеет место активизация коммуникативной деятельности, постепенно ведущая к естественности общения.

Работая над формированием диалогических умений, преподаватель должен мобилизовать студентов к использованию в своих диалогах разнообразных разноструктурных реплик, в том числе клише, и применению коротких, односложных ответов. Для того, чтобы не допускать реплик-реакций, воспроизводящих инициальные реплики, стоит провести работу по свертыванию реагирующей реплики¹⁴.

Надо также обращать внимание на применение в диалогах речевых форм, придающих общению эмоциональность и выразительность. Для того, чтобы студенты вводили их в свои диалоги, надо их объяснять и/или приводить примеры их употребления в конкретных ситуациях. Студенты должны также научиться реагировать как на вербальные, так и на невербальные стимулы. Анализ ситуаций общения, социальных ролей собеседников, возможности применения в том или ином диалоге невербальных средств общения и средств выражения эмоциональных состояний обогащает речь¹⁵.

Важное значение имеют также условия проведения диалогов. Согласно результатам опроса, многие студенты (62 %), участвуя в диалогическом общении, испытывают боязнь совершить ошибку (12 студентов часто, 8 – иногда), что может отрицательно влиять на качество диалогов и увеличивать употребление однообразных языковых средств. Поэтому важно минимизировать чувство тревоги, создавая атмосферу доброжелательности и доверия, не позволяя студентам резко критиковать друг друга, а также шире использовать коллективные формы работы (парные, групповые, про-

¹³ С.В. Шерстникова, *Ролевая игра как средство оптимизации обучения иностранных студентов медицинского вуза* [в:] С.В. Шерстникова, Е.Н. Гелашвили (ред.), *Наука, образование, инновации: апробация результатов исследований. Материалы Международной научно-практической конференции НИЦ «Поволжская научная корпорация» (29 декабря 2016 г.)*, Самара 2016, с. 54.

¹⁴ И.Л. Бим, *Теория и практика ...* op. cit., с. 183.

¹⁵ Ср.: Капитонова Т. И., Московкин Л. В., *Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки*, Санкт-Петербург 2006, с. 187.

ектные), где успех каждого материализуется в успехе всей группы и наоборот¹⁶. Такие условия способствуют повышению мотивации к работе, которая может значительно повысить результаты обучения.

Подводя итоги проведенного анализа, следует отметить, что для достижения хороших результатов обучения диалогической речи надо предпринимать меры по преодолению трудностей лингвистического, психологического и методического характера, находить подробные решения проблем, которые представлены в настоящей статье. Задачей преподавателей является, учитывая специфику диалогической формы общения, правильно планировать и проводить работу по формированию диалогических навыков и умений.

ЛИТЕРАТУРА

- Азимов Э.Г., Шукин А.Н., *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*, Москва 2009.
- Арапова О.Г., Анисимова А.В., *Коротко о главном. Смотрим короткометражные фильмы*, Москва 2017.
- Бим И. Л., *Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе: учебное пособие*, Москва 1988.
- Борисова И.Н. *Русский разговорный диалог: Структура и динамика*, Москва 2009.
- Изаренков Д.И., *Обучение диалогической речи*, 2-е изд., Москва 1986.
- Колокольцева Т.Н., *Специфические коммуникативные единицы диалогической речи*, Волгоград 2001.
- Гальскова Н.Д., Гез Н.И., *Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учебное пособие*, 3-е изд., Москва 2006.
- Капитонова Т. И., Московкин Л. В., *Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки*, СПб. 2006.
- Леонтьев А.Н., *Проблемы развития психики*, Москва 1991.
- Маслыко Е.А., *Настольная книга преподавателя иностранного языка*, Минск 2001.
- Пассов Е.И., *Основы методики обучения иностранным языкам*, Москва 1977.
- Пассов Е.И., *Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению*, 2-е изд., Москва 1991.
- Розенбаум Е.М., *Основы обучения диалогической речи на языковых факультетах педагогических вузов*, Москва 1975.
- Скалкин В.Л., *Обучение диалогической речи (на материале английского языка). Пособие для учителей*, Киев 1989.
- Соловова Е.Н., *Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс*, 3-е изд., Москва 2010.
- Солонцова Л.П., *Современная методика обучения иностранным языкам (общие вопросы, базовый курс)*, часть I, Павлодар 2009.
- Частных В.В., Богославская Н. М., Тюрина Ю. Ю., *В Москву? В Москву!: видеокурс и учебное пособие*, Москва 2017.

¹⁶ Соловова Е.Н., *Методика ... op. cit.*, с. 166.

- Шатилов С.Ф., *Методика обучения немецкому языку в средней школе*, 2-е изд., Москва 1986.
- Шерстникова С.В., *Ролевая игра как средство оптимизации обучения иностранных студентов медицинского вуза* [в:] С.В. Шерстникова, Е.Н. Гелашвили (ред.), *Наука, образование, инновации: апробация результатов исследований. Материалы Международной научно-практической конференции НИЦ «Поволжская научная корпорация» (29 декабря 2016 г.)*, Самара 2016, с. 53–55.
- Щукин А.Н., *Обучение речевому общению на русском языке как иностранном*, Москва 2012.
- Dźwierzyńska E., *Коммуникативная потребность в обучении диалогической речи* [w:] *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria Filologiczna. Glottodydaktyka 9. Zeszyt 96/2017*, Rzeszów 2017, s. 128–135.
- Skrundowa Z., *Rola dialogu w procesie nauczania języka rosyjskiego*, Warszawa 1983.

DIFFICULTIES IN TEACHING DIALOGUE SPEECH AND WAYS OF OVERCOMING THEM

Summary

The paper is an attempt to analyze the main difficulties with dialogue communication in the process of teaching dialogue speech, which have been noticed while observing didactic process, analysis of the used textbooks, and the analysis of the results of a questionnaire, which was conducted among students of the 3rd year of Russian Philology studies.

The analysis made possible to qualify the most important principles of good organization of work on the formation of dialogical speech habits that require further research and experimental verification. There are proposed some ways of overcoming difficulties, such as using authentic materials and *proper* work techniques and methods to motivate students and enable them to *develop* the dialogic interaction.

Keywords: dialogical speech, communicative needs, motivation, problem situation, role play

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

1.	Испытываете ли Вы трудности при составлении и проведении диалогов на русском языке во время занятий?	Количество ответов		
		Часто	Иногда	Никогда
		9	23	12
2.	Какие из названных ниже причин вызывают трудности при проведении диалогов и как часто?	Количество ответов		
		Часто	Иногда	Никогда
	– мне не хватает нужных слов / разговорной лексики, сленговых выражений	23	7	2
	– мне не хватает нужных грамматических конструкций	6	14	12
	– темы диалогов оторваны от реальной жизни	14	11	7
	– чувствую себя неуверенно, боюсь совершить ошибку	12	8	12
3.	Испытывая трудности (напр. если вам не хватает нужных слов), обращаетесь ли Вы к преподавателю?	Количество ответов		
		Часто	Иногда	Никогда
		5	20	7
4.	Какие у вас есть другие способы преодоления трудностей?			
	<p>Ответы:</p> <p>Нахожу нужные слова в словаре / онлайн словаре.</p> <p>Применяю синонимы / эквиваленты нужных слов.</p> <p>Употребляю другие слова, упрощая высказывание.</p> <p>Спрашиваю у знакомых, носителей русского языка.</p>			

Другие замечания студентов:

- диалоги должны проводиться чаще, так как они позволяют выучить разговорную речь / включиться в коммуникацию;
- диалоги – это живая речь, они очень важны в овладении языком;
- большинство диалогов, проводимых на занятиях, не содержит ничего нового;
- проводимые диалоги искусственные, лишённые разговорной лексики;
- темы диалогов определены преподавателем иногда звучат искусственно;

- мне часто нечего сказать по обсуждаемой теме;
- не могу сосредоточиться. Мне не интересно составлять диалоги;
- очень мало разговорной лексики вводится на занятиях;
- знаю слишком мало разговорной лексики. Если хочу употребить сленг, я вынуждена сама находить нужные слова и выражения;
- чаще всего составляю диалоги лишь потому, что это является моей задачей.

Сандугаш КАЛДЫКОЗОВА

Назарбаев Интеллектуальная школа, Республика Казахстан

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАМОТНОГО ПИСЬМА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В КАЗАХСКОЙ ШКОЛЕ

Ключевые слова: орфографическая грамотность, орфографическая компетентность, язык специальности, виды орфографических упражнений, грамотное письмо

В течение последних нескольких лет в Казахстане происходит процесс обновления системы образования, которая ориентируется на мировое образовательное пространство. В связи с этим существенно изменяются педагогическая теория и практика учебно-воспитательного процесса. Предъявляются новые требования к работе педагога в рамках компетентного подхода к образованию, в условиях возросшей индивидуализации образовательного процесса. Во главе ставится развитие функциональной грамотности учащегося. Под функциональной грамотностью принято понимать умение использовать полученные знания для решения жизненных задач и, как следствие, готовность личности к социальной адаптации, связывающей образование с человеческой деятельностью. Функциональная грамотность предполагает также грамотное письмо. Один из самых популярных журналов Европы (Forbes) опубликовал любопытную статью. Сутью её является факт, доказывающий основные причины продвижения по карьерной лестнице. Была выявлена зависимость – чем грамотнее сотрудник, тем быстрее он делает карьеру. Многие опрошенные работодатели заявили, что отказываются брать на работу безграмотных людей. Педагоги, лингвисты, методисты всегда единодушно признавали, что грамотное письмо – это проявление и речевой, и общей культуры человека (К.Д. Ушинский, Ф.И. Буславев, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, Л.С. Выготский, Н.С. Рождественский, Л.П. Федоренко, М.Р. Львов, М.М. Разумовская и др.). Орфографическая грамотность является, как известно, составной частью общей языковой культуры, а также важной стороной речевой культуры.

В контексте обучения русскому языку в казахской школе формирование навыков грамотного письма и речи у учащихся – одна из самых трудных задач,

стоящих перед учителем русского языка. Основной причиной, не позволяющей эффективно обучать русской орфографии учащихся казахской школы, пользуясь методикой, сложившейся в практике работы русской школы, является отсутствие достаточной языковой базы, прочных произносительных навыков и навыков словообразовательного анализа у нерусских учащихся. Орфографические ошибки, допускаемые учащимися казахской школы, по своему характеру заметно отличаются от орфографических ошибок, допускаемых учащимися русской школы. Следовательно, обучение русской орфографии в казахской школе предполагает поиск методов и приемов, направленных на предупреждение и устранение этих ошибок. Трудности усвоения русской орфографии объясняются различиями в системах русского и родного языков обучающихся, а также особенностями русской и казахской орфографии, которые проявляются в виде неодинаковой реализации господствующего в обеих орфографиях морфологического принципа написания.

Проблемы формирования и закрепления навыков грамотного письма привлекают пристальное внимание специалистов. В настоящее время в методической литературе представлены разнообразные подходы к решению задач изучения и усвоения орфографических понятий и правил. Совершенствованию изучения правил посвящены работы Н.Н. Алгазиной, М.Т. Баранова, М.М. Разумовской. Значительный вклад в развитие идей упреждающего обучения внесли Н.И. Жинкин, Н.Н. Алгазина. Труды А.И. Власенкова, Л.Б. Селезневой, Н.Н. Алгазиной посвящены проблемам алгоритмизации обучения орфографии. Разрабатывались и разрабатываются как общие (Л.П. Федоренко, М. Р. Львов и др.), так и частные вопросы обучения. Немаловажными в системе обучения письму являются исследования психологов Д.Н. Богоявленского, С.Ф. Жуйкова, Г.Г. Граник. Исследования психологов и педагогов показали, что оптимальным путем обучения орфографии является такой, при котором орфографический навык формируется первоначально как система осознанных действий. В результате специальных упражнений происходит их сокращение и автоматизация. Сознательное владение орфографией включает в себя умение выделять орфограммы, относить каждую к определенному правилу и, наконец, писать в соответствии с правилом. Лингвисты, психологи, методисты подчеркивают зависимость результатов обучения орфографии от развития у учащихся способности обнаруживать в словах места, которые нужно писать по правилу¹.

Прочность навыков грамотного письма достигается при использовании в обучении системы упражнений и заданий, активизирующих мыслительные

¹ См. напр.: Львов М.Р., *Словарь справочник по методике русского языка*, Москва 1997; Разумовская М.М., *Методика обучения орфографии в школе*, Москва 1992.

процессы, познавательную деятельность учащихся и формирующих лингвистическую, коммуникативную компетенцию учащихся. Система эффективных орфографических упражнений, надежно формирующих навыки правописания, – давняя и все еще не решенная методическая проблема².

Особое внимание при составлении орфографических тренировочных упражнений учителям следует уделять следующим орфограммам:

- безударные непроверяемые гласные в корне;
- согласные в корне;
- правописание суффиксов прилагательных и причастий;
- правописание падежных окончаний существительных;
- правописание окончаний прилагательных и причастий;
- правописание личных окончаний глаголов;
- правописание сложных слов;
- раздельные, слитные и полуслитные написания;
- употребление прописных букв и др.

Для формирования грамотного письма у учащихся казахской школы, мы предлагаем следующие виды орфографических упражнений: работа со словарными словами, работа с мини-текстами, работа над ошибками, контроль за теоретическими знаниями учащихся, лингвистические тренажеры, тексты с включением слов на орфоэпические нормы, прием «Лови ошибку», различные виды диктантов: выборочные, объяснительные, распределительные и т.д.

Таким образом, без хорошо сформированных орфографических навыков, когда выбор правильного написания происходит автоматически, на уровне бессознательно контроля, а сфера сознания полностью освобождается для осмысливания содержательной стороны письменного высказывания, невозможна успешная речевая деятельность учащихся казахской школы на уроках русского языка. Обучение орфографии в процессе развития устной и письменной речи учащихся – это систематическая планомерная работа, которая предполагает:

- одновременное формирование орфографических и речеведческих понятий, призванных обеспечить прочное формирование навыков грамотного письма;
- усвоение норм правописания на основе осознания того языкового содержания, которое составляет базовую сущность каждого орфографического правила;
- совершенствование всех видов речевой деятельности (чтения, слушания, говорения и письма) в их единстве и взаимосвязи.

² Е.Г. Шатова, *Структурирование и группировка учебного материала при обучении орфографии*, „Русский язык в школе”, 2001, № 2, с. 3–10.

ЛИТЕРАТУРА

- Алгазина Н.Н., *Формирование орфографических навыков*, Москва 1987.
- Граник Г.Г., Бондаренко С.М., Концевая Л.А., *Секреты орфографии*, Москва 1991.
- Клобукова Л.П., *Словообразовательное гнездо и словообразовательная парадигма*, „Русский язык в школе”, 1983, № 5, с. 79–82.
- Куропаткина Т.И., *Смешиваемые написания. Корни, различающиеся на письме одной гласной*, „Русская словесность”, 2003, № 8, с. 61–64.
- Львов М.Р., *Словарь справочник по методике русского языка*, Москва 1997.
- Матюгин И.Ю., Чакаберия Е.И., *Как запомнить словарные слова*, Москва 1997.
- Разумовская М.М., *Методика обучения орфографии в школе*, Москва 1992.
- Скобликова Е.С., *Обобщающая работа по орфографии*, Москва 2005.
- Шатова Е.Г., *Применение алгоритмов в обучении орфографии*, „Русская словесность”, 2004, № 1, с. 35–40.
- Шатова Е.Г., *Структурирование и группировка учебного материала при обучении орфографии*, „Русский язык в школе”, 2001, № 2, с. 3–10.

**FORMATION OF A SPELLING LITERACY
IN THE LESSONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AT THE KAZAKH SCHOOL**

Summary

Spelling literacy is an integral part of the General language culture, as well as an important aspect of speech culture. This article describes the problems of forming and consolidating the skills of literate writing of students of non-linguistic faculties, as well as discusses methods aimed at improving the level of spelling competence of students. The authors of the article believe that spelling skill is formed initially as a system of conscious actions as a result of special exercises.

Keywords: spelling literacy, spelling competence, the language of specialty, types of spelling exercises, literate writing

Мария КОССАКОВСКА-МАРАС

Жешувский университет, Польша

ORCID: 0000-0003-3777-0044

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЛАТФОРМЫ *CLOUDSCHOOL* НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ВО ВРЕМЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Ключевые слова: дистанционное обучения, платформа Cloudschool, учебный процесс, занятия по РКИ

Введение

Пандемия COVID-19, которая началась в Польше в начале марта 2020 года, привела к сбою в функционировании системы образования во всех учебных заведениях страны. В условиях угрозы распространения коронавирусной инфекции все университеты перешли на дистанционное обучение.

В связи с закрытием школ и вузов возникла необходимость срочного внедрения практики дистанционного обучения. Независимо от того, что понятие «дистанционное обучение» возникло довольно давно¹, наибольшее распространение удаленное обучение получило с появлением во всем мире компьютера и Интернета.

Как замечает Евгения Полат, уже в 2000 году в нормативно-правовых документах, касающихся дистанционного обучения, утвержденных приказом Минобразования РФ от 16.06.2000 года № 1991 было указано 28 терминов, касающихся дистанционного обучения².

¹ Об истории понятия «дистанционное обучение» см.: Е.В. Вознесенская, *Дистанционное обучение - история развития и современные тенденции в образовательном пространстве*, „Наука и Школа” 2017/1, с. 116–123; Г.Г. Жамалова, *Особенности дистанционного обучения и его история*, „Science and Education” Scientific Journal November 2020/Volume 1 Issue 8, с. 496–499, [online] <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-distantsionnogo-obucheniya-i-ego-istoriya>, [10.10.2020].

² Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева (ред.), *Теория и практика дистанционного обучения*, Москва 2004, с. 10.

Адель Стриженко указывает, что «анализ теоретических работ, относящихся к дистанционному образованию, показывает, что среди ученых нет единства даже в использовании терминов, обозначающих эту форму электронного обучения. К основным терминам относятся следующие: e-learning (е-обучение), online-learning (онлайн-обучение) и distance learning (дистанционное обучение)»³.

Разнообразие в терминологических определениях существует и среди польских учёных, которые пользуются в своих работах такими терминами, как: *nauczanie na odległość, zdalne nauczanie, kształcenie na odległość, kształcenie zdalne, e-edukacja, e-nauczanie, e-learning, online-edukacja*⁴.

Независимо от различий в понимании разными авторами терминологии, относящейся к дистанционному образованию, общим для этой формы обучения является то, что во время обучения учитель и ученики физически разделены, а для облегчения общения «ученик-учитель» и «ученик-ученик» используются различные технологии.

Использование современных электронных информационных технологий необходимо для обеспечения качественного образования⁵. В связи с происходящим техническим прогрессом в образовании, информационно-образовательная среда является неотъемлемой частью обучения. Внедрение информационных технологий в образовательный процесс позволяет

³ А.А. Стриженко, *Онлайн-образование: теория и практика*, „Экономика Профессия Бизнес” 2016, спецвыпуск № 1, с. 75, [online] <https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-obrazovanie-teoriya-i-praktika>, [10.10.2020].

⁴ См. напр.: S. Szablowski, *E-learning dla nauczycieli*, Rzeszów 2009; S. Juszczak, *Edukacja na odległość. Kodyfikacja pojęć, reguł i procesów*, Toruń 2002; A. Heba, *Nauczanie na odległość – wczoraj i dziś*, „Nauczyciel i Szkoła” 2009/3-4 (44-45), s. 145–152; K. Szawlowska, *Od kursów korespondencyjnych do e-learningu akademickiego. Przeszłość i teraźniejszość nauczania na odległość*, „Człowiek w kulturze. Uniwersytet katolicki: zagrożenia i perspektywy”, 2017/27, s. 331–354, [online] http://piotrtjaroszynski.pl/czlowiekwkulturze/index.php?option=comphoca_down_load&view=category&id=7&Itemid=137&lang=en&limitstart=20, [10.10.2020]; *Kształcenie na odległość, poradnik dla szkół*, [online]; https://dokumenty.men.gov.pl/Ksztalcenie_na_odleglosc_%E2%80%93_poradnik_dla_szkol.pdf, [12.10.2020].

Zdalne nauczanie i nowe technologie w kształceniu na odległość – zapraszamy nauczycieli do udziału w bezpłatnych szkoleniach on-line, [online] <https://www.gov.pl/web/edukacja-i-nauka/zdalne-nauczanie-i-nowe-technologie-w-ksztalceniu-na-odleglosc--zapraszamy-nauczycielido-udzialu-w-bezplatnych-szkoleniach-on-line>, [12.10.2020].

⁵ См. напр.: Н.В. Апатова, *Информационные технологии в школьном образовании*. Москва 2014; Т.П. Воронина, В.П. Кашицин, О.П. Молчанова, *Образование в эпоху новых информационных технологий*, Москва 2016; Г.М. Киселев, Р.В. Бочкова, *Информационные технологии в педагогическом образовании*. Москва 2014; О.И. Пашенко, *Информационные технологии в образовании*, Нижневартовск 2013; *Федеральный образовательный портал „Информационно-коммуникационные технологии в образовании”*, [online] <http://window.edu.ru/resource/832/7832>, [10.10.2020].

достигать основную цель высших учебных заведений – обеспечение качественного образования.

Технологии дистанционного обучения постоянно эволюционируют, меняются и стремительно меняют нашу жизнь на протяжении последних двадцати лет, однако никогда дистанционный формат обучения не был основным во всех типах учебных заведений, поэтому можно с уверенностью сказать, что переход на онлайн-обучение прошел в экстренном режиме.

Такая же ситуация имела место в Жешувском университете. Все очные занятия, включая лекционные, практические и даже лабораторные при наличии виртуальных аналогов, были перенесены в онлайн-среду. С самого начала пандемии всем преподавателям было поручено внедрять методы дистанционного обучения. Преподаватели вынуждены были организовывать учебный процесс посредством дистанционных технологий обучения на основе различных способов доставки электронного контента и доступных инструментов коммуникации обучающихся и преподавателей в электронной информационно-образовательной среде (ЭИОС). Понятно, что уровень готовности преподавателей к использованию цифровых платформ и сервисов в образовательном процессе неодинаковый. На это влияют навыки и опыт интерактивного взаимодействия у преподавателей. К ним относятся прежде всего: использование мобильного телефона, использование приложений для мобильных устройств, общение с друзьями и коллегами в социальных сетях или в мессенджерах (WhatsApp, Viber, Instagram, Facebook, Telegram и т.д.), общение по Skype, Zoom, отправка SMS. Преподаватель, организующий учебный процесс с использованием дистанционных образовательных технологий, должен понимать особенности организации удаленного занятия в режиме реального времени, уметь использовать активные приложения (презентаций PowerPoint, рисунки, видео), организовать дискуссии с помощью чата или аудиосвязи.

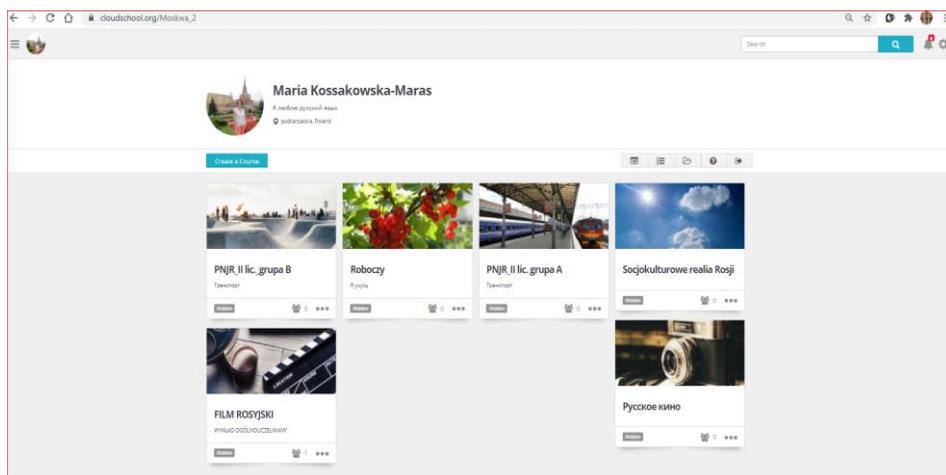
Каждый из преподавателей Жешувского университета имел возможность воспользоваться любыми методами, которые были ему уже известны, или же мгновенно обучиться новым. Единственным условием, которое стояло перед преподавателями, было использование исключительно бесплатных программ или платформ. Не было ещё единой системы для всего университета. Первые три-четыре недели пандемии каждый из преподавателей – часто без достаточной методической помощи, подготовки или ресурсов – старался, чтобы процесс обучения вообще происходил.

Для реализации учебного процесса для студентов-русистов на таких занятиях, как *практикум русской речи, русское кино, социокультурные реалии России* нами была выбрана платформа *Cloudschool*, которая во-первых, была бесплатной, а во-вторых большинству студентов была известна, так как они пользовались этой платформой до эпидемии.

Характеристика платформы *Cloudschool*

Cloudschool – бесплатная, персональная облачная LMS (англ. Learning Management System) для учителей. Ознакомиться с основной информацией относительно этой платформы можно на сайте <https://8d9.ru/program/cloudschool>.

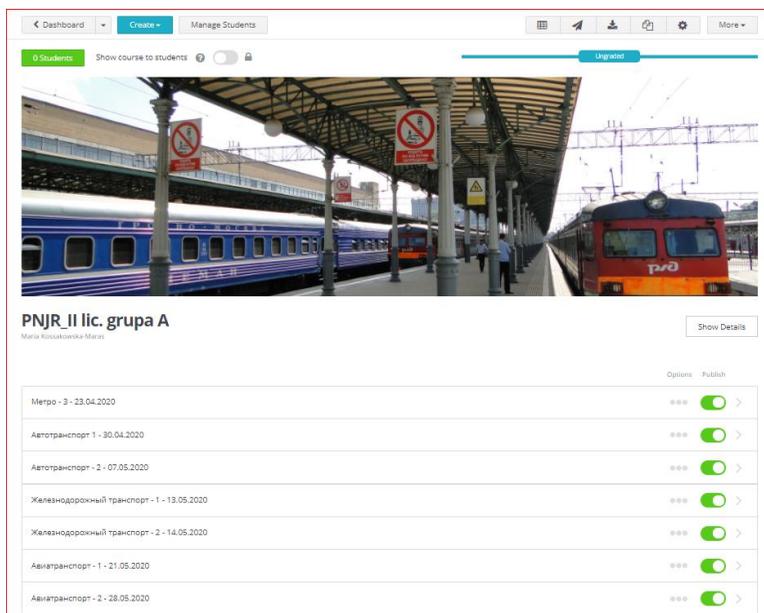
После регистрации и авторизации преподавателю доступны следующие опции меню: панель управления, сообщение, менеджер курсов, учебный план, файловый менеджер, настройки учетной записи. Ниже представлен скриншот всех учебных курсов для студентов Жешувского университета, которые мы вели в течение летнего семестра 2020-2021 учебного года.

Скриншот № 1. Интерфейс *Cloudschool*, https://www.cloudschool.org/Moskwa_2

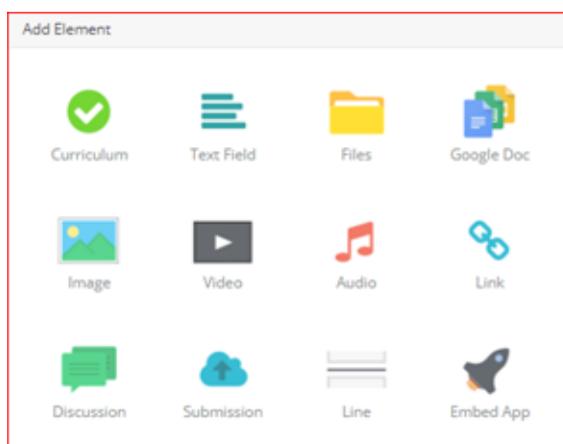
Есть три варианта записи слушателей на курс: каждый зарегистрированный пользователь системы может записаться самостоятельно, запись слушателя требует подтверждения преподавателя, запись открыта для гостей (незарегистрированных пользователей).

Отметим, что запись для гостей осуществляется по паролю, при этом гость может выполнять задачи, отправлять файлы, участвовать в форуме. Однако журнал оценок предусмотрен только для зарегистрированных учеников / студентов. Количество слушателей не ограничивается. В курсе создаются уроки и задачи.

Скриншот № 2. Размещение занятий для группы студентов, занятия по Практикуму русской речи, основная тема: Транспорт, II курс.

К уроку / занятию можно добавлять учебный план, текстовое поле, файлы (ppt, pdf, doc и др.), изображения, гиперссылки, дискуссии, размещать материалы с помощью Google-Drive, аудио, видео (с помощью youtube.com и vimeo.com).

Скриншот № 3. Файловый менеджер

Есть интеграция с Google-Docs. Инструменты тестирования отсутствуют, но эта проблема решается добавлением тестов с помощью добавления html-кода (например, используя онлайн конструктор тестов OnlineTestPad или любой другой). Предусмотрена возможность создания неограниченного числа курсов. Файловое хранилище имеет ограничения в 1,1 Гбайт. Язык интерфейса – английский. Адрес официального сайта: <https://www.cloudschool.org>.

Преимущества платформы *Cloudschool*

На конкретный курс (занятия) необходимо зарегистрироваться при помощи пароля, который предъявляет преподаватель, таким образом, никто, кто не должен участвовать на занятиях, на них присутствовать не будет. Занятия на платформе Cloudschool необязательно проводить в синхронном режиме – каждый выбирает удобное для себя время для того, чтобы ознакомиться с размещёнными в данном уроке материалами и различного рода заданиями.

Каждые занятия – это отдельный урок, можно вставить тему, номер, дату, чтобы всем студентам было всё понятно. Добавление фотографии / нескольких фотографий, связанных с темой занятий, подчёркивает и определяет тему занятий, а также осуществляет принцип зрительной наглядности, важной для успешного процесса обучения иностранному языку.

На платформе можно размещать презентации PowerPoint в большом объёме, вставлять передачи из YouTube, ссылки на конкретные статьи, фотографии, песни, тексты песен и т.п. Кроме этого удобно разместить план занятий, задания или упражнения, которые надо сделать после занятий и информацию, где и в течение какого времени студенты должны это написать / сделать. Преподаватель может редактировать каждый урок – т.е. ещё что-то добавить напр. на следующий день. Студент не имеет возможности редактировать урок.

К примеру, на первых занятиях на тему «Авиатранспорт» (см. скриншот № 4), студенты имели возможность ознакомиться с:

- термином «Аэрофлот», увидеть самолёты этой компании – с этой целью мы разместили снимок;
- презентацией на тему *Авиатранспорт* – размещена презентация PowerPoint, которую можно открыть и скачать;
- короткой новостной передачей на тему: Аэропорт Шереметьево празднует 60-летие (время 3:45 мин.);
- песней «Москва-Одесса» в исполнении Владимира Высоцкого;
- польским вариантом песни «Москва-Одесса» в исполнении Войтеха Млынарского;
- планом занятий;
- заданиями, которые следует сделать после занятий.

Со студентами можно проводить обсуждение какой-то темы, какого-то вопроса – каждый студент может (должен) написать, что он думает на какую-то тему в нескольких предложениях. Конечно, это могут быть тоже длинные и развернутые ответы. Несомненным плюсом является то, что ответы видны всем участникам группы, поэтому правильным решением преподавателя является давать открытые вопросы для обсуждения. Студентам интересно увидеть, что думают другие, как они выражают свои мысли в письменной форме. Преподаватель, отвечая конкретному студенту, даёт возможность ознакомиться с этими ответами другим студентам – они видны тоже всем участникам данной группы. Другие студенты тоже могут комментировать высказывания своих коллег. Есть возможность вести письменное общение только с конкретным студентом и в таком случае остальные участники группы не имеют возможности увидеть ни того, что написал студент, ни того, что ответил преподаватель. Это удобно в случае проверки знаний данного студента и когда необходимо поставить оценку – понятно, что каждый ответ будет уникальным и единственным в своём роде.

В аэропорту
Напишите ответы на два вопроса

Мария Kossakowska-Maras · a year ago
Вопрос 1. - что необходимо взять с собой, если человек собирается куда-то лететь? Без каких вещей / предметов он может обойтись?
Вопрос 2.1. - для тех, кто ещё не летел на самолёте - какие вопросы перед полётом у Вас появляются? Странный? Может Вы чего-то боитесь?
Вопрос 2.2. - для тех, кто уже летал на самолёте - что Вам особенно запомнилось? Какие у Вас были впечатления от полёта?
Reply

Monika Markowska · a year ago
Полет на самолете никогда не был для меня страшным и напряженным. наоборот. Я всегда жду этого момента, чтобы улететь куда-нибудь. Во время полета можно познакомиться с интересными людьми из разных стран, наблюдать, как они себе ведут и послушать, на каких языках они говорят. Это идеальный момент, чтобы практиковать знание иностранного языка и превозмочь какой-то страх. Во-вторых, чем больше мы летаем самолётами, тем больше мы учимся, особенно, когда мы одни.
А что необходимо взять с собой... это зависит от того, куда мы летим в данный момент и на сколько дней. Для меня самым главным это документы, деньги и туалетно- косметические принадлежности. Можно обойтись без чемодана полного одежды. Разумеется, надо оставить место для сувениров.
Reply

Monika Markowska · 10 months ago
или будет лучше сказать: ...чем ЧАЩЕ мы летаем...тем больше мы учимся...?
Reply

Мария Kossakowska-Maras to **Monika Markowska** · 10 months ago
*лучше сказать: чем ЧАЩЕ мы летаем тем больше мы учимся :)
"Во время полета можно познакомиться (мягкий знак) с интересными людьми...
Да -> Вас правильный подход!
Reply

Kamila Czapak · a year ago
При планировании рейса мы не можем забыть о паспорте или идентификационной карте (например, на внутреннем рейсе), билете и наших чемодане. Стоит взять с собой документы, такие как водительские права, потому что вы никогда не знаете, когда это может быть полезно, а также косметику и основные лекарства. Вы можете взять с собой бутерброд или воду, потому что вам придется долго ждать в аэропорту, обычно 2-3 часа, и вы можете проголодаться. Нельзя перевозить острые инструменты, например, ножи, а большие количества жидкости могут находиться только в рамках назначенного большого чемодана. Я летала много раз, и мне это нравилось каждый раз. Мне нравится парить в воздухе, в такие виды и ощущение того, что я нахожусь в облаках. Я никогда не боялся самолета, тем более что это самый безопасный вид транспорта. Если бы мне пришлось указать мой любимый вид транспорта, это был бы самолет.
Reply

Мария Kossakowska-Maras · 10 months ago
* идентификационной карте - а что Вы имеете в виду? Что это за карта такая?
* водительские права - да, конечно. А не нужны специальные? Международные?
Хороший ответ!
Reply

Wiktoria Ochab · 10 months ago
1. Полет на самолете - это стрессовый опыт для одних, а для других приятное испытание. Я думаю, что наиболее важные вещи, которые должны взять с собой являются документы, деньги и телефон. Конечно, если это возможно, хорошо взять с собой пару одежды и обувь. Также стоит иметь немного еды и питья. На нужно брать много одежды и немужских аксессуаров. Другие вещи, такие как еда, можно купить прямо на месте.
2.2. Мой опыт полета на самолете не очень приятен. К сожалению, каждый раз была плохая погода и сильный ветер, из-за чего была турбулентность. Перед полетом я была взволнована и слегка напряжена. Однако на борту царила приятная атмосфера. Я слушала музыку и познакомилась с несколькими людьми. В целом я была довольна и рекомендую всем испытать это.
Reply

Скриншот № 5. Занятия на тему «Авиатранспорт», урок 1, ч. 2.

Пример обсуждения вопросов, касающихся темы: *В аэропорту* приводится в скриншоте № 5. Студенты получили следующие вопросы:

- вопрос 1. – что необходимо взять с собой, если человек собирается куда-то лететь? Без каких вещей, предметов он может обойтись?
- вопрос 2.1. – для тех, кто ещё не летел на самолёте – какие вопросы перед полётом у Вас появляются? Трудности? Может Вы чего-то боитесь?
- вопрос 2.2. – для тех, кто уже летал на самолёте – что Вам особенно запомнилось? Какие у Вас были впечатления от полёта?

Письменный ответ каждого студента сопровождался замечаниями преподавателя, в случае, если студент сделал ошибки, преподавателю необходимо было написать правильные ответы. Если ошибок не было, студент получал информацию, что ответ правильный. Все ответы студенты писали в удобное для себя время, единственное условие, которое ставилось перед студентами – сделать это надо было минимум за день до следующих занятий, чтобы преподаватель смог их проверить.

Следует отметить, что у этой платформы очень приятный интерфейс, не перегруженный, цвета светлые, всё логично и понятно. Отдельным плюсом является отсутствие рекламы. Если у данного преподавателя несколько разных групп, то специальный колокольчик в настройках уведомляет о появлении ответа – видно какой студент и из какой группы написал ответ. Язык интерфейса – только английский, нет возможности поменять язык на какой-то другой, однако, всё настолько интуитивно, что даже с небольшими знаниями английского каждый пользователь платформы может справиться с интерфейсом.

Важными характеристиками этого облачного инструмента являются эргономичность, то есть удобство использования и интерактивность – возможность удаленного доступа к этому облачному сервису. Вся информация, находящаяся на платформе доступна с любого устройства, т.е. с персонального компьютера, ноутбука, смартфона, которые подключены к интернету. Студенты, как и преподаватель, не привязаны к определенному рабочему месту. Платформа *Cloudschool* распространяется в открытом доступе, что дает возможность каждому заинтересованному преподавателю использовать её для дистанционного обучения.

Недостатки платформы *Cloudschool*

В первую очередь, следует обратить внимание, что современное дистанционное обучение требует постоянного подключения к сети Интернет. Отсутствие или сбой в доставке Интернета, а также низкая скорость Ин-

тернета негативно влияют на весь учебный процесс, особенно во время выполнения тестовых заданий, консультаций с преподавателем, онлайн-конференций, групповых онлайн-дискуссий, проектов и чтения онлайн-ресурсов. Естественно, это касается не конкретно данной платформы Cloudschool, а применения различных инструментов коммуникации и цифровых образовательных платформ.

Нами было замечено несколько минусов в применении платформы Cloudschool в дистанционном обучении. Во-первых, большим недостатком платформы Cloudschool является отсутствие возможности провести видеочат с участниками группы. Таким образом, онлайн-урок на платформе Cloudschool вообще невозможно провести и у студентов нет возможности сформировать коммуникативные умения в области говорения: они не осуществляют диалогического общения с преподавателем и со сверстниками, а также не делают высказываний о себе и об окружающем мире (отсутствие монологической речи). Реальное взаимодействие и невербальная коммуникация помогают передать истинное отношение к какому-либо вопросу и быть более понятным собеседнику, полное отсутствие видеочата не даёт такой возможности. Поэтому для обучения говорению на иностранном языке мы использовали мессенджер Фейсбук (Facebook messenger) – интегрированное с популярной социальной сетью Facebook приложение для общения с друзьями. Мессенджер Фейсбук – это программа (приложение) для смартфона или персонального компьютера, позволяющая мгновенно обмениваться с друзьями текстовыми сообщениями, телефонными звонками и даже разговаривать с использованием видеосвязи. В данном случае друзьями стали студенты. Нами было создано несколько маленьких групп, так как видеочат возможен только с 8 пользователями одновременно. Конечно, для учебного процесса это было очень хорошим решением, так как у студентов появилась возможность больше говорить, каждый из них мог высказаться, поучаствовать в дискуссии, обсудить темы, связанные с занятиями или просто поговорить друг с другом уже в конце занятий и тем самым уменьшить чувство изолированности. С такими небольшими группами преподавателю, естественно, было очень комфортно вести занятия, однако это требовало больших временных затрат, так как одна группа превращалась в три. Соединение приложения мессенджера Фейсбука (Facebook messenger) с платформой Cloudschool на наш взгляд, было лучшим решением для организации учебного процесса в самом начале дистанционного обучения. С середины апреля 2020 года всем студентам и преподавателям была предоставлена возможность пользоваться Microsoft Teams, при этом возможность пользоваться предыдущими программами и платформами сохранилась. Таким образом, с сере-

дины апреля вместо мессенджера Фейсбук мы со студентами начали использовать Microsoft Teams, а платформой Cloudschool пользовались до конца учебного года, мы бы и в дальнейшем её использовали, если бы введение Microsoft Teams с 2020-21 учебного года в нашем вузе не стало обязательным.

Недостатком является также отсутствие контакта с разработчиками платформы. Теоретически контакт имеется, однако, по существу, связаться с кем-то вообще невозможно. Если преподаватель забыл пароль и хочет возобновить его, то это неосуществляемое задание. А если нет возможности ввести пароль, то доступ к платформе полностью закрыт и процесс регистрации и введения всей информации необходимо произвести в очередной раз: придумать новые пароли для определённых занятий и разместить ещё раз весь нужный материал (презентации PowerPoint, ссылки, задания, упражнения и т.д.).

К недостаткам можно отнести также отсутствие специальных стандартов и методик обеспечения безопасности, а также отсутствие единой законодательной базы применения облачных технологий.

Заключение

Переход на обучение с использованием платформы Cloudschool в самом начале эпидемии, когда для всех это был прежде всего непонятный и стрессогенный период в жизни, мы оцениваем очень положительно. Прежде всего понятный и логичный интерфейс и возможность создавать уроки в одном месте, наполнять их презентациями, фотографиями, а также ссылками на доступные в интернете материалы, сделали процесс обучения интересным и эффективным. К размещенным материалам у студентов был неограниченный доступ, существовала возможность развивать такие виды речевой деятельности, как письменная речь, слушание и аудирование.

Следует обратить внимание также на то, что степень эффективности дистанционного обучения зависит от нескольких факторов. Прежде всего это личность преподавателя, который становится центральной фигурой образовательного процесса, на нём лежит большая ответственность за всё, что происходит, он менеджер виртуальной аудитории, в данном случае большое значение имеет его опыт, важны его умения, знания и черты личности, способствующие благоприятной атмосфере в процессе онлайн-обучения. Важным является педагогическое мастерство преподавателя и качества используемых им педагогических технологий. Нельзя не обратить внимания на индивидуальные психологические особенности личности

обучающегося и степени его мотивации к обучению, его психическое состояние, связанное с разнообразными трудностями происходящими напр. в семье (болезнь родственника), в быту (финансовые трудности, отсутствие личного пространства), отсутствие доступа к стабильному широкополосному интернету, отсутствие необходимой электронной техники, напр. принтера, клавиатуры на русском языке и т.п.

Резкий переход на «дистант» был мерой вынужденной и экстренной, университеты не были готовы к кардинальной перестройке учебного процесса, и в данной ситуации использование платформы Cloudschool на занятиях со студентами-русистами выполнило свою роль.

ЛИТЕРАТУРА

- Апатов Н.В., *Информационные технологии в школьном образовании*, Москва 2014.
- Вознесенская Е.В., *Дистанционное обучение - история развития и современные тенденции в образовательном пространстве*, „Наука и Школа” 2017/1, с. 116–123.
- Воронина Т.П., Кашицин В.П., Молчанова О.П., *Образование в эпоху новых информационных технологий*, Москва 2016.
- Жамалова Г.Г., *Особенности дистанционного обучения и его история*, „Science and Education” Scientific Journal November 2020/Volume 1 Issue 8, с. 496–499, [online] <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-distantsionnogo-obucheniya-i-ego-istoriya>, [10.10.2020].
- Киселев Г.М., Бочкова Р.В., *Информационные технологии в педагогическом образовании*: Москва 2014.
- Пашенко О.И., *Информационные технологии в образовании*, Нижневартовск 2013.
- Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В. (ред.), *Теория и практика дистанционного обучения*, Москва 2004.
- Стриженко А.А., *Онлайн-образование: теория и практика*, „Экономика Профессия Бизнес” 2016, спецвыпуск № 1, с. 75–79, [online] <https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-obrazovanie-teoriya-i-praktika>, [10.10.2020].
- Федеральный образовательный портал „Информационно-коммуникационные технологии в образовании”*, [online] <http://window.edu.ru/resource/832/7832>, [10.10.2020].
- Heba A., *Nauczanie na odległość – wczoraj i dziś*, „Nauczyciel i Szkoła” 2009/3-4 (44-45), s. 145–152.
- Juszczyk S., *Edukacja na odległość. Kodyfikacja pojęć, reguł i procesów*, Toruń 2002.
- Kształcenie na odległość, poradnik dla szkół*, [online]; https://dokumenty.men.gov.pl/Kształcenie_na_odleglosc_%E2%80%93_poradnik_dla_szkol.pdf, [12.10.2020].
- Szawłowski S., *E-learning dla nauczycieli*, Rzeszów 2009.
- Szawłowska K., *Od kursów korespondencyjnych do e-learningu akademickiego. Przeszłość i teraźniejszość nauczania na odległość*, „Człowiek w kulturze. Uniwersytet katolicki: zagrożenia i perspektywy”, 2017/27, s. 331–354, [online] http://piotrjaroszynski.pl/czlowiekwkulturze/index.php?option=com_phocadownload&view=category&id=7&Itemid=137&lang=en&limitstart=20, [10.10.2020].
- Zdalne nauczanie i nowe technologie w kształceniu na odległość – zapraszamy nauczycieli do udziału w bezpłatnych szkoleniach on-line*, [online] <https://www.gov.pl/web/edukacja-i-nauka/zdalne-nauczanie-i-nowe-technologie-w-ksztalcaniu-na-odleglosc--zapraszamy-nauczycieli-do-udzialu-w-bezplatnych-szkoleniach-on-line>, [12.10.2020].

**USING THE CLOUDSCHOOL PLATFORM IN RUSSIAN AS A FOREIGN CLASSES
TO ORGANIZE THE EDUCATIONAL PROCESS DURING DISTANCE LEARNING****Summary**

The article is devoted to the actual problem of using one of the modern platforms, Cloudschool, in distance learning. The article examines the specifics of working with Russian students on this platform, which took place during the summer semester of 2020. Examples of the implementation of the following lessons on this platform are given – „Practical learning of the Russian language”, „Russian cinema”, „Sociocultural realities of Russia”. The positive aspects of the implementation of distance learning on this platform are listed, including the development of students' independent activity. Special attention is paid to the disadvantages and shortcomings of the implementation of classes on the Cloudschool platform, as well as specific difficulties encountered by students.

Keywords: distance learning, Cloudschool platform, educational process, classes in Russian as a foreign language

Евгения МОЙСА
Светлана МОЙСА

Московский политехнический университет, Россия

НОВАЯ РЕЧЕВЕДЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ АСПИРАНТОВ-ФИЛОЛОГОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: культура научной речи, системные связи терминов, семантические правила, лексическое гнездо, композиционные средства связи

Отсутствие специальных учебников для иностранных аспирантов-филологов, не имеющих определенной лингвистической базы, позволяющей им успешно овладевать теоретическими курсами, речевой терминологической культурой, обеспечивающей возможность самостоятельно написать и защитить кандидатскую диссертацию, послужило причиной возникновения новой речеведческой дисциплины – «Практикум по культуре научной речи».

Целью «Практикума» является обучение аспирантов-филологов оптимальному использованию русского языка, культуры научной речи как средства профессионального общения. Для этого иностранцы углубленно изучают важнейшие сведения о языке, уделяют внимание нормам литературного произношения, в особенности лингвистическим терминам при чтении оригинальных текстов по специальности, знакомятся с видами речевой деятельности, правилами профессионального общения и этикетом научной речи. Аспиранты также овладевают такими речевыми жанрами, как реферат-обзор, реферат-конспект, тезисы, аннотирование, статья, кандидатская диссертация. Помимо того, иностранцы обучаются навыкам отбора нужного материала, средствами его сцепления и композиционного построения материала согласно плану. Также обучаются умению публичного выступления с сообщением, докладом, вступительным словом на защите кандидатской диссертации. В этой связи иностранцам важно овладеть приемами привлечения внимания слушателей, этому способствуют разделы программы «Практикума»: «Слушание», «Говорение», «Приемы

слушания», «Устная научная речь», «Особенности этикета устной и письменной научной речи».

Из названия предмета ««Практикум по культуре научной речи» следует, что основной формой занятий признаны практические – модель предметных и социальных отношений иностранных аспирантов. Содержание программы, характер заданий направлены на организацию учебного процесса как творческого сотрудничества преподавателя и аспирантов и строится как учебный сценарий, позволяющий решать актуальные, профессионально значимые для учащихся проблемы. Такая форма работы учитывает интересы иностранных филологов, их коммуникативные, познавательные и эстетические потребности. В результате занятий аспиранты должны получить конкретную практику, научиться владеть научным языком выбранной специальности, терминологической культурой, уметь точно аргументировано выражать свои мысли, что отвечает требованию развития творческого мышления обучаемых, их лингвистической и коммуникативной компетенции в решении теоретических вопросов при написании кандидатских диссертаций.

Исходя из целей обучения, основная роль на занятиях отводится оригинальным лингвистическим текстам, связанным с темами кандидатских диссертаций обучаемых.

Обращение к профессиональному тексту как дидактическому средству совершенствования культуры профессиональной речи методически оправдано: текстовый уровень обуславливает коммуникативную функцию при обучении иностранных аспирантов различным способам правильной вариативной передачи научной информации. Поскольку в психолингвистическом аспекте текст – это реализация структурных компонентов языковой способности аспирантов – функциональной системы и правил их реализации, развернутый текст в процессе речевого общения содержит в себе «в снятом виде» всю историю онтогенетического формирования языковой способности»¹. Благодаря языковой способности языковые единицы связываются с ситуациями общения, детерминирующими выбор соответствующих языковых средств. Ввиду того, что языковая способность является базовым компонентом речевой и языковой компетенции аспирантов, следует считать целесообразным функциональный подход к обучению, при котором слово-термин рассматривается в соответствии с его речевой природой, предусматривающей не только одну связь, а «узел целой системы связей»². Для профессионального общения, точного понимания терминов,

¹ А.И. Новиков, Е.Ф. Тарасов, *Текст как свернутая ситуация общения*, Материалы V Всесоюзного симпозиума по психологии и теории коммуникации, Москва 1975, с. 79.

² А.Р. Лурия, *Основные проблемы нейролингвистики*, Москва 1975, с. 37.

которые представляют трудности для иностранцев, необходимо усвоить все компоненты содержания термина: его сочетаемость, способность вступать в синонимические, антонимические и другие виды парадигматических отношений, то есть нужно исследовать термин в тексте. Текстовые связи будут способствовать лучшему пониманию и комплексному использованию понятийно-языковой природы термина, что связано с оптимизацией процесса обучения.

На занятиях «Практикума» наша парадигма обучения использует данные, характеризующие речемыслительную структуру, семантический аспект когнитивного процесса языковой личности аспиранта. Для развития устной монологической речи аспирантов подходит модель «лексического гнезда» – структура репрезентации знаний, которая вырабатывается в результате интерпретации лингвистического текста, где ключевые слова, или идеи читаемого текста создают тематические структуры, извлекаемые из памяти аспирантов³. В читаемых оригинальных лингвистических текстах иностранцы учатся находить системные связи терминологической лексики, текстообразующая функция которых ускоряет процесс понимания смысла текста. Усвоение и использование понятийно-языковой природы термина создает возможность комплексно изучать лингвистическую терминологию. Поскольку источником пополнения лингвистического словарного запаса у аспирантов остается текст по специальности, актуальным остается поиск путей и методов последовательного, адекватного отражения и раскрытия парадигматических, деривационных и синтагматических отношений в лексике. Ведение аспирантами своего словаря на основе читаемых текстов с использованием «лексического гнезда» способствует выработке у них правильного представления о специфике организации терминологической лексики и своеобразии ее функционирования в научном тексте. Приведем пример «лексического гнезда» к теме «Имя существительное», составленного иностранным аспирантом-филологом при чтении оригинальных лингвистических текстов.

«Лексическое гнездо» к теме « Имя существительное»

Синтагматические связи: существительное общего рода, склонение существительных, морфологические, синтаксические признаки существительных, вещественные существительные, конкретные существительные,

³ Е.С. Мойса, *Развитие устной научной монологической речи аспирантов технических вузов при подготовке к сдаче кандидатского экзамена по английскому языку, „Преподаватель XXI век“* 2018/4, с. 134–143.

общее грамматическое значение существительных, значения существительных, делиться на группы (существительные), падеж существительных, падежные формы существительных.

Деривационные связи: существа, существовать, существительное

Парадигматические связи: склоняемые существительные = несклоняемые существительные, собственные существительные \neq нарицательные существительные, начальная форма существительного = именительный падеж существительного, одушевленные существительные \neq неодушевленные существительные.

Текстовые связи: обозначать предмет, отвечать на вопрос, значение предмета, назвать конкретные предметы, указывать на отношение предмета к другим словам = падеж существительного, принадлежность роду (м., ж., ср.) \neq не изменяться по родам, устанавливать связь с другими предметами, изменяться по числам, падежам = склоняться, имя существительное = самостоятельная часть речи.

Однако помимо трудностей с терминами, что объясняется противоречивостью свойств термина, относящегося и к системе языка, и к системе терминов, аспиранты затрудняются в логическом построении своего высказывания при передаче смысла прочитанного. Предлагаемая в «Практикуме» схема предназначена для устранения указанных трудностей и способствует эффективному обучению устной монологической профессиональной речи иностранных аспирантов.

Схема аннотации.

Введение.

Заголовок статьи...

В данной статье рассматривается проблема...

Обосновывается идея о том, что...

Главная идея статьи...

Автор сообщает...

Прослеживается...

В статье затрагивается тема...

Дается сравнение...

Статья посвящена комплексному исследованию...

Целью статьи является анализ изучения...

В статье раскрывается проблема...

Статья посвящена актуальной проблеме...

Данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований ...

В статье речь идет о ...

Статья посвящена детальному анализу...

В данной статье предпринята попытка раскрыть основные причины ...

Главное содержание.

- Автор обращает внимание на...
- Статья включает описание...
- Автор также подчеркивает, что...
- Это значит, что...
- Способ, который показывает, что...
- Автор представляет что-то так, что...
- Особое внимание уделено...
- В статье анализируется ...
- Основное внимание в работе автор акцентирует на ...
- Выделяются и описываются характерные особенности ...
- В статье выяснены особенности ...
- На основе изучения ... установлено ...
- На основании анализа ..., а также привлечения ... устанавливается, что ...
- Автором предложены ...
- В статье обобщен новый материал по исследуемой теме, вводятся в научный оборот ...
- Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке ...
- Основное содержание исследования составляет анализ ...
- Такой взгляд будет интересен специалистам в области ...
- Значительное внимание уделяется ...
- Статья раскрывает содержание понятия ...
- Обобщается практический опыт ...
- Автор прослеживает становление ...
- В статье исследуются характерные признаки ...
- В статье рассматриваются ключевые этапы ...
- В качестве исследовательской задачи авторами была определена попытка оценить ...
- В статье раскрываются процессы ...
- Автор дает обобщенную характеристику ...
- Данное направление дополняется также рассмотрением ...
- Обосновывается мысль о том, что ...
- В статье проанализированы концепции ...
- В качестве ключевого доказательства используются ...
- В статье приведен анализ исследователей ...

Заключение.

- Главная идея, факт, мысль этой статьи ... показать, представить...
- Так, автор рассматривает, что ...
- Итак, мы можем сделать вывод, что...

Очевидно, что...

Подводя итоги, суммируя ... мы можем сказать, что...

Дискуссионным продолжает оставаться ...

В статье дан анализ научных изысканий ...

Статья подводит некоторые итоги изучения ...

В заключение раскрывается ...

На основе изучения установлено ...

Автор приходит к выводу, что ...

Автор считает, что...

Модальные, вводные слова.

Кроме того ...

По-моему ...

Прежде всего ...

Возможно ...

К счастью ...

К несчастью ...

Однако ...

Очевидно ...

Начать с того, что...

В общем ...

Вообще ...

Мне кажется ...

Видите ли ...

Понимаете ...

Итак ...

Предложенная схема позволяет передать основное содержание прочитанного в виде аннотации или более подробно, используя особенности устной научной речи – скрепы, делающие речь более убедительной, точной, логичной.

Примерный образец аннотации к научной статье⁴.

Цель исследования – определить круг жанров малой прозы, к которым обращался М.Н. Альбов на раннем этапе. В статье рассмотрены жанры малой прозы: очерк, эскиз, фрагмент, записки, рассказ, - в том варианте, как они представлены преимущественно в раннем творчестве писателя. Показано, что тенденция к жанровому синтезу проявилась не только в крупных жанрах, в творчестве классиков XIX века, но и в малой прозе писателей так называемого «второго ряда», к которым относят и М.Н. Альбова. **Научная новизна** работы заключается в подходе к изуче-

⁴ www.gramota.net/annotacia.html

нию произведений малой прозы М.Н. Альбова с точки зрения ее жанрового своеобразия, выявлена оригинальная черта писателя – наличие жанровых подзаголовков. **В результате** в малой прозе М.Н. Альбова выявлен синтез жанров психологического рассказа и физиологического очерка.

К важным структурообразующим элементам устного научного текста относятся связочные средства, текстовые скрепы, соединяющие части высказывания, без знания особенностей употребления связочных единиц в тексте аспиранты затрудняются логично выстраивать свое высказывание. В связи с этим в «Практикуме» уделяется должное внимание композиционным средствам связи. Представим наиболее употребительные скрепы с точки зрения функциональной нагрузки в тексте:

1. *композиционные средства связи* – (во-первых, во-вторых, наконец, затем и др.);
2. *средства для установления логических связей между высказываниями* – (следовательно, таким образом, итак, другими словами, в общем, перейдем к выводу...);
3. *средства для указания на объективную и субъективную оценку информации* – (безусловно, несомненно, бесспорно, на мой взгляд, по нашему мнению...);
4. *средства для указания на способ рассмотрения факта* – (с одной... другой стороны, с точки зрения..., в этом смысле..., как правило..., на основе данных..., в соответствии...).

Особенность композиционных средств связи в устной монологической речи, в отличие от письменной, состоит в том, что в них указание на ориентацию в устном тексте сочетается с указанием на говорящего и на самого адресата речи. Например, «проблема, на которой я хотел бы остановиться...», «приведу для пояснения пример...». Кроме того, самой отличительной особенностью текстовых скреп в устной научной речи является их семантическая значимость, возможность выступать в качестве смысловых текстовых ориентиров, они организуют устное сообщение как единое целое. В связи с этим предлагаемая на занятиях схема построения устного высказывания позволяет аспирантам выработать умение пользоваться структурно-смысловыми скрепами как ориентирами для порождения своего текста в научной сфере.

Таким образом, указанная схема и предлагаемая в «Практикуме по культуре научной речи» системная организация терминологической лексики, выявленной в читаемых оригинальных текстах, и представленной в «лексическом гнезде», имеют принципиальное значение при обучении устной научной монологической речи. Текстовые связи, выявленные в переводимых текстах, дисциплинируют языковое и речевое мышление

аспирантов, обеспечивают самоконтроль полноты личностного понимания. Программа «Практикума» и предложенная модель обучения терминологической лексике и устной монологической профессиональной речи помогают развивать у иностранных аспирантов языковую систему, знания семантических правил, позволяющих совершать синонимические замены, производить правильный выбор необходимых языковых единиц в процессе профессионального общения и написании кандидатской диссертации.

ЛИТЕРАТУРА

- Лурия А.Р., *Основные проблемы нейролингвистики*, Москва 1975.
- Мойса Е.С., *Развитие устной научной монологической речи аспирантов технических вузов при подготовке к сдаче кандидатского экзамена по английскому языку*, „Преподаватель XXI век”, 2018, № 4, с. 134–143.
- Новиков А.И., Тарасов Е.Ф., *Текст как свернутая ситуация общения*, Материалы V Всесоюзного симпозиума по психологии и теории коммуникации, Москва 1975, с. 79, [online] www.gramota.net/annotacia.html, [10.06.2020].

MODERN SPEECH SCIENCE DISCIPLINE FOR THE TEACHING OF FOREIGN POST-GRADUATES-PHILOLOGISTS TO THE RUSSIAN LANGUAGE

Summary

The article is devoted to the modern speech science discipline “Practical training session for the culture of science speech”, aimed to optimal using of the Russian language, science speech as the meaning of professional communication. The system organization of terminological vocabulary in the texts which represented as lexical nest has a principal significance in the teaching of oral scientific monological speech. This model of teaching help to develop the language system, knowledge of semantic rules in the process of professional communication and the writing of the thesis.

Keywords: the culture of science speech, system term links, semantic rules, lexical nest, composition meaning of link

Галина ОРЛОВА

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ У КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ-ХУДОЖНИКОВ

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковой ландшафт, семиотический полиглотизм, живопись, визуальная картина мира, стереотипы

Глобальные экономические и политические изменения в мире в конце XX – начале XXI века вносят существенные изменения в статус межкультурной коммуникации, которая постепенно становится фактором повседневной жизни современного человека, дополняя его мир новыми красками и новой информацией.

В преподавании иностранных языков, в частности, русского языка как иностранного происходит перенос фокуса внимания на межкультурное образование, который требует определенных изменений в парадигме методики РКИ и ориентации интереса в обучении «не столько на язык, сколько на культуру, стоящую за ним»¹.

Известно, что понятие «межкультурная коммуникация» было введено в научный оборот Г. Трейгером и Э. Холлом в работе «Культура и коммуникация. Модель анализа» (1954)², где под межкультурной коммуникацией понимается цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру, что подразумевает обмен информацией и культурными ценностями взаимодействующих культур. В ходе обмена информацией могут быть востребованы знания материальной и духовной культуры народов, религий, ценностей, нравственных установок, мировоззренческих представлений, определяющих и коррелирующих модель поведения партнеров по коммуникации.

¹ О.Д. Митрофанова, *Лингводидактические постулаты и методическая реальность* [в:] *Традиции и новации*, Москва 2010, с. 105.

² Г. Трейгер, Э. Холл, *Культура и коммуникация. Модель анализа*, Санкт-Петербург 2002, 461 с.

Эффективный диалог культур, по мнению А.П. Садохина, предполагает формирование «комплекса знаний и умений, позволяющих индивиду в процессе межкультурной коммуникации адекватно оценивать коммуникативную ситуацию, эффективно использовать вербальные и невербальные средства, воплощать в практику коммуникативные намерения и проверять результаты коммуникации с помощью обратной связи»³.

Для полноценного осуществления модели межкультурной коммуникации «учиться обучая», помимо включения фактов культуры изучаемого языка в систему знаний обучающегося, необходимо учитывать соответствие программы обучения прагматическим интересам студентов (необходимость для общения в разных сферах жизни, в том числе и профессиональной деятельности), а также интеллектуальным и эмоциональным потребностям в рамках соответствующего уровня владения языком.

Каждый год в РФ на учебу приезжает около 15 – 20 тысяч китайских студентов. Основная часть студентов остается учиться на Дальнем Востоке. Многие выбирают Москву и Санкт-Петербург основным местом своей студенческой жизни. Большой интерес для студентов из Поднебесной представляют творческие учебные заведения: музыкальные, балетные, художественные. Это связано с тем, что Китай – одна из древнейших цивилизаций мира. Здесь был создан пергамент, краски, компас, составлены календари, карта звезд. Изобразительное искусство было наиболее популярным и утонченным. Оно было тесно связано с философией и каллиграфией, и каждая картина должна была иметь определенный сюжет и содержать написанный каллиграфическим почерком короткий стих-изречение, который раскрывал смысл всего произведения. В середине X века в Китае появилась первая Императорская Академия живописи, в ней обучали теории и технике написания картин.

Китай всегда был достаточно закрытой территорией для проникновения чужой культуры, но в представлениях европейцев китайская цивилизация – это всегда древняя и глубокая культура философии, искусства и науки. Но в XX веке художественное образование страны активно перестраивается вслед за общемировыми глобализационными процессами. Следуя по пути, начертанному Конфуцием, уверждавшим, что «людей, необходимо покорять с помощью образованности и морали»⁴, руководство КНР выстраивает свою политику взаимодействия с другими странами, в частности с Россией. В 2009 году в Москве был открыт Китайский Культурный Центр, презентующий достижения Китая в сфере культуры. Через

³ А.П. Садохин, *Теория и практика межкультурной коммуникации*, Москва 2004, с. 263.

⁴ *Лунь Юй*, пер. с китайского Л.С. Перломова, Москва 2001, с. 112.

год в Пекине начал свою работу Российский культурный центр, основными задачами которого являются продвижение русской культуры в Китае, содействие изучению русского языка. Здесь проводится большое количество различных мероприятий, выступления деятелей культуры, различные семинары, лекции, выставки.

В 2012 г. был подписан межправительственный меморандум об основных задачах и направлениях сотрудничества РФ и КНР в гуманитарной сфере: образование, искусство, кинематограф, СМИ, наука, здравоохранение, который стал основой для развития разнообразных образовательных программ и проектов. Подобные преобразования связывают с деятельностью Председателя КНР Си Цзиньпина. Руководством КНР была предложена идея «великой мечты китайской нации», в которой культура является основой нации, а философия конфуцианства способствует гармонизации мировых и китайских устремлений. При этом, в условиях активной модернизации общества главный акцент делается на уважительное отношение к культурному наследию страны и традициям далекого прошлого.

Отправной точкой развития творческих связей между Россией и Китаем послужила эмиграция многих русских художников в начале 20-х годов XX века. В то время многие представители творческой интеллигенции, оказались в Харбине и других районах страны. По мнению российского историка архитектуры, доктора архитектуры, профессора, члена-корреспондента Российской академии архитектуры и строительных наук Н.П. Крадина, «они получили в Китае не только творческую, но и педагогическую практику, многие из художников открывали студии, мастерские, в которых обучали искусству всех желающих. Действительно, в обществе русской эмиграции-художники имели многолетнюю педагогическую практику. Н.А. Вьюнов, М.А. Кичигина, А.Н. Клементьев, В.С. Подгурский, А.Е. Степанов и другие художники. Именно они и стали в Харбине руководителями собственных студий и мастерских»⁵.

Учениками русских художников стали известные в будущем китайские художники Хан Цзяшен, Гао Ман, Сун Юньтай, Сюй Цзечен, Чжан Циньжо, Ли Сюши и многие другие. Творческая жизнь «русского Китая» стирала государственные границы, так как живописцев Китая и России объединяло стремление к прекрасному: «Русская живопись расцвела на китайской почве именно потому, что это искусство установило культурный мост между народами двух стран»⁶.

⁵ Н.П. Кардин, *Русские художники в Китае* [в:] *История и культура в Приамурье*, Хабаровск 2013, с. 45.

⁶ С. Чень, *Китайские мастера как продолжатели школы живописи российской эмиграции XX века* [в:] *Современные проблемы науки и образования*, Пенза 2015, с.112.

Развитие русско-китайских отношений в сфере живописи продолжает-ся во второй половине XX века, и в обучении молодых художников тради-ционно выделяют два направления русской реалистической школы, по-служившие началом становления реализма в современной китайской жи-вописи: система рисунка П.П. Чистякова (1832 - 1919) и методические раз-работки в системе художественного образования К. М. Максимова (1913 - 1994), способствовавшие развитию и признанию современных китайских художников, как Цзинь Шани, Чжань Цзань Цзинь, Хоу Иминь, Гао Хун, Хэ Кундэ и др.

К.М. Максимов в 1942 году окончил Художественный институт имени Сурикова. С 1945 года он был профессором живописи Московского госу-дарственного педагогического института имени В.И.Ленина и вел ак-тивную преподавательскую работу в Пекине с 1954 по 1957 год. П.П. Чистяков работал в Петербурге, был профессором (1892) и действи-тельным членом (1893) Императорской Академии художеств, его называли «педагогом русских художников». Его система обучения дала России Вру-беля, Серова, Коровина, Головина и многих других талантливых художни-ков. История культурных связей России и Китая насчитывает не одно де-сятилетие, поэтому среди китайских студентов очень популярны такие творческие учебные заведения как Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при Российской академии художеств, Санкт-Петербургская госу-дарственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штигли-ца (СПГХУПА им. А.Л.Штиглица), факультет изобразительного искусства РГПУ им. А.И.Герцена.

С другой стороны, Санкт-Петербург привлекает молодых художников не только сильной живописной школой, но и своей исторической предрас-положенностью к межкультурному диалогу. Ю.М. Лотман отмечал:

«Семиотический полиглотизм» – главная отличительная особенность Санкт-Петербурга, город обрстал историей, приобретал сложную топокультурную структуру, поддерживаемую многословностью и многонациональностью его населения. (...) По количеству текстов, кодов, связей, ассоциаций, по объему культурной памяти, накопленной за исторически ничтожный срок своего существования, Петербург по праву может считаться уникальным явле-нием в мировой цивилизации. Одновременно, подобно уникальной петербургской архитек-туре, петербургская культура – одно из национальных завоеваний духовной жизни России»⁷.

Художники видят мир по-другому, поэтому межкультурная коммуникация для них начинается со знакомства с визуальной картиной мира. Занятия в классах живописи делают эту картину более объемной и детальной. Знаком-

⁷ М.Ю. Лотман, *История и типология русской культуры* [в:] *Символика Петербурга и проблемы семиотики города*, Санкт-Петербург 2002, с. 239.

ство, восприятие (слуховое) и осознание значения новых слов впервые тоже происходит в классах живописи: названия красок: *охра золотистая, охра жжженная, охра петербургская, сиена натуральная, берлинская лазурь, белла цинковые* и др., инструментарий: *кисть, колонок, белка, карандаш, настель, акварель, масло, темпера, мастихин, мольберт, этюдник, холст* и др. Отработка навыков использования новых слов происходит в связке: слово – предложение – связная речь (*Нет, охра сюда не идет. Возьми белла.*)

Преодоление языкового барьера в межкультурной коммуникации обеспечивают занятия РКИ. На начальных уровнях изучения языка и формирования первичной поликультурной языковой личности большое значение уделяется мотивации студентов для изучения языка, для стремления к успешному конечному результату и, конечно, к получению удовольствия от занятий при одновременном формировании не только языковых, но и межкультурных знаний. В связи с этим учебный материал включает безэквивалентную (*баня, самовар, чудо, борщ, квас, кефир, сметана, крест, икона, церковь, собор*) и фоновую (*куранты, хоровод, снеговик, снежок, салют*) лексику, а также пословицы и поговорки (*мал художник, да дорог; сколько художника ни корми – все равно рисовать хочет; картину маслом не испортишь; художник художника видит издалека; у художника глаза велики; хороша кисточка к палитре*). Для развития речи и произношения успешно привлекаются скороговорки (*шесть мышат в шалаше шушат; цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла; чешуя у щучки, щетинка у чушки; черепаха, не скучая, час сидит за чашкой чая* и др.).

Основной перцептивный тип восприятия художников – визуальный, поэтому семантизация лексики сопровождается визуализацией, иногда дегустацией (*квас, печенье, конфеты, чай*), а также любое объяснение или презентацию новой информации необходимо дополнять рисунками, схемами, чертежами, таблицами для закрепления ассоциативных связей. Уже с первых занятий обучающиеся внимательно следят за движением рук преподавателя при обучении фонетике, запоминают те движения, которые относятся к ударению, ритму, темпу речи, повышению или понижению интонации. Жесты, мимика, визуальный контакт представляют особый интерес для художников. Они «ловят» все невербальные проявления коммуникации, используя их в своих живописных работах, тем самым осваивая их, вписывая в свою картину мира.

Очень эффективна работа с карточками (аспект говорение): *Опишите, что видите на картине, опишите рисунок, какое впечатление от картины, какого цвета предметы* и т.д. Большой популярностью пользуются настольные игры из серии МЕМО «Картины русских художников», а также игры из серии «Кто я?» (отработка лексико-грамматических навыков).

Необходимость отбора текстов, тем, ситуаций для работы в аудитории диктуется не только желанием успешного развития в профессиональной деятельности, подготовкой к сдаче вступительного экзамена, но и развитием личных контактов в условиях межкультурного общения.

По мере овладения русским языком обучающиеся накапливают и расширяют свой запас фоновых знаний, позволяющий им преодолевать коммуникативные неудачи. Теперь сюда входит больше лексики, связанной с бытом, образом жизни горожан и содержанием культуры. Традиционно это *формы речевого этикета, русские имена, фамилии и отчества, элементы устройства дома, названия домашних животных, кухонных и домашних принадлежностей*. «Традиции русской и китайской кухни» – одна из самых любимых тем у студентов, ведь искусство приготовления еды в Китае считается подобным философии и эстетике, сравнивается с врачеванием.

На более продвинутом уровне изучения языка расширение запаса фоновых знаний происходит за счет введения культурно-маркированных слов в различных межкультурных ситуациях: *названия праздников, русские традиции, народные промыслы, произведения искусства, топонимика города*. Конечно, для художников, в первую очередь, представляют интерес прецедентные имена (*Репин, Суриков, Айвазовский, Левитан, Серов*), названия картин, жанров живописи, памятников архитектуры и скульптуры. Общежитие, в котором живут студенты, находится на Английской набережной, недалеко от острова Новая Голландия, от площади Труда с прекрасным Николаевским дворцом, рядом с Конногвардейским бульваром и Адмиралтейскими верфями. Таким образом, языковой ландшафт пополняется именами известных архитекторов *Н.Е. Ефимова, Р.И. Кузьмина, А.И. Штакеншнейдера*. В изучении декора доходного дома купца И.О. Утина, особняка князя Кочубея, конных статуй у Манежа, Колонны Славы будущие скульпторы и архитекторы черпают для себя вдохновение и новые идеи для своих работ. Для преодоления языкового и культурного барьера такие прогулки и экскурсии имеют важное значение. Подобные факты интенсивной трансляции культуры служат своего рода элементами культурной дипломатии, приближающими китайских студентов к русской картине мира. При этом их собственная система ценностей, моделей поведения также претерпевает изменения, приходя к диалогу культур, в результате которого, по словам В.С. Библера, «рождается новый социум культуры»⁸.

Несомненно, китайским студентам как представителям страны высококонтекстуальной культуры очень сложно преодолевать свой этноцентризм, коренящиеся в сознании стереотипы и предубеждения в эмоцио-

⁸ В.С. Библер, *Культура. Диалог культур: опыт определения*, „Вопросы философии” 1989/6, с. 31–42.

нально открытом русском обществе. Но великий китайский мыслитель и философ Конфуций говорил: «Чем бы вы ни занимались, делайте это всем своим сердцем». Поэтому упорная и кропотливая работа в классах живописи и на занятиях РКИ, формирование иных ценностных ориентиров, воспитание новых навыков общения в окружении шедевров северной столицы облегчают выход за рамки своей культурной системности и делают межкультурную коммуникацию фактом повседневной жизни иностранных студентов.

ЛИТЕРАТУРА

- Библер В.С., *Культура. Диалог культур: опыт определения*, „Вопросы философии”, 1989, № 6, с. 31–42.
- Кардин Н.П., *Русские художники в Китае* [в:] *История и культура в Приамурье*, Хабаровск 2013.
- Лотман М.Ю., *История и типология русской культуры* [в:] *Символика Петербурга и проблемы семиотики города*, Санкт-Петербург 2002.
- Лунь Юй, пер. с китайского Л.С.Перломова, Москва 2001.
- Митрофанова О.Д., *Лингводидактические постулаты и методическая реальность* [в:] *Традиции и новации*, Москва 2010.
- Садохин А.П., *Теория и практика межкультурной коммуникации*, Москва 2004.
- Трейгер Г., Холл Э., *Культура и коммуникация. Модель анализа*, Санкт-Петербург 2002.
- Чень С., *Китайские мастера как продолжатели школы живописи российской эмиграции XX века* [в:] *Современные проблемы науки и образования*, Пенза 2015.

SPECIFICS OF THE FORMATION OF INTERCULTURAL COMMUNICATION SKILLS OF CHINESE STUDENTS-ARTISTS

Summary

In teaching foreign languages, the focus is on the cultural and spiritual values of interacting cultures. Study programs should be consistent with the pragmatic interests of students, their intellectual and emotional needs within the framework of the appropriate level of language proficiency. The starting point for the development of creative ties between Russia and China was the emigration of many Russian artists in the early 1920s. Many famous Chinese artists became their students. St. Petersburg attracts young artists with a strong school of painting and a propensity for intercultural dialogue. The main perceptual type of perception of artists is visual, therefore the semantisation of vocabulary is accompanied by visualization - pictures, diagrams, drawings, tables to consolidate associative links. At the advanced stage of language learning, the expansion of the stock of background knowledge occurs due to the introduction of culturally-labeled words in various intercultural situations – the names of holidays, traditions, folk crafts, works of art, precedent names - and acquaintance with the linguistic landscape of the city.

Keywords: cross-cultural communication, language landscape, semiotic polyglotism, painting, visual picture of the world, stereotypes

Галина ПРИСОВСКАЯ

Одесский национальный политехнический университет, Украина
ORCID: 0000-0001-9488-3825

Елена ИВАНОВА

Одесский национальный политехнический университет, Украина
ORCID: 0000-0001-7616-8502

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ GOOGLE-СЕРВИСОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ключевые слова: Google Classroom, дистанционное образование, электронные ресурсы, информационная среда, онлайн обучение, открытые интерфейсы

Для эффективного обучения иностранных граждан начального этапа в условиях дистанционного обучения, а также в рамках научной темы кафедры лингводидактики «Электронные дидактические средства как базовая компонента информационной образовательной среды для языковой подготовки иностранных граждан» Одесский национальный политехнический университет заключил договор с компанией Google на предоставление расширенных возможностей по программе G Suite for Education для создания новых современных дидактических материалов с использованием электронных ресурсов, сервисов и инструментов Google. В Одесском национальном политехническом университете создана своя локальная сеть, в которой каждый студент и преподаватель имеет свой корпоративный электронный адрес, что упрощает регистрацию учебных групп в Google Classroom и взаимодействие преподавателя и студента.

Службы Google с открытыми API-интерфейсами и в форме сервисов REST предоставили множество возможностей для повышения продуктивности онлайн обучения. Основными преимуществами сервисов и инструментов Google является взаимосвязь всех сервисов Google между собой, наличие централизованного хранилища данных и продуманный интерфейс.

Стратегиями интеграции Google сервисов в Одесском политехническом университете являются: 1. создание среды совместного обучения для

дистанционного обучения иностранных студентов на основе проектов, интенсивно использующих сервисы Google; 2. налаживание качественной двусторонней коммуникации со студентами через платформы Google Hangouts, Google Meet, Google почту и так далее.

В Google Classroom создаются учебные классы, которые позволяют преподавателю оперативно оценивать задания, предоставлять студентам обратную связь, публиковать объявления и распространять учебные материалы (файлы различных типов: текст, изображение, фото, аудио, видео, презентации и так далее). В дистанционном обучении широко применяются вспомогательные офисные программы, интегрированные в Google Classroom, от компании Google: текстовый редактор, электронные таблицы, программа для создания презентаций, Google формы для проведения опросов. На главной странице выбирается «роль»: преподаватели создают курсы, а студенты к ним присоединяются. Из обязательных полей – только название курса, остальные опции помогут систематизировать процесс обучения, например, можно завести несколько разделов, курсов. Преподаватель русского языка как иностранного может организовать работу с несколькими курсами, давать задания, в том числе индивидуальные, проверять и ставить оценки. Данный сервис даёт возможность проектной работы в дистанционном обучении. В Google Classroom есть возможность планировать учебные задачи и цели, устанавливать сроки выполнения заданий, систематизировать учебные материалы, которые автоматически сохраняются на Google Диске. Каждый созданный курс получает код доступа, по которому студенты подключаются к своей «виртуальной аудитории». Также возможно использование мобильного приложения Google Класс для Android и iOS. Вкладка «Лента» на главной панели, сконструирована по аналогии, с Facebook, где студент может видеть все обновления и оповещения для данного курса. На вкладке «Задания» размещены все материалы, например, «Урок №...», «Контрольная работа №...», «В помощь студенту» и т. д. В разделе «Пользователи» размещена информация о студентах и преподавателях. В отличие от корпоративных аккаунтов (например, преподаватели ОНПУ), в которых нет ограничений, владельцы личных аккаунтов Google имеют следующие ограничения: до 30 курсов в день, присоединение максимум к 100 курсам (30 в день) и открытие доступа максимум 200 участникам курса (включая преподавателей и студентов).

Среда Google содержит множество дополнительных инструментов для индивидуальной и совместной учебной деятельности студента и преподавателя:

- безопасные образовательные поисковые системы Google;
- создание, совместная редакция и обсуждение личных и коллективных документов, таблиц, презентаций с помощью вспомогательных офис-

ных программ с возможностью добавления комментариев и удобной классификацией записей на Google Диске;

- создание индивидуальных и коллективных сайтов с возможностью добавления учебных материалов, документов, календаря, кратких сообщений, Google переводчика и т.п.
- создание персонального календаря учебной группы с планированием деятельности и описанием событий;
- создание собственных учебных видео с использованием медиаресурсов YouTube и размещение в сети собственных видео фрагментов.

При выборе инструментов необходимо учитывать два фактора: цель и задачи обучения, а также знание основных возможностей сервисов Google. Важно анализировать возможности интернет-сервисов Google для организации образовательного процесса: создания наглядных дидактических материалов, электронных учебных курсов, сайтов-портфолио, хранилища цифровых образовательных ресурсов, создания контрольных тестов, системы анкетирования и т. д.

Google Документы позволяют создавать, редактировать, комментировать текстовые документы в реальном времени, предоставлять совместный доступ как преподавателям, так и студентам, возможность использовать широкий спектр графических элементов, дополнений и так далее.

Google Таблицы позволяют анализировать и визуализировать данные, полученные в процессе обучения.

Google Формы. Позволяют быстро создавать онлайн опросы и собирать данные. Преимущества применения тестов: экономия времени на контроль; возможность соблюдения одинаковых условий для всех тестируемых; автоматизированность процедуры и обработки результатов; возможность тестировать сразу большое количество студентов; возможность статистического анализа результатов.

Google Презентации. Это приложение для создания презентаций с возможностью онлайн редактирования.

Google Рисунки. Позволяет создавать диаграммы, схемы и другие типы изображений для визуального предоставления учебной информации.

Также Google сервисы включают следующие инструменты:

1. Почта Gmail с удобным интерфейсом, управлением контактами и задачами.
2. Календарь Google. Позволяет планировать учебный процесс и делать напоминания.
3. Google Сайты. Создание и публикация личных и корпоративных веб-страниц для обучения.

Создание Google Classroom на кафедре лингводидактики ОНПУ решает следующие задачи:

1. Повышение мотивации к обучению у иностранных студентов;
2. Индивидуализация и дифференциация процесса обучения посредством организации дистанционного обучения для иностранных студентов;
3. Расширение образовательной среды;
4. Повышение информационной культуры студентов;
5. Совершенствование коммуникационных навыков и умений.

Актуальностью веб-ресурса является:

1. Оперативность и масштабность подачи информации широкому кругу пользователей.
2. Обратная онлайн связь с пользователями. Результаты выполненных заданий обучающиеся сохраняют в виде видео-, аудио-, фото- и текстовых файлов, загружают на сервер для проверки, получают оценки. Если в заданиях допущены ошибки, то они комментируются в устной или письменной форме.

Неоспоримыми преимуществами использования сервисов Google при обучении иностранных студентов являются:

- бесплатность;
- минималистичный дизайн;
- нет рекламы;
- невозможность использования размещенных материалов в коммерческих целях;
- сохранность документов;
- актуальность программного обеспечения;
- возможность установки большого количества дополнений (проверка грамматики по нескольким словарям, встроенный переводчик, удобный перевод из документов в тесты и т. д.);
- доступ из любого места, где есть интернет;
- возможность одновременной работы нескольких пользователей;
- гибкая настройка прав доступа;
- нет необходимости в дополнительном программном обеспечении, нужен только браузер;
- нет прямой зависимости от личного компьютера.

Использование Google ресурсов в процессе обучения русскому языку как иностранному позволило выделить основные преимущества:

- создание условий для аутентичного иноязычного общения на базе средств ИКТ;
- обеспечение параллельного развития всех видов речевой деятельности в процессе информационного взаимодействия с другими пользователями;

- создание условий для интенсификации обучения;
- использование специально подобранных электронных образовательных и информационных ресурсов в соответствии с программой обучения;
- наличие специального модуля с накопительной системой оценивания и активизацией самообучения студента;
- осуществление межпредметной координации в рамках проектной группы, включающей преподавателей-лингвистов и преподавателей с кафедры естествознания.

Выделены следующие инвариантные умения обучаемых, которые формируются на базе Google сервисов:

- навигация в иноязычном пространстве порталов и сайтов;
- использование электронного справочно-информационного обеспечения из разных источников;
- чтение текстов различных жанров, различной степени сложности с использованием информационных ресурсов сети;
- анализ текстов с помощью текстовых редакторов и современного инструментального программного обеспечения и др.

Использование Google Classroom даёт возможность каждому преподавателю:

1. Поурочного, тематического, поэтапного, календарного планирования и применения Google сервисов для обучения различным видам речевой деятельности;
2. Внедрения инструментально-программных средств для составления лексических и грамматических минимумов, текстовых баз и др.;
3. Создания блоков контроля, содержащих диагностические тесты (динамика иноязычных знаний, умений, навыков и способности к усвоению русского языка как иностранного), обучающие тесты (контроль усвоенных знаний), тренировочные тесты (контроль при выполнении упражнений) и итоговые тесты (дополнение к экзамену).

Данная платформа имеет модуль с наглядной системой оценивания, содержит собранную студентом в специальные папки, защищенные паролем, учебную информацию, информацию об исходном уровне, о динамике получения знаний, умений, навыков и др.

Даёт возможность создания упражнений для проекции языкового материала (тренировка средств осуществления речевой деятельности) на активизацию языковых умений (тренировка способов комбинированного использования основных навыков для осуществления речевой деятельности) и комплексного тренинга (тренировка как средств, так и способов осуществления речевой деятельности).

Платформа может служить поддержкой межкультурной иноязычной коммуникации, которая включает страноведческий аспект (обязательные темы «Город, в котором я учусь», «Украина», «Одесса-жемчужина у моря»), лингвистический и экстралингвистический материал.

Также поддерживает автоматизированную информационно-поисковую и исследовательскую деятельность студента – использование справочно-информационного блока лингвистической и экстралингвистической поддержки иноязычной коммуникации, который содержит электронные словари, грамматические справочники, включающие программу формирования собственных баз данных.

Выделены преимущества организации занятий в Google Classroom:

- реализация дидактических возможностей ИКТ;
- интенсификация учебного процесса;
- расширение возможностей традиционного обучения;
- развитие познавательной активности и самостоятельности;
- деятельностный характер развития умений в ходе овладения знаниями;
- комплексная активизация приёмов чтения; параллельное развитие видов речевой деятельности;
- повышение значимости самоконтроля и взаимоконтроля;
- использование совокупности методов в ходе решения одной лингводидактической задачи;
- переход от объяснительно-иллюстративных к информационно-поисковым методам.

В современном мире имеет место тенденция слияния образовательных и информационных технологий и формирование на этой основе принципиально новых интегрированных технологий обучения, основанных, в частности, на сервисах Google. Обучение при этом становится интерактивным, возрастает значение самостоятельной работы студентов, серьезно усиливается интенсивность учебного процесса и т. д. Эти преимущества обусловили активизацию работы коллективов многих образовательных учреждений, а также учебного процесса кафедры лингводидактики Одесского национального политехнического университета.

Следует отметить, что быстрое внедрение новых информационных технологий в учебный процесс приводит к трансформации учебных практик. Однако необходимо учитывать прошлый опыт и соответственно новые технологии следует внедрять с учетом их положительных и отрицательных сторон. В образовательном процессе императивом технологических инноваций должно быть стремление улучшить качество преподавания с помощью новых технологий, а не стремление применить новую технологию.

ЛИТЕРАТУРА

- Белоусов Д.Н., *Практика применения образовательных смарт-технологий в обучении русскому языку как иностранному*, „Cross Cultural Studies: Education and Science”, 2020, №2, с. 122–128. doi: 10.24411/2470-1262-2020-10084.
- Евдокимова М.Г., Сапожникова О. С., *Программа Google Classroom как инструмент формирования автономности студента в процессе личностно-деятельностного обучения иностранным языкам*, „Вестник Московского государственного лингвистического университета”, 2018, №2 (796), с. 183–191.
- Ефремова С.Г., Свищёва И.В., *Анализ эффективности и применение интернет-ресурсов для осуществления дистанционного обучения для студентов вузов*, „Colloquium-journal”, 2020, №10(62), с. 29–31. doi: 10.24411/2520-6990-2020-11636.
- Кудинова Е.С., *Информационно-коммуникационные технологии в обучении иностранному языку студентов переводческого факультета*, „Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки”, №1 (830), с. 142–154.
- Фалько К.И., *Роль облачных сервисов в реализации смешанного онлайн и очного обучения в многопрофильном вузе*, „Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики”, №1, с. 146–156.
- Чумак Л.А., *Возможности сервиса Google Classroom для организации учебного процесса*, „Вісник Придніпровської державної академії будівництва та архітектури”, 2018, №6 (247-248), с. 65–70.
- Bordbar F., *English teachers' attitudes toward computer-assisted language learning*, „International Journal of Language Studies”, 2010, №4 (3), pp. 27–54.
- Hillary Scholl, *My Google Classroom Training Guide*, Estalontech, 2019.
- Keith R. Heggart, Joanne Yoo, *Getting the Most from Google Classroom: A Pedagogical Framework for Tertiary Educators Framework for Tertiary Ed*, „Australian Journal of Teacher Education”, 2018, №43 (3), pp. 140–153.
- Kyle Brumbaugh, *Creating a Google Apps Classroom: The Educator's Cookbook*, Shell Education, 2017, P. 130.
- Michael Zhang, *Teaching with Google Classroom*, Packt Publishing Ltd, 2016, P. 256.
- Shampa Iftakha, *Google Classroom: what works and how?*, „Journal of Education and Social Sciences”, 2016, №3, pp. 12–18.
- Samarawickrema, G., Stacey, E., *Web-based learning and teaching: A case study in higher education*, „Distance Education”, 2007, №28 (3), pp. 313–333.

**USING GOOGLE SERVICES TO TEACH RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE TO PRIMARY SCHOOL STUDENTS**

Summary

There is a growing trend towards using Google services offered by companies on the Internet with open APIs in the educational environment. Within the framework of the scientific theme of the Department of linguodidactics, „Electronic didactic tools as a basic component of the infor-

mation educational environment for language training of foreign citizens”, new modern didactic materials are being created using electronic resources for practical training of foreign citizens at the initial stage. This work aims to investigate how open services are used by teachers of the Odesa National Polytechnic University with the support of online educational systems. The article discusses the functionality of Google services for evaluating and monitoring students' knowledge, distance learning, interactive approach, and online teacher work. The article also analyzes the possibilities of using Google infrastructure to create a personal training site for a Russian teacher as a foreign language when working individually with a student or group.

Keywords: Google Classroom, distance education, electronic resources, information environment, online learning, open interfaces

Ольга ХРАСТИНОВА

Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, Slovakia
ORCID: 0000-0002-8318-2414

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: межъязыковая омонимия, лексическая интерференция, русский язык как иностранный, сужение/расширение значения, энантиосемия

1. Введение

Проблема лексической интерференции особенно остро стоит при изучении иностранного языка, являющегося родственным родному языку обучающихся. Наличие общего языка-предка способствует возникновению лексики, представленной в русском и словацком языках, что, на первый взгляд упрощает изучение языка. Однако лексические изменения, происходящие в процессе развития языка, делают изучение некоторых лексических единиц проблематичным. Положительная интерференция легко переходит в отрицательную. Поэтому работа с интерференцией на занятиях по русскому языку требует особого внимания.

В методической литературе существует большое количество приёмов и методов по работе с лексикой. Однако для успешного освоения лексических единиц в изучаемом родственном языке стандартных приёмов проработки лексики недостаточно. Наличие сложных лексико-семантических отношений в русском и словацком языках (энантиосемия, разное соотношение видовых и родовых понятий, различие в грамматических признаках и др.) вызывает необходимость обращения к диахроническим фактам. Как отмечает Е.М. Маркова: «В результате эволюции праславянского лексического фонда в разных славянских языках оказались по-разному «рассыпанными» общие для них корневые и аффиксальные морфемы, что привело к их лексико-словообразовательной асимметрии»¹. Поэтому обращение

¹ Е.М. Маркова, *Лексиконы современных славянских языков: сходства и различия*, „Филология и культура”, 2015/4, с. 99.

к определённым процессам в развитии языка необходимо для более осознанного восприятия слов.

Не менее остро стоит вопрос номинации лексических единиц, участвующих в интерференции. Существуют различные подходы к тому, какой термин следует использовать – межъязыковые омонимы, межъязыковые паронимы, ложные друзья переводчика, ложные когнаты и т.д. Т. Григорянова подробно рассматривает данную проблему и говорит о том, что единое мнение на этот счёт отсутствует². В связи с чем, во избежание терминологической несогласованности в данной работе используется термин проксимат, который определяется как «факт иностранного языка (слово, словосочетание, морфема или др.), который имеет внешнее сходство с каким-либо фактом родного языка, но отличается от него семантическими, грамматическими, стилистическими или другими свойствами поэтому способен вызвать ошибку при его использовании в речи на данном иностранном языке»³.

Грамотный подход к проработке проксиматов в процессе изучения может помочь избежать ошибок в их использовании. Похожая лексика воспринимается учащимися знакомой, идентичной по значению словацкому слову, в то время как историческое развитие лексической единицы приводит к неожиданным результатам в значении. Поэтому целью данной работы является поиск оптимального способа работы с лексикой повышенного риска – словами, знакомыми словацким учащимся в плане выражения, но частично или полностью отличающимися в плане содержания. Ключевым моментом в данном вопросе является понимание диахронических процессов, приведших к образованию к определённой семантики. Необходимо сформировать у учащихся представление об основных лексических изменениях, что поможет воспринимать лексическую единицу как живое, развивающееся явление, которое на данном этапе имеет данную семантику. Данный подход способствует более критическому восприятию проксиматов, что, в свою очередь, влияет на эффективное освоение лексики.

2. Методы

Поиски оптимального способа проработки лексики были проведены в несколько этапов:

² Т. Григорянова, *К вопросу о межъязыковых омонимах в славянских языках (на материале словацкого, чешского, и русского языков)*, „Филологический класс”, 2015/4, с. 23–25.

³ Е.А. Правда, *Межъязыковые проксиматы в параллелях сербского и русского, словацкого и русского языков: отношения между проксиматами*, „Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация”, 2010/1, с. 171–175.

1. Определение актуального положения данного вопроса. С этой целью были проанализированы учебные пособия по русскому языку, предназначенные для носителей словацкого и чешского языков, изданные в Чехии и Словакии, а именно „*Твой шанс*”⁴, „*Времена*”⁵, „*Класс*”⁶. Основным критерием анализа был поставлен вопрос, представлена ли родственность языков в процессе освоения лексики, в случае положительного ответа, каким способом. Для этого лексические единицы были разделены на группы.

2. Далее, выбранные лексические единицы были проанализированы с точки зрения этимология – сравнением значения слов на разных этапах. Для этого были использованы следующие словари: *Словарь русского языка XI-XVII вв.*⁷, *Словарь русского языка XVIII века*⁸, *Толковый словарь русского языка*⁹, *Этимологический словарь русского языка*¹⁰. В поле зрения исследования находятся слова, относящиеся к праславянскому лексическому фонду, представленные в славянских языках, так как именно они представляют повышенный риск с точки зрения интерференции.

3. На завершающем этапе была сформирована последовательность методических шагов, которые помогут более полно раскрыть вопрос взаимодействия проксиматов и до определённой степени решить проблему негативной интерференции.

3. Работа с проксиматами на уроке русского языка

Изучение русского языка по представленным учебным пособиям начинается со знакомства со славянскими языками, например, в учебнике «*Твой шанс*»¹¹ имеется наглядная информация с изображением дерева. Данная информация безусловно необходима, однако, на наш взгляд, недостаточна. Родственность языков должна быть представлена не как независимый факт, а как предпосылка к более лёгкому и продуктивному освоению. И здесь следуют дать представление об общеславянском лексическом фонде, который

⁴ L. Valova, V. Golovatina, M. Rykovská, *Твой шанс. A1 učebnice s integrovaným pracovním sešitem ruština pro střední jazykové školy*, Plzeň 2018.

⁵ J. Chamrajeva, E. Ivanova, R. Broniarz, *Времена 1 – učebnice kurz ruského jazyka pro začátečníky*, Warszawa 2004.

⁶ N. Orlova, M. Vágnerová, M. Kožušková, *Класс! Ruština pre stredné školy učebnica a pracovný zošit*, Praha 2011.

⁷ *Словарь русского языка XI-XVII вв.*, С.Г. Бархударов (ред.), Москва 1975–2015.

⁸ *Словарь русского языка XVIII века*, Ю.С. Сорокин (ред.), Ленинград 1984–1991.

⁹ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва 1992.

¹⁰ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, Москва 1996.

¹¹ L. Valova, V. Golovatina, M. Rykovská, *Твой шанс ...* op. cit.

в той или иной мере представлен в славянских языках. Ф. Копечни пишет о том, что примерно две тысячи слов древнеславянского происхождения представлены в славянских языках на современном этапе¹². Поэтому на начальном этапе можно сообщить учащимся, что в определённой степени они уже знакомы с отдельными словами.

Далее работа с проксиматами проходит по следующим этапам: знакомство с внешним обликом слова и обсуждение → семантизация слова → введение лингвистического комментария → тренировка и закрепление слова. Рассмотрим данные этапы подробнее.

1. Знакомство с внешним обликом слова и обсуждение. Учащиеся знакомятся со словом, но ещё не знают его значение. При этом внешний вид слова может натолкнуть их на различного рода умозаключения, и роль преподавателя на данном этапе – стимулировать их мыслительную деятельность и направить её в нужное русло. Преподаватель может задать следующие вопросы:

- На какое словацкое слово похоже данное слово?
- Чем похожи или чем отличаются пары слов?
- Как думаете, что оно значит? Почему?

Таким образом, мы подводим к тому к следующему этапу – семантизации, который покажет насколько близки рассуждения учащихся к реальности.

2. Семантизация. Раскрытие значения может проводиться разными способами (перевод, наглядный способ, объяснение значения и др.) по усмотрению преподавателя. В случае, если догадки, приведённые на первом этапе, правильные, учащиеся получают позитивный опыт, что всегда благоприятно влияет на обучение. В случае отрицательного ответа, данная ситуация спровоцирует повышенный интерес к единице, так как с логической точки зрения их версия значения выглядит более подходящей. Это вызывает потребность более проанализировать природу слова более глубоко, поэтому следует обратиться к диахроническим процессам в развитии слова.

3. Введение лингвистического комментария. Этот этап представляет собой ответ на вопрос, возникший на предыдущем этапе: каким образом произошло так, что знакомое слово получило отличное (в большей или меньшей степени) от словацкого значение? Здесь следует объяснить определённые процессы, повлиявшие на семантику. Данные объяснения должны быть представлены в тесной связи с конкретным словом, чтобы комментарий не перерастал в отвлечённое лингвистическое отступление. Вводить лингвистические комментарии лучше с первых случаев затруднённого понимания слова, для того чтобы сформировать понимание взаимосвязей слов в русском и словацком

¹² F. Kopečný, *Základní všeslovanská slovní zásoba*, Praha 1981.

языках, которое понадобится учащимся на протяжении всего курса. При этом нет необходимости, подробно разбирать один и тот же процесс несколько раз, достаточно дать полное объяснение в первый раз, а во все последующие разы, ссылаться на первое объяснение.

4. Тренировка и закрепление слова также проводится на усмотрение преподавателя. Для данного подхода типы упражнений и формы контроля не имеют значения.

Углублённое знакомство с теоретическими лингвистическими понятиями может вызвать психологическое отторжение, особенно у учащихся без специальной лингвистической подготовки, для которых важно владение языком, а не получение теоретических знаний. Поэтому в данной ситуации большое значение имеет подача материала. Мы предлагаем обратиться к риторике В.А. Плунгяна, использованной в работе *«Почему языки такие разные»*. В данной работе родственность языков описывается очень популярным способом: «Здесь языки ... ведут себя совсем как люди. У людей похожих друг на друга бывают прежде всего близкие родственники. Так же и языки. Похожие языки могут быть родственниками...»¹³. Объяснения в таком формате не представляют особой сложности для понимания в разных по возрасту и уровню группах, а также помогут избежать избыточную загруженность учебного процесса лингвистическими терминами.

4. Диахронические аспекты в процессе освоения лексики

К ключевым лексическим изменениям, влияющим на процесс обучения русскому языку в словацкой аудитории можно отнести следующие: сужение и расширения значения, семантический сдвиг и образование энантиосемии.

Одной из наиболее частых трудностей в изучении лексики вызывает процесс семантических сдвигов. Слова частично или полностью совпадающие в плане выражения в русском и словацком языках, могут значительно отличаться в плане содержания. Таких примеров достаточно много, возьмём для демонстрации слово «матка». В словацком языке слова «matka» и «tata» являются синонимами, поэтому учащиеся могут ошибочно перенести эту параллель в русский язык и использовать слово «матка» вместо «мама». И здесь важно дать представление о диахронических изменениях слова, которое легко проследить на материале разных эпох. *Словарь русского языка XI-XVII вв.* даёт следующие значения слова «матка» – 1. Мать. 2. Самка животного. 3. Пчелиная матка и др.¹⁴. Как мы видим, на данном отрезке

¹³ В.А. Плунгян, *Почему языки такие разные*, Москва 2010, с. 9.

¹⁴ *Словарь русского языка XI-XVII вв.*, С.Г. Бархударов (ред.), Москва 1975–2015.

времени, план содержания в русском и словацком языках совпадает. Далее, если мы обратимся к *Словарю русского языка XVIII века*, то найдём следующие значения – 1. Мать, но с пометкой прост. 2. Самка животных и птиц. 3. Внутренний половой орган у женщин и живородящих животных¹⁵. Таким образом, на данном этапе в значении «мать» присутствует стилистическая дифференциация, что уже означает не полное совпадение. На современном этапе значение «мать» слова матка имеет пометку обл., основными значениями являются: 1. Внутренний орган женщины. 2. Самка-производительница у животных и др.¹⁶. На данных примерах учащиеся могут наглядно проследить изменения семантики, что обеспечит более глубокое понимание лексико-семантических отношений и, как следствие, поможет избежать ошибок, возможных при недостаточной проработки интерференции.

Кроме того, ошибочное понимание и использование межъязыковых омонимов может быть связано с чтением литературы прошлых столетий. В произведениях авторов XVIII, XIX и даже XX веков (Достоевский, Шишков и др.) можно встретить такие слова, как «матка», «зрак» и др, именно в том значении, в котором они используются в современном словацком языке. При самостоятельном чтении может сложиться впечатление, что слова идентичны по значению. Именно поэтому историко-лингвистический комментарий о семантических сдвигах является крайне важным, учащиеся должны иметь представление, что на определённом этапе слово имело конкретное значение, однако на современном этапе значение может быть другим.

Ещё одним существенным явлением, влияющим на освоение русской лексики носителями словацкого языка, являются процессы сужения и расширения семантики слова. В результате данных процессов в русском и словацком языках образуются пары проксиматов, которые характеризуются разными видо-родовыми отношениями, что также является отрицательной интерференцией и способствует ошибочному употреблению слов. Пример расширения значения может быть продемонстрирован учащимся с помощью слова «палец». Этимология слова указывает на то, что первоначальное значение – «большой палец»¹⁷, данная семема представлена в других славянских языках. В текстах XI – XVII веков встречаются оба значения «большой палец» и «палец»¹⁸. Однако с XVIII века словарь не фиксирует значение «большой палец», только «палец» – 1. Одна из отделенных друг от друга подвижных конечностей кисти или стопы (у животных – лапы). Пальцы

¹⁵ *Словарь русского языка XVIII века*, Ю.С. Сорокин (ред.), Ленинград 1984–1991.

¹⁶ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва 1992.

¹⁷ М. Фасмер, *Этимологический ...* op. cit.

¹⁸ *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, С.Г. Бархударов (ред.), Москва 1975–2015.

руки, ноги. Большой п. Указательный, безымянный, средний п. (на руке)¹⁹. Таким образом, на примере данного слова можно проследить расширение лексического значения, когда видовое понятие «конкретный большой палец» переросло в родовое «палец – часть тела». При сужении лексического значения наблюдается обратный процесс – родовое понятие сужается и становится видовым. Слово «мотыль, мотылёк»²⁰ в русском языке видоизменилось со значения «бабочка» как названия рода насекомого до «мотылёк» – 1. м. Небольшая ночная чешуекрылая бабочка, то есть определённый вид бабочек²¹.

В образовательном процессе учащиеся не раз столкнутся с подобными парами слова, например, в русском языке *змея* – родовое понятие, в словацком (*zmija*) – видовое, в словацком *zачаť* (зачат') – родовое «начать», в русском – видовое «дать начало жизни кому-н., зародить»²². Неправильное употребление лексических единиц может вызвать коммуникационные трудности – от комичности высказывания до взаимного непонимания. Поэтому важно дать учащимся представление о неравномерности распределения лексического значения в межязыковых омонимах.

Особую проблематичность может вызвать межязыковая энантиосемия. Таких слов с русским и словацком языках не так много, однако недостаток внимания к данному явлению может привести к серьёзным коммуникационным проблемам. Русские омонимы со значением противоположным значению словацких слов, как правило, не оставляют учащихся равнодушными, вызывает вопросы и повышенный интерес. На наш взгляд, подобный интерес не следует оставлять без внимания и ограничиваться исключительно синхроническим описанием системы языка, но и объяснить диахроническое развитие, приведшее к образованию энантиосемии. В данном контексте учащимся следует ознакомиться с такой особенностью праславянских лексем, как обобщённый характер значения. По замечанию Е.М. Марковой: «Обобщённый, синкретичный характер семантики древнего корня, отражавшего обобщённые представления древнего человека о мире, нередко служил фактором развития «противосмыслов»²³. В качестве иллюстрации данного положения можно привести слово «чёрствый», в русском языке обозначающее «несвежий» (чёрствый хлеб), в словацком – «свежий» – «в праславянском

¹⁹ *Словарь русского языка XVIII века*, Ю.С. Сорокин (ред.), Ленинград 1984–1991.

²⁰ М. Фасмер, *Этимологический...* op. cit.

²¹ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка. Толково-образовательный*, Москва 2000.

²² Д. Коллар, В. Доротьякова, М. Филкусова и др., *Словацко-русский словарь*, Москва – Братислава 1976; С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый ...* op. cit.

²³ Е.М. Маркова, *О причинах и проявлениях энантиосемии в русском языке в межславянском аспекте*, „Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского”, 2010/4, с. 631.

языке слово чёрствый, восходящее в и.-е. корню *kert- «бить, ударять», означало «твёрдый, жёсткий, крепкий... Оно послужило основой для противоположных сем: с одной стороны, «крепкий» → «твёрдый» → «чёрствый»..., с другой – «крепкий» → «здоровый, бодрый» → «свежий»²⁴. Таким образом, образование противоположных значений является закономерным процессом в развитии языка.

Ещё одним немаловажным следствием лексико-семантических изменений в контексте изучения языка является появления стилистической окраски межъязыковых омонимов. План выражения и план содержания могут совпадать в русском и словацком языках, однако лексические единицы могут принадлежать к разным стилистическим группам. Например, слово «смердеть» нейтрально в словацком языке со значением «неприятно пахнуть», в то время как в русском языке слово относится к высокому книжному стилю, нейтральное значение выражает слово «вонять». Подобная ситуация происходит со многими словацкими словами, обозначающие части лица человека: чело, око, уста и т. д. В русском языке данные слова носят подчеркнуто книжный характер.

5. Заключение

Сложные лексико-семантические связи в русском и словацком языках способствуют развитию интерференции, которая может сыграть важную роль в результативности обучения. Грамотный подход к данной проблеме может во многом облегчить задачу преподавателя. Знакомство учащихся с диахроническими аспектами в ситуации родственности языков является крайне важным, так как оно закладывает основу для критического восприятия лексики, необходимого при наличии большого числа проксиматов в изучаемом языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорянова Т., *К вопросу о межъязыковых омонимах в славянских языках (на материале словацкого, чешского, и русского языков)*, „Филологический класс”, 2015, № 4, с. 23–25.
- Ефремова Т.Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-образовательный*, Москва 2000.
- Коллар Д., Доротьякова В., Филкусова М. и др., *Словацко-русский словарь*, Москва–Братислава 1976.
- Маркова Е.М., *Лексиконы современных славянских языков: сходства и различия*, „Филология и культура”, 2015, № 4, с. 98–104.

²⁴ Op. cit.

- Маркова Е.М., *О причинах и проявлениях энантиосемии в русском языке в межславянском аспекте*, „Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского”, 2010, № 4, с. 631–635.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*, Москва 1992.
- Плунгян В.А., *Почему языки такие разные*, Москва 2010.
- Правда Е.А., *Межъязыковые проксиматы в параллелях сербского и русского, словацкого и русского языков: отношения между проксиматами*, „Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация”, 2010, № 1, с. 171–175.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.*, С.Г. Бархударов (ред.), Москва 1975–2015.
- Словарь русского языка XVIII века*, Ю.С. Сорокин (ред.), Ленинград 1984–1991.
- Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, Москва 1996.
- Eliáš Š., *Pôsobenie transferu pri osvojovaní ruskej lexiky*, Bratislava 1974.
- Chamrajewa J., Ivanova E., Broniarz R., *Времена 1 – učebnice kurz ruského jazyka pro začátečníky*, Warszawa 2004.
- Kopečný F., *Základní všeslovanská slovní zásoba*, Praha 1981.
- Lacková M., *Interlinválné homonymá v súčasných slovanských jazykoch*, Žilina 2015.
- Orlova N., Vágnerová M., Kožušková M., *Класс!1 Ruština pre stredné školy učebnica a pracovný zôšit*, Praha 2011.
- Valova L., Golovatina V., Rykovská M., *Твои шанс А1 učebnice s integrovaným pracovným sešitem ruština pro střední jazykové školy*, Plzeň 2018.

LEXICAL INTERFERENCE IN THE PROCESS OF LEARNING RUSSIAN LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF THE SLOVAK LANGUAGE)

Summary

The paper deals with the problem of interference in the context of teaching Russian to speakers of the Slovak language. A large layer of words in Russian and Slovak languages, dating back to the Proto-Slavic etymon, necessitate a more accurate study. Therefore, the teacher is faced with methodological tasks to neutralize and/or optimize the results of the native language's influence. The inclusion of linguistic comments, which involves familiarity with the key processes in the semantic development of a word (narrowing and expanding the meaning, enantiosemy, and so forth.), can help to solve these problems. The vocabulary study with this approach is carried out in several stages (acquaintance with the external appearance of a word and discussion, semantisation of the word, introducing a linguistic comment, training, and consolidation of the word. Using these techniques will make the process more conscious and provide a more critical perception of interlingual homonyms.

Keywords: interlingual homonymy, lexical interference, Russian as a foreign language, narrowing/expanding meaning, enantiosemy

Ирина ШЕРСТОБИТОВА

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, Россия

КОНЦЕПТ КАК ИМПЕРАТИВ (ФИЛОСОФИЯ) ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Ключевые слова: концепт, глобальные компетенции, ФГОС, PISA

Российские школьники участвуют во многих международных исследованиях по оценке образовательных достижений учащихся, том числе в исследованиях PISA. Исследование PISA-2021 – это проверка сформированности глобальной компетенции, креативного мышления¹.

Принципы глобального образования предполагают осознание неоднородности восприятия мира, осознание состояния планеты, кросс-культурную грамотность, знание глобальной динамики и осознанный выбор человека². От учащихся требуется продемонстрировать компетенции в определенном контексте: глобальные/личные проблемы как современные, так и исторические, которые требуют понимания вопросов науки и технологий³.

Глобальные компетенции формируются на основе интеграции предметного содержания (знания) и ценностей, интериоризованных личностью, и основаны на результатах обучения (математическая, естественнонаучная, читательская грамотности и др.). Следовательно, глобальные компетенции – это новый компонент функциональной грамотности, основанный на так называемых «мягких», или универсальных, навыках (soft

¹ *Framework for the Assessment of Creative Thinking in PISA-2021*, Paris: OECD Publishing, (in press).

² И.Ю. Алексашина (авт.-сост.), *Глобальное образование: проблемы и решения. Дайджест*, Санкт-Петербург 2002, с. 223–226.

³ Г.С. Ковалева, *Возможные направления совершенствования общего образования для обеспечения инновационного развития страны (по результатам международных исследований качества общего образования): материалы к заседанию Президиума РАО 27 июня 2018 г., „Отечественная и зарубежная педагогика” 2018/5 (55), т. 2, с. 150–169.*

skills) решения планетарных проблем – эмоциональном интеллекте, личностных качествах и др.⁴.

Создание модели урока формирования и оценивания глобальных компетенций связано с реализацией требований ФГОС ООО к предметным, метапредметным и личностным образовательным результатам⁵. Инструментарий проверки и оценивания сформированности глобальной компетенции такого урока должен учитывать как требования международного мониторинга, так и особенности российского общества и российского образования⁶.

Приведём пример авторского урока «Метод Леонардо да Винчи», нацеленного на формирование глобальных компетенций. В сценарии урока сделана попытка выявления взаимосвязи знаниевой составляющей глобальных компетенций и федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования, выявление содержания глобальных компетенций, рамки их оценивания на основе требований государственного стандарта.

Урок-концепт представляет собой движение от одного текста к другому в рамках гипертекста, от формирования одной компетентности к другой к моделированию глобальных компетенций⁷. Технология концептного анализа включает четыре этапа⁸. Штудия – это технологический цикл поэтапного освоения концептов учебного текста на основе творчески переосмысленной применительно к формированию глобальной компетенции когнитивно-антропологической технологии Н.Л. Мишатиной⁹.

Первый, ассоциативно-образный, этап работы (**штудия № 1 «Мир ассоциаций»**) позволяет поставить проблему в контексте реального мира (глобальная компетентность, креативное мышление). Предлагаем учащимся ответить на вопрос: «Можно ли, решая учебные задачи, стать активным

⁴ Т.В. Коваль, С.Е. Дюкова, *Глобальные компетенции – новый компонент функциональной грамотности*, „Отечественная и зарубежная педагогика” 2019/4 (61), т. 1, с. 112–123.

⁵ *Федеральный государственный образовательный стандарт основного (полного) общего образования* (утвержден приказом Минобрнауки России от 17 декабря 2010 г. № 1897).

⁶ И.Д. Фрумин, М.С. Добрякова, К.А. Баранников и др. *Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования*, Москва 2018, с. 28

⁷ И.А. Шерстобитова, *Концепт как текст новой природы в интегрированном курсе «Естествознание-10»: учебно-методическое пособие*, Москва 2020.

⁸ И.А. Шерстобитова, *Концепты как средство раскрытия интеграционного содержания*, LAP Lambert Academic Publishing, 2017.

⁹ Н.Л. Мишатиная (науч. ред.), *Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития*, Санкт-Петербург 2017.

участником событий в мире?» Учитель предлагает решить такие задачи и объясняет, что необходимо для этого сделать: «Сегодня мы решим такие задачи. Для этого Вам придётся изучить определённый объем информации, представленной в разных форматах: текст, таблица, картина. Исходя из стоящей перед Вами задачи, информацию нужно будет обработать: истолковать, отобрать важную, оценить достоверность».

На втором, словарном, этапе (**штудия № 2 «В начале было Слово...»**) словарно-стереотипное воплощение концепта перекодируется в способность решать проблемы с помощью знания предмета (предметная компетентность).

Учитель обращается вместе с обучающимися к гипертексту (конспекту урока для обучающихся), к его первому несплошному тексту: «Перед Вами опыт, проведенный с помощью компьютера. Картина Леонардо да Винчи «Мона Лиза (Джоконда)» создавалась в то время, когда Леонардо был до такой степени поглощен анатомией, что разделить его художественные и научные интересы практически невозможно» (Шерстобитова, 2019). Учитель просит сопоставить анатомические особенности лица Джоконды и Леонардо, предварительно объясняя, что изучает наука анатомия. (Анатомия (от греч. *ἀνα-* «вновь; сверху» + *τέμνω* «режу, рублю, рассекаю») – раздел биологии и конкретно морфологии, изучающий строение тела, организмов и их частей на уровне выше тканевого.)¹⁰. Обучающиеся отвечают на вопрос учителя с использованием материала первого текста: «Леонардо считал, что «фигуры часто похожи на своих мастеров». Похоже, что картина «Мона Лиза» – это автопортрет художника, поскольку структура лица модели очень напоминает черты самого Леонардо. Не потому ли в улыбке Джоконды чувствуется вся мудрость знания истинной природы вещей, накопленная Леонардо да Винчи?»

На третьем этапе концептного анализа – диалогическом (**штудия № 3 «Слово в диалоге культур»**) учитель с обучающимися обращается к следующему тексту с целью развития предметной компетентности: «Прочитайте отрывок из рассказа Р. Брэдли «Улыбка». Давайте проведем лингвистический эксперимент. Переделайте придаточное предложение с союзным словом «который» в предложение с причастным оборотом: «*А на его ладони лежала Улыбка. Он смотрел на неё в белом свете, который падал с полуночного неба. И тихо повторял про себя, снова и снова: «Улыбка, чудесная улыбка...» (Р. Брэдли «Улыбка»)*¹¹. Что изменится?» (Обучающиеся не просто говорят о красоте предложения с причастным оборотом,

¹⁰ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва 1992, с. 23.

¹¹ Р. Брэдли, *Улыбка*, Москва 1975.

а рассуждают, используя знания из области лингвистики, о функционально-стилевой окраске предложения с причастным оборотом.)

Следующее задание – мотивирующее, заставляющее задуматься о роли искусства в жизни: «Эпоха, в которую творил Леонардо, называлась эпохой Ренессанса (Возрождения). Учитель ставит серию вопросов: «Можно ли сказать, что Том изменился (возродился) после соприкосновения с величайшим творением? Оказывало ли искусство воздействие на Вас? А почему так происходит? Выдвинем гипотезу: может, дело в методе художника?» Далее учитель предлагает прочитать текст и промаркировать его (знаю (+) /хочу узнать больше (*)) и ответим, в чем сила Леонардо как художника: «Леонардо изобрел принцип рассеяния (или сфумато – исчезающая). Леонардо да Винчи был способен наносить слои толщиной всего в пару микрометров (тысячная миллиметра). Согласно нейробиологам, если смотреть на глаза «Джоконды», то кажется, что по ним скользит улыбка, но стоит присмотреться к губам – она исчезает». Это задание позволяет развивать способность решать проблемы, возникающие в окружающей действительности, средствами предмета, помогает понять роль предметных и метапредметных знаний в мире. Таким образом создаются условия для формирования читательской грамотности, так как появляется мотивирующий фактор чтения – в мире чужих фантазий рождаются ответы на смысложизненные вопросы. Это и «победа» учителя: дети, любящие читать, гармонично формируют свою индивидуальность и не стремятся убежать от уникальности.

Учитель вместе с обучающимися обращается к следующему (сплошному) тексту Р. Брэдбери «И грянул гром»: «Из-за такой малости! Из-за бабочки! – закричал Экельс. – ...Мертвая бабочка – и такие последствия? Невозможно!»¹². Формулируем проблему экологии языка (грамотности) в онтексте реального мира (бережного отношения к природе, влиянии человека на нее): «А как связаны смерть бабочки и русский язык? Почему бабочка меняет всё будущее и даже орфографию и пунктуацию в будущем 2055 году?» Учитель просит восстановить экологию языка, исправить орфографические и пунктуационные ошибки в объявлении будущего. И это уже не просто исправление ошибок, а изменение в лучшую сторону будущего, игра с сознанием жителя Планеты. Таким образом формируются предметные компетенции как основа глобальных, позволяющие обучающемуся действовать, решая проблемы общества будущего.

Следующие текст, к которому обращаются учитель и обучающиеся, – несплошной: это цитата из учебника «об эффекте бабочки» и иллюстрация, изображающая бабочку, крылья которой поддерживают земной шар;

¹² Р. Брэдбери, *И грянул гром*, Москва 1975.

в облике бабочки олицетворена природная гармония-симметрия. Текст «Эффект бабочки» (объяснение термина Э. Лоренца) и его задания алгоритмизируют процесс формирования компетентностей функционально грамотной личности: проблема в контексте реального мира (1) – предметная (метапредметная) проблема (2) – предметные (метапредметные) результаты (3) – результаты в контексте реального мира (4). Работа с текстом – это ряд вопросов: «Может ли незначительное, казалось бы, событие, привести к серьезным последствиям? (1) Может ли ситуация, описанная Р. Брэдбери, служить литературной иллюстрацией такого явления, как эффект бабочки? (2) Почему и писатель, и учёный выбрали бабочку для показа причинно-следственных связей негативного влияния человека? Выдвинете несколько гипотез?» (3). Работа с иллюстрацией. Почему на бабочке держится земной шар? (4)

Функциональная грамотность – это способность индивидуума формулировать, применять и интерпретировать знания в разных контекстах. Учитель даёт задание обучающимся произвести выборочное транскрибирование звука «Ф» в словосочетании «эффект бабочки» и рассмотреть роль звука в контексте словосочетания: «Как произносится звук? Долго (произвести эффект – звучание коррелирует с лексическим значением слова)».

Следующий текст, с которым учитель предлагает поработать, представляет собой фрагмент научной статьи: «В последние годы русское слово *успешный* стало употребляться вместе со словом *человек*. Это калька с английского «*successful*», успех как одна из главных ценностей. Раньше говорили: *состоявшийся человек*, значит реализовывающий свой внутренний потенциал. Был ещё *преуспевающий человек*. Это слово было связано с финансовым успехом и с нечистыми средствами его достижения. Согласны ли Вы с тем, что русский язык меняется? Может, бабочка виновата? (статья И. Левонтиной). Учитель предлагает шестиклассникам ознакомиться с полным текстом статьи, пройдя по ссылке: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200401501>. В рамках задания педагог в виде вопросов учит детей формулировать проблемы на языке предмета (метапредмета) и включать их в контекст реальной жизни: «Согласны ли Вы с тем, что русский язык меняется? Может, бабочка виновата? А каким человеком можно назвать Леонардо да Винчи: успешным или состоявшимся?»

На следующем этапе урока учитель стимулирует обучающихся к различным способам выполнения проблемного задания. Игра в «Верю/ Не верю» в технологии развития критического мышления¹³ является подготовкой к ОГЭ (задание № 5 – Орфографический анализ слова), но нацеле-

¹³ И.В. Муштавинская, *Технология развития критического мышления на уроке и в системе подготовки учителя*, Санкт-Петербург 2009.

но не только на овладение необходимым минимумом содержания образования, но и на овладение системой учебных действий с изучаемым учебным материалом: способностью к решению учебно-познавательных и учебно-практических задач. А задание на исправление грамматической ошибки не только повторяет задание 8 ЕГЭ – ошибка в видовременной соотнесенности глагольных форм, но и формирует смысловую составляющую экзаменационного задания. Ответы игры актуализируются для учащихся с помощью QR-кода. Конструируют QR-коды обучающиеся самостоятельно. Таким образом нацелено на формирование функциональной грамотности в решении задач ГИА.

Последний «текст» предлагает интерпретировать полученные предметные (метапредметные) результаты. Учитель предлагает ученикам своеобразное погружение в будущее знание, пролонгирование компетенций: «Важно ли быть грамотным? Предлагаю позаимствовать Машину времени из рассказа Р. Брэдбери и оказаться в 10 классе. Изучение литературы там мы начинаем с романа «Обломов». Прочитайте отрывок из романа: «...Он (Обломов) по необходимости сидел в классе прямо, слушал, что говорили учителя, потому что другого ничего делать было нельзя, и с трудом, с потом, со вздохами выучивал задаваемые ему уроки. Все это вообще считал он за наказание, ниспосланное небом за наши грехи...»¹⁴. Ответьте на вопросы героя сами или попробуйте ответить так, как сделал бы это Леонардо да Винчи: «Зачем учебные книги? Когда же, наконец, пускать в оборот этот капитал знаний, из которых большая часть ни на что не понадобится в жизни?»¹⁵.

На четвертом этапе формирования ценностей и смыслов знания (**штудия № 4 „Ценности и смыслы”**) формулируются результаты решения поставленной проблемы на основе холистического подхода. На этапе рефлексии учитель задает ряд вопросов, нацеленных на реализацию учебной стратегии PISA по самооценке: «Что мы сегодня делали на уроке? (Мы учились читать тексты, маркировать их, анализировать тексты, картинки, получать знания из разных областей: экологии, биологии, литературы, русского языка и т.п. Мыслить творчески, не по шаблону. Быть грамотными читателями. И в то же время мы повторили какую тему? (Причастие.)) То есть освоили «Метод Леонардо»: не только связали тексты в один большой текст нашего урока, но и, решая учебные (предметные) задачи, стали активным участником событий в мире».

Последнее задание позволяет мобилизовать знания, умения, отношения (критическое мышление) и ценности, проявлять рефлексивный/холи-

¹⁴ И.А. Гончаров, *Обломов*, Москва 2012.

¹⁵ Там же.

стический подход к процессу обучения - ключевые компетенции (DESECO, OECD 1999). Учитель рассказывает детям о комбинаторике (Комбинаторика – подсчёт различных комбинаций, которые можно составить из некоторого множества дискретных объектов. Самыми распространёнными видами комбинаций являются перестановки объектов.) и просит смоделировать тексты в гипертексте по-новому, в зависимости от приоритетов предметной области – биологии, литературы, русского языка, обществознания. Таким образом результаты обучения (компетенции) базируются на знании – фундаменте глобальных компетенций.

Домашнее задание – это проект по читательской грамотности «Метод Шерлока» (по произведениям Шерлока Холмса). Учащимся необходимо самим разработать задания для создания урока «Метод Шерлока: индукция и дедукция. Деепричастие». Это задание формирует глобальные компетенции: широту знаний, взглядов, аналитическое и критическое мышление, креативность. Таким образом домашнее задание нацелено на применение глобальных компетенций.

Глобальные компетенции с позиций и в системе российского образования можно рассматривать как специфический обособленный ценностно-смысловой и интегративный компонент функциональной грамотности, имеющий собственное предметное содержание, ценностную основу и нацеленный на формирование универсальных навыков (soft skills). Создание методических разработок уроков-концептов, представляющих собой концептную модель/рамку глобальных компетенций предполагает сочетание креативности и традиционности, оригинальности и репродуктивности, парадоксальности и ортодоксальности и является способом решения проблем современного образования.

ЛИТЕРАТУРА

- Framework for the Assessment of Creative Thinking in PISA-2021*, Paris: OECD Publishing, (in press).
- Алексашина И.Ю. (авт.-сост.), *Глобальное образование: проблемы и решения. Дайджест*, Санкт-Петербург 2002.
- Ковалева Г.С., *Возможные направления совершенствования общего образования для обеспечения инновационного развития страны (по результатам международных исследований качества общего образования): материалы к заседанию Президиума РАО 27 июня 2018 г.*, „Отечественная и зарубежная педагогика”, 2018, т. 2, № 5 (55), с. 150–169.
- Коваль Т.В., Дюкова С.Е., *Глобальные компетенции – новый компонент функциональной грамотности*, „Отечественная и зарубежная педагогика”, 2019, т. 1, № 4 (61), с. 112–123.
- Мишатица Н.Л. (науч. ред.), *Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития*, Санкт-Петербург 2017.

- Муштавинская И.В., *Технология развития критического мышления на уроке и в системе подготовки учителя*, Санкт-Петербург 2009.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*, Москва 1992.
- Федеральный государственный образовательный стандарт основного (полного) общего образования* (утвержден приказом Минобрнауки России от 17 декабря 2010 г. № 1897).
- Фрумин И.Д., Добрякова М.С., Баранников К.А. и др., *Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования*, Москва 2018.
- Шерстобитова И.А., *Концепт как текст новой природы в интегрированном курсе «Естествознание-10»: учебно-методическое пособие*, Москва 2020.
- Шерстобитова И.А., *Концепты как средство раскрытия интеграционного содержания*, LAP Lambert Academic Publishing, 2017.
- Брэдбери Р., *И грянул гром*, Москва 1975.
- Брэдбери Р., *Улыбка*, Москва 1975.
- Гончаров И.А., *Обломов*, Москва 2012.

CONCEPT AS AN IMPERATIVE (PHILOSOPHY) FOR THE FORMATION OF GLOBAL COMPETENCIES

Summary

The article offers techniques and practices for managing the quality of education. Presents the author's model of the lesson concept on formation and assessment of global competencies with the requirements of the Federal State Educational Standard for subject, meta-subject and personal educational outcomes and requirements of international monitoring PISA.

Keywords: concept, global competence, FSES, PISA